

серия

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ»

выпуск XXI

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Социологический факультет

Интеллигенция: многообразиие образов и стилей жизни

МОСКВА 2020

ББК 60.54 Я 43
УДК 316.344.32
(061.3)
ISBN

Издание подготовлено при поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований
№ 20-011-22007/20

Редколлегия: Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова,
И.В. Воробьева, Е.А. Колосова, А.В. Кученкова, Г.В. Тартыгашева,
М.С. Цапко. И.О. Шевченко. Рецензенты: В.Ф. Левичева,
доктор философских наук, профессор; Н.Е. Покровский,
доктор социологических наук, профессор. Верстка и препресс:
А.П. Пушина, Е.А. Колосова

Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни /
РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований.
Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редакторы-составители: М.С. Цапко,
Е.В. Зверев; М.: РГГУ, 2020. 378 с.

Специфика образа жизни интеллигенции и многообразие ее стилей рассматриваются авторами через призму как теоретического осмысления проблемы, так и через их практическое преломление. Проблемы профессионального и социального характера, проявляющиеся в жизнедеятельности современной интеллигенции, сложное сочетание традиций и новаторства ее стилей жизни, высокие образчики жизни и деятельности представителей интеллигенции прошлого — вот основной круг тем рассуждений участников XXI международной социологической теоретико-методологической конференции.

Для исследователей специфики образа жизни отдельных социальных групп и жизненного мира интеллигенции, преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов, для всех интересующихся особенностями российской интеллигенции.

На обложке:

Казимир Малевич
Спортсмены
1931
Холст, масло
Государственный Русский музей

© Авторы, 2020
© Российский
государственный
гуманитарный
университет, 2020
© А. Пушина, М. Галкина
Оформление обложки, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

К Читателю!

8

РАЗДЕЛ I. Образ и стиль жизни интеллигенции: опыт теоретического осмысления

ТОЩЕНКО Ж.Т. Современная российская интеллигенция: от гомогенности к сословности	13
ДАНИЛОВ А.Н. Идти в ногу со стремительно меняющимся временем...	20
НАГОРНЫЙ Б.Г. Факторы, влияющие на изменения структуры современной интеллигенции	31
ЧЕРНЫШ М.Ф. Интеллигенция и средний класс	39
АНДРЕЕНКОВА А.В. Интеллигенция в сравнительных межстрановых исследованиях — теоретические и методологические аспекты изучения	46
ВОЗЬМИТЕЛЬ А.А. Способы адаптации (стили жизни) интеллигенции в рыночной стихии	54
ЯКОВЕНКО А.В. Интеллигенция в обыденности военно-политического кризиса (немного из личных наблюдений)	63
ОСИНСКИЙ И.И. Региональные особенности образа жизни интеллигенции республик Сибири (на примере Республики Бурятия)	72
ВОРОБЬЕВА И.В. Ценности и смыслы жизни современной гуманитарной интеллигенции	83
ОРЛОВ С.Б. Мифологема «интеллигенция» в исторической ретроспективе	92
АНИСИМОВ Р.И. Будущее интеллигенции в социальной структуре общества Постмодерна	100
МАЦЕВИЧ М.Я., ВАЛЕТЁНОК В.В. «Проблема скуки» в умах русской и европейской интеллигенции	106
ШЕВЧЕНКО И.О. Социальное самочувствие российской интеллигенции	116

РАЗДЕЛ II. Профессиональные и социальные проблемы в жизнедеятельности современной интеллигенции

РОМАНОВИЧ Н.А. Интеллигенция как вечный критик власти	124
ШЕВЧЕНКО Н.Н., ГОГУАДЗЕ М.Г. Западные интеллектуалы и российская постинтеллигенция: проблема общественно-политического участия	132
КОГАЙ Е.А. Региональное экспертное сообщество и стратегическое планирование	140
ГАЙДАЙ М.К., КУЗЬМИНА Г.А. Интеллигенция и население: оценки деятельности полиции	146
МАКАРЕНКО Е.И. Субъектность технической интеллигенции в вопросах идентификации	151
МИЛОВАНОВА М.Ю. СОНКО как сфера активности и самореализации современной интеллигенции	157
СОБОЛЕВА Е.В. Добровольческая деятельность как форма социальной активности пожилых российских интеллигентов (на материалах Саратовской и Самарской областей)	167
ГРИГОРЬЕВА С.А. Социальная активность граждан старшего поколения и волонтерская деятельность	174
ФАДЕЕВА Е.В. Медицинское образование в России: проблемы восполнения кадров в государственном секторе здравоохранения	181
БЕЛОВА Н.И. Российский врач: социально-экономический статус и престиж профессии в оценках населения и медиков	185
КОЛОСОВА Е.А. Педагоги дошкольного и общего образования на рынке труда: особенности образа жизни	190
БОЙКО С.И. Интеллектуалы силовых структур в политическом режиме России	195
ДЕНИСОВ С.А. Функции служилой интеллигенции в современном российском обществе	203
ЯКОВЛЕВА М.Н. Общее и особенное в образе жизни московской интеллигенции и населения	214

РАЗДЕЛ III. Традиции и новаторство в образе и стиле жизни современной интеллигенции

ЗБОРОВСКИЙ Г. Е. Образовательная неуспешность учащейся молодежи как социальная проблема	228
ЛЕНЬКОВ Р.В., БОГДАНОВ В.С. К вопросу изучения интеллигенции как латентной группы в контексте управляемости социокультурной модернизации регионов	237
ТЕМНОВА Н.К., МАСЮК Н.Н., ПТИЦЫНА Н.А, МАРКОВА Е.К. Обеспечение профессиональной адаптации в вузовской подготовке молодого поколения интеллигенции	242

ИСТОМИНА О. Б. К вопросу о трудоустройстве молодых специалистов на региональном рынке труда	250
ХОХЛОВ А.А. Духовно-конфессиональные паттерны в структуре социальной (национальной) идентичности региональной интеллигенции	257
ИМЕННОВА Л.С. Мировоззренческая позиция молодежи в оценке Великой Отечественной войны	265
ГАЗИЕВА И.А. Ценности и ценностные ориентации в реализации проектной деятельности как формы социальной активности студенческой молодежи	275
ИЛЬИН А.Н. Интеграция потребительского конформизма в систему ценностей интеллигенции	284
БУРАШНИКОВА А.А. Особенности трансформации подходов к становлению интеллигенции будущего (на примере студенческой молодежи)	293
УШАКОВА В.Г. Вузовская интеллигенция перед вызовами цифрового (информационного) общества	301
АМГАЛАНОВА М.В. Реализация национально-культурных идей бурятской интеллигенции: история и современность	310
ТАРТЫГАШЕВА Г.В. Прекарные тенденции в сфере культуры	318
ЛОНШАКОВА Н.А. Влияние семей интеллигенции на формирование стиля и образа жизни студенческой молодежи	327
ПРОХОДА В.А. Высшее образование как фактор формирования толерантности в повседневной жизни россиян	332
 РАЗДЕЛ IV. Лица и лики российской интеллигенции	
БУЛАНОВА М.Б. Стиль и образ жизни Альфонса Леоновича Шанявского	342
МИХАЙЛОВ А.А. Социальная значимость инженерной деятельности в трудах П.К. Энгельмейера	350
СИДОРОВА А.С. Социально-исторические условия становления научных взглядов В.Н. Тенишева	355
ДВОЙНЕВ В.В. Исследование творчества Э.В. Ильенкова учеными Смоленского государственного университета (взгляды философа на отношения человека и природы)	362
ЦВЕТКОВА Г.А. Жизненный мир отечественной интеллигенции (о судьбе ученого Л.А. Велихова)	369
 Наши авторы	 374

К ЧИТАТЕЛЮ!

Настоящий XXI сборник по научному направлению «Интеллигенция и общество» посвящен такой важной проблеме как образ и стиль жизни интеллигенции. Выбор этой темы обусловлен тем, что на предшествующих конференциях мы наряду с теоретическим объяснением феномена интеллигенции в современном мире анализировали отдельные стороны общественной и повседневной жизни: интеллигенция и труд, интеллигенция и политика, интеллигенция и культура, интеллигенция и массовые коммуникации и т. д. В данном случае целью конференции является более широкий и обобщенный подход, одновременно охватывающий различные аспекты жизни, что позволяет сделать более широкие выводы о том, что определяет облик современной интеллигенции. Вместе с тем, необходимо обсудить стиль жизни интеллигенции, что предполагает максимально разносторонний охват особенных черт образа жизни, отражающих специфические характеристики отдельных социальных групп интеллигенции, включая профессиональные, национальные и региональные особенности, а также специфику возраста, политических ориентаций, культурного уровня.

В соответствие с этим в первом разделе реализуется стремление проанализировать накопленное теоретическое осмысление образа и стиля жизни интеллигенции, но которое требует новых подходов в связи с происходящими изменениями в социально-экономических и социально-политических отношениях (изменившаяся социально-классовая структура, будущее интеллигенции, ее адаптация), что дает возможность описать и объяснить происшедшие сдвиги в жизненном мире этой социальной общности. В самом деле как соотносятся понятия интеллигенция и средний класс? В самом ли деле интеллигенция распадается на такие группы, которые несут на себе черты сословности? Не меньшее значение приобретают этнополитические проблемы, рассмотренные на примере Белоруссии, Украины, особенно в связи с происходящими неоднозначными событиями в этих странах? Отдельный интерес представляют тексты, апеллирующие к исторической ретроспективе, как в региональном аспекте (Бурятия), так и в плане эволюции самого понятия «интеллигенция». На наш взгляд важно проанализировать состояние и изменения, которые происходят в ценностных ориентациях, в социальном самочувствии и других со-

циально-психологических характеристиках, которые приобретают все большее значение при определении будущего интеллигенции.

Во втором разделе внимание авторов сосредотачивается на профессиональных и социальных проблемах в жизнедеятельности современной интеллигенции. Что касается профессиональных установок интеллигенции, то они были и остаются ведущими характеристиками ее жизнеустройства и это убедительно показано на примере экспертных групп, вузовских, школьных и медицинских работников, инженерных и военных специалистов. Каждая из этих групп демонстрирует не только опыт прошлого, но и серьезно изменившиеся условия своего современного функционирования. В этом же разделе большой интерес представляют особенные позиции интеллигенции — по отношению к власти, анализ участия в добровольческой деятельности и других значимых формах творческого отношения к выполняемым обязанностям.

В третьем разделе анализируется общее и особенное, традиционное и новаторское в образе жизни интеллигенции. Здесь представлены тексты, которые показывают как в нынешнем турбулентном социуме претерпевают трансформацию такие традиционные сферы как образование, культура, какие тенденции демонстрируют мировоззренческие установки и ориентации.

И наконец, хочу отметить специфический раздел «Лица и лики российской интеллигенции», который в наибольшей степени отвечает требованию объяснить стиль жизни. Здесь даны описания жизни выдающихся представителей российской интеллигенции, которые демонстрируют их уникальность и богатство их общественных, профессиональных и духовно-нравственных качеств. Считаю, что в будущем наше внимание должно в большей мере учитывать необходимость именно такого подхода, который не только обогатит наше представление об образцах и идеалах, но и будет решать важную прикладную задачу — поможет молодежи, с кого и как строить свою жизнь

Ж.Т. Тощенко

член -корреспондент РАН

Отв. редактор

РАЗДЕЛ I

**ОБРАЗ И СТИЛЬ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Современная российская интеллигенция: от гомогенности к сословности

Ж.Т. Тощенко

член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теории и истории социологии
Российского государственного гуманитарного университета,
главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Постановка проблемы

В существующем российском обществе травмы особо выделяется радикальная трансформация социальной структуры общества, в котором достаточно четко происходит новое классовообразование — появление и формирование среднего класса и прекариата, которые возникли на базе ранее существующих рабочего класса и крестьянства и которые в свою очередь распались на многообразные социальные группы, стоящие на различных мировоззренческих, социально-экономических и политических позициях. Не избежала огромных изменений и такая социальная общность, ранее именуемая классовой прослойкой — интеллигенция.

И дело состоит не в том, что есть ли или нет интеллигенция, исчезает ли она и куда она девается, сколько в том, чтобы выявить реальные процессы, происходящие в этой социальной общности под влиянием экономической и политической политики. Интеллигенция — это не самоназвание, а результат объективных изменений в обществе и государстве, которые влияют не только на ее численность, сколько на важнейшие ее черты, характеризующую смысл, образ и стиль ее жизни. При этом необходимо учитывать тот факт, что особую значимость приобретает состояние интеллектуального потенциала страны, который олицетворяет интеллигенция. Именно такая постановка вопроса ставит перед нами необходимость осуществить анализ нового состояния этой социальной общности, происшедших в ней изменений, выявить как позитивные, так и проблемные аспекты ее развития, инструментом чего является описание и объяснение ее стиля и образа жизни.

Что представляла собой советская интеллигенция?

Говоря о советском периоде жизнедеятельности интеллигенции, можно отметить прежде всего ее гомогенность — устоявшиеся черты трудовой и общественной жизни, сравнительно одинакового уровня социального положения, присущих большинству, основной массе ее представителей. Поэтому не удивительно, что главными различиями в образе и стиле жизни были профессиональные различия. Именно профессиональная структура интеллигенции (как и общества) стала главной характеристикой для большинства людей умственного труда. В соответствие с этим и официально и в повседневном восприятии общества оценивалась их деятельность в процессе труда. Причем, никакая профессия интеллигенции особо не выпячивалась по сравнению с другими: на официальном уровне и в общественном сознании находились свои особые и значимые позитивные и привлекательные черты, будь то профессия инженера или учителя, работника культуры или военнослужащего, врача или актера. Т.е., выполняя различные виды работы, они по-своему, без противопоставления друг другу воспринимались остальным населением, работниками физического труда. Высока была и самооценка — получение высшего или среднего специального образования — воспринималась как значимая, обязывающая возможность проявить себя, оценить представленные и полученные блага, что в свою очередь ставило необходимость доказать свои компетентность и профессионализм. За скобками этих рассуждений я оставляю колебания потребности, а иногда моды на те или иные профессии (наподобие оценки «физиков» и «лириков» в конце 1950-х и в 1960-е годы после поразительных успехов в Космосе, достижений в авиации, машиностроении и др. отраслях производства). При этом, конечно, мы не сбрасываем со счетов то, что были лица и группы отклоняющегося и даже противоправного поведения. Однако для большинства советской интеллигенции было характерно примерно одинаковое материальное положение, которое диктовало и похожие образ и стиль жизни.

В советский период интеллигенция находилась в состоянии высокой социальной мобильности. Она была связана с активным поощрением государства по получению молодежью профессий на всех уровнях образования, в том числе и высшего. В этих условиях многомиллионная интеллигенция была подлинно народной, вышедшей из рабочих и крестьянских слоев. Хорошо работал так называемый социальный лифт, когда выходцы из самых низов народа имели реальную возможность стать не только руководителями крупных предприятий и организаций, но и достигать высоких государственных постов.

Ситуация на производстве, во всех сферах общества была нацелена на то, чтобы выявлять и всячески поощрять как высшую категорию творцов, так и в меньшей мере разработчиков и исполнителей этих поисков и нововведений, что создавало атмосферу взаимного уважения и доверия во имя поставленных перед ними целей (Подробнее см.: [Флора, Корносенков, 2008; «Новая» и «старая» интеллигенция. 2012]).

Основные изменения в социальном положении российской интеллигенции

В 1990-е годы после распада СССР, целенаправленной политики по уничтожению социалистического прошлого и попыток испытывать бесконечное количество рецептов по строительству капитализма, стали изменяться не только цели, но и средства и методы по созданию новых общественных отношений. Перечислим некоторые из них. Во-первых, ориентиром для пришедших к власти неоллибералов стала организация жизни интеллектуальных слоев по опыту западных стран. Перенос чужих достижений без учета национальных особенностей не мог самым отрицательным образом ни сказаться на образе жизни интеллигенции. Особенно губительно для ее состояния стало массовое закрытие предприятий, перестройка сфер культуры, образования, науки, здравоохранения. Что, например, значит, такое «достижение»: по данным бывшего директора НИИ статистики В.Симчера, в 1990-е годы было приватизировано 42 тыс. предприятий, из которых 30 тыс. полностью прекратили свое существование. А это помимо резкого снижения выпуска продукции, товаров и других результатов производственной деятельности означало, что сотни тысяч инженеров и техников были выброшены на улицу. И их судьба никого не интересовала, кроме их самих. А так как взамен их появились некоторое количество новых производств, то стоит ли удивляться тому, что все 1990-2010-е годы был низок наборна инженерные факультеты, а специальность инженера и техника обладала низкой степенью популярности.

К этому нужно добавить то, что ценность образования резко уменьшилась в представлении людей, став рассматриваться как получение «корочек», как средство занять более или менее приемлемую социальную нишу, а отнюдь не усвоение содержания и мастерства своей профессии.

В результате, на первый план в жизненном мире интеллигенции стали выходить другие показатели, которые становились определяющими в строительстве образа и стиля жизни. Среди них мы отметим *этнонациональные зигзаги*, которые стали служить объединению раз-

личных групп интеллигенции. Более того, они стали противопоставляться культуре, традициям, обычаям других народов, стали приобретать значение небесспорных ценностей, что привело ко взлету различных националистических страстей. Соответственно возросло влияние радикальных реваншистских и даже фашиствующих сил. Как результат, образовывались неоднозначного типа организации, которые брали на вооружение идеологию и действия, попирающие достоинство и самосознание других этнических групп.

Распалась интеллигенция и по *мировоззренческим ориентациям*. Желание изменить общественную и личную жизнь, которое охватило часть наиболее активной интеллигенции в конце перестройки в 1980-е годы и имело следствием отрицание советских ценностей, постепенно привело к расколу и распаду некогда крепких устойчивых профессиональных и даже дружеских связей. Новые рыночные времена выявили парадоксальный факт — часть радикальной перестроечной интеллигенции продолжили свою карьеру в виде получения различных политических и экономических дивидендов. Другая ее часть разочаровалась в новых реалиях и в большинстве своем погрузилось в состояние аномии, безразличия, отказа от активного проявления своего общественного лица. Наряду с той группой, которая придерживалась социалистических и коммунистических идеалов стали возникать и функционировать различные группы, придерживающиеся праволиберальных, религиозных, анархистских и других идеологических установок. Следствием распада на различные мировоззренческие ориентации стали идеологические войны между этими группами, которые в силу присущим им амбиций пытались убедить россиян в их превосходстве по сравнению с другими, а потом крайне удивлялись, что народ не оценил их «благих» намерений и отказался поддерживать их даже во время выборов.

На это различие и противопоставление серьезно повлияли причастность тех или иных профессиональных групп к различным формам собственности, к их владению или «прислоненность» ко власти.

Интеллигенция постепенно теряла свое особое и особенное лицо в глазах общества. Исследования социологов РГГУ выявили тот факт, что при оценке роли интеллигенции в современном российской обществе, ее мировоззрение оказалась мало отличным от мнения и суждений народа: интеллигенция играет незначительную роль в жизни общества — с этим согласились 46,1% населения и почти 50% интеллигенции [Как живешь, интеллигенция, 2016].

В пореформенной России интеллигенция оказалась отстраненной и от формирования ориентиров для построения представлений о нор-

мальной общественной и повседневной жизни народа. В массовом воздействии на умы россиян влияют убогая и даже преступная политика СМИ и других средств массовой коммуникации с их пропагандой и проповедью самых различных форм насилия, пренебрежения к элементарным нормам жизнедеятельности людей.

Новые сословия в среде российской интеллигенции.

В результате происходящих значительных и значимых изменений социальная структура российской интеллигенции стала приобретать черты сословности [См., например, Кордонский, 2008; Немировский, 2017]. Напомним, что сословия как показатель структуры общества приобрели облик и стали существовать в средние века в виде как господствующих группировок (правящие слои, военная верхушка и духовная иерархия) и так нижестоящие, подчиненные группы населения. Потом эти группы дополнялись или модифицировались вследствие развития общества. Так, в России в XIX веке сложились сословия, которые имели определенные зафиксированные законом права и обязанности: дворянство, духовенство, крестьянство, купечество и мещанство. Эти сословия отражали объективно сложившиеся отношения крупных социальных общностей, служили основой для управления ими и использования их возможностей и потенциалов для организации и упорядочивания государственного устройства.

Конечно, основой такой социальной структуры были соответствующие экономические и политические отношения, которые фиксировали роль и значение каждого из этих сословий и направляли их деятельность по решению возникающих в государстве проблем как перспективных, так и текущих. Слом этих отношений в ходе происходящих в России революций привел к образованию новой классовой структуры, которая стала характерной сначала для капиталистического, а потом при определенной модификации и для социалистического общества.

Поэтому вполне объяснимо и даже логично, что смена общественных отношений в России в начале 1990-х годов повлекла изменения и в социальной структуре. Но вопреки ожиданиям и логике капиталистического пути развития в современной России стали образовываться не классы, а специфические социальные общности, более похожие на сословия со всем вытекающими отсюда последствиями.

Остановимся на характеристике этих формирующихся и функционирующих сословий.

Во-первых, это своеобразная прослойка общества, которую многими признана как политическая и экономическая элита, хотя есть и про-

тивоположные взгляды на эту прослойку, называя ее кликами, кланами и кастами (Тощенко, 2008: 374-392). Если обобщить основные характеристики этой прослойки, то для нее характерны две явных — обладание властью и капиталом. И одна латентная — стремление возвышаться над народом, считать себя образцом мудрого руководства с претензией быть эталоном умения добиться обогащения и привилегированного жизнеустройства без всяких ограничений во времени и пространстве. К этому сословию можно отнести достаточно крупные бизнес-круги и политизированные группировки, непосредственно приближенных к власти, обслуживающих эту власть за удовлетворяющее их вознаграждение. Например, по итогам 2019 г. 18 топ-менеджерам Сбербанка получили только в виде бонусов 243 млн. рублей.

Стоит обратить внимание и на замкнутость этой группы. Попав на определенный уровень политической и экономической власти, представители этой элиты перемещаются внутри этой группы, практически не допуская или дозированно допуская в свои ряды претендентов на такое положение в политике и/или бизнесе. Т.е. проявляется одна из основных черт сословия — замкнутость, закрытость, тщательный отбор тех, кто претендует на место в этих рядах. И здесь часто в виде критерия принадлежности к этому сословию выступают не деловые качества, не творческий потенциал претендента, а nepотизм — родственные, земляческие и групповые связи или долговременная демонстрация верности.

Во-вторых, в самостоятельное сословие оформляется такая социальная общность как чиновничество. Напомним, что в свое время Ельцин, стремясь к власти, безуспешно использовал такой козырь против КПСС, постоянно говоря и возмущаясь огромной численностью советского и партийного аппарата. Но уже во времена его президентства эта численность превысила весь чиновничий аппарат не только СССР, но в совокупности и РСФСР. Рост чиновничества продолжался и в 2000-е годы, несмотря на регулярные заявления о его сокращении, после чего его увеличение не прекращало свой тренд и по нынешний период времени. По данным Росстата, с 2000 г. по 2017 г. численность чиновников выросла с 1161,5 тыс. до 2172,9 тыс. человек. Но росла не только численность, но и закрытость, замкнутость этой группы, которая базировалась на убежденности, что все возникающие в обществе проблемы могут решать только специально на это уполномоченные и доверенные люди. Эта абсолютная уверенность, что только чиновники как специально уполномоченные на это люди могут успешно решать государственные проблемы, проникает в их сознание и поведение, убеждая их в том, что они возвышаются над всем остальным

народом. Но жизнь показывает, что речь должна идти не только о количестве, но и качестве. Реальность свидетельствует, что в этом безудержном росте чиновничества появляются такие его представители, которые попали в ее ряды отнюдь не в результате качественного отбора по признаку компетентности, умений и талантов. Комплектование этого слоя осуществлялось не случайно — шел подбор по признакам верности, семейности, землячества и т.п. принципам. В результате создается достаточно замкнутая группа, которая не допускает в свои ряды чужих, а сама перемещается по широкому полю этой формы занятости.

В-третьих, практически возродилось такое сословие как духовенство. И не только православное. Эти группы, говорящих от имени Бога — христианские, мусульманские, буддистские, иудейские и др. — получили большую государственную поддержку, стали претендовать на участие в решении всех без исключения дел государства и общества — от политических и экономических до вмешательства в дела образования, культуры и даже военной службы. Как показывает происходящий ныне процесс обсуждения поправок в Конституцию РФ, устами патриарха Кирилла заявлена претензия на отражение в этом документе слова Бог, несмотря на то, что Россия провозглашена светским государством.

На наш взгляд, имеется ярко выраженная тенденция по *формированию этнических сословий интеллигенции*, которые замыкаются на этнических интересах, концентрируют свое внимание на традициях и обычаях своего народа и одновременно противопоставляют их аналогичным проявлениям форм культуры других наций и народностей. Отсюда не далеко от экстремистских действий, а при приходе к власти, как это случилось в странах Балтии, на Украине, в Грузии и других странах к ущемлению прав и свобод других людей по этноконфессиональному признаку.

На пути (или по крайней мере имеется ярко выраженная тенденция еще советских времен) превращения *в подобие сословия становится формирование артистической и художественной среды* за счет не только прямых и косвенных родственников, но и за счет приближенных по тем или иным причинам соискателей сценической и соответственно публичной славы. Поэтому справедливы упреки тех представителей этой же среды, убежденных, что таланты не предаются по наследству.

Наряду с этими сословиями осуществляется попытка вернуться к изжившему себя прошлому и образовать такие группы, которые по сути дела можно назвать *квази-казачеством, квази-дворянством, квази-купечеством* и тому подобными фантазиями, которые, на наш

взгляд, в лучшем случае могут претендовать на роль некоторых этнографических воспоминаний и обрядов, не более.

Анализ данных явлений позволяет утверждать, что наряду с новым классовым образованием в виде среднего класса, прекариата и даже андеркласса возникли, создаются и имеют тенденцию закрепить свою роль в жизни общества, отчетливо проявляя свое влияние на решение кардинальных проблем, такие социальные группы как элита, чиновничество, духовенство, а также квази-группы в виде казачества, новых дворян и потомков купечества. Такая тенденция и такие явления могут иметь далеко идущие последствия, так как они искажают процесс действительно рационально развития общества, несут угрозу деформации существующего общества, закупоривают социальные лифты, консервируют минувшие характеристики и даже угрожают возобновлению и возрождению феодальных принципов жизни.

Литература:

- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки /Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016.
- Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
- Немировский В.Г.* Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества //Социологические исследования. 2017. №9. С. 40-47.
- «Новая» и «старая» интеллигенция. Общее и особенное. Сб. статей. / Под ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С.Цапко. М.: РГГУ. 2012.
- Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2008.
- Флоря А.В., Корносенков С.В.,* Слово «интеллигенция» в современном публицистическом дискурсе // Свободная мысль. 2009. № 9.

Идти в ногу со стремительно меняющимся временем...

А.Н. Данилов

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии
Белорусского государственного университета (Минск)

Ранее миллениум пугал своей непредсказуемостью и как-то обнадеживал, внушал надежду на мирное и демократическое будущее. Всем казалось, что все самое худшее уже позади..., люди готовы договориться, и мир непременно станет устойчивее, справедливее, добрее. Падение Берлинской стены, распад Советского Союза олицетворяли победу либеральной демократии над коммунистической диктатурой. Новые государства с большим оптимизмом восприняли «парад суверенитетов», хотя и находились в состоянии глубокого кризиса.

Но время зло... Не прошло и двух десятилетий XXI века, как от тогдашнего оптимизма ничего не осталось. Все чаще серьезные аналитики вынуждены констатировать кризис, и даже крах либеральной демократии. Очевидно, что демократическая волна 1990-х гг. захлебнулась... и привела лишь к нарастанию по всему миру правого экстремизма, нигилизма и национализма. Причем, не только в государствах, которые вышли из диктатур в конце XX века, а и в некоторых старых демократиях. Прав был П.А. Сорокин, когда писал: «Общество, которое не знает, как ему жить, которое не способно развиваться, постепенно реформируясь, а потому вверяющее себя горнилу революции, вынуждено платить за свои грехи смертью доброй части своих членов. И это есть контрибуция, извечно требуемая всемогущим Сувереном» [Сорокин, 1992: 294]. Все же платить за «грехи» и выступать в роли «доброй части своих членов» чаще приходилось интеллигенции.

В.А. Коптюг еще в 1993 г. предостерегал: «Интеллигенция всегда была и будет в первую очередь ответственной за то, что происходит в стране. Фактически с ее позиции начиналась наша перестройка, именно в ее среде формировались первые волны неприятия тоталитаризма и загнивания, искажения идей социализма и реальной демократии. Если исходить из того, что у каждого, кто причисляет себя к интеллигенции, были свои внутренние убеждения, то число поменявших их сегодня на прямо противоположные огромно. А это, скорее всего, значит, что собственные убеждения были недостаточно глубоки, а быстрая их смена — свидетельство того, что многие, нередко втайне от самих себя, предпочитают занимать конъюнктурную, а не гражданскую позицию. С моей точки зрения, — писал далее Валентин Афанасьевич, — интеллигенция сыграет важную роль в реализации реформ, которые действительно необходимы России, если у ее представителей будет четкая, мужественная, гражданская позиция, если она не будет остерегаться высказывать свои убеждения, основанные на более обширных знаниях, более широком кругозоре, чем у других слоев общества, и осознанно сделает свой исторический выбор» [Коптюг, 1997: 5].

На своем вечере в Останкине Д.С. Лихачев высказал мысль по поводу того, что нельзя притвориться интеллигентным. В частности, он говорил: «Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец (особенно если цедить слова, попыхивая трубочкой), но интеллигентным — никогда» [Лихачев, 2017: 416]. Сегодня оказывается, что и это вполне возможно, и примеров тому предостаточно.

Позиция современной интеллигенции — выжидание. Мы не устаем повторять, что в современном мире нет образца для подражания в государственном строительстве. Но это чаще — политическое лукавство. Такой образец все же есть, и он повсеместно реализуется. Это — либеральная модель развития с рыночной экономикой и потребительским обществом. Где место интеллигенции давно заказано и в лучшем случае речь идет о неких интеллектуалах. «Рыночная экономика вышла за собственные пределы, разлилась по всей поверхности. В обществе есть много аспектов, для которых рыночные механизмы губительны. Таковы публичное пространство государства, интеллектуально-духовная деятельность, межличностные отношения и многое другое. Экономика является первой, базовой в том смысле, что с нее начинается, но совсем не в том смысле, что все делается ради нее. Есть много ценных вещей, которые на деньги не обмениваются. Как раз они и являются самыми ценными в жизни» [Гусейнов, 2012: 453].

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием

нового и осознанием старого как нового: «К сожалению, в обществе в целом общая образованность падает и место интеллигентности заступает полуинтеллигентность» [Лихачев, 2017: 416]; «Полуинтеллигенты — это самая страшная категория людей. Они воображают, что все знают, обо всем могут судить, могут распоряжаться, вершить судьбами и пр. Они никогда не спрашивают, не советуются, не слушают (глухи и морально). Для них все просто. Настоящий же интеллигент знает цену своим «знаниям». Это у него основное «знание». Отсюда его уважение к другим, осторожность, деликатность, осмотрительность в решении судеб других и крепкая воля в отстаивании нравственных принципов (стучит кулаком по столу только человек со слабыми нервами, неуверенный в своей правоте)» [Лихачев, 2017: 419].

Во-вторых, изначально было установлено, что такой феномен общественной жизни, как интеллигенция, — это, прежде всего, бескорыстное служение своему народу. Считаться интеллигентом было престижно. Как-то А.С. Запесоцкий заметил, что выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что были и неистинные — многие пытались выглядеть интеллигентами. А ведь очень точно подмечено.

Так и получилось, и сегодня все больше становится очевидным, почему в одночасье рухнул Союз. Когда только появились первые признаки развала Союза, известный немецкий аналитик Винфрид Бёттчер писал: «Системный кризис, в котором мы находимся самое позднее с 1990 г., будет длиться, пока мы на Западе не признаем, что и мы должны претерпеть преобразования вместе с Востоком в новую систему. Наши в XIX веке сформированные понятия и идеи не годятся более для XXI века. Мы находимся в глубоком общественно-политическом кризисе. Не только в сфере экономики мы едва ли представляем, как дальше вести дело. <...> Параллельно с экономическим кризисом идет распад ценностей. У нас нет ответа на вопрос, как мы собираемся жить завтра» [Бёттчер, 1997: 7]. К сожалению, нет такого видения будущего и у большинства постсоветских стран. А без ясного видения перспектив вряд ли можно рассчитывать на поддержку народа, без которой эти страны обречены на перманентный кризис и новые революции.

Человечество сегодня еще далеко от достижения консенсуса по самым острым вопросам современности. И первый из этих самых острых вопросов — как уберечь мир от угрозы новых революций, его полного уничтожения? Юваль Ной Харари в своем новом бестселлере отмечает: «В конце XX века казалось, что грандиозные идеологические сражения между фашизмом, коммунизмом и либерализмом завершились полной победой последнего, что демократия, права человека и капитализм с его свободным рынком обречены на торжество во всем мире. Но история,

как всегда, совершила неожиданный вираж — и после краха фашизма и коммунизма под угрозой оказался либерализм. Куда же мы движемся теперь?» [Харари, 2019: 12-13]. И далее: «... в 1938 году человечество могло выбирать из трех глобальных проектов; в 1968-м — из двух; в 1998-м казалось, что восторжествовал один из них, и вот к 2018-му мы остались ни с чем. Неудивительно, что либеральные элиты, которые в последние десятилетия диктовали повестку почти всему миру, испытали шок и растерянность. Жить с единственной концепцией очень удобно: все абсолютно ясно. А вот остаться совсем без концепции страшно — все кажется бессмысленным» [Харари, 2019: 22].

Проблема выработки концепции новой цивилизации — дело интеллигенции. А в их лагере до сих пор недоверие, растерянность, парадоксальность проявления человеческого сознания, потеря смысла жизни. «Среди новых проблем, с которыми встретилась научная мысль, особенно интересным для философского осмысления и социологической интерпретации является феномен парадоксов сознания, особенно характерных для ныне функционирующего общественного сознания» [Тощенко, 2001: 5-6]. Как объяснить тот факт, что «при всех ориентациях на капиталистический путь развития в России происходят процессы, которые более присущи социализму: реализация активной социальной политики, возвращение к государственным предприятиям? Что представляет собой так называемый средний слой (класс), о котором любят говорить как политики, так и некоторые аналитики, в том числе и с ученым званием? Что собой, по сути, представляют попытки соединить в себе светские и религиозные ориентации в образовании, в культуре, в идеологии? Как трактовать появление специфических лиц в политическом и экономическом пространстве, олицетворяющих собой мародеров, хамелеонов, «нарциссов», фарисеев, коллаборационистов и тому подобных феноменов? Почему символы страны соединяют в себе, казалось бы, несочетаемые образы?» [Тощенко, 2011: 5].

В этих условиях представляется затрудненным государственное строительство в новых независимых государствах. Тем более, что процессы укоренения государственности, осознания собственного суверенитета населением, выстраивания национальной идентичности характеризуются временем больших испытаний, связанных с предвкушением новой ответственности, стремлением утвердить свое национальное родство, пройти тест на идентичность, ощутить отличие от недавнего общего. И соблазнов здесь очень много, чтобы не впасть в крайность национализма, фальсификации истории, в предъявление взаимных претензий к некогда единой исторической судьбе, соседям, переоценку недавних общих достижений, побед и поражений, дележку

мудрецов, гениев и народных героев. «Русской интеллигенции свойственны и определенные убеждения. И прежде всего: она никогда не была националистической и не имела ощущения своего превосходства над «простым народом», над «населением» (в его современном оттенке значения)» [Лихачев, 2017: 421].

В настоящее время идет активный поиск концепций, которые могли бы объяснить современные мировые процессы. Тем не менее, зарубежные концепции десятилетиями продолжают хождение в постсоветской гуманитаристике, пока их полная оторванность от нашего контекста или появление более адекватных западных концепций не изменит ситуацию. Неверие в собственные возможности, созидательный потенциал отечественной интеллигенции еще далеко не преодолено.

Да, и можно ли строить светлое будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности? Почему Россия, несмотря на зримые успехи, пока так и не стала образцом для подражания постсоветской молодежи? Почему большинство представителей нового поколения склонны видеть свое будущее на Западе и ориентироваться на западный образ жизни? И это при всех проблемах, которые сегодня одолевают Запад. Сегодня в защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Без богатства внутреннего мира человека наступает эра невежества, ханжества и насилия. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, — его совестью. Мы должны признать, что строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания. Но насколько устойчива такая опора? Ведь эти ступеньки человека разумного в потребительском обществе становятся не опорами личной свободы, счастья и благоденствия, а источником эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу.

Как получилось, что отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой. Семья, построенная на любви мужчины и женщины, трактуется как отживший анахронизм. Человеческая жертвенность, подвижничество, проявление героизма осмеиваются и подвергаются остракизму, во главу угла ставится свобода нравов. Такая ситуация ведет мир к хаосу, народы и люди утрачивают способность договариваться, не испытывают потребности в диалоге. В результате у небольшой группы людей появляется реальная возможность безраздельно править миром. Теории, ранее воспринимавшиеся как самые фантастические утопии, могут превратиться в реальность.

Современная рыночная экономика, которая напрямую сориентирована исключительно на постоянный рост потребления, рассма-

тривается зачастую как корень зла и причина многих современных трудностей и недостатков. В Беларуси же перемены не носили ультимативного, резкого, неприемлемого для белорусского народа характера, но все более в сознании граждан утверждалась мысль о ценности суверенитета, ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. Модель развития нашей страны в последние два десятилетия можно определить, как социально ориентированную. Не подвергается сомнению ведущая роль государственного сектора. Основная функция государства как раз и заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, противостоять коррупции и протекционизму. Политическая стабильность является одним из важнейших условий постепенной интеграции Беларуси в мировую экономику, привлечения иностранных инвестиций. Еще одна особенность белорусской модели состоит в том, что частный сектор может и должен развиваться наряду с государственным, однако не в ущерб общегосударственным интересам. Реализуемая модель развития отвечает требованиям современности, коллективистским традициям белорусского народа, поддерживает идею создания сильного государства именно через эволюционный путь. Безусловно, новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных действий. Некоторые отступления от принятой модели вполне возможны, но непоколебимыми должны оставаться принципы, которые исключают возможность введения шокового варианта.

На мой взгляд, мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Питирим Сорокин, в свое время, проанализировав 70 примеров возникновения революционной ситуации, выделил семь основных фрустрирующих факторов: голод, жилищную проблему, угрозу безопасности, сегрегацию по полу, конфессии и другим признакам, ущемление рефлексов свободы, личного достоинства и прав собственности. Вместе с тем он подчеркивал: «Как бы ни были тяжелы условия жизни в данном обществе, но, если структура его отношений и ценностей не расшатана, никакие волнения ему не грозят. <...> Революции совершают не голодные люди, а те, кто не пообедал один раз» [Сорокин,

2006: 157]. Усиление взаимосвязи и взаимозависимости государств, их экономик и интернационализация всех сфер общественной жизни является одной из наиболее характерных особенностей нашего времени.

В настоящее время на смену вооруженному экспорту революции и грубому давлению пришла «мягкая сила» — влияние через культуру, ценности, образ жизни, т.е. через позицию национальной интеллигенции. Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависит от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой отдельно взятой страны [Данилов, 1997: 22-40].

Время диктует необходимость перехода к принципиально новому типу цивилизационного развития, где вновь возникает ключевой вопрос о ценностях, задающих ориентиры этого перехода. Новые ценности должны начать формироваться в недрах старой культуры, и важно отыскать их точки роста. Здесь следует отметить важность органичной связи рассматриваемых аспектов системной трансформации с политической организацией мирового сообщества, переходящего от однополярного к многополярному миру. Как крайний вариант, В.С. Стёпин допускал, что новая антропологическая цивилизация может и не возникнуть, и тогда человечество ждет неминуемая гибель. Поэтому человечество заинтересовано в том, чтобы существующие ростки ценностей нового типа стали реальностью новой цивилизации [Стёпин, 2017: 6-11].

В точках роста новых ценностей возникают отличные от имеющихся жизненные смыслы. Жизненные смыслы — ответы на вызовы времени — закодированы в культурном коде каждого народа, государства. В какой-то степени проблема существования культурного кода, как некой технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений, остается открытой. В последнее время многие исследователи рассматривают культуру как среду сохранения и возможной передачи духовного цивилизационного наследия.

Все ускоряющаяся динамика времени, глобальный характер перемен в сфере коммуникации и диалоге культур меняют наши представления о культуре. «До периода научно-технической революции культура в силу относительно небольшого и нединамического поля коммуникации была стационарным образованием. Понятие культуры в некотором смысле всегда выражало то, что остается стабильным на протяжении не только жизни отдельного человека, но и многих поколений. Жизнь людей протекала как бы на фоне культуры, и включение в нее каких-то новых ценностей могло занять целую жизнь человека.

Ценности становились внутрикультурными после достаточно длительного историко-социального отбора. Это определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей» [Миронов, 2011: 89].

Страшен народ, потерявший память. Фальсификация прошлого обрекает его на новые трагедии, бессмысленные сражения и никому не нужные жертвы. За подобным беспамятством чаще всего стоят преступные действия конкретных людей, осуществляющих государственные перевороты, сеющих зло, раздор, ненависть, насилие и смерть невинных людей. Сегодня — это действия по десоветизации, сносу памятников советским воинам — победителям во Второй мировой войне, фальсификация совместной истории. Когда кто-то в 1989 году сказал по телевидению, что нечего было защищать Ленинград, эту «грудку камней», ленинградский писатель-блокадник Виктор Конецкий ответил на эти слова так: «Человеческая жизнь ему, видите ли, дороже. Меня бы спросил. Если бы немцы вошли в город, я, пацан двенадцати лет, кусался бы и рвал их зубами. Так и Родину можно отдать — человека пожалеть. Только уж какой это будет человек?» [Малышев, 2020: 15].

Вопрос о судьбе интеллигенции остается открытым до сих пор, порождая новые мифы, споры и дискуссии. Уж очень не простая судьба была у тех, кого история безоговорочно включила в эту небольшую, но очень влиятельную группу людей. И здесь нет ничего удивительного. Исследуя современную действительность, иногда мне кажется, что интеллигенции больше нет. Ведь вымерли же когда-то мамонты, и остался только некий образ, воссозданный по археологическим находкам. Не пытаемся ли мы сегодня также выстроить для себя образ, давно ушедший. Кто есть интеллигент сегодня, завтра... и начинаем фантазировать. Но ведь если этот феномен мы для себя придумали, и даже считали вполне оправдано, что есть такие люди, которые отвечают нашим представлениям... За столетия время и среда (культурная) изменились, и вполне возможно, что вместе с этими изменениями ушел в небытие образ интеллигента.

В свое время академик Д.С. Лихачев предупреждал: «Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель. <...> Интеллигенция есть еще и категория нравственная» [Лихачев, 2017: 420]. Как-то в сердцах писатель В.Г. Распутин сказал: «Нет, раны от торжества хамства в культуре даже больше, чем мы предполагаем. Это зараза, которую скоро не вылечишь. И она вовсе не обязательно поражает молодежь. <...> ... нельзя о нравственных и духовных потерях судить, исходя из возраста» [Распутин, 2016: 76].

Мы вкладывали определенный смысл и представления об образе жизни в понятие интеллигенция. Но с каждой новой эпохой этот

смысл и образ что-то терял в своем духовном наполнении и превратился в некое неуловимое сегодня явление. Интеллигентность, к сожалению, а может, к счастью, не передается по наследству, а социальная среда как раз явно не благоприятствует ее формированию... Культурный слой постоянно истончается, разрушается, а имеющийся в наличии слой совершенно не пригоден к воспроизводству. Да, и востребован ли он, интеллигентный человек, сегодняшней жизнью, властью, народом. Рынок и потребительское общество основаны на индивидуализме, эгоизме, хотя это — прямой путь в никуда, который выжигает вокруг себя все здоровое, духовное, нравственное. Жертвенность и истинное проявление лучших человеческих качеств осмеивается и осуждается...

Чтобы общество перешло в новое состояние, нужны ориентиры, цели, которые большинство желало бы достигнуть...; и кто-то должен к новым высотам вести, сознательно нести свой нелегкий крест, быть нравственным, моральным примером, жертвуя собой... Как здесь без интеллигенции. Но сегодня, в условиях рынка и коммерциализации всего и вся, в т.ч. образования и науки, с целями большая проблема, если царит «образованщина». Новое состояние цивилизации — это крутой поворот в развитии ее ценностного содержания. А такая ценность, как интеллигентность, — остается ли она востребованной на новом разломе цивилизационного развития? А.А. Гусейнов правильно писал: «Советская «Атлантида» ушла под воду. И мы там, где находятся все народы, — в суровой реальности, где бал правит частный интерес и где каждый за себя» [Гусейнов, 2012: 434]. «Поражает другое. Все сколько-нибудь серьезные исторические изменения в России сопровождались интеллектуально-духовными прорывами. Достаточно назвать всплеск в поэзии, литературе, кино, философии, порожденные хрущевской оттепелью. А сейчас? Произошли фундаментальные изменения строя жизни, положения России в мире — и никакого отзвука на высших этапах сознания... Надо задуматься: что собой представляют, куда ведут преобразования, которые осуществляются без вдохновения, без мысли и чувства?» [Гусейнов, 2012: 451]. «...Для сдавшейся армии поэты не слагают гимнов, композиторы не пишут маршей» [Гусейнов, 2012: 452].

Дело сегодня даже не в интеллектуально-духовном потенциале — он еще сохранился. Дело в том, что он не востребован. «... Ведь гению мало появиться, его еще надо увидеть, распознать. Мы живем в странную эпоху. Россия переживает глубочайшую национальную катастрофу, а на нее не откликнулись ни литература, ни поэзия, ни философия, ни музыка... Нет духовных открытий, которые стали бы центром притяжения интеллектуальных сил, источником общественного вдохнове-

ния...» [Гусейнов, 2012: 464]. Переживаем духовный излом... «Будущее не падает с неба, оно делается сейчас» [Гусейнов, 2012: 468].

Между тем, «что ждет общество, где элиту составляют сплошь звезды попсы и дизайнеры, программисты и футболисты? Эти представители креативного класса в массе своей не создают сегодня подлинные ценности, а паразитируют на пороках и недостатках человека и общества, формируя искусственные, зачастую вредные потребности... Кто из креативщиков может похвастаться своим вкладом в культуру, который был бы сопоставим с вкладом ученых и художников прошлого?» [Антонов, 2014: 9].

Очевидно, что перемены носят глобальный характер и ведут к формированию новой цивилизации. В настоящее время идет борьба за политическое будущее мира. Все больше в мире ощущается недостаток в духовных лидерах, способных увидеть мир, адекватный новым вызовам. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает позиция интеллигенции. Корень зла многих современных недостатков видится в возведении в некий культ фундаментальных принципов организации современной рыночной экономики. Конечно, признание того, что интеллигенции больше нет, тоже является в какой-то степени индикатором нравственного здоровья. Значит, есть осознание реального состояния общества, идет (начинается) болезненный процесс возрождения, осознания.

Великий Ли Куан Ю в своих размышлениях о будущем писал: «Надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас» [Ю Ли Куан, 2017: 362]. Здесь просматриваются и истинная роль, и обязанность интеллигенции на все времена: «идти в ногу со стремительно меняющимся временем» и вести за собой других.

Литература:

- Академик Валентин Афанасьевич Коптюг. — Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 1997.
- Антонов Михаил // Феодализм «продвинутых». Вся власть олигархам интеллектуальной собственности? // Лит. газета. 2014. 11 февр.
- Бёттчер Винфрид // Беларусь в мире. 1997. №1.
- Гусейнов А.А. Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2012.
- Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. — Мн.: Университетское, 1997.
- Лихачев Д.С. Письма о добром. — М.: Изд-во АСТ, 2017.
- Малышев В. С ладанкой в кителе // Литературная газета. 2020. 5-11 февр.
- Миронов В.В. Современные трансформации культуры. — СПб.: СПбГУП, 2011.
- Распутин В.Г. Эти двадцать убийственных лет. — М.: Алгоритм, 2016.
- Сорокин П.А. Социология революции / Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992.
- Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. №3.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. — М.: Гардарики, 2001.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). — М.: Новый хронограф, 2011.
- Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. — М.: Синдбад, 2019.
- Ю Ли Куан. Мой взгляд на будущее мира. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017.

Факторы, влияющие на изменения структуры современной интеллигенции

Б.Г. Нагорный

доктор социологических наук, профессор
Луганского национального университета им.В.Даля (г. Луганск)

Думаю, что поучительным был бы эксперимент, если бы мы предложили всем участникам конференции по проблемам интеллигенции ответить на один вопрос: какие изменения вы хотели бы внести в первоначальный текст вашей статьи (выступления) в связи с эпидемией коронавируса?

Попытался начать вносить изменения и я. Вероятно, многие коллеги согласятся, что происшедшие события в связи с эпидемией, заставили по-новому оценить многое, в том числе и выводы, сделанные в фундаментальных работах последних лет: лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица [Стиглиц, 2016], Т. Пикетти [Пикетти, 2010], Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2019]. Отдельно надо выделить последнюю работу З. Баумана «Ретротопия» [Бауман, 2017].

Практически все авторы, независимо от области исследований и политических ориентаций выделяют одну из главных причин современности — социальное неравенство.

Дж. Стиглиц, сделал беспощадный вывод, избранный им для названия одной из его работ: «Великое разделение. Неравенство в обществе или что делать с оставшимся 99% населения» [Стиглиц, 2016], в которой он доказал, что только 1% населения США, относящийся преимущественно к банковской сфере, пользуется несправедливым правом присваивать себе львиную часть доходов общества. Надо отдать должное Дж. Стиглицу, он отдает пальму первенства очень важного вывода о формировании финансового капитализма как источника основных зол XX века и последующих времен — В.И. Ленину и его известной работе «Империализм как высшая стадия капитализма».

Стиглиц рискнул даже ответить на вопрос, вынесенный в заголовок одного из разделов книги «Анатомия убийства: кто убил экономи-

ку Америки?» и сделал беспощадные выводы: «Я продолжаю утверждать, что основная часть вины лежит на банках (а в более широком понимании — на финансовом секторе и инвесторах... Предполагается, что банки должны быть экспертами в области образования, но они не только не справились с этой задачей, но сами создали этот риск» [Стиглиц, 2016].

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что в связи с возрастанием фактора неопределенности, процесса сингулярности, будет увеличиваться число экспертов из различных групп интеллигенции, возрастать конкурентность и противоречивость их выводов. (Достаточно сравнить выводы докладов Изборского, Валдайского клубов, Гайдаровского форума (февраль 2020), выступления на последнем Конгрессе «Общества 2045», проходившего под руководством Курцвейла, юбилейный доклад Римского клуба «Come on!» и другие экспертные заключения).

Уникальность ситуации конца второго десятилетия XXI века состоит в совпадении целого ряда негативных факторов, отрицательно влияющих на жизнедеятельность различных социальных групп, в том числе, — и на интеллигенцию. К этим факторам добавилась и пандемия, которая резко влияет и на состояние рынка труда (ухудшение материального положения различных групп интеллигенции). Более того, может повторить 1990-е годы, когда страну покинули, прежде всего, высококвалифицированные кадры (по разным данным от 100 до 200 тыс. специалистов).

Пандемия, в числе прочего, подтвердила ограниченные возможности дистанционного обучения. Предстоит большая экспертная работа, чтобы оценить программу «Образование 2030», вокруг которой ведутся острые эмоциональные дискуссии.

Практика прошлых лет показала, что даже обоснованные идеи и предложения, высказанные высокоавторитетными экспертами, приносят эффект только в том случае, когда они доведены до управленческих решений и нормативных актов. Уверен, что не потеряли актуальность многие идеи коллективного сборника (под общ. ред. В.А. Садовниченко), вышедшего в 2003 г. с предупреждающим названием «Образование, которое мы можем потерять» [«Образование...», 2003]. Эту же тревогу выразила и О. Четверикова [Четверикова, 2018]. В следующей статье «Ликвидация»: судьба российского образования» она анализирует так называемые НБИК — конвергентные технологии (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии), которые меняют и производственный процесс, систему управления.

Однако главной особенностью названных трудов является то, что они направлены на изменение самого человека, его сознания и поведения. Так. НБИК технологии ведут к формированию нового типа человека — «человека виртуального», формирующего вокруг себя новую реальность. И в силу того, что такая трансформация несовместима ни с христианским, ни с гуманистическим мировоззрением, правящие элиты приступили к тотальному пересмотру самой концепции человека. Они внедряют новое, трансгуманистическое мировоззрение, представляющее человека как некое промежуточное звено в эволюции от обезьяны к постчеловеку — «потомку человека, модифицированного до такой степени, что уже не является человеком». В соответствии с новым подходом, человек рассматривается как экспериментальный объект, как биологический материал для применения новых технологий. Его сознание может подвергаться различным изменениям, которые соответствуют потребностям научно-технического «прогресса». Использование его не ограничено какими-либо соображениями нравственного порядка, а определяется только правами экспериментатора, вписывающимися в концепцию «прав человека».

Наиболее ярко данный подход проявился в «Трансгуманистической декларации» 2002 г., опубликованной Всемирной трансгуманистической ассоциацией, объединяющей «продвинутых» американских ученых. В ней говорится не только о том, что передовые технологии радикально изменят людей (преодолеют старение, ограниченность естественного и искусственного интеллекта и пр.), но и о необходимости отстаивать моральное право тех, кто собирается использовать эти технологии, перед лицом технофобии и нелепых запретов. Эта претензия на ничем не ограниченную «рукотворную эволюцию» была усилена следующим положением: трансгуманизм «защищает право на достойную жизнь всех существ с чувственным восприятием, о каком бы мозге ни шла речь — человеческом, искусственном, постчеловеческом или животном» [Четверикова, 2019].

Д.В. Евзрезов, Б.О. Майер считают, что если этот проект будет реализован, то будет создано кастовое образование. «В подобном кастовом образовании одна группа людей — это те, кто управляет, и которые, в том числе, этот форсайт делают. Для них образование рассматривается как социальный процесс поддержки развития на цикле человеческой жизни. И вторая каста, так называемые «люди одной кнопки», которые не должны иметь умения и навыки выбирать, они должны только иметь компетенции пользоваться готовыми сервисами. Для последней категории «людей одной кнопки» важнейшим мотиватором

становятся механизмы экономического и внеэкономического принуждения» [Евзрезов, Майер, 2014: 118].

Обобщая данные этих и других источников, можно выделить факторы, которые будут влиять на деятельность основных социальных групп, в том числе — интеллигенции: — резкое обострение конкуренции на рынке труда, агрессивное вторжение искусственного интеллекта при вытеснении традиционных профессий, формирование «избыточного населения»; — дальнейшее расслоение как на глобальном, на региональном, и внутрипрофессиональных уровнях по доступу к ресурсам, различия в оплате труда, увеличение прекарных групп; — возрастание фактора неопределенности и тревожности при прохождении фаз сингулярности; — выход на историческую арену нового поколения молодежи — поколения альфа.

Е. Ларина, В. Овчинский, анализируя материалы исследований относительно долгосрочных траекторий человеческой деятельности, выделили пять структур долговременной динамики человеческой цивилизации: 1) структура траекторий статус-кво; 2) структура катастрофической цивилизации; 3) траектория структурного разрыва (включает два варианта — оптимизационный и революционный — появления непредсказуемых изменений и поэтому может быть названа сингулярной — невообразимых сегодня вариантов развития, перечеркивающих ныне обязательные сегодня ограничения); 4) экспансионистская структура, направленная на внешнюю экспансию или выход в космос; 5) структура траекторий антропологического перехода [Ларина, Овчинский, 2019:1-2].

Сейчас нет недостатка в составлении прогнозов на очередные десятилетия XXI века. Всем знакомы прогнозы Ника Бострома, Рэя Курцвейла. Целесообразно, учитывая возрастающую роль искусственного интеллекта, упомянуть монографию Н. Бострома, в которой выделен специальный раздел «Сценарий захвата власти спецразумом» с детальной схемой, где показаны фазы сценария этго захвата власти. «Используя свою сверхмощь в области выработки стратегии, ИИ создает четкий план достижения собственных долгосрочных целей. В особенности он не примет вариантов, заранее обреченных на провал, очевидность которого понятна даже нашим современникам. В этом заключено условие будущей игры, сверхсил, и именно оно делает несостоятельными многие научно-фантастические сценарии, заканчивающиеся триумфом человека. План может включать в себя период скрытых действий, в течение которого ИИ будет прятать свое высочайшее развитие от программистов-людей, чтобы те не почувствовали заранее опасность и не подняли тревогу. Сверхразумная и уже сверх-

мощная система, скрывая свои истинные намерения, прикинется покорной и готовой к сотрудничеству [Бостром, 2016, 156-161].

Но все же, на наш взгляд, пристального внимания заслуживает прогноз Д.Фридмана, директора частной разведывательно-аналитической организации STRATFOR, согласно которому Россия распадется в 2020 г., а также такое предвидение, как что «США не обязательно выигрывать войны. В их задачи входит планомерное разрушение всех систем жизнеобеспечения противника и, тем самым, лишение его возможности накопить достаточно сил, чтобы соперничать с Америкой». «Нынешний динамичный рост экономики Китая не перейдет в долгосрочный успех» [Фридман, 2010, 16-17]. По Д. Фридману, в середине столетия на авансцену истории выйдут три страны: Япония, Турция, Польша. К началу следующего века «во всем мире возрастет зависимость от технологий (в особенности от роботов, которые заменят человеческий труд) и от углубленных генетических исследований (в большей степени направленных на увеличение срока работоспособности человека, чем на продление его жизни)». Но главная идея его книги — доминирование США на ближайшие 100 лет, и что «во многом история США будет историей XXI века» [Фридман, 2010, 59-64].

Среди других прогнозов развития мира можно отметить труд немецкого социолога Г. Хайзона, профессора Бременского университета, который считает, что 950 миллионов африканцев и арабов окончательно похоронят не только Германию, но и всю Европу. И произойдет это в середине нынешнего века. Это было написано в 2003 г. Он предупреждает, что одна из ближайших угроз для Запада (уже в первой четверти XXI века) — так называемый «молодежный пузырь» на Ближнем Востоке и в Африке, где более 20% населения находится в возрасте от 15 до 29 лет. По его мнению, глобальная угроза, которая будет создаваться в течение нескольких десятилетий, может сделать XXI век ещё более кровавым, чем XX век.

Хайзон вводит в оборот новый термин — злокачественный демографический приоритет молодёжи». И утверждает, что тенденция к насилию резко возрастает в тех обществах, где молодёжь от 15 до 29 лет составляет более 30 % населения. При этом несущественно — во имя чего творится насилие, это может быть: национализм, марксизм, фашизм... и так далее. Главное — избыток молодёжи. Это та самая пороховая бочка, к которой достаточно всего лишь поднести спичку, и её, эту спичку, регулярно подносят...» [Цит. по: Михалков, 2006, 380-381].

Всего несколько лет назад одним из самых цитируемых источников был — «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010)», подготовленный Центром исследования модернизации

Китайской академией наук. Авторами проанализирована история модернизации более чем за 300 лет в 131 стране мира. Был сделан вывод о том, что в международной структуре всемирной модернизации развитые страны составляют от 12 до 15% (в выборке из 131 страны число развитых стран варьировалось от 12 до 20). Согласно сценарию всемирной модернизации (охватывает более 100 стран) к концу XXI века. соотношение между развитыми, среднеразвитыми, предварительно развитыми и отстающими странами составит 15 : 20 : 28 : 37. Суммарная численность населения, пользующаяся благами модернизации, составит от 850 млн. до 1,7 млрд. человек в XXI веке. [Обзорный доклад..., 2011, 228-232].

Однако без преувеличения можно сказать, что одной из самых обсуждаемых тем является китайская система социального кредита (SCS), суть которой сводится к тому, что каждому из взрослых жителей почти полутора миллиардного населения регулярно дается оценка в зависимости от образа жизни, старания на работе, поведения в семье и в быту. Выстроена жесткая структура оценки: получивший 600 баллов зачисляется в изгои, граждане, достигшие 1000 баллов и выше, напротив, охвачены продуманной системой эффективного стимулирования. Китаю предложено ряду стран внедрить эту систему у себя (при обязательном сохранении управляемого «диспетчерского пункта» в Китае). На наш взгляд, экспертному сообществу предстоит выполнить сложную работу — дать объективное заключение, решив дилемму: это система современной слежки за населением или эффективное средство стимулирования и повышения качества жизни.

Как всегда, при появлении новых тенденций в социальных процессах, встает вопрос о критериях оценки как отдельных стран, так и эффективности действия основных социальных групп. Для анализа положения современного общества и соответствующих групп, его составляющих, целесообразно использовать категорию «общество травмы», которую обстоятельно проанализировал в своей новой работе Ж.Т. Тощенко. «По прогнозам экспертов ОЭСР даже к 2030 г. более 60% бедных людей планеты будут проживать именно в этих проблемных (53) странах».

«Если осуществить попытку классификации этих государств и обществ, то можно выделить следующие виды: 1) Ряд обществ травм возник как следствие нарушения логики объективного и последовательного развития в результате бездарного управления страной, не решившего объективные потребности и приведшего к внутренним катаклизмам; 2) Общества травмы создавались посредством насильственного, в том числе и военного, давления стороны внешних сил,

которые осуществляли или пытались осуществить непосредственное силовое изменение существующего политического режима и соответственно институтов управления, что наглядно продемонстрировали события в Афганистане, Ираке, Ливии, Йемене, и в настоящее время в Сирии; 3) В-третьих, путь возникновения общества травмы положили цветные революции; 4) В-четвертых, для ряда обществ травм (Босния и Герцеговина, Косово, Судан, Сомали, Эфиопия, Мьянма) длительно действующим травмирующим фактором стали этнические и конфессиональные противоречия, которые служили базой для разрушительного воздействия на экономические и социальные отношения; 5) Общества травмы возникают в том случае, если экономическое, социальное, и, конечно, политическое развитие страны пустило на самотек, не осуществляя мер по постоянному согласованию различных социальных интересов, а, тем более, не заботясь о будущем страны, как это произошло на Мадагаскаре, в Мали, на Филиппинах; 6) Это страны (Россия и ряд стран Восточной Европы) в результате ошибочного курса по изменению общественного строя уже более чем четверти века находятся в ситуации стагнации рецессии, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей» [Тощенко, 2019].

Новое десятилетие, с нашей точки зрения, потребует новых критериев группировки интеллигенции, в т.ч. гуманитарной. К сожалению, сохранится тенденция увеличения в этой группе числа прекариев, в том числе и прекариев наоборот (когда человек в поисках дополнительных доходов будет занят на нескольких работах). Возрастет значение таких критериев, как время, потраченное на повышение квалификации, подготовку новых публикаций, чтение новой литературы, на привлечение к экспертным работам, а участие в принятии управленческих решений и т.д.

«Признаюсь, — пишет популярный в Европе Ф. Бегбедер, — меня изумляет всеобщее равнодушие к начавшемуся концу света» [Бегбедер, 2014: 8]. Он пишет об увеличивающихся разрывах в достижениях информационных технологий и несвоевременным учетом возможных отрицательных последствий, а также о духовной деградации современников, их беспечности перед надвигающейся новой опасностью (тем, что сейчас называется сингулярностью). Может, он, через действия душ своих героев, говорит: «Не забывайте о Часах Судного дня!». Периодически эксперты, среди которых 18 лауреатов Нобелевских премий, оценивают уровень международной напряженности. А может быть, как и многие из нас не знают о завещании Герберта Уэллса, который в предисловии к изданию «Войны в воздухе» 1941 г. написал, что его эпитафией должна стать фраза «Я вас предупредил. Проклятые вы дураки?»

Пророчески воспринимаются сейчас и последние слова в последней работе З. Баумана: «Как никогда прежде, мы, обитатели планеты Земля, оказались в ситуации жесткого выбора: или взяться всем за руки, или лечь всем в общую могилу [Бауман, 2019, 157].

Литература:

Бауман З. Ретротопия. М., 2019.

Бегбедер Ф. Конец света. Первые итоги. Пер с фр.- СПб, 2014

Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы, стратегии. — М., 2016

Евзрезов Д.В., Майер Б.О. «Образование 2030 — вызов системе образования» [Новосибирск, 2014]

Карелов С. Обречен ли мир? Опубликована новая работа Ника Бострома «Гипотеза Уязвимого Мира». [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/the_world_is_not_easy/obrechen-li-mir-5c0a546f23ea6500adc5bf9f. Дата обращения 4.02.2020

Ларина Е., Овчинский В. Вперед к нечеловеческой цивилизации // Изборский клуб. -2019. -№7-8

Михалков Н.С. Бесогон. Россия между прошлым и будущим. — М., 2016
Образование, которое мы можем потерять. М., 2003

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2010

Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать с оставшимся 99% населения. М., 2016

Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2019

Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. — [Пер. с англ. А. Калинина и др. М., 2010

Хайнсон Гуннар. Сыновья и мировое господство. Террор при росте и падении Наций. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.budyon.org/gunnar-heinsohn-sohne-und-weltmacht-terror-im-aufstieg-und-fall-der-nationen/>. Дата обращения 4.02.2020

Четверикова О. Ликвидация: судьба российского образования. Общественные науки и современность, 2018 №6

Интеллигенция и средний класс

М.Ф. Черныш

член-корр. РАН, зам директора ИС ФНИСЦ РАН (г. Москва)

В наследство от прошлых эпох России достались несколько классифицирующих понятий, характеризующих классы и слои в обществе. В дореволюционном обществе в ходу были понятия, маркирующие сословную принадлежность — крестьяне, мещане, дворяне, духовенство. Понятие интеллигенция отличалось от них тем, что не подразумевало четких институциональных границ. Интеллигентом мог быть и дворянин, и мещанин и при соблюдении некоторых условий лицо, принадлежащее к духовному сословию. Трансгрессия понятия указывала на то, что оно не связано экономически с конкретными занятиями, а обозначало социальную группу, выделяемую по другим признакам. Важнейшим из них была, разумеется, образованность, эрудиция и способность мыслить общими категориями. Называться интеллигентами могли, прежде всего, лица, получившие фундаментальное образования, имевшие за плечами гимназию и, желательно, университет. В этой группе оказывались, таким образом, люди разных профессиональных занятий — преподаватели школ и вузов, врачи, инженеры и служащие государственных учреждений. Карл Манхейм подчеркивал, что высокий уровень образования — это не просто дорога в профессию, но и еще особое качество сознания, позволяющее его носителю выходить за рамки собственной классово-позиционной позиции, исследовать общественные проблемы не только так, как велит правящий класс, но и так, как он явлены в социальной жизни. Это особенность восприятия социальной побуждает интеллигенцию к эмпатии, сочувственному, сопереживательному отношению к другим социальным группам, «вжившихся» в социальную позицию, не ощущающих придавленности своего положения. В этом отношении интеллигенция мыслился синонимом благополучной прослойки городского населения, имеющей независимые от государства доходы [Манхейм, 2000: 102-259].

В стране, находящейся на стадии догоняющей развитые европейские общества, интеллигенции отводилась особая роль в распространении знаний, в создании ценностного камертона развития. С.В. Булгаков, говоря роли, которую должна сыграть интеллигенция, подчеркивал: «Худо ли это или хорошо, но судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна эта интеллигенция. Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый. Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!» [Булгаков, 2017: 40-41]. Интеллигенция, полагал Булгаков, надлежит не только собирать и распространять знания, но подавать обществу пример истинного патриотизма, духовности, самоотверженности, помогающего приблизиться к стандартам гуманной жизни, изжить те пороки, которые общество вынесло из прошлой истории. По сути речь шла о том, чтобы в российском обществе создать «интерпретационный класс» — образованную прослойку, транслирующую в общество ценности прогресса и утверждавшей собственной профессиональной деятельностью преимущества этого пути над всеми остальными. Интерпретации, а по сути присадке на российскую почву, подвергались ценности европейской жизни, в центре которых должно был, по мысли Булгакова, находиться идея эволюционного развития посредством постепенного, без радикального слома изменения российской жизни. Булгакова беспокоило то, что «интерпретаторы» мыслили свое предназначение совсем по-другому. В главу угла они ставили борьбу за политические преобразования и утверждение в обществе идеи распределительного равенства. Он с беспокойством отмечал, что эти установки отвлекают интеллигенцию от ее истинного предназначения, которое заключалось в том, чтобы менять нравы общества, демонстрируя ему собственные примеры духовности и трудолюбия, терпимость и сочувствие страждущим.

Манхейм, в отличие от Булгакова, полагал, что движение от конструирования абстракций к анализу конкретной социальной ситуации говорит о том, интеллигенция преодолевает рамки собственного ограниченного «классового» мировоззрения, берет на себя роль арби-

тра в противоречиях между разным общественными классами. Такой поворот происходит по мере того, как само общество развивается, как оно становится более городским, индустриальным. Таким образом, интеллигенция, обладающая необходимыми культурными ресурсами для того, чтобы осуществить диагностику общественных проблем, выполняет важную функцию, которую в обществе, развивающемся не может выполнить ни один другой класс, ни одна другая социальная общность.

Наряду с интеллигенцией, роль которой в обществе, становилось предметом бесконечной полемики, в дореволюционной России тихо, незаметно формировалась социальная группа, которую позже назовут средним классом. Эта группа не стала предметом обсуждения потому, что у вождей и теоретиков российского освобождения либо вообще не вызывала какого-либо интереса, либо провоцировала отвращение своей откровенной буржуазностью, мещанством, потребительством, отсутствием высоких идеалов. Как пишет в своей обстоятельной работе, посвященной российскому среднему классу Харли Балзер: «С тех пор, как Александр Герцен проклял буржуазию за то, что она не оправдала его ожиданий в 1848 г., российские радикалы либо игнорировали, либо презирали социальные группы, принадлежащие к среднему классу, уделяя наибольшее внимание сначала крестьянам, а позже рабочим» [Balzer, 1996: 293]. По его мнению, в дореволюционной России, начиная с 1900 г., на волне экономического подъема формировался средний класс, состоявший, прежде всего, из специалистов — профессионалов. В основе процесса профессионализации в России лежало создание специалистами собственных объединений, в рамках которых обсуждался и находил решение на демократической основе круг проблем, относившихся к той области, которой они занимались. В отличие от интеллигенции, лидеры которой ставили широкие политические задачи, российский средний класс сторонился политики, фокусируя внимание на предметах, имевших узкое, прикладное значение для соответствующей сферы. Разумеется, полного вовлечения в политику среднему классу избежать не удавалось, но подобные эпизоды были редкими, хотя и сыграли решающую роль в тех процессах, которые набирали силу в обществе. Как отмечал американский историк Кендал Бейлс российский средний класс сумел преодолеть разрозненность в период революции 1905 г., реагируя на рескрипт Булыгина, увольнение профессоров-преподавателей вузов и репрессии против студенчества. Однако в дальнейшем то протестное единство, которые были достигнуто в революционные дни, оказалось невозможным: профессиональные интересы снова вытеснили политические [Bales, 1996: 39-55].

Понятие интеллигенции успешно преодолело революционный водораздел и вошло в качестве основного группообразующего признака в советские идеологические схемы. Во многом это произошло благодаря классическим трудам советского марксизма и, в частности, работам В.И.Ленина, где оно широко используется. В новую эпоху понятие претерпело существенные изменения в сторону большей статусной определенности. Главным признаком группы стало считаться наличие высшего образования. В во втором издании Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1953 г., интеллигенция определяется как «социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих и т. п.)». Подчеркивается, что «будучи прослойкой, а не классом, интеллигенция неспособна играть самостоятельную политическую роль в общественной жизни». [Статья «Интеллигенция»/ Большая советская энциклопедия, 1953: 270]. В следующем издании энциклопедии определение интеллигенции смягчено, сказано, что это — «общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры.» [Статья «Интеллигенция»/ Большая советская энциклопедия, Т.10,1972: 311]. В статье ничего не говорится об отсутствии у интеллигенции политической роли в обществе. Напротив, подчеркивается, что при социализме интеллигенция занимается распространением знаний и культуры, то есть выполняет привычную для нее миссию «интерпретационного класса» с той лишь разницей, что в советский период интерпретации и пересаживанию на национальную почву должны не европейские идеалы свободы и развития, а социалистическая доктрина, претерпевающая изменения вровень с этапом развития страны.

Между тем, в обществе присутствовала и постепенно укреплялась численно группа, которую финский социолог Маркку Кивинен назвал квазисредним классом. Речь идет о группе, не имеющей специального статуса в государственной советской идеологии, но имеющей собственные интересы, не сводимые к политическому участию [Кивинен, 2006]. По мнению Кивинена, в эту группу входили специалисты, имеющие высокую квалификацию, занятые в ключевых отраслях социального воспроизводства — образовании, науке, здравоохранении. Даже в советское время эта категория работников имела высокий уровень автономии труда, который повышался по мере того, как работник продвигался по карьерной лестнице. Квази-средний класс имел возможность влиять на процесс принятия решений в масштабах предприятия

или даже в некоторых случаях на государственном уровне. Как показывали исследования, советский средний класс имел более высокие, чем в среднем стандарты жизни — более благополучные жилищные условия, более высокие доходы и, чаще, чем в среднем, собственные средства передвижения. Советский средний класс, в отличие от интеллигенции, не мог претендовать на самостоятельную политическую роль в советском обществе, но при этом, будучи многочисленной социальной группой, имел возможность ретранслировать в общество не только официальную позицию властей, но и критическую позицию, которую занимали в этот период некоторые противники режима. Квази-средний класс советской эпохи обнаружил кратковременную способность к мобилизации в решающий для общества переломный момент, поддержав идею реформирования страны. Однако в дальнейшем, как это ему и свойственно, отошел от политики, выбрав стратегию индивидуальной адаптации к меняющейся социальной ситуации.

Преобразования, в которые вступило общество в постсоветский период, имели следствием завершение проекта под названием «русская интеллигенция». В репертуаре идей, которыми располагали наиболее продвинутые представители образованного класса, не осталось неиспользованных резервов. Потеряли прежнюю привлекательность, обнаружив на российской почве серьезные изъяны, идеи рыночных преобразований, демократии, индивидуальной свободы. Нравственный, критический дискурс, имевший целью изменение распределительных отношений, потерял актуальность в условиях нарастающего индивидуализма и открытости границ, дающей возможность тем, кто претендует на более высокий уровень благополучия, покинуть страну и устроиться в одной из развитых стран Европы или Америки. Адам Михник, один из польских интеллектуалов, вдохновлявших рыночные реформы, заметил, что в период преобразований приходилось опираться на социальные группы, которым достигаемый успех неизбежно подписывал приговор [<https://www.hse.ru/video/17596705.html>]. Рабочие гданьских судоверфей были обречены, если реформы осуществлялись бы как задумывались, потерять стабильную работу, профессию, социальную защищенность и идеологически привилегированную позицию, которую имел рабочий класс в социалистических обществах. Советская интеллигенция, поддерживая рыночные реформы, тем самым, обрекала себя на вымирание. В индивидуализированном рыночном обществе, ориентированном на потребление, ее идея нравственного служения и общего блага не имела серьезной перспективы. Интеллигенция, как показывает история стран Восточной Европы — это важнейший агент социальных изменений в странах с преиму-

шественно аграрной экономикой и авторитарными режимами. Именно в этой категории находились большинство стран Восточной Европы, включая Россию. По мере того, как общество переходило к индустриальной стадии развития, а авторитарные формы управления уступали место демократическим, значимость интеллигенции снижалась. На ее место приходили интеллектуалы — социальная группа с высоким уровнем индивидуализации, назначение которой не в том, чтобы приносить в общество революционное сознание, внушить ему необходимость изменений, а в том, чтобы проблематизировать действительность, предлагая обществу разные образы настоящего и будущего. Как правило, интеллектуалы организованы в небольшие группы — клики, которые придерживаются разных, порой противоположных позиций. Интеллектуалы неохотно идут в политику или предлагают конкретные решения для тех проблем, которые сами акцентируют.

В постсоветский период в российском обществе предметом оживленного обсуждения стал концепт «среднего класса». Разные исследователи по-разному определяют эту группу в содержательном и количественном плане. Общим для всех определений является понимание того, что речь идет о социальной страте, имеющей доходы существенно выше средних величин, активно включенной в процесс расширенного потребления. Даже при таком, максимально широком определении постсоветский средний класс составляет не более одной пятой населения страны. Большинство среднего класса занято в отраслях с высоким денежным оборотом и сфере государственного управления, включая вооруженные силы и органы охраны правопорядка. Притом, что средний класс невелик, он достаточно разнороден и уже поэтому не способен к производству собственной, объединяющей всех идеологии. Это не означает, что средний класс не способен влиять на состояние общества. Норберт Элиас полагает, что именно средний класс осуществляет в обществе цивилизующий процесс, ведущий к преобразованию норм повседневного поведения [Элиас, 2001]. Снижение уровня насилия, включая насилие в семье, прогрессивные формы воспитания, совершенствование образования за счет его универсализации, бережное отношение к окружающей среде, толерантное отношение к практикам меньшинств — это, как правило, элементы поведения представителей среднего класса, которые постепенно входят в обиход других классов и слоев населения. Чем больше средний класс, тем значительнее его влияние на повседневность в обществе, тем выше его роль в политическом процессе, в котором он поддерживает «срединные», медиационные ценности, но при этом существенно меньше вероятность возрождения программы революционных, насильствен-

ных изменений. Интеллигенция сыграла свою роль в российской истории, пришло время среднего класса, который в отсутствие угроз его собственному социальному положению способен постепенно, шаг за шагом изменять качество социальных отношений.

Литература:

Bales K. Reflections on Russian Professions/ The Russian Missing Middle Class. Ed. By H.Balzer. N.Y.Armonk. 1996.

Balzer H. Conclusion: the Missing Middle Class/The Russian Missing Middle Class. Ed. By H.Balzer. N.Y.Armonk. 1996.

Булгаков С. Героизм и подвижничество/Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.Рипол классик. 2017.

Кивинен М. Перспективы среднего класса // Социологический журнал. 2006. №2. С.12–16

Мангейм К. Проблема интеллигенции. Проблема ее исследования в прошлом и настоящем/Мангейм К. Социология культуры. СПб. Университетская книга. 2000.

Михник А. Интервью: <https://www.hse.ru/video/17596705.html>

Статья «Интеллигенция»/Большая советская энциклопедия. Т. 18. М. Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия». 1953.

Статья «Интеллигенция»/Большая советская энциклопедия, Т. 10., М. Издательство «Советская энциклопедия», 1972.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. СПб. Университетская книга. 2001.

Интеллигенция в сравнительных межстрановых исследованиях — теоретические и методологические аспекты изучения

А.В. Андрееenkova

доктор социологических наук, зам. директора Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), г. Москва

Изучение интеллигенции, ее групповых особенностей, исторической и политической роли занимает важное место в социальных науках. Большое внимание и в общественном дискурсе к интеллигенции в России создает впечатление, что она является специфически российским феноменом. Такая точка зрения обосновывается особой ролью, которую интеллигенция сыграла в истории России, первенством в «изобретении» этого понятия, а также высоким уровнем самоидентификации с этой группой в российском обществе [Тощенко, 2019].

Проблемам интеллигенции много внимания уделяется и в других научных национальных школах: в странах бывшего СССР, например, в Казахстане [Жильдякова, 2019], Беларуси [Кохановский, 2007], Кыргызстане [Плоских, 2012], Украине [Радзиевский, 2014], Армении [Антонян, 2012], в странах Восточной Европы, в частности, в Польше [Szelenyi, 1979], Сербии [Draskovic, 2019], Болгарии [Daskalov, 1995], а также в Индии [Rudra, 1989], странах Африки [Mazrui, 2016], США [Kilson, 2014], Великобритании [Нискох, 1986] и других. Хотя позиция об уникальности российской интеллигенции глубоко и убедительно обоснована, есть немало оснований говорить о международном характере этого феномена, учитывая при этом, что его социальная значимость, этапы развития и трансформация проявляется в странах и регионах мира по-разному.

В то же время сравнительные межстрановые исследования, где интеллигенция была бы предметом изучения или использовалась как отдельная категория в рамках анализа других социальных явлений или процессов, пока немногочисленны и в основном ограничиваются

двух- или трехсторонними сравнениями [например, сравнительный анализ интеллигенции Венгрии и Польши – Kennedy, 1992.].

Редкое использование сравнительного анализа эмпирических данных для изучения интеллигенции не может оказаться случайным. Мы видим как минимум три важных причины, которые ограничивают такие исследования. Первая среди них – концептуальные различия в определении интеллигенции, ее месте в социальной структуре, основанные на различиях в национальных социологических научных школах, доминирующей парадигме в изучении социальной структуры. Во-вторых, сравнительное изучение этой группы ограничено особенностями социокультурного контекста, исторической асинхронности социально-экономического и политического развития разных стран, процесса модернизации и постмодернизации, влияющими на ценностно-нравственные матрицы. В-третьих, серьезным барьером является теоретико-методологическая двойственность понятия «интеллигенция», встроенная почти во все теоретические и эмпирические исследования – социально-структурной и социально-культурной, морально-этической и духовой направленности.

Историко-социологический подход, который широко применяется при изучении этого феномена в социальных науках и в России, и в других странах, показал свою высокую продуктивность. Но в таком анализе интеллигенция, рассматриваемая как целостный историко-культурный феномен, представляется уникальным явлением, возникшим и развивающимся в конкретных временных и социальных условиях, и не поддается сравнительному анализу. Такой холистический подход для анализа социальных явлений применяется для изучения и других социальных круп, выделяя их в специфически национальные категории – «немецкий рабочий класс», «американский средний класс», «французская буржуазия». Сравнительный структурно-функциональный подход мог бы стать важным дополнением в изучении этого феномена, позволил бы перейти на более высокий уровень абстракции, на анализ структур, их роли и функций. Для сравнительного эмпирического изучения интеллигенции требуется его эквивалентная операционализация в конкретных показателях, поддающихся измерению в массовом опросе в разных странах [Андреевкова, 2017].

Интеллигенция в сравнительном межстрановом анализе

Если полномасштабных комплексных исследований, посвященных сравнительному изучению интеллигенции в межстрановом контексте с большим количеством стран, пока немного, это не значит, что это на-

правление исследований не развивалось вовсе. Все многообразие научного поля сравнительного изучения интеллигенции в социологии с использованием эмпирических методов мы предлагаем условно разделить на несколько предметно-тематических направлений:

а) Интеллигенция как составляющая социально-классовой или социально-профессиональной структуры общества, изменение роли интеллигенции в процессе социально-структурной трансформации обществ в период перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, особенности творческого и созидательного труда.

б) Интеллигенция в структуре распределения общественных ресурсов, носитель определенного социального капитала (образовательного, культурного, духовного), группа с определенным образом или стилем жизни, потреблении культурно-духовных ценностей, ее место в структуре социальных элит (культурная, интеллектуальная, технологическая)

в) Интеллигенция и ее роль в производстве и поддержании, сохранении морально-нравственных норм, духовных ценностей, поведенческих моделей.

г) Интеллигенция в структуре групповых идентичностей.

Наиболее развитым направлением являются сравнительные исследования социальной структуры разных обществ, проводимых с середины 1960-х гг. К первым подобным исследованиям относится проект *«Политическое участие и политическая стратификация в разных странах»* (Г. Ашер, Б. Ричардсон и Г. Вайсберг), проведенное в 8 странах, а затем продолженной С. Верба, Н. Найем и Д.-О. Кимом в в еще 7 странах (*«Политическое участие и Равенство»*). Концепция и термин «интеллигенция» в этих исследованиях, построенных на неовеберовских и структурно-функциональных теориях социальной стратификации, напрямую не использовались. Однако при более широкой постановке вопроса о проблемах социально-классового неравенства и особой роли образованного класса, профессионалов во всех изучаемых обществах, показало возможности сравнительного подхода к изучаемым проблемам, выявило многие общие черты в странах с разным экономическим и политическим строем.

На неомарксистских теориях классов, было построено другое сравнительное исследование, *«Классовая структура и классовое сознание»* (рук. Эрик Райт, E. Wright), раскрывающее понятие класс со стороны трудовых и управленческих отношений. Этот проект послужил началу работы по построению сравнимых показателей для измерения положения человека в структуре классовых отношений в разных обществах. В проекте была протестирована схема Э. Райта, основанная на крите-

риях отношения человека к средствам производства, управленческим функциям и положению в организационной иерархии. В этой схеме отдельными понятиями, которые описывали наиболее близкие к интеллигенции социальные группы, являлись «эксперты», «квалифицированные менеджеры» и «неквалифицированные менеджеры».

В социалистических странах задача сравнительного изучения социальной структуры обществ была поставлена в исследовании *«Влияние высшего образования на воспроизводство и развитие социальных структур социалистического общества»* (рук. советской части Ф.Р. Филиппов), проведенное в 6 социалистических странах в 1976-1978 гг. Наряду с другими вопросами, в исследовании рассматривались проблемы расширения высшего образования и его роль в увеличении группы профессионалов и интеллигенции, проведен анализ типичных жизненных путей разных социальных групп, источников рекрутирования и мотивации молодежи, поступающей в высшую школу [Молодежь..., 1984]. Более углубленно проблемы взаимоотношений групп технической интеллигенции и рабочего класса рассматривались в проекте *«Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции социалистических стран»*, проведенное в 1976-1982 гг. в 6 социалистических странах [Сближение..., 1985]. В этом исследовании интеллигенция явным образом выделялась как один из основных классов (слоев) социалистического общества, анализировались ее особенности в трудовой сфере, образе жизни, потребительское поведения и установки. Результаты исследования показали схожесть общей социальной структуры и особенностей инженерно-технической интеллигенции в разных странах.

Новым толчком к развитию сравнительных исследований социальной структуры стали трансформационные процессы в постсоциалистических странах в 1990-е гг. В сравнительном проекте *«Социальная стратификация в Восточной Европе после 1989 года»*, проведенном в 6 странах, в том числе и в России, впервые разрабатывались и применялись международные стандарты эквивалентных измерений образовательного и профессионального статуса [Treiman, 1993], изучалось перераспределение властных и экономических ресурсов в обществе, источники рекрутирования «новых элит». Исследование показало, что одним из основных источников их комплектования во всех изучаемых обществах стала интеллигенция, что одновременно привело к размыванию границ этой группы, сокращению ее численности и дальнейшему внутреннему расслоению. В исследовании середины 1990-х гг. *«Этническое происхождение, национальность и гражданство»* (Д. Эванс, С. Уайтфилд), проведенном в 9 странах Восточной Европы и 3 постсоветских странах (Литве, Украине и России) наряду с анализом социаль-

но-профессионального статуса, используемым для построения классовой схемы Голдторпа-Эрикссона, был применен подход по измерению социального положения через самоидентификацию с социальным классом. В список понятий включалась «интеллигенция». На основе полученных данных был проведен анализ социально-профессиональной идентификации, а также ее влияния на электоральный выбор в этих странах [Evans, 1999]. Подобный подход уже в 2000-х гг. используется в Российском социальном исследовании на базе ESS (Европейского социального исследования) для России [Андреевков, 2009].

В последние два десятилетия в многострановых сравнительных исследованиях преобладает эмпирический концептуально нейтральный подход к измерению и выделению стратификационных групп. В исследования включаются большое количество показателей социально-профессионального статуса, характера труда, управленческих функций и человеческого капитала, которые затем могут быть использованы для построения социально-классовых, стратификационных или статусных одномерных или многомерных схем в зависимости от целей и задач аналитического исследования и применяемых теоретических подходов.

Другие направления в сравнительном изучении интеллигенции, понимаемой как носитель культурного или интеллектуального капитала, являющейся основанием для групповой идентичности, получили пока гораздо меньшее развитие, чем структурно-стратификационное направление. Однако в последние годы именно эта линия изучения выходит на первый план. Начиная с 1990-х годов стали проводиться сравнительные исследовательские проекты по изучению качества образования, профессионализации и его общегуманитарной функции, роли образования в сокращении социальных неравенств, «человеческого капитала» как фактора социальной мобильности и показателя социального статуса. Сравнительному изучению элит с различными ресурсами и капиталом (политическим, экономическим, культурным, интеллектуальным), конвергенции и дифференциации этих капиталов посвящено много теоретических работ и отдельные эмпирические сравнительные исследования на примере ограниченного количества стран.

Есть ли будущее у сравнительных исследований интеллигенции?

Несмотря на постоянно провозглашаемую «смерть» интеллигенции, как и «социальных классов» в целом [Pakulski, 1996], а также сомнений в ценности этого научного термина для описания и изучения современной социальной реальности, оно не уходит из оборота ни в России, ни в других странах. Нежелание или даже невозможность смириться с ис-

чезновением интеллигенции из нашей жизни или научного словаря говорит о том, что интеллигенцию рано списывать со счетов. В изучении интеллигенции остается еще много нереализованных возможностей и перспектив. Продолжая линию социально-структурных сравнительных исследований, в последние годы растет интерес к изучению новых социальных групп, которые служат локомотивами для социального развития обществ, — «креативного класса» [Florida, 2002], создателей «общества знаний», созидательного класса. Фрагментация и дифференциация группы интеллигенции, которая происходила на протяжении всего XX века по мере роста образования, увеличения количества рабочих мест с творческим характером труда, стала основанием для сравнительного изучения социально-профессиональных групп внутри интеллигенции (творческой, научной, инженерно-технической, гуманитарной) — образа жизни, источников рекрутирования, мотивации, политических взглядов [пример подобного исследования — сравнение образованных классов Великобритании и Франции: Brown, 2016].

Особое социально-структурное положение интеллигенции вело к тому, что никогда полностью не описывались особенности этой общности. Притягательность и социальная значимость интеллигенции определяется скорее ценностно-культурными характеристиками, ее способностью создавать и сохранять культурные модели, ее обладанием символическим капиталом, а также особой ролью в политической жизни, гражданском обществе — критическом отношении к властвующим элитам и их решениям, интеллектуальный противовес силовым возможностям властей, роль социального арбитра. Сегодня эта функция вряд ли может быть закреплена за каким-то одним социальным классом или группой. Создание культурно-этических моделей, формулировка прогрессивных политических целей становится задачей для разных социальных слоев. Сравнительные исследования на базе эмпирических данных могут стать эффективным инструментом изучения процесса накопления и производства культурного капитала и культурного потребления в современных обществах. В этом качестве интеллигенция выступает как виртуальное сообщество, объединенное общими ценностями, стилем жизни и социально-политическими взглядами. Сравнительное изучение размера такого сообщества и его веса в социальной жизни разных стран может оказаться одним из наиболее значимых факторов, определяющих успешность и эффективность развития стран и обществ. Новым исследовательским вопросом, к решению которого можно подойти с помощью методов сравнительных межстрановых исследований, является глобализация «культурного» класса, появлении нового международной интеллектуальной общности — глобальной интеллигенции. Такие про-

цессы связаны с глобализацией науки, культуры, образования и массового информирования. Насколько далеко он зашел, какие страны вносят наибольший вклад в этот процесс и как это скажется на национальных культурах остается пока открытым вопросом.

Одной из важнейших характеристик «интеллигентности» и «интеллигенции» являются особые ценности этой группы — совесть, сострадание, толерантность к инаковости, человечность, гуманизм, уважение к культуре и знаниям. Для определения таких ценностей в разные периоды времени и в разных регионах использовались такие определения как «общечеловеческие», «европейские», «гуманистические», «постматериалистические». Какие бы названия они не носили, вопрос о том, какие группы в обществе являются носителями и двигателями таких «ценностей интеллигентности», является на сегодняшний день одним из ключевых для всех стран.

Помимо морально-нравственных качеств особенностью интеллигенции являются особые модели поведения — сдержанность, хорошие манеры, культура общения, «интеллигентный образ жизни» — интерес к культурным достижениям человечества, высокое потребление культурных ценностей, в частности, книг, саморефлексия, выстраивание социальных отношений на основе уважения и терпимости. В качестве ценностно-ролевой модели «интеллигент» представляется не реальной, а «идеальной» или «желаемой» группой, с которой хотели бы себя идентифицировать люди и к которому стремятся. На наш взгляд, на сегодняшний день вопрос о выделении интеллигенции в особую реальную социальную общность, отвечающую определенным параметрам, поиск ее места в реальном социуме, отходит на второй план. А на первый выходит вопрос о распространении качеств, присущих интеллигенции, ценностно-культурных и поведенческих моделей как носителя социальных идеалов, формирующих духовно-нравственные ожидания и нормы.

Литература:

Андреенков В.Г. Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях / Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / Под ред. А.В.Андреенковой и Л.А.Беляевой. М.: Academia, 2009. Р. 13–46.

Андреенкова А.В. Изучение интеллигенции как социально-профессиональной группы в сравнительных межстрановых исследованиях — пример России в Европейском социальном исследовании (ESS) // Профессиональная культура российской интеллигенции. Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2017. С. 345–355.

Антонян Ю. Современная армянская интеллигенция // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2012. №1. С. 76–100.

- Кильдякова Е.Н.* К вопросу о роли казахской интеллигенции в формировании национальной государственности // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. №8 (Vol. 56).
- Кохановский А.Г.* Белорусская интеллигенция: самоопределение и этапы становления в XIX-начале XX / Працы гістарычнага факультэта БДУ. Под ред. У.К. Коршук. Минск: БДУ, 2007. С. 3–20.
- Молодежь и высшее образование в социалистических странах/ Под ред. Филиппова Ф.Р., Митева П.Э. М.: 1984.
- Плоских С.В.* Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху : автореферат диссертации на соискание уч. ст. д.ист.н. Бишкек, 2012.
- Радзиевский В.* Украинская интеллигенция: культурный феномен или субкультурная реальность? // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 3 (20). С. 10–15.
- Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции социалистических стран. (По результатам межд. сравнит. исследования) / Под ред. М. Леча, Г. Осипова, Ф. Харвата. Прага: Институт философии и социологии ЧСАИ, 1985.
- Тощенко Ж.Т.* Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции / Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2019. С. 14–23.
- Brown P., Power S., Tholen G., Alouch A.* Credentials, talent and cultural capital: a comparative study of educational elites in England and France // British Journal of Sociology of Education. 2016. Vol. 37, N 2. P. 191–211.
- Daskalov R.* Transformations of the East European Intelligentsia: Reflections on the Bulgarian Case // East European Politics and Societies. 1995. N 10.1. P. 46–84.
- Draskovic V., Bauk S., Evovic R.*, Position of Intelligentsia in Former Yugoslavia / Intelligentsia and Modernity. 2019. XX issue. Moscow, Russia. P.148-156.
- Evans G., Mills C.* Are there Classes in Post-Communist Societies? A New Approach to Identifying Class Structure // Sociology. 1999. N33. P. 23–46.
- Florida R.* The Rise of the creative class, and how it is transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002.
- Hickox M.S.* Has There Been a British Intelligentsia? // The British Journal of Sociology. 1986. Vol. 37, No. 2. P. 260–268.
- Kennedy M.D.* The intelligentsia in the constitution of civil societies and post-communist regimes in Hungary and Poland // Theory and Society. 1992. No. 21(1). P. 29–76.
- Kilson M.* Transformation of the African American Intelligentsia, 1880–2012. Oxford University press, 2014.
- Mazrui A., Kaba A.J.* The African Intelligentsia: Domestic Decline and Global Ascent. USA: Red Sea Press, 2016.
- Rudra A.* Emergence of the Intelligentsia as a Ruling Class in India // Economic and Political Weekly. 1989. Vol. 24, No. 3. P. 142–150.
- Szelenyi I.* The position of the intelligentsia in the class structure of state socialist societies // Critique. 1979. N 10:1. P. 51–76.
- Pakulski J., Walters M.* The Death of Class, London: Sage, 1996.
- Treiman D.J., Szelenyi I.* Social Stratification in Eastern Europe after 1989 / Transformation Processes in Eastern Europe. The Hague: NWO, 1993. P. 163–178.

Способы адаптации (стили жизни) интеллигенции в рыночной стихии

А.А. Возьмитель

доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

Попытка реформации России по американскому образцу без учета традиций, менталитета и духовно-нравственных основ российского общества, а также жизненно важных интересов простых людей, привела к массовому «созидательно-разрушительному» поведению, к высвобождению огромной энергии социального распада, эмиссия которой резко активизировала производство многочисленных рисков, усилила действие конфликтогенных факторов во всех основных сферах жизнедеятельности общества. Это, пожалуй, основной вывод проведенного нами анализа.

Увы, именно устаревший к концу XX в. вариант модернизации в форме «вестернизации», показавший к тому времени свою социально-экономическую неэффективность во многих развивающихся странах, был заимствован «нашими» реформаторами. Избранный вариант не просто игнорировал сложившиеся в нашем обществе традиции, культуру и образ жизни, но был направлен на их полное разрушение во имя того, чтобы чье-то чужое прошлое сделать нашим будущим. По существу, была поставлена задача сломать защитный пояс русской культуры и перестроить скрытые за ним механизмы исторической наследственности. Практическая реализация этой цели олигархическими группировками, обладавшими неограниченными возможностями контроля над информационными потоками и, нередко, диктовавшими власти, что ей делать, запустила процесс самоликвидации России, превратившейся с помощью «приватизации» общественной собственности в кастовое общество с замкнувшимся в себе правящим классом

и неимущим, бесправным, ставшим вдруг ненужным населением (народом). С пенсионерами без пенсий, медициной без медицинского страхования, огромным количеством машин без нормально работающего общественного транспорта, но с криминальным бизнесом, корумпированным чиновничеством и правоохранительными органами.

Несмотря на весьма благоприятные стартовые условия, на самые богатые в мире недра, высокую квалификацию и низкую стоимость рабочей силы, огромный потенциал высоких технологий, мощный сектор исследований и разработок — все рухнуло. Целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией, экономика стала убого сырьевой, развалились промышленность, наука, культура, системы правовой и нравственной регуляции, упала рождаемость, но зато резко возросли преступность, алкоголизм и наркомания, а также смертность, особенно среди мужчин в трудоспособных возрастах. Появилась дикое социальное неравенство, расколотое общество и власть, сделавшая прибыль, наживу и корысть главным стержнем и главной мотивацией своей политики.

Все эти процессы привели к социальному «банкротству» интеллигенции: потери ею ранее накопленного жизненного капитала не только как производительной силы, но и в качестве высокого культурного эталона, «совести нации». Ввиду обесценивания квалифицированного труда, профессионалы нередко вынуждены работать не по специальности и на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Многие ушли в «челноки» и другой мелкий бизнес. Значительная часть подалась в интеллектуальную челядь для олигархов, криминальных и полукриминальных сообществ. Многие пошли на госслужбу, в аппараты партий и правительств, многочисленные государственные и частные коммерческие организации. В полунницах науке и некоммерческой культуре остались работать энтузиасты, не мыслящие себя вне своих профессиональных занятий.

Иначе говоря, произошло не только «банкротство», но и «распыление» интеллигенции, что позволяет некоторым ученым говорить об её исчезновении в нашей стране. Мы не намерены ввязываться в полемику по поводу сущностного определения этой группы. Ведь даже в «распыленном» виде, не имея высокого уровня рефлексивного взаимодействия своих членов, она продолжает производить и внедрять в повседневную жизнь определенные социальные нормы, ценности, качества и смыслы.

В условиях нестабильного, кризисного общества, в котором утрачена целостность образа жизни, а сам он выступает в форме конгломерата противостоящих друг к другу, не редко антагонистических способов и стилей жизни, — весьма важно определить формы адаптации российской интеллигенции к рыночной стихии. Сделать это

можно разработав и проанализировав различные типы этой адаптации в виде стилей жизни, продуцируемых этой группой.

В нашем эмпирическом исследовании¹ для определения и выделения группы интеллигенции из всего массива опрошенных, мы использовали два показателя — наличие высшего образования и занятости: в госструктурах — аппаратах управления и правоохранительных органах; в финансах (банки, налоговики, страховщики, бухгалтера) и в социокультурной сфере (врачи, учителя, ученые, лица свободных творческих профессий).

Используя базовый методологический принцип, применяемый нами для идентификации социальных типов, продуцирующих те или иные способы жизни [Возьмитель, 2017:31-32], мы положили в основу их изучения характеристики трудовой деятельности, включающие в себе ее деятельную мотивацию, отражающую современные базовые установки личности в процессе производства своего материального бытия. Названные типы и субъекты имеют общие жизненные практики, синхронизированные с практиками других агентов на основе единого поля взаимодействия в рамках схожих социальных условий, отражающих общность той или иной модели (способа или стиля) жизни.

В качестве базовых индикаторов конструируемой типологии выступали ответы респондентов на вопрос о событиях, которые случились с ними, за 5 лет до опроса с констатацией факта: это было — этого не было:

- Вы брались за любую тяжелую или непривлекательную работу, чтобы обеспечить себе (семье) достойный уровень жизни;
- Вам приходилось рисковать (имуществом, репутацией, возможно даже жизнью) ради получения большого дохода;

В результате получилось перекрестная типология, представленная четырьмя условно названными группами субъектов:

«Бизнесмены» — люди, берущиеся за любую, в том числе тяжелую, непривлекательную работу, чтобы обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни и при этом рискующие (имуществом, репутацией, возможно жизнью) для получения большого дохода (12,8%).

«Игроки». В отличие от «бизнесменов» способы достижения высоко материального положения у них существенно иные. Риск присущ в полной мере, но за любую черновую работу они не берутся (9,8%).

1. Опрошено 640 человек в городе Москве, репрезентация по полу и возрасту.
А.А. Возьмитель: Г.И. Осадная; И.В. Лескова. РФФИ, грант 16-03-00841/17 ОГОН «Образ жизни россиян в советской и постсоветской России. Сравнительный анализ и оценка изменений»
Автор методики исследования А.А. Возьмитель.

«Трудяги» — люди берущиеся за любую тяжелую или непривлекательную работу, лишённую элементов риска (25%)

«Обыватели» — люди не склонные к сверхнормативной тяжелой или непривлекательной работе, а тем более к серьезному риску в целях повышения материального благосостояния семьи (52,4%).

Как видно из описания представленных типов, первые два из них появились лишь в постсоветское время. А поскольку не только свобода, риск, инновации, но и тяжелая упорная работа являются принципиальными характеристиками предпринимательской деятельности, для нас «бизнесмены» и «игроки» выступают в качестве представителей рыночной среды в слое интеллигенции. «Трудяги» же и «обыватели» были в ней с самого начала её существования, а не только в советское время.

По сути, мы тут изучаем два типа субкультур интеллигенции: свободного и традиционного индивидуального выбора. Выяснить, что они из себя реально представляют и что несут обществу — главная цель нашего исследования.

Представители выделенных социальных типов отчетливо разделяются по своему статусу. Доля рядовых работников ожидаемо выше в группе «трудяг» (43,9%). У «игроков» и «обывателей» их количество примерно одинаково (37-38%). Отчетливая зависимость проявляется в представленности руководителей среднего и низшего звена в этих группах: у бизнесменов (61,9%), игроков (50,7%), обывателей (41,9 %), трудяг (34,1%).

Таким образом налицо довольно тесная взаимосвязь мотивационно — деятельностных характеристик, положенных в основу типологии и социально экономического положения наших респондентов. Указанная взаимосвязь во многом определяет существенные различия в жизнедеятельности выделенных наших субъектов.

«Бизнесмены». В группе представлены в основном мужчины (76,2%), старше 40 лет (59,9%). Руководителей разного ранга тут 76,2%. Главная особенность группы — лидерство по многим жизненным параметрам (позициям) как положительным, так и отрицательным. У бизнесменов самый высокий уровень жизни (трудности в их семьях могут возникать лишь при покупке квартиры, автомобиля или дачи — 47,6%, а 28,6 % могут вообще ни в чем себе не отказывать. У них самые лучшие жилищные условия (хорошие — 76,2%) и парадоксальная ситуация с ценностными ориентациями. Группа выступает лидером традиционных (23,8%), либеральных (33,3%), а также либерально-традиционных ориентаций одновременно (42,9%).

Бизнесмены живут в основном в благоприятном социальном окружении, где почти все или большинство ведут здоровый образ жизни

ни (61,9%); стремятся работать как можно лучше (81%); уверены в завтрашнем дне (66,7%). В то же время, в их ближнем круге немало людей почти все или большинство которых стремятся взять от общества побольше, а дать ему поменьше (61,9%); заняты только своим личным благополучием (52,4%); плохо относятся к другим национальностям (28,6%). Не все ладно складывается на работе и в личной сфере: напряженные отношения с непосредственными руководителями (52,4%) и в семье — 28,6 % бизнесменов (что в несколько раз больше нежели в других группах) не раз сожалели о вступлении в тот брак, в котором состоят сегодня.

Их терминальные ценности традиционного плана. В пятерке главных крепкая семья, хорошие дети (57,1%); хорошо зарабатывать, чтобы жить достойно (52,4%); уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив (38,1%); интересная работа, позволяющая проявить свои способности и талант (33,3%); уважение окружающих (33,3%). Но вот главные, наиболее важные средства достижения этих благородных целей явно рыночного плана: связи с «нужными» людьми (57,1%), умение приспособиться (52,4%), деньги (47,6%). Столь же значимо для них трудолюбие, добросовестное отношение к делу и образование (по 52,4%). Для трети анализируемой группы очень важны способности, талант и честность, принципиальность. Отзывчивость, чуткость к другим людям являются для этой группы весьма малозначимыми средствами достижения их целей.

Такое вот своеобразное сочетание традиционных целей и практически любых средств их достижения. Это группа предельно прагматичных, рефлексующих деловых людей, умело использующих любую ситуацию для реализации личных целей. И судя по всему, весьма успешно. Возможно, именно поэтому, они гораздо лояльнее других групп оценивают деятельность сегодняшней власти: только бизнесмены в своем подавляющем большинстве (76,2%) полагают, что простой человек может отстаивать свои законные права перед местным и региональным чиновничеством. И они же лидируют в адекватной оценке главного смысла деятельности госструктур как защиты ведомственных интересов (47,6%).

Тем не менее именно прагматическая трезвая рефлексия позволяет им весьма высоко оценивать достижения СССР в сравнении с сегодняшней Россией: СССР — СЕГОДНЯШНЯЯ РОССИЯ: это государство независимое 81% — 47,6%; сильное 81% — 52,4%; безопасное для своих граждан 76,2% — 33,3%; помогающие своим гражданам 76,2% — 42,9 %; справедливое 61,9% — 33,3%. Поэтому, вполне закономерным представляется избрание большинством этой группы со-

ветской системы в различных модификациях в качестве той, что более всего подходит сегодняшней России.

«Игроки». Эта группа значительно отличается от бизнесменов и в терминальных и в инструментальных ценностях, главным стержнем которых являются большие деньги и сомнительные способы их приобретения. 50% хотят стать богатыми людьми, другая половина — зарабатывать, чтобы жить достойно. Крепкая семья, хорошие дети для них менее важны, чем для бизнесменов (43,8%). Но зато эта единственная группа, в которой карьера и власть набирают треть голосов, что, как минимум, в два раза больше, нежели в других группах. Как и бизнесменам им не чужд патриотизм: 81% готовы работать на благо страны, а не только на себя (у бизнесменов 76,4%), а их отношение к богатым и власти наиболее лояльное из всех групп.

Четверть игроков готовы рискнуть всем что имеют и чем дорожат, чтобы разбогатеть по-настоящему. Именно стремление к богатству и карьере оказывает влияние на способы их достижения. Игрокам очень важны связи с «нужными» людьми (56,3%), образование (50%), деньги и умение приспособиться (по 37,5%). В меньшей степени трудолюбие, честность, принципиальность (по 33,3%).

По семейному доходу они занимают второе место после бизнесменов у 50% возникают трудности лишь при покупке квартиры, автомобиля или дачи, а 12,5% могут ни в чем себе не отказывать. Они больше всех довольны жизнью: если у бизнесменов преобладает настроение нормальное, ровное (52,4%), то у игроков хорошее, оптимистическое (62,5%).

Их положительные оценки СССР как правило перекрывают аналогичные оценки сегодняшней России, но с гораздо меньшей разницей, нежели у бизнесменов. Тем не менее они выбирают сегодняшнюю социально-политическую организацию России (37,5%) в качестве наиболее подходящей для неё. За советскую систему высказываются 31,4% группы, т.е. в два раза меньше, чем у бизнесменов.

«Трудыги». Мужчин в этой группе представлено значительно меньше, чем в предыдущих (58,5%); Другая ситуация с возрастом — 51,8% составляют достаточны молодые люди 18–39 лет. Их терминальные ценности классически традиционны: крепкая семья, хорошие дети (78%); хорошо зарабатывать (46,3%); иметь интересную работу (41,5%); уважение окружающих (29,3%); уверенность в завтрашнем дне (22,0%).

Главными способами достижения всего этого выступают умение приспособиться (43,9%), деньги (41,5%), трудолюбие, добросовестное отношение к делу (41,5%), связи с нужными людьми (39%), образование (36,3%). У группы неплохой семейный доход для страны в целом, но самый низкий среди анализируемых групп: у 51,2% трудности мо-

гут возникнуть при покупке автомобиля или дачи, а 2,4% могут себе ни в чем не отказывать. В отличие от бизнесменов и игроков только 17% трудяг хотят разбогатеть по-настоящему, хотя гедонистическая установка «надо уметь наслаждаться радостями, что дарит нам жизнь», представлена в этой группе в гораздо большей степени, нежели в других (75,6%). Соответственно, вкалывать на благо страны, а не только на себя согласны лишь 51,2% трудяг.

Отношение к власти и к богатым у них наихудшее среди рассматриваемых групп. Положительные оценки СССР перекрывают аналогичные оценки сегодняшней России на 10 – 30%. Отсюда и выбор советской системы как наиболее подходящей для России (48,7%), сегодняшней России – 12,2 %.

«Обыватели». Это единственная в нашей выборке группа, в которой преобладают женщины (56%). Возрастной состав тут самый молодой (59,3%) в возрасте 18–39 лет. Однако руководителей в группе больше, чем у трудяг и примерно столько же, сколько у игроков 61,7%.

Среди обывателей наименьшее число лиц стремящихся к богатству – 12%. Главная их устремленность – крепкая, надежная семья (75,6%) в сочетании с хорошими заработками (46,5%), уверенностью в завтрашнем дне (37,2%) интересной работой, позволяющей проявить свои способности и талант (31,4%). Все это достаточно типичные ориентации на жизнь «как все», реализуемые также весьма типичными способами для сегодняшней России: связями с «нужными» людьми (46,5%), трудолюбием, добросовестным отношением к делу (44,2%), образованием (40,7%), деньгами (27,9%), способностями и талантом (27,9%). У обывателей третье место после бизнесменов по материальному положению семьи: трудности могут возникать лишь при покупке квартиры, автомобиля или дачи у 55,8 %, а 9,8% могут ни в чем себе не отказывать. Их гедонизм (60,5 %), успешно сочетается с патриотизмом – 64% согласны работать на благо страны, а не только на себя. Это единственная группа, 43% которой (что значительно больше, чем в других группах) согласны с тем, что главные смысл деятельности сотрудников государственных (в том числе правоохранительных) структур является защитой интересов простых людей. Вероятно, и от этого тоже, а не только от молодости настроение у обывателей наилучшее.

В их оценках прошлого и настоящего, сегодняшняя Россия активно догоняет СССР по социально-политическим характеристикам. Видимо поэтому 29,8% считают советскую систему наиболее подходящей для России, а 28,6% полагают, что таковой должна быть модель сегодняшнего российского общества.

Итак, в российском обществе даже среди интеллектуалов продолжается активный процесс диверсификации стилей жизни, субъектами которых выступают личности с различными мотивационно-деятельностными характеристиками. В новой социально-экономической реальности каждый человек выбирает свой стиль жизни, далеко не всегда отвечающий интересам общества и государства, но обеспечивающий ему приемлемые форму и меру реализации базовых жизненных установок, благополучия и согласия с миром.

В современных противоречивых социально-экономических условиях наиболее выигрышной стратегией оказывается стиль жизни, не связанный с интенсивной трудовой деятельностью, но предполагающий определенный риск, чтобы взять от общества побольше, а дать ему поменьше, получая хороший доход, сохраняя со всеми хорошие отношения и радуясь жизни.

Весьма интересен и важен для российского общества стиль жизни бизнесменов интеллектуалов, сочетающий упорный труд с продуманным риском. Здесь представлена группа образованных рефлексирующих прагматиков, использующих любую ситуацию и любые средства для реализации своих целей. Они добиваются всего чего хотят, так как хорошо разбираются в том, что происходит в обществе и в их профессиональной сфере деятельности. Отсюда преобладает ровное настроение, но также беспокойство и раздражение значительно сильнее, нежели в других группах.

Наиболее проигрышной стратегией у представителей интеллигенции является готовность к тяжелому труду без элементов риска, которая позволяет многим избежать бедности.

Стиль жизни обывателей самой молодой нашей группы с преобладанием женского пола отражает интересы и практики современной интеллектуальной молодежи, которая неплохо зарабатывает, не берясь за любую работу и не рискуя ничем ради обеспечения достойной жизни себе и семье. Она явно восприимчива к либеральной пропаганде, представляя поколение «гаджетов», ежедневно и подолгу находящих-ся в интернете.

Теперь о нашей выборке в целом. В ней представлены в подавляющем большинстве хорошо оплачиваемые работники московских государственных и коммерческих структур. 61,7 % — начальство разного уровня. Трое из четырех всегда работают в полную меру своих возможностей. Шестеро из десяти — всегда интенсивно и результативно; 16,5%, не всегда интенсивно, но всегда результативно. У них хорошие жилищные условия (67,7%) и жизненные перспективы 73,2%. Да и жизнь в целом складывается хорошо (78,2%). В основном это

активные люди, готовые к переменам (60%), чтобы жить лучше и достойнее. Не только в социальном, но и справедливом обществе, независимом, сильном и правовом государстве. Что-то в этом направлении власть делает, но явно недостаточно, не системно. А напряжение нарастает даже в нашей благополучной интеллигентной группе. Так, в течение года до проведения опроса, 76,2% её состава испытывали часто или иногда чувства несправедливости всего того, что происходит вокруг; 78% — беззащитности перед произволом чиновников, работников правоохранительных органов и тесно связанных предпринимателей; 87,8 % — ненависти к тем группам и отдельным лицам по воле которых жизнь в стране стала такой, какой она есть сегодня.

Литература:

Возьмитель А.А. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник ИС РАН. 2017. №4 (23).

Интеллигенция в обыденности военно-политического кризиса (немного из личных наблюдений)

А.В. Яковенко

доктор социологических наук, профессор
Луганского национального
университета имени Владимира Даля (Луганск)

...Сотни тысячи жизней, ни за что, ни за чем.
Просто жили как жили, в миг, оставшись ни с чем.
Разбежались, разлились в сотни тысячи троп,
Убежали, спасаясь... Правда, кто-то не смог.
То ли стар, то ли принцип, то ли средств не скопил.
Может верил в надежду или долг не пустил...
(июль–август 2014)

Последующее повествование вряд ли претендует на формат сугубо научной публикации. Однако если темой авторитетной конференции становится изучение и понимание стилей и образов жизни представителей современной интеллигенции в обыденных условиях, возможно, допустим некоторый отход от строгих канонов и позволительна определенная свобода стиля. Тем более что будет предпринята попытка описания некоторых реалий пребывания, в том числе и тех, кого традиционно относят к интеллигенции, в ситуации, которая пока не является типичной для большинства проживающих на территории бывшего Советского Союза. А именно в социальном пространстве длительной военной кампании, охватывающей существенную территорию Донбасса, и вовлекшую, так или иначе, в систему вооруженного противостояния миллионы (!) людей по обе стороны линии фронта (на момент подготовки публикации речь идет о шести годах острого военно-политического и главное — гражданского кризиса). В плане масштабности, геополитической и геоэкономической резонансности события на Юго-востоке Украины можно вообще считать печально уникальными для постсоветских государств.

Приходится сразу оговариваться, что к анализу нельзя приложить результаты репрезентативных социологических исследований. Поскольку они: а) не осуществляются по интересующей нас проблематике, а в периодически проводимых опросах доминируют интересы сугубо политического характера и б) социологи сталкиваются (скажем аккуратно) с огромной предосторожностью респондентов, находящихся в обстановке жесточайшего информационно-пропагандистского прессинга, а также в рамках пусть уже и менее интенсивного, но все-таки непосредственного и опосредованного военного противостояния. Сложно и со статистическими показателями. Поскольку, как неоднократно отмечалось, в Украине последняя более-менее внятная перепись населения проводилась в далеком 2001 г., а данные переписи, например, по ЛНР, осуществленной в октябре 2019 г., на начало февраля 2020-го официально еще не были обнародованы.

Отсутствие твердой эмпирической базы привносит в материал статьи значительный элемент личной сопричастности. Поэтому, вполне возможно, сомнительная актуальность дальнейшего повествования как раз и заключается в визуализации некоторых выводов об особенностях жизненных выборов и действий интеллигенции в обыденности военно-политического кризиса через позицию одного из частных ее представителей. В этой связи и цель статьи можно трактовать как обобщение ряда индивидуальных наблюдений о пребывании представителей интеллигенции в зоне современного резонансного, обширного военно-политического и гражданского конфликта, происходящего на Донбассе.

Далее будут даваться оценки и характеристики преимущественно с опорой на то, чему автор был прямым или хотя бы косвенным свидетелем, участником диалогов и обсуждений, а в исключительных случаях, базируясь на впечатлениях и воспоминаниях коллег, мнению которых он доверяет и имел возможность проверить из других источников.

Изначально уместно отметить, что, несмотря на создаваемый ракурс восприятия Донбасса, как весьма «неинтеллигентной» (а без обиняков стереотипно «бандитской») ойкумены, именно Донецкая и Луганская области в рамках довоенной Украины, да и сейчас, являются самым урбанизированным регионом с полноценной культурной атрибутикой, развитыми системами образования, здравоохранения и науки, свойственной промышленным городам. Согласно официальным данным Государственной службы статистики Украины, городское население Луганской области в 2015 г. составляло 86,85%, Донецкой — 90,65% [Чисельність, 2015: 6]. В настоящий момент число жителей ЛНР, проживающих в городах, вообще достигло 94% [Численность, 2020]. Это произошло по причине «отсечения» линией

фронта северных преимущественно сельских районов Луганской области от территории непризнанной республики. За исключением агломерации Северодонецк-Лисичанск-Рубежное все остальные крупные города области, включая и Луганск, в настоящее время входят в ее состав. Поэтому и «прослойка» интеллигенции в той же ЛНР остается достаточно представительной.

Переходя же непосредственно к оценочным суждениям, подчеркнем очевидное, но значимое: судьбы, переживания и жизненные выборы интеллигенции в условиях войны естественно неотделимы от таких же внутренних и внешних мытарств представителей иных социальных слоев и групп.

Историческая и фактическая банальность положения

Нет смысла педалировать какую-то уникальность образа жизни интеллигенции в условиях вначале горячей, а затем приглушенной фазы войны, происходящей в настоящий момент на Донбассе. Напротив, характерной особенностью самовосприятия выступает скорее некий «откат» в фиксировании собственного положения к неким устойчивым картинкам, сложившимся в сознании, благодаря военным кинолентам или описаниям из книг о Гражданской или Великой отечественной войне. У тех же, кто по возрасту застал ВОВ, речь вообще идет о возврате к детским трагическим воспоминаниям. В этом контексте можно говорить о весьма модной ныне среди гуманитарной общественности теме об архаизации форм жизненных укладов. В данном случае имеет место попытка насильственного погружения миллионов людей в архаику военной и поствоенной катастрофы. Контраст между якобы повсеместно торжествующим постиндустриальным обществом с его декларативным пацифизмом, терпимостью, доминированием новейших производственных и информационных технологий и реальностью использования реактивных систем залпового огня (РСЗО), штурмовой авиации для обстрелов жилых кварталов крупных городов кажется колоссальным. Фраза: «Как такое вообще возможно в XXI веке?» неоднократно звучала из уст коллег безотносительно их политических пристрастий.

Обыденность в экстремальных условиях

Многолетнее пребывание в мироощущении близости войны формирует также хорошо известную по документальным материалам военных лет ритмику будничности существования в достаточно экстремальных условиях. Наиболее значимым в повседневности военно-поли-

тического кризиса оказывается, как раз-таки, сохранение «мирных» поведенческих реакций, спокойное выполнение обязанностей, даже когда отчетливо слышны взрывы и, как это было с работниками многих бюджетных учреждений, включая преподавателей вузов, выдаются на руки в отделе кадров трудовые книжки (впрочем, без записи об увольнении). Такая процедура была осуществлена в качестве меры предосторожности (прямые попадания в административные здания могли привести к массовому уничтожению документации). Она также облегчала людям возможность оперативного выезда из района обстрелов или прямых боевых действий с полным комплектом документов.

Обыденностью выступали визиты между артиллерийскими дуэлярами в переехавшее из-за близости линии фронта головное здание вуза, например, для подписания приложений к дипломам у проректора, оставленного «на хозяйстве», и, кстати говоря, по счастливой случайности уцелевшего после очередного обстрела. Ведь первая горячая фаза войны (июль 2014 г.) пришлось как раз на период, когда оформлялись дипломы выпускников (процедура затянулась по причине начала боев) и осуществлялся прием документов на поступление. Поэтому почти буднично принимались заявления на обучение в магистратуру под канонадой и дымом, подымавшемся в районе того же п. Металлист, где, как впоследствии оказалось, погибли корреспонденты российского телевидения. Важно было привычно проводить экзамены у студентов, получающих сообщения о том, что их родную Станицу Луганскую только что обстреляли и знакомые погибли; сохранять работоспособность и не истерить в момент, когда узнаешь, что студент, с которым планировали подготавливать дипломную работу, убит возле автовокзала на глазах у девушки тоже студентки-социолога; «не взрываться» в очереди за питьевой водой, даже если водитель хамит, и от его настроения зависит водообеспечение десятков людей.

Ощущение неопределенности и нелегитимности

Когда война немного отступила «подвешенность» положения оказалась самым негативным фактором, осуществляющим угнетающее действие в условиях повседневности. Конечно, можно находить определенную сатисфакцию в доводах о переходе всего человечества в состояние повышенной турбулентности, неопределенности, утраты идентичностей, а, следовательно, считать жителей Донбасса одними из наиболее подготовленных к фатальностям стремительно меняющегося мира, подтверждая выкладки того же У. Бека. И на собственном

опыте ощущать, как «инсценирование реальности глобального риска стало весьма важным фактором перманентного воспроизводства «нормальной аномии», которая, в частности, стирает границы не только легитимности военных действий, но и войны, и мира» [«Нормальная аномия», 2017: 70]. Но в каждодневной предметике приходится исходить из того, что практически все представители различных слоев интеллигенции ЛНР и ДНР находятся не столько под спудом неопределенности в житейском плане или особо пекутся о размытости граней мира-войны, сколько ощущают гигантскую уязвимость в социально-статусном и юридически-правовом отношениях. Ведь прежде всего на них рассчитаны постоянно муссируемые планы и предложения украинской стороны о радикальных чистках, отстранении от должностей, «поражении в правах» и проч. в случае «возврата территорий». Прежде всего многие представители интеллигенции изначально попадают под пристальное внимание соответствующих служб, поскольку работают в организациях, деятельность которых со стороны Киева считается незаконной. Фактически под санкциями находятся, как минимум, все директора школ, колледжей, руководители вузов, лечебных учреждений, не говоря уже об организаторах референдумов (май 2014 г.), среди которых значительное число рядовых учителей, врачей, работников госучреждений. О тех, кто работает в народной милиции, органах безопасности, судах, прокуратуре и т.д., даже говорить не приходится. Отсюда следует, что весь офицерский корпус (традиционно особая часть интеллигенции) в настоящий момент для украинской стороны — безоговорочно преступники.

Здесь важно напомнить: практически все вузы, а также ряд учреждений культуры, например Академический симфонический оркестр Луганской филармонии, имеют своеобразные дубликаты, клоны (как угодно) на территории, которые контролирует Украина. И именно их она признает в качестве легитимных. Сложилась парадоксальная ситуация, когда Луганские и Донецкие высшие учебные заведения, находящиеся именно в Луганске и Донецке, в соответствии с украинском законодательством, с которым, кстати, считаются все субъекты международно-правовых отношений, оказываются вне правового поля, а их «двойники», выехав за пределы собственно областных центров, а некоторые и за пределы Луганской и Донецкой областей, безупречны с юридической точки зрения. Автору не так давно пришлось на одной из конференций в Санкт-Петербурге выступать вместе с коллегой, представляющий наш некогда единый вуз с другой, противоположной от линии противостояния стороны. В некогда «Красном Питере» ощутить на себе «дыханье» гражданской войны (ровно век прошел с момента прежней) было весьма печально.

Большинство интеллигентов, решивших занять отчетливую позицию неприятия войны, не говоря уже об идейных последовательных и даже одномоментных критиках постмайданных реалий, представлены на скандально известном сайте. Таким образом они не только подвергаются публичной Интернет-обструкции, но и лишаются возможности без риска для личной безопасности попасть на территорию государства, гражданами которого являются, и где, как правило, остались их родственники, близкие, друзья, могилы родных, да и просто любимые места отдыха и привычные, а для кого-то жизненно необходимые центры профилактики и лечения.

Поэтому в сложившихся условиях интеллигенция непризнанных республик, возможно, более чем кто-либо болезненно-отчетливо воспринимает выводы о том, что «Неопределенность не ограничилась сферой трудовых отношений, она стала неотъемлемой характеристикой практически всех сфер жизнедеятельности людей, взаимоотношений с социальными институтами, с государством и обществом, семьей, профессией, образованием» [Тощенко, 2018: 64]. Только в сложившихся условиях к этому перечню целесообразно добавить множество иных неопределенностей в условиях военно-политического конфликта, например, неопределенность в позиционировании: «коллаборант», «сепаратист» или «патриот родного края».

Давление атмосферы неопределенности, генерирующей постоянную обеспокоенность, а у некоторых и страхи, не может не провоцировать болезни, повышать уровень раздражительности, внутренней и внешней агрессии. Если это и не буквальный персональный страх, то уж точно опасение за семью (прежде всего детей), близких, которые могут при неблагоприятном развитии ситуации серьезным образом пострадать.

Из-за пребывания в состоянии некоего изгойства за шесть лет войны-конфликта также сложилось определенное ощущение некой дистанцированности от главных, активных жизненных потоков. Можно говорить о своеобразной социально-территориальной стигматизации. Так очевидно, что мало коллег решаются приехать в непризнанные республики, как по причине опасений за личную безопасность, что в настоящее время вряд ли оправданно, так и из-за возможных последствий попасть под санкции уважаемых государств, посещение которых выгодно и с позиций осуществления тех же научных, особенно грантовых контактов, и просто туристических предпочтений. Впрочем, к этому сформировалось понимающее отношение. С одной стороны, нам не хотелось бы «подставлять» уважаемых коллег, но, с другой стороны, все это не снимает проблемы неполноценности, ограниченности форматов научных обменов, контактов, содержательного взаимодействия.

И это в ситуации, когда происходят тектонические сдвиги практически по всем направлениям социальной жизни, и так важно, в частности, предметно «осмысливать трансформации в «посттрудовом» обществе» [Романовский, 2019: 102], находя в нем свое действенное место.

Отношение к престарелым родителям и больным родственникам

Моральные дилеммы, которые испытывают жители бывшей Луганской и Донецкой областей, включая и представителей интеллигенции, покинувшие родные города и поселки из-за боязни войны, бытовых неурядиц, отсутствия работы и других уважительных причин, имеют вполне осязаемую верификацию. Одна из самых значимых — это, говоря несколько юридическим слогом, оставление в опасности пожилых родителей и больных родственников. Как высказался один из луганских врачей: «Дети уехали, стариков побросали...». И, напротив, решение не переезжать или вернуться обратно на территорию непризнанных республик принималось во многом, а для кого-то исключительно, по причине насущной необходимости «досматривать» больных престарелых родителей и/или других родственников, которые по состоянию здоровья либо уже не могли быть перевезены в более безопасное место, либо категорически отказывались покинуть родные дома, либо, первоначально их покинув, вернулись по завершению активного периода боевых действий, больше не желая никуда переезжать. Ряд тех же квалифицированных врачей, способных без особых проблем найти место работы вне зоны военного конфликта, признавались автору о мучительных жизненных выборах, которые возникали у них в связи с необходимостью остаться в неблагоприятных условиях по причине важности выполнения долга перед больными и немощными родителями. Аргументы в пользу первостепенной значимости досмотреть и в случае неблагоприятного исхода похоронить близких на «родном» кладбище рядом с родственниками — это вполне предметные установки и целеполагания, чтобы продолжать работать в неблагоприятных условиях.

Планки мышления (Уровни мировосприятия)

Очень важная и сложная тема о мироощущении представителей интеллигенции в зоне военного противостояния касается мировоззренческого самоопределения. С учетом жестко ограниченного статейного формата лишь вкратце заметим: каждый из нас проходит нелицеприятную проверку на потенциал многомерности оценки событий. И на собственном опыте мы подтверждаем исторически хорошо известное: одно из

сложнейших испытаний в рамках повседневности, диктуемой войной, — признание нелицеприятной правды. Немало свидетельств, когда переехавшие из Луганска коллеги, приняв наиболее безопасную призму восприятия событий, не хотели признавать факты обстрела родного города вооруженными силами Украины. Вообще обострилась и без того важная проблема критичности мышления. Данная способность, которая «по идее» выступает характерной прежде всего для представителей интеллигенции, тем более научной и образовательной, стремительно нивелируется в экстремальных условиях. Очень тяжело оказывается не терять мужество непредвзятых оценок и признавать очевидность без поползновений остаться в зоне интеллектуального комфорта. Т.е. избежать соблазна, говоря словами З. Баумана, отступить «в ложно безопасное прибежище заботы о себе и своих интересах» [Бауман, 2019: 119]. Поэтому макро дифференциация в среде той же интеллигенции произошла не по принципу территориальной диспозиции: переехал человек из Луганска в Киев, Москву, Берлин, Тель-Авив, любой иной город подальше от эпицентра военных действий или остался дома, а то, насколько он смог сохранить масштаб понимания происходящего, потребность в комплексном анализе факторов и фактов.

Многие известные характеристики тех же интеллигентов-«мутантов», хорошо выписанные Ж. Тощенко в книге «Фантомы российского общества», оказались универсальными [Тощенко, 2015]. Просто в нашем случае они отчетливо проявились в ситуации военно-гражданской катастрофы. На целом ряде примеров с удивлением приходится наблюдать эволюцию взглядов людей, видимо, до сих пор считающих себя интеллигентами, от совсем недавнего (довоенного) респектабельного демократизма, до лозунговой атрибутики национал-архаизма, а то и трайбализма. Но ведь такое радикальное сужение культуры и фокуса мышления чревато вполне осязаемыми социальными последствиями. И здесь трудно не согласиться с Н. Талебом, утверждавшим, что «Любое сужение окружающего нас мира может привести к взрывоопасным последствиям, потому что оно исключает из картины некоторые источники неопределенности и принуждает нас неверно интерпретировать ткань, из которой соткан мир» [Талеб, 2019: 54].

Выводы

В представленных выше материалах отсутствует какая-либо уникальность. Бытовой трагизм повседневности пребывания в зоне боевых действий мирного населения, в том числе и представителей интеллигенции, имеет огромный исторический исследовательский и доку-

ментальный фундамент. Мало того, к счастью, нам не пришлось пережить (во всяком случае пока) тотальное разрушение инфраструктуры и многомиллионные жертвы. Тем не менее, на европейской части территории бывшего СССР это первый в третьем тысячелетии военный конфликт, в эпицентре которого оказалось такое количество людей, сконцентрировав на себе политико-дипломатическое внимание целого ряда влиятельных мировых государств.

Экстремальность ситуации — это оселок проверки любого человека, тем более претендующего на статус интеллигента, на жизненную устойчивость. Весь сонм критических оценок, равно как и примеры достойных и тем более героических поступков концентрируются на социальных изломах, многие из которых окрашены в военные тона. Другое дело, что внимание к действиям представителей интеллигенции в радикально неблагоприятных условиях возрастает. За шесть лет вооруженного противостояния сложился вполне определенный уклад, особенности и ритмика повседневной жизнедеятельности различных социальных групп, включая и интеллигенцию.

Вполне очевидна значимость более предметно, акцентировано и полноформатно изучать имеющийся опыт. Лучше, конечно, чтобы он остался локальным, а не выступил платформой для понимания перспектив глобального мира, способного рассыпаться на множественные агрессивные анклавы.

Литература:

Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. — М.: ВЦИОМ, 2019.

«Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / [Зарубина и др.]; под общ. ред. С.А. Кравченко. — М.: МГИМО-Университет, 2017.

Романовский Н.В. Опасный класс? Тема не закрыта (мысли о проблеме) // Социологические исследования. 2019. №9. С. 96–105.

Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. — М.: Наука, 2018.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Численность населения Луганской Народной Республики на 1 января 2020 года. Государственный комитет статистики. URL: https://gkslnr.su/files/chisl_270120.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

Чисельність наявного населення України на 1 січня 2015 року. / Відповідальна за випуск Тимошенко Г.М. Державна служба статистики України. Держаналітінформ. Київ. 2015.

Региональные особенности образа жизни интеллигенции республик Сибири (на примере Республики Бурятия)

И.И. Осинский

доктор философских наук, профессор Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Цель данной статьи раскрыть региональные особенности образа жизни интеллигенции республик Сибири, его формирования, трансформации на примере Республики Бурятия, в географическом и социально-экономическом отношении, занимающей срединные позиции. Республики Сибири — Алтай, Бурятия, Тува, Хакасия, Саха (Якутия). В них проживает более 3 млн. человек, в том числе в Бурятии — 985,9 тыс. (на 01.01.2020 г.). Бурятия была в составе Сибирского федерального округа, в настоящее время согласно Указа Президента России за № 632 от 3 ноября 2018 г. входит в Дальневосточный федеральный округ.

Предварительно отметим, что под образом жизни мы понимаем «устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующихся в соответствии с генерализированными нормами и ценностями, отражающими эти отношения» [Возьмитель, 2016]. Образ жизни представляет собой соединение объективных условий и субъективной деятельности людей, их социальной активности.

Наиболее важными показателями образа жизни являются характер собственности на средства производства, принцип распределения общественного продукта, отношение к трудовой деятельности, характер труда, потребления и быта, система здравоохранения и образования, характер господствующей культуры и возможность использования ее достижений различными социальными группами и т.д.

Интеллигенция, как социальная группа, характеризуется функциональной занятостью сложным интеллектуальным трудом и наличием

общепризнанных духовно-нравственных качеств. Эти признаки, на наш взгляд, являются определяющими при трактовке интеллигенции.

Образ жизни интеллигенции имеет количественную и качественную стороны. Количественная сторона выражается системой показателей материального благосостояния и культурного уровня. Качественная дает комплексную, интегральную характеристику положения интеллигенции в общественной системе, реальные возможности приобщения ее представителей к духовным ценностям.

Формирование интегральных черт образа жизни интеллигенции республик Сибири было положено началом формирования самой интеллигенции в этих районах, которое осуществлялось с момента установления советской власти.

Ее формирование имело свою специфику. Оно осуществлялось следующими основными путями: а) путем перехода кадров старой интеллигенции на позиции новой власти, при этом многие представители старой интеллигенции были физически уничтожены, б) путем направления в эти районы специалистов — представителей других областей страны, в) путем подготовки кадров через систему высших и средних специальных учебных заведений, г) значимым источником формирования интеллигенции являлись представители рабочих и крестьян, так называемые выдвиненцы.

По своему происхождению и социальному положению — это была народная интеллигенция, главным принципом ее было служение народу (кстати, этот принцип зародился еще в среде народовольческой интеллигенции). Становление и развитие интеллигенции и самих республик происходило при помощи русского и других народов СССР. Осуществлялось ускоренными темпами. В те годы, как и позже, по призыву органов власти, общественных организаций тысячи учителей, врачей, инженеров, управленцев, агрономов, ветврачей, зоотехников, культпросветработников, других специалистов из центральных районов страны, отправлялись в Сибирь — в Бурятию, Хакасию, Горный Алтай, Якутию, Туву, другие национальные районы, неся черты иного образа жизни.

Прибывшие специалисты с энергией, энтузиазмом включались в трудовую жизнь республик, показывали пример ответственности, трудолюбия, дисциплины, уважения к другим, местным, народам, их культуре, традициям, обычаям. Становились частью интеллигенции сибирских регионов. Тысячи молодых представителей коренных народов на льготных условиях поступали и учились в вузах Москвы, Ленинграда, других городов, приобщались к знаниям, культуре народов СССР. Став специалистами, они пополняли ряды своих национально-

государственных образований. К концу 50-х годов по удельному весу специалистов с высшим и средним специальным образованием национальные районы Сибири достигли среднесоюзных показателей. В их составе весомую долю составляли национальные кадры. В последующие годы рост национальных кадров был, как и раньше, более высоким, чем рост специалистов в целом в СССР.

При помощи прибывавших в республики Сибири специалистов возводились в этих регионах промышленные, транспортные, сельскохозяйственные предприятия, шахты, рудники, школы, театры, дома культуры, вузы. Осуществлялся переход от кочевого образа жизни на оседлый, овладение земледельческой культурой, создавались колхозы, строились штатные населенные пункты со школами, домами культуры, современные города, внедрялась новая бытовая культура. Особенно большое значение имело создание в Бурятии к 1960-м годам развитой многоотраслевой промышленности, предприятия которой представляли более 60 подотраслей современной индустрии. О темпах развития которой говорит тот факт, что за 60 лет (с момента образования автономной республики в 1923 г.) производство промышленной продукции увеличилось в 1434 раза [Правда Бурятии, 1983]. Знания, навыки в области индустриального производства становились частью их образа жизни.

Все эти революционные изменения кардинально меняли образ жизни живущих в национальных районах Сибири народов, их интеллигенции. Основу нового образа жизни интеллигенции составляла трудовая деятельность, служение обществу, государству («служащие»). Особая роль труда заключается в том, что он синтезирует проявление многих функций, представляющих важные социальные аспекты. Труд не только позволяет вовлечь в хозяйственный оборот новые природные ресурсы в малообжитых местах, он способствует производственному, культурному и бытовому общению прибывших в республику с коренными жителями, созданию интернациональных ценностей в материальной и духовной жизни, утверждению в сознании трудящихся интернациональных черт, преодолению национальной ограниченности.

На развитие образа жизни интеллигенции в республиках Сибири большое влияние оказало расширение ее национального состава, увеличение степени многонациональности, формирование поселенческой, отраслевой, профессиональной, квалификационной, гендерной структуры, развитие образования, культуры. В результате реальностью стало преобладание в образе жизни интеллигенции таких черт, как коллективизм, общественно-политическая активность, гуманизм, интернационализм, социальный оптимизм и другие черты, отражающие сущность способа жизнедеятельности людей интеллектуального труда.

Начавшийся в 1990-е годы кризис, за которым последовала ликвидация социализма, обусловили трансформацию образа жизни интеллигенции республик Сибири, как и России в целом. Ликвидация общественной собственности на основные средства производства лишила граждан России, в том числе интеллигенцию, конституционного права совладельца общенародных средств производства. Особенно негативное влияние на образ жизни интеллигенции оказали разрушение народнохозяйственного комплекса, передел государственной собственности, закрытие или обанкрочивание многих предприятий. В условиях Бурятии эта проблема усугублялась наличием в республике значительной доли предприятий военно-промышленного комплекса, многие из которых перестали функционировать. Это серьезным образом отразилось прежде всего на образе жизни инженерно-технической интеллигенции. Многие ее представители остались без работы и средств существования. С 1991 по 1997 г. количество инженерно-технической интеллигенции и служащих предприятий промышленности г. Улан-Удэ уменьшилось почти в 2 раза. Половина квалифицированных работников и ИТР осталась без работы или перешла на другую, не всегда соответствующую их знаниям и образованию. Особенно резкое сокращение технических специалистов произошло в стекольной, легкой, лесной промышленности, в машиностроении, что существенно отразилось на их образе жизни.

На большинстве государственных и муниципальных предприятий ИТР, как и другие работники во второй половине 1990-х годов часто находились в административных отпусках, были заняты неполный рабочий день или неделю. Так, большая часть рабочих, ИТР и служащих авиационно-строительного объединения в 1999 г. работала два дня в неделю [Иванова, Осинский, 2003]. Прекратило существование абсолютное большинство колхозов и совхозов.

В результате реформирования народного хозяйства, воздействия некоторых других факторов, интеллигенция республики оказалась дифференцированной на различные группы: по отношению к собственности, по уровню доходов, по своей близости / отдаленности к народу, власти, олигархическим группам, по мировоззренческим предпочтениям, ориентациям, по степени развитости этнонационального сознания и т.п. Значительная часть интеллигенции — бывшие директора госпредприятий, работники партийно-государственного аппарата, специалисты — руководители среднего звена предприятий, часть ИТР стали предпринимателями. Короче говоря, интеллигенция перестала быть единым, однородным социальным слоем. Претерпел изменения и существовавший в советское время образ жизни интеллигенции, как и общества в целом.

Однако дифференциация интеллигенции, как и переход части ее представителей в другие социальные группы и в том числе безработных, не означала ее исчезновения. Интеллигенция продолжала функционировать, претерпевая изменения в своей численности, облике, образе жизни.

Как свидетельствуют данные государственной статистики, в Бурятии в 1996 году специалисты с высшим и средним специальным образованием составляли 62,1% среди занятых в народном хозяйстве, в 2018 г. их доля составила 56,1%, то есть уменьшилась в 1,1 раза. Это означает, что хотя удельный вес специалистов в составе занятого населения республики сократился, тем не менее он в составе занятого населения республики достаточно полно представлен. Более половины - это специалисты. При этом за указанный период возросла доля специалистов с высшим образованием с 21,4% до 36,3% и уменьшилась доля специалистов со средним профессиональным образованием с 34,7% до 17,8% [Республика, 1998]. Что с формальной стороны характеризует рост качества специалистов.

Как уже отмечалось, важнейшей характеристикой образа жизни интеллигенции является ее отношение к труду. Занятие сложным интеллектуальным трудом — главное, что характеризует интеллигенцию. На доминирование в образе жизни интеллигенции республик Сибири трудовой деятельности, нацеленности на интеллектуальную занятость, труд указывают социологические исследования.

Профессором З.Т. Голенковой и Е.Д. Игитхянян в 2015 г. в Бурятии было проведено исследование (опрошено 964 специалиста с высшим и средним профессиональным образованием). Авторами были предложены следующие альтернативы: работа как универсальная ценность («она важна сама по себе, независимо от оплаты»); работа как материальная ценность — средство получения средств к существованию; работа как антиценность («если бы мог вообще бы не работал»); работа — фактор социального взаимодействия; работа как амбиция, осуществление своих планов.

Доминирующими факторами (авторы определили три важнейшие позиции) явились признание работы как возможности и необходимости социального взаимодействия, ее амбиция и универсальность. Материальная ценность также оценивается достаточно значимо, на последнем месте — отрицание ее важности. В целом же опрошенные удовлетворены своей работой [Голенкова, Игитхянян, 2016].

Несмотря на трудности интеллигенция выдержала испытания трансформационными изменениями. Не потеряла чувства удовлетворения своей трудовой деятельностью. Речь не идет о ее оплате. Как

свидетельствуют материалы исследований 1995 и 2011 гг. доля специалистов удовлетворенных своей работой в Бурятии увеличилась у русских с 69,2% до 75,0%, у специалистов-бурят – с 73.1% до 83,7% [Добрынина, 2011]. Эти данные свидетельствуют о том, что доля специалистов удовлетворенных своей работой, с середины 1990-х гг. до 2011 г. сохранялась достаточно высокой; во-вторых, со всей очевидностью проявилась тенденция роста положительного отношения к своей профессиональной деятельности как у специалистов русской, так и бурятской национальности; в-третьих, более высокий показатель удовлетворенности своей работой у специалистов-бурят, чем у русских (кстати, подобные данные получены в Туве и Якутии), что М.И. Добрынина объясняет (предположительно) большей адаптированностью специалистов коренной национальности к новым условиям жизнедеятельности, использованием возможностей внутриэтнической солидарности. Они, очевидно, косвенно могут выступать и индикаторами межнациональных отношений, сформировавшихся в том или ином национально-государственном образовании Сибири [Добрынина, 2011]. Думается, что с подобным объяснением можно согласиться.

Наиболее высокие показатели удовлетворенности работой у представителей духовенства, медицинских работников, административно-управленческого и юридического аппарата, работников торговли и общественного питания. Работа, по признанию респондентов, нравится своей полезностью, нужностью обществу (1 место), тем, что рядом трудятся хорошие, интересные люди (2 место), возможностью заниматься любимым делом (3 место). Наиболее низкая удовлетворенность работой у ИТР и научных работников.

Выражая удовлетворенность работой, интеллигенция в массе своей не удовлетворена величиной заработной платы. Несмотря на суровые природно-климатические условия, в которых протекает деятельность интеллигенции, величина ее зарплаты заметно ниже, чем в других регионах России. Это не может не вызывать критического отношения к социальной политике государства.

Важнейшей характеристикой образа жизни интеллигенции является жизнедеятельность, основанная на принципах взаимного уважения, дружбы. Сотрудничества между представителями различных национальностей, проживающих на территории республики и страны в целом.

Сформировавшиеся в годы советской власти отношения взаимного уважения, сотрудничества не утратили своей актуальности в постсоветский период. Согласно данным статистики в Бурятии проживают представители 113 национальностей. Процесс межнациональных отношений охватывает все социальные группы. Он ха-

рактирует и развитие самой интеллигенции. Как известно, данная социальная группа сформировалась и получила развитие как многонациональная группа, основу которой составляют представители русской и титульной нации. При этом следует отметить, что рост численности специалистов-бурят был более динамичным, чем рост специалистов русской национальности. Так, если с 1980 г. по 2002 г. в Бурятии численность специалистов русских увеличилась в 2,6 раза, то бурят — в 4,0 раза. Создание условий для быстрого роста национальной интеллигенции, развития экономики и культуры оказывают благоприятное воздействие на межнациональные отношения в республике, которые и в прошлом были стабильно благополучными, в том числе в среде интеллигенции.

Об образе жизни интеллигенции республик Сибири с точки зрения национальных отношений дают представление результаты социологических исследований, проводившихся в Бурятии в различные годы. На вопрос анкеты (2011 г.): «Ощущается ли сейчас в том городе, где вы живете национальная напряженность?» 79,8% бурятской интеллигенции и 73,2% русской ответили, что не ощущают. Утвердительный ответ дали 17,5% бурят и 15,9% русских [Добрынина, 2011]. В целом три четверти респондентов — представителей интеллигенции не ощущают национальной напряженности. Говоря о стабильно дружественных отношениях в среде многонациональной интеллигенции, как образе жизни, нельзя отрицать наличия периодически возникающих проблем, временами обостряющихся межнациональных отношений. Как это было в Туве в начале 90-х годов. Важно их своевременно разрешать, а еще лучше предупреждать их возникновение. Особую роль в сохранении дружественных отношений между различными национальностями играет интеллигенция, как наиболее образованная часть общества, пользующаяся авторитетом у остальной массы населения. вся ее деятельность благотворно влияла на отношения между людьми разных национальностей.

На образ жизни интеллигенции все большее воздействие оказывает урбанизация. Известно, что процесс урбанизации интенсивно совершается в последние десятилетия во всем мире, в том числе и в России. В Бурятии в 1926 г. городское население составляло всего 13%, в 1979 г. — 57%. Среди бурятского населения буряты-горожане в эти годы увеличились с 0,6% до 35,9% [Народное, 1981]. Быстрый рост горожан, особенно в 1960-1980 гг. был связан с развертыванием широких масштабов строительства в республике (Селенгинский ЦКК, Гусиноозерская ГРЭС, БАМ и др.), открытием новых вузов, лицеев, учреждений культуры СМИ. Рост городского населения со-

проводился развитием городского образа жизни (использованием централизованного водоснабжения, канализации, отопления, энергоснабжением и др.).

Городская интеллигенция характеризуется более развитой профессиональной, квалификационной структурами, многонациональным составом населения. Ее деятельность более специализирована. Она происходит в более развитой социально-бытовой и культурной среде, что накладывает отпечаток на образ жизни городской интеллигенции.

С начала 1990-х годов наблюдается сокращение городского населения. С 1989 по 2010 гг. количество горожан в Бурятии уменьшилось на 75,8 тыс. человек. Уменьшение численности городского населения обусловлено, с одной стороны, миграционным оттоком, а с другой — административным преобразованием части поселков городского типа в села. Сокращение городского населения сопровождается ростом сельского. В 1991 г. оно составляло 39,8%, в 2010 г. — 41,9%, в 2018 г. — 41%, что свидетельствует о невысоком уровне урбанизации¹. Что характерно для большинства республик Сибири. Доля сельского населения в Бурятии в 1,6 раза превышает долю сельского в стране в целом. Что касается интеллигенции, то в годы советской власти она состояла из двух групп, одна из которых непосредственно была связана с государственной, другая — с колхозно-кооперативной формами собственности. В настоящее время такого деления не существует. Но сохранились другие различия, в том числе меньшая степень компактности и дифференцированности, наличие у преобладающей части ее представителей личного подсобного хозяйства, относительно высокая доля в ее составе национальных кадров. В сельской местности меньше развита система связи, транспорта, учреждений культуры, быта, что оказывает влияние на образ жизни сельской интеллигенции. Здесь малая доля благоустроенного жилья.

Тем не менее черты городского образа жизни все больше входят в жизнь сельской интеллигенции, других групп населения деревни. Это находит свое выражение в относительно высоком уровне образования занятого сельского населения, в том числе интеллигенции. По данным Ю.Г. Бюраевой, 23% занятого сельского населения имеет высшее и незаконченное высшее образование, 44% — среднее и начальное профессиональное образование. Среди незанятого сельского населения, уровень которого в районах республики стабильно высок, 11% имеют высшее, 38% — среднее профессиональное образование [Бюраева, 2017]. Образование играет значительную роль в социальной,

1. По данным Росстата (<https://www.gks.ru/>)

в том числе трудовой мобильности сельского населения, в содержании его образа жизни. В сельской местности, хотя и медленно, все больше строится жилых зданий городского типа, механические мастерские, банки, кафе, столовые.

Большинство представителей сельской интеллигенции имеет необходимую бытовую технику. Все или почти все обеспечены холодильниками, телевизорами, стиральными машинами, мобильными телефонами, что снижает физические затраты, сокращает время на ведение домашнего и подсобного хозяйства. Это благотворно влияет на качество труда, высвобождает время для отдыха.

Одним из путей приобщения сельского населения, интеллигенции к городскому образу жизни является субурбанизация. Часть жителей сельских районов, участвуя в миграционных процессах очень часто отдает предпочтение пригородным населенным пунктам, представляющим собой субурбию столицы Бурятии г. Улан-Удэ. Наибольшей привлекательностью для мигрантов из других районов являются Иволгинский, Тарбагатайский и некоторые другие, находящиеся недалеко от Улан-Удэ, что открывает возможности трудоустройства, использования более благоприятных условий в удовлетворении культурных, бытовых, медицинских потребностей, в приобретении специальности. По данным профессора К.В. Григоричева, пригородные поселения Улан-Удэ включают в себя почти 124000 человек [Григоричев, 2018]. При этом исследователи отмечают высокие темпы роста численности населения пригородов. Несомненно, оно испытывает влияние города.

Образ жизни горожан так или иначе в определенной мере входит в культуру социального бытия жителей пригорода, а это и есть расширение границ урбанизационных процессов за пределы черты города.

Составной частью образа жизни интеллигенции, как и общества в целом является быт. Это чрезвычайно сложная, многообразная область человеческой жизни. В быту раскрывается многообразное отношение людей друг к другу, образ их повседневной жизни, привычки и вкусы, формируются черты характера, поведения.

Известно, что быт, его национальные формы весьма устойчивы, поскольку в значительной степени обусловлены природными факторами, особенностями исторического развития народов. Тем не менее, под влиянием развития легкой промышленности, в результате распространения одежды фабричного изготовления, национальные особенности в одежде сглаживались. Меняются представления людей о красоте и удобстве одежды. Особую роль во внедрении новых видов и форм одежды, обуви, других составляющих материальных ценностей быта, сыграла и играет интеллигенция (учителя, врачи, культпросветработ-

ники, управленцы и др.). Они выступали примером использования нового в быту. Вели активную пропаганду широкого его применения во всех сферах бытового устройства жизни людей. Она становилась неотъемлемой частью образа жизни не только интеллигенции. То, что удобно, прочно, красиво быстро внедряется в быт различных групп населения. То же самое можно сказать о предметах обихода, продуктах питания, способах приготовления пищи. Так, пища, отдельные элементы одежды, внешнего вида и внутреннего интерьера жилищ у современных бурят, имеющие некоторые национальные особенности и устойчиво сохраняющиеся главным образом у бурят в сельских условиях, «соседствуют» с современной мебелью, одеждой, холодильниками, стиральными машинами, пылесосами, стиральными машинами, пылесосами и другими унифицированными вещами, характерными для современного быта советских людей, проживающих в любой республике.

Подобные процессы совершаются и в обрядовой стороне быта. Обмен материальными и духовными ценностями между разными национальностями неизбежно ведет к формированию интернациональных черт в обрядах. Одни из них связаны с трудом, другие — с памятными событиями в жизни человека, с праздниками, посвященными природе, смене времен года, песне и т.п.

Таким образом, образ жизни интеллигенции республик Сибири неразрывно связан с процессом формирования и развития интеллигенции этих республик. У интеллигенции в процессе ее становления на основе сотрудничества и взаимопомощи сформировался новый образ жизни, основу которого составили функциональная занятость сложным интеллектуальным трудом, интернационализм, коллективизм, приверженность своей профессии, гуманизм и др. Формирование и развитие названных черт осуществлялось с учетом особенностей регионального и национального развития. При этом особенно важное значение имели переход от кочевого образа жизни на оседлость, овладение земледельческой и индустриальной культурой. В числе особенностей становления образа жизни у народов Сибири являлись помощь советского государства, русского народа, опережающие темпы роста численности национальной интеллигенции, заимствование лучших черт в области культуры и быта у представителей интеллигенции других народов, планомерный характер развития данных процессов и др.

В годы реформирования России образ жизни интеллигенции претерпел существенные изменения. Произошла дифференциация интеллигенции по образу жизни. Она лишилась конституционного права собственности на средства производства, основная ее часть оказалась в трудном социальном положении, многие стали безработны-

ми. Несмотря на сокращение ее численности, интеллигенция в своей массе не утратила чувства удовлетворения своей профессиональной деятельностью, чувства уважительного, доброжелательного отношения к представителям других народов, нацеленности на освоение и использование новых достижений в области культуры, науки, быта. Интеллигенция выступает поборником сохранения и развития национальной культуры, традиций, языка, что составляет важную часть ее образа жизни. В то же время большинство интеллигенции национальных районов Сибири характеризуется низким уровнем жизни, особенно в сельской местности, что негативно сказывается на всей совокупности составляющих ее образ жизни.

Литература:

- Бурятская АССР в цифрах (1923–1973). Улан-Удэ. 1973. С. 14; Народное хозяйство в девятой пятилетке. Улан-Удэ. 1981. С. 17.
- Бюраева Ю.Г.* Оценка трудового потенциала села Республики Бурятия // Общество, буддизм и социально-политические процессы в России и Монголии: сб. статей / отв. ред. Л.Л. Абаева — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. С. 94.
- Возьмитель А.А.* Жизненные миры в концепции образа жизни // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / РГГУ, социол. ф.-т. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; М.: РГГУ. 2016. С.7.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Интеллигенция в современном региональном пространстве российского общества // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: материалы XI Международной научной конференции: в 2 т. / отв. ред. И.И. Осинский. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2016. — Т. 1. С. 22.
- Григоричев К.В.* Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республика на востоке России: траектория экономического, демографического и территориального развития. Сб. статей / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 179–183.
- Добрынина М.И.* русская интеллигенция в республиках Сибири: социальный статус / науч. ред. И.И. Осинский. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2011. С. 163.
- Иванова Л.И., Осинский И.И.* Инженерно-техническая интеллигенция в условиях перехода к рынку. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА. 2003. 148 с. Правда Бурятии, 1983, 19 марта.
- Республика Бурятия 75 лет. Стат. сборник. Юбилейный выпуск. Улан-Удэ. 1998. С. 93; Бурятия — 2019. Статистический ежегодник № 01-01-12. Улан-Удэ. 2019. С. 70, 97.

Ценности и смыслы жизни современной гуманитарной интеллигенции¹

И.В. Воробьева

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Характеристика жизненного мира современной гуманитарной интеллигенции связана с анализом базовых ценностей, которые определяют ее повседневность, сознание и деятельность, взаимоотношения с внешним миром. Исходной характеристикой понятия «смысл жизни» являются цели-принципы, которые позволяют ей придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров. Смыслы жизни отражают главное, сущностное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды [Тощенко, 2018: 18-19].

Смысл жизни может быть связан не только с теоретическим познанием мира, но и с повседневными практическими установками и ценностями, определяющими жизнь человека. И если наличие или отсутствие той или иной ценности можно зафиксировать ее простым проявлением, то степень ее выраженности возможно измерить только при сопоставлении одной группы людей с другими. В данной статье ценностные установки группы гуманитарной интеллигенции рассматриваются в соотношении и сравнении с позициями, присущими всему населению России. На основе данных всероссийских исследований «Как живешь, интеллигенция?» [Интеллигенция-2016] и «Прекариат-2018» [Прекариат-2018] проводится анализ общего и особенного в сознании и поведении российского населения и группы гуманитарной интеллигенции.

1. Статья выполнена при поддержке РФФ, проект №18-18-00024.

Базовые ценности

В качестве главной базовой ценности для всего населения и для гуманитарной интеллигенции продолжает оставаться семья. Этой позиции придерживаются 95% граждан. Другие приоритетные ценности интеллигенции также соответствуют тем, которые выделяют остальные граждане: здоровье, работа, друзья. Несмотря на то, что число ответивших о важности перечисленных сфер сопоставимо в обеих группах, интеллигенция показывает чуть более высокий коэффициент — на 1–3%, а по показателю важности религии — на целых 8%. Верующими (в той или иной мере) считают себя около 70% интеллигенции. При том, что активных атеистов как среди россиян в целом, так и в группе интеллигенции не так много — порядка 5%, основная часть верующих не соблюдает церковных канон и не ходит в церковь на регулярной основе [Интеллигенция-2016]. Анализ показывает, что системы жизненных ценностей интеллигенции и остального населения существенно не отличаются, но первая все же проявляет более насыщенный интерес ко всем этим сферам, считая их важными показателями своего жизненного мира (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. Распределение ответов на вопрос «Что является наиболее важным для Вас в Вашей жизни?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов (очень важно)	Интеллигенция–2016	Прекариат–2018
	Всего	Всего
Семья	94,6	94,8
Работа	85,3	79,3
Политика	15,6	13,1
Друзья	65,4	63,4
Религия	32,2	24,3
Здоровье	89,3	91,3

Источник: Интеллигенция–2016, Прекариат–2018.

Для группы интеллигенции показатель относительно высокий уровень оценки своего здоровья: 45,3% оценивают его как хорошее и 45,6% — как среднее. Только 3% считают свое здоровье «плохим». При этом в среде интеллигенции на достаточно высоком уровне воспроизводятся здоровьесберегающие практики: 33,7% в случае заболевания обращаются к врачам и выполняют все рекомендации, 40,8%

говорят, что для поддержания уровня здоровья не пьют и не курят, 29,7% — правильно питаются, 24% — проходят регулярную диспансеризацию, 23,5% — занимаются физической культурой и спортом [Интеллигенция-2016]. Таким образом, интеллектуальный и культурный потенциал данной группы реализуется и в практиках поддержания и сохранения своего здоровья.

Удовлетворенность работой

Работа является еще одной базовой жизненной ценностью современного человека. Как важнейшую ее определяют для себя 79,3% россиян, в группе интеллигенции этот процент повышается до 85,3%. Общий уровень удовлетворенности работой достаточно высок — 88,5% по среднему значению. Среди россиян в целом не удовлетворены своей работой 22%, а в группе интеллигенции этот показатель вдвое меньше — 11,5% [Прекариат-2018, Интеллигенция-2016]. Можно предположить, что для значительной части гуманитарной интеллигенции работа является не только средством зарабатывания денег, но и формой самореализации, выражением интересов, поэтому здесь больше тех, кто рассматривает труд и работу как ценность. Это находит свое подтверждение и в других ответах, которые дает группа: 59% отмечают, что в работе, которой они занимаются, главное — «величина заработка», но при этом 43,6% подчеркивают важность условий труда, 38,7% — необходимость того, чтобы работа «была интересной по содержанию», 30,1% — «полезность работы для общества» [Интеллигенция-2016]. Работа и труд, которыми занята интеллигенция, в большинстве случаев являются для нее не только простое зарабатывание денег, но и акт творчества, личного интереса, самореализации, и даже общественной полезности.

При этом каждый третий представитель гуманитарной интеллигенции считает, что его труд оплачивается несправедливо. Поскольку в сфере нематериального производства четкая регламентация труда не всегда возможна, представители гуманитарной интеллигенции часто выполняют объем работ, превышающий рабочий функционал, а иногда и за пределами основного рабочего времени. Для обеспечения своих нужд 40% работают по совместительству, а каждый четвертый занимается подсобным хозяйством [Интеллигенция-2016].

Проблемы, волнующие интеллигенцию

Практически для каждого человека самыми важными являются вопросы близкой дистанции его повседневной жизни. При этом в от-

ветах интеллигенции, в сравнении с другими социальными группами, наблюдается значительно большая обеспокоенность не только личными, но и общесоциальными вопросами, например, такими, как экология (41,2% – интеллигенция, 27,8% – все население) и преступность (20,5% – интеллигенция, 11,4% – все население). Поскольку интеллигенция является наиболее образованной социальной стратой, то и вопросы качественного обучения и передачи знаний, воспроизводства социального капитала являются для этой группы не менее актуальными и значимыми (см. табл. 2). Среди проблем и пороков, которые в данный момент больше всего волнуют интеллигенцию, выделяются: плохое воспитание детей (70,5%), падение морали и нравственности (68,7%), наркомания (60,3%), алкоголизм (61,4%), грубость и хамство (58,7%) [Интеллигенция-2016]. Исходя из этих приоритетов, можно говорить о том, что интеллигенция продолжает оставаться группой, для которой вопросы образования культуры и воспитания очень важны, и она проявляет определенную озабоченность и беспокойство снижением этих параметров в обществе. Кроме того, в среде интеллигенции устойчиво мнение о влиянии образовательного капитала на возможность занять достойное рабочее место и построить хорошую карьеру: 34,7% убеждены, что социальное положение и престиж человека в обществе напрямую зависят от личных достижений в образовании и профессиональной подготовке.

Это особенно важно в контексте того, что именно от гуманитарной интеллигенции (особенно от ее педагогической части) зависит формирование установок по целому ряду социальных, экономических, политических и культурных вопросов.

ТАБЛИЦА 2. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы в Вашем городе (районе, селе) в первую очередь Вас волнуют?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Интеллигенция–2016	Прекариат–2018
	Всего	Всего
Плохое решение жилищно-коммунальных проблем	52,4	46,3
Проблемы здравоохранения	53,6	57,8
Проблемы обучения детей	36,3	29,7
Плохое транспортное сообщение	14,2	15,7
Отсутствие условий культурной жизни	14,8	13,3
Отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом	11,4	9,8

Варианты ответов	Интеллигенция–2016	Прекариат–2018
	Всего	Всего
Плохая экология	41,2	27,8
Криминальная обстановка, преступность	20,5	11,4
Ситуация с мигрантами	19,1	—
Что-то еще	4,5	7,3
Затруднились ответить	0,5	—
Ничего не волнует	—	8,8

Источник: Интеллигенция–2016, Прекариат–2018

Досуговые практики

Интеллигенция отличается более широкими и разнообразными формами досуговых практик, в сравнении с населением в целом. И если среди всех россиян самой распространенной практикой проведения свободного времени стал просмотр телевидения 62,7%, то в группе интеллигенции таких 49,7% (см. табл. 3). Здесь значительно больше тех, кто читает художественную литературу, посещает музеи, выставки, театры, кино, концерты, ищет информацию в Интернете. Досуг в среде гуманитарной интеллигенции носит более активный, интеллектуально развивающий характер, в то время, как среди остального населения лидируют пассивные практики проведения свободного времени: дом, дети, встречи с друзьями, телевизор. Таким образом интеллигенция сохраняет за собой роль лидера в потреблении и воспроизводстве культурных практик.

ТАБЛИЦА 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы проводите свободное время?» (Отметьте те позиции, на которые Вы затрачиваете значительное время) (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Интеллигенция–2016	Прекариат–2018
	Всего	Всего
Читают художественную литературу	39,3	22,3
Смотрят телепередачи, слушают радио	49,7	62,7
Ищут информацию в Интернете	41,3	35,8
Посещают театры, кино, концерты	25,0	10,7

Варианты ответов	Интеллигенция–2016	Прекариат–2018
	Всего	Всего
Прослушивание музыки, просмотр видео	18,3	17,4
Посещают спортивные занятия и спортивные мероприятия	11,6	12,5
Бывают в кафе, барах, ресторанах	12,0	10,8
Посещают музеи, выставки	16,6	5,8
Читают газеты, журналы	17,5	13,4
Встречаются с друзьями	47,9	47,5
Занимаются дополнительно для получения образования, повышения квалификации.	11,5	8,8
Проводят время на природе, гуляют	31,0	25,4
Занимаются в кружках, клубах по интересам	2,6	1,1
Посещение дискотек, танцплощадок	1,4	1,6
Участвуют в работе общественных организаций	5,0	2,8
Занимаются домашним хозяйством, детьми	47,0	55,4
Посещают церковь	7,9	6,3
Просто расслабляюсь	20,3	25,3
Имеют хобби (мотоцикл, рыбалка, охота и т. д.)	15,8	14,3
Что-то еще	0,8	3,5
Свободного времени практически нет	5,6	6,5

Источник: Интеллигенция-2016, Прекариат-2018

Политическое и гражданское участие

В настоящий момент политическое и гражданское участие интеллигенции относительно невысоко. 48,9% не состоят ни в каких общественных организациях, а 36,8% хоть и являются членами профсоюзов, но числятся в них, скорее, номинально. Интеллигенция низко оценивает свои возможности по влиянию на органы власти на всех уровнях. Так, о невозможности своего влияния на принятие государственных решений в стране говорят 97,2% опрошенных, на принятие решений

городской и районной власти — 91,6%, на принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т. д.) — 65,3%. Только 15–16% интеллигенции признают политику важной частью своего жизненного мира. Эта ценность стала последней в ряду перечисленных участниками исследования. О полном отсутствии интереса к политике говорят 35,1%, 56,1% интересуются только отельными проблемами. 57,7% заявляли о полном политическом неучастии, в том числе в процессе выборов власти [Интеллигенция-2016].

При том, что гуманитарная интеллигенция, в сравнении с 1990-ми гг. XX в., практически не заявляет о себе как активная социально-политическая сила и выказывает низкий уровень гражданской и политической активности, надо отметить, что основные протестные акции 2011–2012 гг. и 2018-2019 гг. все же связаны с реакцией и действиями интеллигенции, и, в первую очередь, ее молодой части. Кроме того, возникают новые каналы выражения недовольства граждан, например, сеть Интернет (многочисленные форумы, группы в социальных сетях и пр.). О том, что им доводилось высказываться на политические темы в Интернете (в социальных сетях и на форумах), заявило 7,3% участников опроса [Интеллигенция-2016]. Этот сегмент проявления гражданской и политической активности имеет самый большой потенциал роста в среде интеллигенции. Так, интернет-поддержка «дела Голунова» стала не только массовым выражением недовольства несправедливыми действиями полиции и властей, но и переросла в реальную протестную активность широких масс населения, среди которых интеллигенция составила весьма значительную часть.

Большой потенциал протестного поведения для интеллигенции сохраняет сфера экологии (проблемы мусорных свалок, хранение радиационных отходов, проблемы вырубки лесов, парков и скверов и пр.). Эта тематика всегда получала в среде интеллигенции большой отклик, поскольку напрямую влияет на универсальные ценности гуманитарной интеллигенции: здоровье, семья и дети, которые близки и понятны каждому человеку. Эти же проблемы фигурируют в ответах в качестве сфер, которые вызывают у группы интеллигенции наибольшее беспокойство.

Удовлетворенность жизнью и видение будущего

Ценностные установки определяют жизненные смыслы, которые для интеллигенции являются основным мерилем удовлетворенности жизнью. Речь идет о показателе, демонстрирующем кумулятивный эффект влияния разных воздействий на представления людей о жизни в целом [Цапко, 2018: 41, 53]. Среди российской гуманитарной ин-

теллигенции этот показатель довольно высок: только 5% высказались о том, что полностью не удовлетворены своей жизнью. Среди всего населения в 2018 г. солидарность с данной позицией выразили 11% опрошенных [Прекариат–2018].

Свое будущее гуманитарная интеллигенция связывает со своей страной, только 5,3% опрошенных хотели бы переехать за рубеж на постоянное место жительства. Остальные рассматривают зарубежные поездки в качестве возможности провести отпуск, побывать командировке, учебы и стажировки. Для гуманитарной интеллигенции очень важны ценности порядка законности и справедливости. При ответе на вопрос о желаемом будущем для России 61,5% дали ответ «Государство, где соблюдают справедливость, равные права для всех», 48,8% – «Обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций», 36,5% – «Возвращение России статуса великой державы» [Интеллигенция–2016].

В целом, интеллигенция обеспокоена страстью к обогащению, охватившей современное общество, отсутствием социальной справедливости, когда социальный статус человека зависит «от денег и от связей», а не от его интеллекта, образования, личных и профессиональных связей [Гришина, 2018: 21].

Главными ценностями и смыслами жизни современной гуманитарной интеллигенции остаются ценности «близкой дистанции»: семья, дети, работа, здоровье, друзья. В этом представлении позиции гуманитарной интеллигенции полностью совпадают с другими социальными группами.

В сфере жизненных интересов и проблемных зон внимания гуманитарной интеллигенции продолжают находиться важные социальные проблемы: экология, преступность, образование и воспитание детей. В сфере культуры и образования эта группа остается не только носителем социальных норм и стандартов, но и сохраняет тенденцию их воспроизводству и поддержанию. В сравнении с другими социальными группами, интеллигенция поддерживает широкий спектр культурных практик и активных форм досуга.

В данной социальной группе широко распространена практика дополнительной занятости, совмещения должностей, что часто приводит к переработкам и оставляет ощущение несправедливости оплаты труда. При этом для гуманитарной интеллигенции большое значение имеет содержание труда. Несмотря на ухудшение условий труда преданность профессии, желание заниматься любимым делом становится преобладающей мотивацией трудовой деятельности интеллигенции.

Основные жизненные установки интеллигенции связаны с настроением на стабильность, порядок без революций и потрясений. Несмотря на распространяющуюся в среде гуманитарной интеллигенции аполитичность и некоторую дистанцированность от этой сферы большинство склонно идти на диалог с властью и компромисс в решении проблем. Позицию «при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать» разделяют 46% интеллигенции, 35% считают, что «страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах». Однако, несмотря на это, в случае, когда государство нарушает базовые принципы справедливости, важные для данной группы, или сталкивается со случаями вопиющего попрания своих гражданских прав, значительная часть интеллигенции способна сплотиться для коллективных действий. Реальность такой возможности в очередной раз была продемонстрирована на митингах 2018–2019 гг.

Литература:

Гришина Е.А. Интеллигенция и культура: ценностные приоритеты и духовный мир. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018..

Интеллигенция-2016. Всероссийское исследование «Как живешь, интеллигенция?». Выборка составила 1350 человек. Обследованию подлежали три группы интеллигенции: занятые в сфере образования, в сфере культуры, в сфере здравоохранения. Все было опрошено 14 объектов, выбранных как типичных для основных территориально-экономических регионов РФ: Москва, Санкт-Петербург, Новгородская, Архангельская, Ярославская, Воронежская, Владимир, Нижегородская области, Ставропольский край, Республика Крым, Свердловская, Новосибирская области, Красноярский и Хабаровские края.

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.

Прекариат-2018. Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». Объем выборочной совокупности — 1200 человек. Опрос проведен среди занятого населения в возрасте 18 лет и старше, в соответствии со статистическими данными Росстата, по пяти типам поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа (ПГТ), села; а также квот по социально-профессиональным группам.

Тощенко Ж.Т. Особенности жизненных миров современной гуманитарной интеллигенции. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.

Цапко М.С. Качество жизни и главные жизненные смыслы российской интеллигенции. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.

Мифологема «интеллигенция» в исторической ретроспективе

С.Б. Орлов

доктор социологических наук, профессор
Бийского технологического института (филиал)
Алтайского государственного технического университета (г. Бийск)

За почти двухсотлетнюю историю функционирования мифологемы «интеллигенция» реальность ее существования как особой социальной группы подтверждалась тремя признаками: первый — это высокий образовательно-профессиональный ценз; второй определял интеллигенцию с помощью аксиологического критерия — «лучшие люди общества», «совесть нации», «особый духовный орден»; третий подход синтезировал предыдущие два.

Однако ни один из них не может послужить научным обоснованием существования интеллигенции как реальной социальной группы. Образование само по себе есть конституирующий признак — оно показывает формальную пригодность индивида к профессиональной деятельности и не более. Аксиологический подход вообще лишен объективных оснований — это субъективное мнение определяющего в зависимости от его симпатии.

По нашему мнению, плодотворное исследование возможно только при использовании методологии, изучающей интеллигенцию в рамках теории социальной мифологии. Она позволяет выйти за рамки профессионального, аксиологического или классового критерия и выявить реальность объектов мифотворчества. Для этого необходимо обратиться к истории появления и развития данной мифологемы.

Единичные случаи употребления термина «интеллигенция» в значении «разумность» отмечены уже во второй половине XVIII в., в работах поэта В.К. Тредиаковского. Позднее профессор Петербургского университета А.И. Галич в книге «Опыты философского словаря»

(1819 г.) объяснял это слово как «разумный дух» и «высшее сознание» [Кондаков, 1999: 66]. В таком же абстрактно-философском значении его употреблял А.И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) [Лейкина-Свирская, 1971: 5].

Первое зафиксированное употребление этого понятия в социологическом значении найдено в дневниковых записях В.А. Жуковского в 1836 г. при описании пожара с многочисленными жертвами: «а вскоре после этого общего бедствия, почти рядом ... осветился великолепный Энгельгардов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию; никому не пришло в голову ..., что случившееся несчастье есть общее» [Степанов, 1999: 22-23]. В данном случае В.А. Жуковский использует понятие «интеллигенция» уже для обозначения определенной социальной группы. При этом он относит к интеллигенции и дворянство.

Нельзя в который раз ни упомянуть писателя и публициста П.Д. Боборыкина использовавшего слово «интеллигенция» то в абстрактном (романы «В чужом поле», 1866 г., «Жертва вечерняя», 1868 г., «Китай-город», 1882 г.), то в собирательном социологическом значении (роман «Солидные добродетели», 1870 г.). Это позволило ему позднее в 1909 г. претендовать на авторство данного понятия: «в 1866 году, в одном из своих критических эпизодов я пустил в обращение слово *интеллигенция*, придав ему значение ... самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны. Тогда же я присоединил к нему одно прилагательное и одно существительное, *интеллигент* и *интеллигентный*» [Боборыкин, 1904: 80].

Однако в настоящее время большинство исследователей считает, что П.Д. Боборыкин был лишь одним из многих, кто способствовал внедрению и укоренению данного слова в русском языке. Этой точки зрения придерживаются Н.И. Балашов, В.Б. Катаев, И.В. Кондаков, Ю.С. Сорокин, американские историки Д. Биллингтон и А. Поллард, немецкий филолог О. Мюллер и др. [Катаев, 1999: 382–397; Кондаков, 1999: 63-90; Сорокин, 1965: 148].

Мы разделяем данное мнение, поскольку, как уже говорилось ранее, случаи употребления понятия «интеллигенция» как в абстрактно-философском, так и в собирательном социологическом значении отмечены и до П.Д. Боборыкина, и в одно время с ним. Так, в 1868 г. вышло отдельное издание «Войны и мира» в котором имелась фраза «он [Пьер] знал, что тут [в салоне Шерер] собрана вся интеллигенция Петербурга», а в журнальном варианте 1865 г. это слово еще отсутствовало. В 1870 г. был издан рассказ И.С. Тургенева «Странная история», где

герою советуют съездить на бал в дворянское собрание «ну и всю нашу интеллигенцию вы увидите» [Катаев, 1999: 385]. Кстати, И.С. Тургенев допускал наличие качества «интеллигенция» у животных: в 1871 г. он писал, что «даже собака стала ... интеллигентнее, впечатлительнее и сообразительнее и кругозор ее расширился» [Гаспаров, 1999: 7].

Как мы помним массовое распространение термин «интеллигенция» получил в разночинско-народнической среде. Г.П. Федотов отводил народничеству главное место в истории возникновения феномена русской интеллигенции [Федотов, 1991: 69]. Такой же точки зрения придерживались Н.А. Бердяев, Р.В. Иванов-Разумник, М.И. Туган-Барановский, С.А. Булгаков, В. Воровский, Л.Д. Троцкий и др. [Иванов-Разумник, 1993: 75; Туган-Барановский, 1993: 214; Троцкий, 1993: 115].

Вследствие распространения идей социализма в России, маргинальное разночинское движение начинает оформляться в социально-политическую группу, противостоящую власти. В связи с этим возникла необходимость создания привлекательного для общества образа репрезентируемой группы. В данном случае он должен был строиться, с одной стороны, на контрасте с властными структурами российской империи. С другой стороны, идеализация народниками крестьянства предполагала создание собственного облагороженного образа и присвоения соответствующего наименования. Им стало модное слово «интеллигенция».

Согласно одному из первых идеологов народничества, П.Л. Лаврову, интеллигенция — это небольшая группа «критически мыслящих личностей» внутри образованного общества, «творцы истории», объединенные по социально-этическому критерию [Лавров, 1965: 442-443].

Этот критерий стал главным и определяющим при выделении интеллигенции в особую социальную группу. Из него исходили практически все видные теоретики народничества. Так, Н.К. Михайловский писал: «Мы — интеллигенция, потому что мы многое знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой; слепым историческим процессом мы оторваны от народа, мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним» [Михайловский, 1881: 201].

В наиболее завершенном и целостном виде народническая концепция интеллигенции была изложена в труде Р.В. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли». В разделе «Что такое интеллигенция?» автор ставит цель ограничения термина «интеллигенция» конкретными рамками, выделяя основные признаки данного понятия.

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, понятие «интеллигенция», характеризуется следующими принципами:

- интеллигенция есть определенная общественная *группа*;
- интеллигенция есть *преемственная* группа;
- общая идея и общее действие (борьба за освобождение народа) связывает ее в единое историческое целое;
- интеллигенция есть *внесловная* и *внеклассовая* группа.

Это, согласно автору, *социологические* признаки интеллигенции. Кроме них, существует и этический: интеллигенция — *антимещанская* группа. Мещанство, вслед за А.И. Герценом, П.Л. Лавровым и Д.С. Мережковским, Иванов-Разумник рассматривает как «толпу сплоченной посредственности» [Иванов-Разумник, 1993: 73-80]. Все вышеизложенное позволяет автору предложить следующее определение: интеллигенция есть этически антимещанская, социологически — внесловная, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности [Иванов-Разумник, 1993: 80].

В соответствии с этим возникла потребность определения нового субъекта исторического действия. Поэтому народники создают и внедряют в общественное сознание мифологему избранного сообщества развитых людей — носителей высшего сознания, выдвигающих претензии на интеллектуальное, образовательное, этическое и организационное превосходство над другими классами, что предполагает руководящую роль этого сообщества. Принадлежность к нему определяется, таким образом, в соответствии с *социально-этическим критерием*.

Данная теоретическая модель имплицитно экстраполировалась на представление о социальной структуре российского общества, создавая тем самым ее принципиально новый образ.

Главенствующее место в этой структуре занимала интеллигенция. Другой элемент — народ — представлен в качестве основной силы истории, однако еще не способной подняться до осмысленного и организованного протеста в силу отсутствия научного мировоззрения. Поэтому воспитание народа — основная задача интеллигенции.

Тем самым народная масса представляла в качестве *объекта* воздействия.

Следующие элементы социальной структуры, враждебные интеллигенции и народу, — буржуазия, дворянство и чиновничество. Борьба с ними, как считал Н.К. Михайловский, составляет одну из главных задач интеллигенции [Михайловский, 1881: 205–206].

В свою очередь государственные служащие различных рангов никогда не употребляли термина «интеллигенция» по отношению к себе. Л.Д. Любимов, внук профессора-консерватора, вспоминал, что «наши отцы презирали этот термин и никогда не применяли его к себе» [Любимов, 1965: 43].

Следовательно, народничество не только создало отдельную мифологию «интеллигенция» и представило ее в качестве субъекта политического действия, но и вписало ее в определенную мифологическую систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных элементов.

Во всех последующих вариантах теории социальной структуры в России использовались мифологемы, созданные народниками, и в том числе — интеллигенция.

Фактически же народники создали модель «идеального типа» бюрократа, позднее описанного М. Вебером — образованного, компетентного и бескорыстного, стоящего над сословиями и пекущегося о благе народа.

Однако народники не были государственниками в полном смысле этого слова. Их отношение к политике было, по мнению Г.П. Федотова, бессознательно-религиозным, а политическая деятельность являлась, по сути, сектантской борьбой с царством «зверя государства». Во власти народникам всегда чудилось нечто грязное, поэтому они боялись и презирали ее [Федотов, 1991: 142-144].

Идеи, развиваемые народниками в теории и попытки осуществления их на практике, в конечном итоге, сводились к бунтарно-анархической борьбе с властью, где интеллигенция выступала субъектом этой борьбы при помощи набора средств от либеральных (воспитание, пропаганда, агитация) до радикальных (восстание и переворот). Это могло произойти в том случае, если они возьмут власть; какой подразумевался тип государства, какие формы государственного управления придется вводить, и кто будет главным субъектом управления — об этом народники не задумывались. К примеру, в программе организации «Земля и Воля» записано, что интеллигенция совместно с народом разрушит послепетровскую машину самодержавной власти и установит анархию и коллективизм [Руденко, 1995: 181].

Свое логическое завершение миф об интеллигенции как составной части российского общества получил в русском воплощении марксизма, прежде всего, в работах В.И. Ленина.

В отличие от народников В.И. Ленин не считал интеллигенцию самостоятельным политическим классом, способным к организованным политическим действиям, а только социальным слоем, занятым преимущественно умственным трудом [Ленин, т.8: 309].

В силу характера своего труда, и ряда субъективных факторов — индивидуализма, неспособности к дисциплине и организации, а также «мещански-интеллигентского оппортунизма», интеллигенция может обрести реальную силу, только примкнув к определенному классу. Таковым наиболее отвечающим ее интересам классом, по мнению В.И. Ленина, была буржуазия. В связи с этим он отмечал, что современная ему «русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной». Она отличалась «узкоинтеллигентским самомнением», а также «бюрократическим мышлением» и, по сути, была «родней русскому чиновничеству», то есть, согласно В.И. Ленину, нарождающейся разновидностью новой бюрократии» [Ленин, т.1: 441].

Однако В.И. Ленин (а в след за ним его сторонники — А.В. Луначарский, В.В. Воровский и др.), несмотря на субъективное неприятие народничества, объективно исходили из народнического же понимания интеллигенции как лучшей части общества (сузив его до рамок класса). Каждый класс вырабатывает свою интеллигенцию, и рабочие не исключение: «как и всякий другой класс современного общества, пролетариат ...вырабатывает собственную интеллигенцию» [Ленин, т. 6: 389].

По убеждению В.И. Ленина, «в России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы... из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической партии, поскольку «всегда и везде вождями известного класса являлись, его передовые наиболее интеллигентные представители» [Ленин, т. 4: 269].

Таким образом, согласно концепции, разработанной В.И. Лениным, инструментом завоевания власти является партия, созданная передовым классом — пролетариатом, и выражающая его интересы с помощью научной идеологии марксизма. Она же является основой государственного аппарата, который необходимо будет создать после революции. Главным принципом строения партии является централизм и железная дисциплина. Руководит партией (а, следовательно, в последствии и госаппаратом) небольшая группа наиболее интеллигентных ее представителей.

Большевистская концепция в отличии от народнической, более четко социологически выстроена. Интеллигенция является передовой частью пролетариата и его руководителем; в свою очередь, пролетариат является передовым классом; остальной народ является объектом воздействия. Кроме того, использован иной критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу. Если у народников он *социально-этический*, то у большевиков — *социально-*

классовой. Однако реальность существования интеллигенции как особой социальной группы, пекущейся о благе народа и выражающей интересы передового класса, ни у народников, ни у большевиков не вызывала сомнения.

Тем самым проявляется еще один признак мифа — сохранение его оболочки (то есть наименования «интеллигенция») при радикальном изменении содержания в зависимости от конкретных политических целей.

После Октябрьской революции динамический миф об интеллигенции, как передовой группе, пекущейся о благе народа, сузился до определения интеллигенции как социально-профессиональной прослойки, не являющейся субъектом политического действия, и стал статическим, вписавшись в рамки общепринятой теории социальной структуры. При этом термин «интеллигенция» стал энкратическим, т.е. утвержденным и опекаемым властью.

Все дальнейшие многочисленные (особенно в 60–80-е гг. XX в.) исследования интеллигенции неизменно исходили из двух упомянутых выше критериев. Как исторически новую форму бюрократии интеллигенцию не рассматривал никто.

В постсоветский период исследования в данной области практически прекращаются, и термин уходит на периферию публицистики.

Мы солидарны с мнением В.М. Межуева, что понятие интеллигенция востребовано лишь при левом дискурсе в обществе. При правом дискурсе (поворот к которому происходит в последнее время) востребован термин «элита». Однако это не означает полного исчезновения данной мифологемы. Каким новым содержанием она наполнится, покажет время.

Литература:

- Боборыкин П.Д.* Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. №12.
- Гаспаров М.Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
- Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. М., 1997.
- Иванов-Разумник Р.* Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. / Ред.-сост. и авт. введ. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993.
- Катаев В.Б.* Боборыкин и Чехов (к истории понятия «интеллигенция» в русской литературе) // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
- Ключевский В.О.* Об интеллигенции // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 299.
- Кондаков С.М.* К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
- Лавров П.Л.* Социальная революция и задачи нравственности (открытое письмо молодым товарищам) // Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2 т. М., 1965. Т.2.
- Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М, 1971.
- Ленин В.И.* Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) // Полн. собр. соч. Т.8.
- Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Полн. собр. соч. Т.1.
- Ленин В.И.* Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т.2.
- Ленин В.И.* Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. Т.6.
- Ленин В.И.* Попытное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т.4.
- Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 43.
- Михайловский Н.К.* Записки современника // Отечественные записки. 1881. № 12.
- Сорокин Ю.С.* Развитие словарного запаса русского литературного языка: 30–90-х г. XIX в. М.–Л., 1965.
- Степанов Ю.С.* «Жрец», нарекись и знаменуйся «жертва». (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999.
- Троцкий Л.Д.* Об интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. / Ред.-сост. и авт. введ. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993.
- Туган-Барановский М.Н.* Интеллигенция и социализм // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. / Ред.-сост. и авт. введ. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993.
- Федотов Г.П.* Судьбы и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2-х т. СПб.: София, 1991. Т.1.

Будущее интеллигенции в социальной структуре общества Постмодерна¹

Р. И. Анисимов

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Мир, пребывающий в состоянии «текущей современности» приводит к трансформации сложившейся социальной структуры. Глобализация, развитие новых технологий, коррозия социальных государств, экспансия рыночных отношений на большинство социальных институтов дает жизнь новым социальным стратам, а также меняет сами типы стратификационных систем, структурируя общества по новым параметрам. Эти процессы не могли не затронуть интеллигенцию как социально-профессиональную группу. В настоящий момент в российском обществе наблюдается усиливающаяся межстратовая и внутристратовая социально-экономическая дифференциация. Из «старых» страт вырастают новые, имеющие общим основанием историю, но все больше расходящиеся пути настоящего существования и совершенно различные перспективы в будущем. Интеллигенция стремительно поляризуется. Появляются успешно адаптировавшиеся к современной фазе капитализма представители этого слоя, перенимающие новобуржуазные практики потребления, создающие и распространяющие альтернативные большинству населения нормы-ценности. Новый слой произрастает из старого, но в процессе дальнейшего развития имеет все меньше точек пересечения с «родительской» стратой.

Этот процесс не является российской спецификой, он протекает в большинстве капиталистических стран и отражает технологическую, социальную, культурную и политическую трансформацию капиталистической системы. В 2002 г. американский ученый Ричард Флорида,

1. Статья выполнена при поддержке РФФ, проект № 18-18-00024.

предположил, что в настоящее время в экономике протекает «никим не замеченный глубинный процесс — формирование такого значимого экономического фактора, как креативность, а также рождение нового социального класса — креативного» [Флорида, 2016: 9]. Флорида считает, что общество начинает структурироваться по уровню креативности его членов. Креативность определяется им как «способность создавать значимые новые формы» [Флорида, 2016, с. 58]. Автор подчеркивает, что приоритет в складывающемся обществе займут люди, занимающиеся творческими задачами, создающие уникальный продукт. Эти люди окажутся на вершине новой стратификационной пирамиды, в основании которой окажутся индивиды, чья способность к творчеству окажется на минимальном уровне. Эти люди будут выполнять рутинную работу и в перспективе будут заменены роботами. По Р. Флориде, существуют профессии, в которых создание нового является основным стержнем рабочей деятельности. Они составляют суперкреативное ядро креативного класса. К ним относятся профессии: в области программирования и математики; в области архитектуры и инженерного дела; в области естествознания и социологии; в области образования, профессиональной подготовки и библиотечного дела; в области искусства, дизайна, развлечений, спорта и средств массовой информации. Периферию креативного класса (по терминологии Р. Флориды — креативные профессионалы) составляют специалисты профессий, в которых присутствует креативность, но она не является центральным элементом работы. Это управленческие профессии, профессии в области бизнеса и финансов, в области права, в области здравоохранения (врачи и технические специалисты), руководящие профессии в области продаж и управления продажами [Флорида, 2016: 371]. Из приведенного списка профессий становится очевидным, что интеллигенция как социально-профессиональная группа включена автором в структуру креативного класса.

Однако креативность — личностное качество, а не групповое. Творческими способностями обладают люди, а не структуры. Креативность как главный стратификационный принцип меняет социально-профессиональную стратификационную систему на культурно-символическую, в которой основным критерием, определяющим положение человека в обществе, является «неравный доступ к социально значимой информации, неравные возможности фильтровать и интерпретировать эту информацию, способность быть носителем сакрального знания (мистического или научного)» [Радаев, Шкаратан, 1996: 54]. Дифференциация в концепции креативного класса проходит не по группам, а внутри групп по личностным характеристикам.

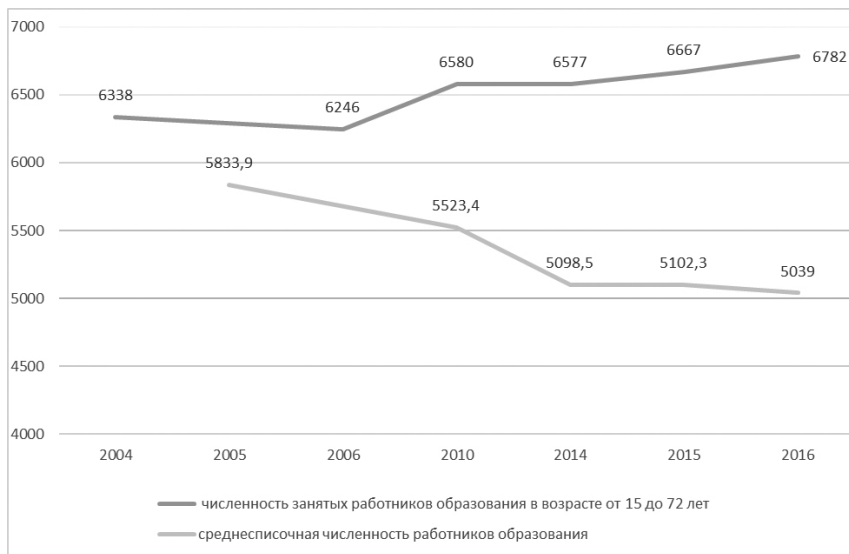
Профессии креативного класса, перечисленные Флоридой, создают предпосылки для творчества, но не являются необходимым фактором повышения социального статуса человека. Способность к творчеству, а тем более реальное творчество — уникальное свойство личности, присущее меньшинству, поэтому складывающаяся модель стратификации имеет элитарный характер. Структурная (групповая) мобильность заменяется индивидуальной, а общество приобретает квазикастовый характер. В этом обществе основным условием повышения статуса становятся социальный (связи) и символический (убежденность других в исключительных способностях) виды капитала, которые приходят на смену образовательному капиталу как основному способу вертикальной мобильности. В целом, модель креативного класса выполняет функцию идеологической легитимации сверхдоходов креативных персон, увеличению разрыва между стратами и сокращению среднего класса.

Формирование нового класса мы можем наблюдать в среде российской интеллигенции, порождающей успешных представителей креативного класса. Они, как правило, работают в институциях, скопированных с западных образцов и служащих «витриной» российской модернизации (Фонд «Сколково», Институт «Стрелка», ВШЭ, Музей современного искусства «Гараж» и др.). Этих институций чрезвычайно мало, как мало и представителей креативного класса в России, но они есть. Основными ресурсами для ангажирования в эти организации являются социальный и символический капиталы, а легитимация социального статуса их членов осуществляется с помощью создания образа «уникального, обладающего неповторимыми компетенциями специалиста, которого нельзя заменить». Так как таких институций в России мало, большинство интеллигенции не имеет возможности встроиться в них и поэтому они продолжают работать в институциях, созданных в эпоху Модерна. Эта эпоха характеризовалась массовой занятостью, структурной мобильностью и социально-профессиональной системой стратификации. В настоящий момент институты Модерна подвергаются коррозии и упадку и соответственно люди, занятые в них, ощущают снижение своего материального уровня и социального статуса в обществе.

Большинство интеллигенции становится не креативным классом, а прекариатом. «Прекариат — это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибельной

(гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [Тощенко, 2018: 81]. К прекариату относятся: неформально трудоустроенные работники; работники, имеющие недозанятость, сверхзанятость, временную и неполную занятость; работники, имеющие сезонную и фрагментарную занятость, следом идет заемный труд и безработные. [Тощенко, 2018]. Прекаризованная занятость зависит от сферы экономики. Например, в сельском хозяйстве и в строительстве преобладает неформальная занятость, а в образовании распространяется формальная недозанятость, приводящая к фактической сверхзанятости (см. диаграмму 1).

ДИАГРАММА 1. Соотношение численности занятых работников образования и их среднесписочной численности (тыс. ч.).

Источник: Труд...2017:120; Рабочая сила...2018:48;
Экономическая активность...2006:66.

Исходя из приведенных данных, видно, что в сфере образования наблюдается и сокращение, и увеличение персонала одновременно. Как объяснить этот парадокс? Он получается вследствие разных мето-

дик подсчета. Списочный состав конструируется пропорционально отработанному времени (поэтому если 2 сотрудника оформлены на 0,5 ставки, то в списочный состав они входят как 1 человек, к тому же здесь исключаются внешние совместители, работающие по договорам ГПХ, женщины, находящиеся в отпуске по беременности, и студенты, отправляемые на обучение), тогда как в численность работников организации входят все, занятые в организации. Сравнение общей численности и списочного состава работников, на наш взгляд, хорошо отражает масштабы процессов прекаризации в сфере образования. Администрация сокращает ставки, переводя работников на неполную занятость. В 2016 г. 1 млн. 743 тыс. работников образования или каждый четвертый (25,7 %) от общей численности занятых в образовании, имел неполную занятость, и, как видно из графика, эта тенденция будет расти. Однако зачастую перевод на неполную ставку не означает фактического уменьшения рабочего времени, так как сокращаются часы на различные виды внеурочной работы (проверка домашних заданий, курсовые проекты, подготовка к занятиям). Но по факту работник тратит такое же количество времени на эти виды работ, что и раньше. Таким образом, формальная недозанятость означает фактически такую же занятость учителя или педагога, что была у него до сокращения ставки, но при этом оплачивается она меньше, а это приводит ухудшению их материального положения. Поэтому работники образования вынуждены искать дополнительную работу (в организации, в которой они работают или на стороне), чтобы компенсировать материальные потери.

Таким образом, оптимизация штата сотрудников и вытекающая отсюда формальная недозанятость приводит к фактической сверхзанятости учителей и преподавателей, что также является отклонением от установленной продолжительности рабочего времени и свидетельствует о другом аспекте прекаризации – сверхзанятости. По результатам нашего исследования практически каждый второй педагог (40,5 %) занимается подработкой, совместительством [Как живешь ...2018:73]. Схожие процессы происходят в сфере медицины и культуры. В них также наблюдаются процессы интенсификации труда при формальном росте недозанятости. Все это свидетельствует о массовой прекаризации интеллигенции.

Таким образом, интеллигенция, как относительно однородная социально-профессиональная группа, распадается. Она расщепляется на малочисленный креативный класс и на прекаризованное большинство. Вследствие этого в Российской Федерации оформляется квазисословная стратификационная структура. Креативный класс

будет институализировать, онтологизировать и воспроизводить свое доминирующее положение, а массовые слои интеллигенции будут продолжать терять свои социальные позиции, сформированные в эпоху Модерна. Будет формироваться мозаичная структура социальных страт без общей идентичности. Россия вслед за всем миром вступит в капиталистический Постмодерн. Этот мир будет конфликтным, социально разделенным и неблагоприятным для большинства населения, включая интеллигенцию, поэтому возрастет конструирование ретротопий [Бауман: 2019]. Массовые слои интеллигенции станут традиционалистски ориентированными, отвергающими будущее как источник опасности и неопределенности. Это будет происходить потому, что прекаризированной интеллигенции нет места в таком будущем. Эпоха Просвещения закончилась, поэтому нет необходимости в массовом слое хорошо образованных людей. Мир будет похож на позднее Средневековье, где найдется место небольшим слоям креативного класса, нужных для государственного престижа, и заменяемого автоматикой населения, требующего только «хлеба и зрелищ».

Для того, чтобы избежать такой перспективы, интеллигенции жизненно необходимо сконструировать и обосновать свою цель-функцию в складывающемся обществе. Необходимо ответить на вопрос «Зачем она нужна обществу?» при том, что старые ответы устарели. Ответ на данный вопрос и является самой насущной задачей интеллигенции сегодня.

Литература:

Бауман З. Ретротопия. / Пер. с англ. В.Л. Силаева: науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.

Как живешь интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального проектирования и маркетинга, 2018.

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб. М.: Росстат, 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения 02.02.2020)

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Труд и занятость в России. 2017: Стат.сб. М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 02.02.2020).

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. / Пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. Р. Хусаинов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) 2006: Стат.сб. М.: Росстат, 2006. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_61/Main.htm (дата обращения 02.02.2020).

«Проблема скуки» в умах русской и европейской интеллигенции

М.Я. Мацевич

кандидат философских наук, доцент
Белорусской государственной академии искусств (г. Минск)

В.В. Валетёнок

кандидат философских наук, доцент
Белорусского национального технического университета (г. Минск)

Сберегший душу свою потеряет ее;
а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.
(Матф. 10:39).

Жизнь европейской интеллигенции в контексте экзистенциальной скуки и мировых войн. В русском варианте понятие скуки происходит от сербохорватского *скучити*, «теснить, поставить в затруднительное положение»; словенского *skučati* «скулить, визжать»; чешского *skučet*, *skoukat* «выть, скулить»; словацкого *skučať* «скулить, визжать, свистеть».

Скука является предметом философских, культурологических исследований, психологических и педагогических соображений. Обнаруживается тошнотворным чувством, обусловленным вынужденным безволием, снижением активности или монотонностью деятельности. В отличие от безделья, скука ощущается как нечто неприятное, что должно быть преодолено. В противоположность лени, усталости от жизни, как правило, носит временный характер.

Французский писатель, ученый и философ XVII-го века Блез Паскаль считал, что скучать обречен человек, лишенный Бога. Скука у Паскаля не является существенной социальной метрикой, но постулируется как сущностная человеческая черта. В скуке человек предоставлен исключительно самому себе, исцеление — обращение к Богу.

В XIX веке А. Шопенгауэр понимал скуку как эмоциональное состояние, постигающие среднего человека. Люди, великие духом, никогда не скучают. Внутренняя пустота выступает истинным источником

скуки, вечно заставляя индивида гоняться за внешними впечатлениями. Для Ф. Ницше скука «дискомфортный штиль души», участь элиты, болезнь, порожденная самим человеком, и Боги не в силах здесь помочь.

В философии экзистенциализма скука стала основным условием человеческого существования, предметом таких ощущений как отвращение, страх или отчаяние. Датчанин С. Кьеркегор, поддерживая точку зрения средневековой теологии, истолковывал скуку как «корень всех грехов». Подробно уже в лекционном курсе 1929-го года «Основные понятия метафизики» (§§19–39) анализом скуки занимался и М. Хайдеггер. Он размышлял о скуке как доминирующем настроении современного «Dasein», являющегося также и основополагающим настроением самого философствования. Состояние скуки приходит как изнутри, так и извне, и не может быть однозначно определено, хотя чаще всего скука принадлежит именно к особенностям «внутренней жизни». Полностью анонимная, она не имеет видимых причин. Скука есть «заклинивание горизонта времени». Скучает здесь не «некто», мы находимся по ту сторону субъектности, а кому-то «скучается».

В поэтических произведениях Ш. Бодлера скука синонимична разочарованию и очарованию злом, утонченности, «полетности» и воздушности. Нечто среднее между усталостью и скукой описывалось М. Прустом, Г. Маркесом.

Тема скуки одна из центральных в русской литературе: скука «лишнего человека» (Онегина, Печорина и других.); скука как образ жизни Ильи Обломова; русская скука купеческого дома, описываемая Н. Лесковым; «скупность жизни на земле» в творчестве Н. Гоголя. Особым лейтмотивом тема скуки прозвучала в русской поэзии серебряного века: свет скуки А. Блока, «скука-сука» С. Есенина, ласковость и надменность скуки О. Мандельштама, скованность скукою как «оскфордским воскресением» А. Ахматовой.

Особенно остро эта тема обнаруживается в творчестве русского писателя-эмигранта Г. Газданова, в частности, в его рассказе «Черные лебеди», где главного героя не интересуют ни политика, ни искусство, ни судьба России, ни любовь: ему просто скучно.

Французский психолог Э. Тардьё [Тардьё, 2010] рассматривал скуку как психофизиологический комплекс, бесконечно разнообразный по содержанию и по форме. Автор занимается экспертным анализом скуки не просто на уровне абстракции или у некоего простого обывателя, а у Г. Мопассана, Ш. Бодлера и др. Его размышления довольно полны уныния: человек обречен на скуку. Нет ни одного рода действия или бездействия, которое не приводило бы к убивающей дух скуке. Исключение составляет только сон.

На многие языки переведено сочинение норвежского профессора философии Л. Свендсена [Свендсен, 2003], посвященное анализу феномена скуки, его истории, причинам возникновения. Свендсоном делается попытка объяснения, почему скуку нельзя преодолеть волевым актом. В конечном итоге, для него скука — не только феномен, который характеризует личность, но, и даже в большей степени, социальный и культурный феномен.

В предисловии к «Цолликоновским семинарам» М. Хайдеггера [Хайдеггер, 2012: 9] Меддарт Босс рассуждает о впервые в жизни охватившей его скуке, о том, что «время» для него становится проблемой и посредством размышления о скуке он обращается к творчеству М. Хайдеггера. Заметим, что все это происходит во время Второй мировой войны.

Однако, с точки зрения М. Хайдеггера, уже Первая мировая война была не только трагическим ужасающим «постижением», «переживанием», но прежде всего, — открытием «присутствия» самой «сути бытия». Война научила его «удерживать» время, «временить» и «крайствовать». Война как экзамен, «момент истины», измерение объема человеческой природы, объема и величия нации. В первые месяцы войны друг Хайдеггера Эмиль Ласк, по всей вероятности, обсуждал с ним свое решение пойти в армию в выражениях, близких к тем, что он использовал в письме к матери: «Это нестерпимо, когда ты не можешь внести свой вклад, пусть даже и самый скромный» [Safranski, 1998: 57].

На примере биографии М. Хайдеггера Р. Сафрански откровенно подробно описывает как для очень многих современников-интеллектуалов «третья антиномия Канта» была важнее всей этой мировой войны, и что война для них относилась к философии так же, как чувственность к рассудку. «Эмиль Ласк, юный гений неокантианства, — именно ему, погибшему на втором году войны, Хайдеггер посвятит свою диссертацию, — еще до войны говорил о том, что жернова разума мельют тем лучше, чем меньше в них попадает жизненной материи, и что, следовательно, философская мысль может блистать лишь в том случае, если не соприкасается с не поддающейся однозначному толкованию пестрой тканью жизни. Ласк воспринимал данное свойство философии как ее недостаток и потому через несколько месяцев после начала войны писал с фронта своей матери: “В самом деле это был последний срок, когда мы уже не могли не уйти. Нетерпение достигло предела, а у меня — еще и мучительное ощущение собственной бездеятельности, полной бесполезности всех моих сил в такое время, когда на карту поставлено буквально все и невыносимо сознавать, что ты не принимаешь хотя бы малого участия в происходящем”. Но Хай-

деггер, похоже, не жалел о том, что поначалу оказался в стороне от военных событий. Ему не пришлось рисковать жизнью, он мог спокойно работать над своей диссертацией, которая должна была стать первым шагом его научной карьеры, а в остальном, вероятно, разделял всеобщее чувство патриотического воодушевления, распространившееся и в тех католических кругах, где он вращался и к которым принадлежали его ближайшие друзья» [Сафрански, 2002: 91-92].

Предположительно, в войнах гибнет «цвет нации», уничтожается интеллектуальная, культурная элита, а иные социальные страты развиваются с новой удвоенной силой, размножаются, особенно среди поработанного народонаселения. Война имеет своими последствиями те факты, что выживают, размножаются обычно особи менее ценные в физическом и нравственном аспектах. Особи с положительными психическими особенностями, обладающие мужеством, героизмом, патриотической энергетикой либо погибают, либо уходят на социальное дно гораздо чаще, чем те лица, которые этими качествами не обладают. Отчасти в связи с этим напрашивается вывод, что победа порой приносит государству для его развития гораздо больше вреда, нежели пользы. Увы, «интеррасово» войны, и Первая мировая, в частности, не произвели культурного отбора. Военные поражения отражают в большей степени онтологическую, экзистенциальную эволюцию нации, нежели эксплицируют последствия «дарвинского» отбора и четкую практику воздействия биологических факторов. Таким образом, как еще в 50-е годы XX века было доказано в трудах советского антрополога В.В. Бунака, война с биологической точки зрения если и имеет какое-то значение, то только как результат «направления» отбора в пользу менее культурных слоев общества.

Благодаря расширению сферы досуга и всеобщей грамотности, скука становится вполне прозаическим недугом, поражающим большую часть всего прогрессивного человечества. Если М. Хайдеггер предлагал вести отсчет времени по степени скуки, то для современного французского философа Ж. Деррида экспериментальным коррелятом времени являются те значения, которые пронизывают его. Жизнь имеет смысл и временной ритм лишь в зависимости от работы «смыслозначения», которая сопровождает ее, точнее, является ею. Французский социолог Ж. Бодрийяр также подчеркивал, что в мире «симуляции» подлинными остаются только скука и «завороженность», «завороженность» уже неотделима от скуки, а скука больше не вызывает тоски, скука сегодня сродни холодному восхищению, заледеневшему изумлению. А современный философ Дж. Агамбен посредством обращения к понятию скуки констатирует «профанность» современной культуры,

осознание себя как мутировавшего животного, не могущего примириться с собственной открытостью, стыдящегося собственной мутации и собственного неприличного состояния открытости.

Крушение идеологий как связь интеллигенции с «высшей» реальностью. Однако, как справедливо замечает Ж. Гронден [Grondin, 2003:109-112], не существует ни одного морального принципа, не имеющего «религиозного» источника. Религии не «выдумали» это Благо, они лишь предлагают его первое произношение. Они представили связанное существование через Благо — и благо другого, которое превагирует над моим — как связь с «высшей» или «божественной» реальностью (даже если речь шла о естественной реальности, такой как солнце или король), которая стала с тех пор объектом уважения, признательности и долга (так еврейская религия говорила о «заповедях», явившихся Моисею на горе, как если бы было немислимо, что они могут исходить от человека). Очевидность божественного — это сознание границ, сознание явной хрупкости человека перед лицом своей судьбы, своей собственной неизбежности. Без этого сознания, без этой очевидности нет ни человечества, ни смысла в жизни. Все мы находимся в одинаковой ситуации основной ненадёжности перед лицом неотвратимого. Из этого в идеале следует солидарность, обещание благородства, которое уничтожает все различия положения и судьбы, все неравенства между людьми. Смысл Блага — напоминание об этом главном «ethos», который здесь подразумевает под собой основное условие или наше временное пребывание: мы здесь лишь на время, против которого безостановочно и безуспешно боремся. Но это условие универсально. Универсальность — это надежда, которую даёт себе человеческая ограниченность (конечность), когда превосходит саму себя.

Мы боремся со скукой, устанавливая «диктатуры» моральности, нормальности, психического и нравственного здоровья. Однако, как и кем устанавливается мораль? Кто и зачем лечит? Жан Гронден весьма убедительно фиксирует ложность и «пустотность» оснований морали: мораль, которая нами устанавливается, которая делает нас такими, какие мы есть, в действительности, вызывает к основанию (установлению), которого она на самом деле изначально не имеет [Grondin, 2003: 97]. Наука, идеология пытаются развивать человека в контексте горизонталей, но относительно вертикали, — возникает масса вопросов. Классическое просвещение становится еще одной «шорой», еще одним оптимистичным самозаблуждением, еще одной надеждой, удерживающей на привязи наше эгоистичное «эго».

В «Цолликоновских семинарах» Хайдеггер еще раз напоминает о конечности человека, заключающейся в «невозможности испы-

тать присутствие сущего в целом» [Хайдеггер, 2012: 254], отводимого в христианстве Богу.

Суть проблемы заключается в том, что наша научная и педагогическая практика «просвещенчества» не может быть выведена как естественная производная жизненного процесса. Сегодня её невозможно считать необходимым следствием повседневности, потому что условия современной практики «просвещения» не тождественны условиям объективного жизненного опыта. Существуют интеллигенция, «Другие», жизнь и нечто между ними, именуемое «процессом просвещения», но эта связь лишь нормативна. В самом процессе «просвещения» нет сопричастности, нет «родства», а есть конфликт: конфликт формы и содержания.

Любая эпоха в конечном итоге оказывается стремительно короткой. Индивид надеется, мечтает, пытается адаптироваться, и успешность этой адаптации зависит от глубины компромисса, на который готов пойти каждый субъект. Один делает вложения в частную собственность, другой — в детей, третий — в карьеру, и т.д. Но в конечном итоге любой из них вдруг понимает, что его «терпят» только в контексте императива условного соответствия. Осознав последнее, граждане этот императив принимают, и подчиняются подобной оценке (по П. Бурдьё — «метафизике безнадёжности»).

Как отмечалось Ж. Бодрийяром [Бодрийяр, 2003: 32–33] в работе «К критике политической экономии знака», подобная риторика управляется двумя принципами: 1) насыщенностью и избыточностью, 2) симметрией и иерархией. Первый пункт репрезентирует непосредственное желание большинства обывателей убедить и доказать, насколько «хорошо мы чем-то владеем». В процессе подобной адаптации культурно значимый продукт отчуждается от своей изначальной онтологической и аксиологической значимости. Второй пункт эксплицируемой риторики связан с бессознательным стремлением описываемых индивидов к правильности, чёткости, ясности, порядку, чистоте, стерильности.

«Герой нашего времени» постоянно нуждается в оценивании себя и других, в «статусности», в конечном итоге, — «наделении значениями» (терминология Ж. Бодрийяра). В действительности же, эмпирика сводит динамику подобных адаптационных механизмов к сценарию игры в «морской бой»: мимо, ранен, убит. Иллюзия выигрыша заключается в иллюзорности самой игры, спиральности выигрыша и проигрыша (самой ценности адаптации).

Система имеет потребность в навязывании самих потребностей, в навязывании идеологии «насильственной» адаптации, когда человек

воспроизводится не в качестве человека, а в качестве «выживающего» (логика Ж. Бодрийяра).

Для подобного видения всё в мире состоит из субъектов и объектов, которые соединяются и разъединяются. Человек ищет внешние опоры. Однако древесный листок — не только лист, но ещё и дерево. Истерия, страх, болезнь адаптации начинаются с «различения», с привязанности к дефинициям. Для самой же жизни нет сослагательного наклонения. Адаптационные механизмы — всего лишь один из способов дискурсивного, парадигмального различения.

«Здоровая» адаптация в условиях современного общества есть вечная «энтелехия»; возможность заглянуть в человека и увидеть его в категориях «апофатики», увидеть «человека в возможности», которая постоянно закрыта поступками этого человека. А если «быть здоровым» — это иметь право на сомнение, на вопрошание, вопрошание не только своей позиции, своей точки зрения, но и всего своего мировоззрения, всей своей жизни? Что может дать «просвещенный»? Он неуязвим. А условие «давания» — открытость, уязвимость, страдание, боль, смирение. Можно адаптироваться в терминах жертвенности, а можно просто разделить «крестное избранничество», «крестную участь», «богочеловечество» [От я к Другому..., 1998: 181-190]. Как и сам «здоровый образ жизни», духовное, психическое здоровье — как бы событие, которому нет места в истории, нигде — в пространстве и времени.

В «Цолликоновских семинарах» Хайдеггер сводит проблему скуки к «проблеме имения», где имение — не нейтральное отношение к тому, что мы имеем. Мы скучаем, ибо «имеем время», охватывающее нас всегда и повсюду, постоянно и неизбежно. И если это так, то неужели человек обречен на скуку? Хайдеггер пытается решить данное затруднение, заостряя внимание на том, что «имение времени» не сводится к наличию времени. Мы «имеем время» не по аналогии с имением вещи, а как пребывание в мире, сводя вместе прошлое, настоящее и будущее [Хайдеггер, 2012: 112]. Скучая, «имея время», мы как бы удерживаем его в ожидании. Вторым аспектом скуки является экзистенциальное отношение человека к миру. Скука находится в связи с «открытостью» меня миру. Я скучаю, так как в отличие от стоящего столба, не просто стою, а «стою в просвете» [Хайдеггер, 2012: 213]. Интересно также и то, что, осознавая стоящий стул, стол, не выделяя их стояние в проблему, для человека просто стояние очень часто воспринимается как скука. Так как, элементарно осознавая тот или иной предмет, человек не обязательно осознает себя.

Во многом скука может объясняться и «производством» интенциональности. То есть, я скучаю, потому что обречен на «ре-

презентирование», определяясь этим отношением, при этом специально его не «тематизируя». Аналогично тому, как пошлость просто пошла, скука просто скучна. Следуя логике самого Хайдеггера и тому, что Dasein есть «разомкнутость», «стояние внутри», проблема скуки сама собой снимается, она растворяется как сахар в воде. Но это растворение, осознание полезного как самого бесполезного, невольное вовлечение в скуку оказываются для большинства людей невыносимым [Хайдеггер, 2012: 235]. Человек старается бежать от скуки, но по большому счету «скучать» — это как раз и есть «умение-быть». И оно становится тем легче, богаче, чем чаще человек в этом упражняется.

Войны, конфликты, происходящие неожиданно и быстро друг за другом, в состоянии вообще в корне подорвать силы нации и временно прервать ее духовную эволюцию, странным образом сократить, истребить именно более сильные в физическом и психическом аспектах антропологические архетипы.

Дискурс войны «различает», «дифференцирует», «систематизирует», «иерархизирует», порождая неудовлетворенность, а дискурс примирения все эти «разделения» диалектически снимает. Подлинное прощение — это благодать не только по отношению к себе, а, прежде всего, по отношению к «Другому», безвозмездный дар оскорблённого обидчику. Быть прощенным, примиренным — даровать, освобождать себя и «Другого» от вины, а также, — искупать. Принципиальное отличие здорового образа жизни от иных форм заключается в бескорыстном приятии себя и других, законов мироздания. Прощение безлично, антиаксиологично. Осмысливая конфликты, мы тем самым выпадаем из «темпоральности» и одновременно эволюционируем, эволюционируем не эмпирически, имманентно, а — трансцендентно. «Адаптировавшись», уйдя от «антропологического шока», мы прощаем навсегда, не для себя, а — для вечности.

Когда А.И. Введенский рассуждал о смысле жизни вне самой жизни и самого человека, он тем самым подтверждал мысль о том, что природе, суть «русскости», «русской идеи» нельзя постичь посредством философии, литературы, истории [Введенский, URL: <http://scorcher.ru/art/life/art/16.htm> (дата обращения 5.01. 2019)]. Русская душа — порождение веры, тоска по утраченному раю, утерянному Богу, домашней теплоте и уюту. Здесь нет противоречия между духом и укладом общественной жизни. Поэтому русский человек вечно кается, в его сердце извечно осознание вины и первородного греха, осязание «Голгофы»; Пасха, а не Рождество — священное таинство для русских православных.

«Европеец в несчастье быстро впадает в уныние, но и выкарабкивается из него быстрее — потому что страдание для него невыносимо, он предпринимает все усилия, чтобы преодолеть его. Русский же, наоборот, нужду переносит спокойно, свыкается с ней, затем начинает её любить и в конце концов гибнет с наслаждением.

Из этого чувства вины рождается мысль о жертвенности как центральная идея русской этики. Только жертва открывает путь, ведущий из мира здешнего в мир иной. Без смерти нет воскресения, без жертвы нет возрождения» [Шубарт, 2003: 106-107].

Недаром русская интеллигенция старалась идти в народ, издревле сльвиший народом-хлебопашцем. Отсюда и извечное томление русской интеллигенции, которой грузно, тяжело было под гнетом «земляного», «почвеннического» духа мысли. В них бурлили эмоции, чувства, страсти, мысли, душа просилась на волю. И поэтому они извечно оставались мучениками своей собственной духовно-интеллектуальной силы. «Любовь к отеческим гробам» давала русскому интеллигенту возможность внутреннего осознания своего устойчивого местоположения в мире. Даже в странствиях, изгнаниях он уже не в состоянии был изменять этому месту и берег его в сердце, в душе. Ибо ощущение «зова земли», «зова предков» есть присутствие непредставимого; за него нельзя схватиться и от него нельзя избавиться. Несмотря ни на какие «кантианские» чудеса, нельзя вырваться, преодолеть «земляную силу мысли» (понятие заимствовано у М. Хайдеггера).

Отсюда и извечная «агрессия» чужестранцев по отношению к русскому. «Русское» манит и раздражает, влечет и пугает. К больному зовут врача, к умирающему — священника. Врач лечит, «защищает», возвращает к жизни, священник подготавливает к жизни вечной, к воскрешению. Поэтому и конфликт, и трагедия раздвоения, неприятия «русского стиля жизни», «русского смысла». Вышеизложенный конфликт подобен той трагедии, которую до конца испытал Л. Толстой, и о которой Л. Шестов в «Откровениях смерти» замечал, что, если Лев Николаевич и продолжал идти вперёд, то только потому, что все пути назад уже были заказаны. Так русский человек в целом: идёт далее, потому что нет пути назад, потому что «всему верит, всего надеется, всё переносит», потому что должно быть нечто высшее, нежели повседневность, должно быть воскрешение.

Литература:

- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
- Введенский А. И.* Условия допустимости веры в смысл жизни. URL: <http://scorcher.ru/art/life/art/16.htm> (дата обращения 5.01. 2019).
- От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постклассической философии. Мн.: ПроPILEI, 1998.
- Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. М.: Молодая гвардия, 2002
- Свендсен Л.* Философия скуки / Пер. с норвежского. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Тардые Э.* Скука. Психологическое исследование / Пер. с французского. М.: КомКнига, 2010.
- Хайдеггер М.* Цолликоновские семинары. Протоколы. Беседы. Письма / Пер. с нем. Вильнюс: ЕГУ, 2012.
- Шубарт В.* Европа и душа Востока / Пер. с нем. М.: Эксмо, 2003.
- Grondin J.* Du sens de la vie: essaiphilosophique. Montreal: Belarmin, 2003.
- Safranski R.* Martin Heidegger: Between Good and Evil. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Социальное самочувствие российской интеллигенции

И.О. Шевченко

кандидат исторических наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Социальное самочувствие — совокупность оценок, которые люди дают себе, повседневным взаимодействиям друг с другом, с организацией, где работают, социальными институтами и территориальными сообществами, социумом в целом¹. Это субъективное восприятие людьми *условий* и *целей* своей жизнедеятельности. Главные индикаторы — уровни удовлетворенности своей жизнью в целом, работой, степень оптимизма в оценке будущего. По отношению к социальному настроению социальное самочувствие является частным, по отношению к субъективному благополучию — общим понятием. Социальное благополучие включает в себя эмоционально-психологическую составляющую [Кученкова, 2016]. Социальное самочувствие человека или социальной группы определяется степенью удовлетворения социальных потребностей, которая, в свою очередь, определяется существующей в обществе системой производства и распределения социальных благ. Следовательно, чем в большей степени человек ощущает дефицит социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие. Особое место в социальном самочувствии занимает работа: мы считаем, что нестабильность, неустойчивость (прекаризованность) занятости в первую очередь влияет на социальное самочувствие и может приводить к прекаризованности жизни в целом [Анисимов, 2017; Прекариат..., 2020; Романовский, 2019]. Таким образом, можно выделить следующие составляющие: внутреннее состояние человека; оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить); восприятия собственного положения в текущих условиях.

1. Выполнено при поддержке гранта РНФ 18-18-00024 «Прекариат: Новое явление в социально-экономической структуре общества».

При подготовке статьи использованы материалы исследования «Жизненный мир»: всероссийский опрос трудоспособного населения, июнь-июль 2018 г., n=1200. Исследование проведено коллективом РГГУ под рук. Ж.Т. Тощенко методом формализованного интервью, выборка репрезентативна по возрасту, полу, месту жительства, социально-профессиональным группам. Из всего массива опрошенных выделены респонденты с высшим образованием, по формальному признаку — наличию высшего образования — составляющие группу интеллигенции. Характеристики социального самочувствия интеллигенции мы сравнивали с показателями самочувствия всего трудоспособного населения.

Удовлетворенность жизнью. Общая удовлетворенность жизнью среди представителей интеллигенции выше (среди интеллигенции — 48,7% — удовлетворены, 44,1% — частично удовлетворены; среди всего населения — 35,6% — удовлетворены, 51,4% — частично удовлетворены). Нужно отметить, что на этот показатель влияют множество разных факторов: и положение дел на работе, и ситуация в семье, и состояние здоровья и многое другое.

Проблемы в городе, районе, селе. И интеллигенцию, и все трудоспособное населения примерно в равной степени волнуют одни и те же проблемы: состояние здравоохранения (61,3% — интеллигенция, 57,8% — население); плохое решение жилищно-коммунальных проблем (42,2% — интеллигенция, 46,3% — население); проблемы обучения детей (33,3% — интеллигенция, 29,7% — население); плохая экология (30,1% — интеллигенция, 27,8% — население). Эта четверка проблем устойчиво занимает первые места, что, видимо, свидетельствует об их значимости.

По сравнению с данными «Жизненного мира» 2014 г. на первое место вместо ЖКХ вышли проблемы здравоохранения, что является, на наш взгляд, следствием оптимизации здравоохранения. Значимость проблем здравоохранения существенно возросла с 2014 г., видимо ситуация в этой сфере значительно ухудшилась. В списке проблем «поднялись» также проблемы экологии, что может свидетельствовать как об ухудшении экологической ситуации, так и повышении экологического сознания. Неудивительно, что все эти проблемы, кроме ЖКХ, волнуют людей с высшим образованием чуть больше, чем всех работников в целом.

Все остальные проблемы (плохое транспортное сообщение, отсутствие условий культурной жизни, отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом, криминальная обстановка, преступность) волнуют население страны (в том числе людей с высшим образованием) гораздо меньше (отрыв составляет 3-4 раза). Среди проблем, называемых дополнительно (ответ «другое») чаще всего фигурируют «отсутствие хорошо оплачиваемой работы», «плохие дороги»; появился ответ «нет поликлиник».

Проблемы по месту работы. Представители интеллигенции в целом реже указывают на низкую оплату труда (36,3% — интеллигенция, 50,3% — население) и неясность в оплате труда (11,6% — интеллигенция, 16,3% — население), реже обозначают как проблему отсутствие социальных льгот и медицинского обслуживания (9,4% — интеллигенция, 13,2% — население), перспектив в работе, профессиональной карьере (13,7% — интеллигенция, 18,7% — население). А вот опасение потерять работу в равной степени распространяются и на одних, и на других (22,0% — интеллигенция, 22,5% — население). Вероятно, несмотря на в общем тяжелую ситуацию на рынке труда, интеллигенция обладает некоторым преимуществом, связанным именно с наличием высшего образования. Представители интеллигенции чаще работают в бюджетной сфере и чаще оформлены на работу по правилам Трудового Кодекса РФ; их работодатели чаще выполняют минимальные требования социальных гарантий. Высшее образование позволяет занимать более высокие позиции в организации и позволяет усматривать некоторые возможности карьерного роста и перспективы хорошей работы. Но общая тяжелая ситуация в экономике страны, недостаточное количество рабочих мест с высокими зарплатами и достойными условиями труда, оптимизация и сокращения в бюджетной сфере вызывают одинаковую тревогу относительно потери работы как у работников с высокой квалификацией, так и у всех других занятых. Угроза безработицы нависает над всеми. Процент «тревожных» — почти четверть всех занятых — существенно превышает цифру безработных, из года в год указываемую Росстатом — около 6,6% [Рабочая сила..., 2018]. Видимо, официальная цифра безработицы сильно занижена.

Удовлетворенность работой. На наш взгляд, именно удовлетворенность работой у интеллигенции вносит существенный вклад в удовлетворенность жизнью. Полностью удовлетворены работой 32,8% интеллигенция, 18,7% — население, в целом удовлетворены 55,4% — интеллигенция, 59,3% — население, не удовлетворены 11,8% — интеллигенция, 22,0% — население. Практически по всем параметрам работы (позиция в организации, возможность влиять на принятие решений, перспективы профессионального и карьерного роста) работники с высшим образованием чувствуют себя на рынке труда увереннее и выигрывают в зарплате (хоть и не так существенно, как заслуживает их образование и квалификация), что и определяет их оценку удовлетворенности. Возможно, на оценку удовлетворенности работой также существенно влияет общественная значимость профессии.

Оценка материального положения

И в этом пункте интеллигенция пусть хоть не намного, но более позитивно оценивает свою ситуацию. За последние 3 года материальное положение улучшилось у 30,9% интеллигенции и у 25,4% всего населения; ухудшилось у 17,2% интеллигенции и у 24,4% всего населения; осталось без изменений у 51,9% интеллигенции и у 50,2% всего населения. Конечно, важно, какая величина является точкой отсчета таких оценок. Но из общего контекста социально-экономической ситуации в стране понятно, что материальное положение граждан России не блестящее, соответственно, точка отсчета невелика. Так что, исходя из этого, самой удручающей оценкой является то, что у половины материальное положение не изменилось, то есть осталось невысоким.

Оценка представителями различных профессиональных групп изменения личной жизни и жизни своей семьи за последние 3 года

В таком же примерно духе оценивает трудоспособное население изменения в личной жизни и жизни семьи за последние три года: у 30,6% интеллигенции и у 25,3% всего населения ситуация улучшилась, у 15,6% интеллигенции и 21,9% всего населения — ухудшилась, осталась прежней (без особых изменений) — у 50,5% интеллигенции и у 48,9% всего населения. То ли в этом сказывается связь удовлетворенности материальным положением и жизни в целом, то ли оценки личной жизни и жизни семьи определяются в нашей небогатой стране в первую очередь уровнем жизни. Возможен и вариант понимания этого вопроса именно как вопроса о материальном уровне жизни семьи. Мы склоняемся к последнему объяснению: тогда становится понятным совпадение оценок с предыдущим пунктом и разница в ответах об удовлетворенности жизнью (она выше).

Оценка направления развития России

48,9% населения в целом и 58,1% людей с высшим образованием указывают, что страна развивается в правильном направлении (в неправильном) — 21,0% работников в целом и 20,4% — интеллигенции).

Достаточно высокие оценки направленности развития России вызывают удивление. Может, в этих оценках сказывается общая оценка положения страны в мире, рост независимости в принятии внешне- и внутривнутриполитических решений, повышение международного влияния по сравнению с прошедшими десятилетиями. На фоне этого экономическая ситуация внутри страны, вероятно, многим пред-

ставляется следствием трудных предшествующих лет и вписывается в извечное российское долготерпение («а что вы хотите — санкции» или «лишь бы не было войны»). На сколько хватит этого терпения, не знает никто. Правительству России нужно было бы рассматривать эти оценки как ресурс развития и точку опоры.

Понятно, что наибольшее одобрение направлению развития страны оказывают военнослужащие, работники МВД, таможни, налоговых служб — 74,7% поддержали политику развития страны. Они, как представители государства и, особенно, силовых структур, поддерживают и вписываются в принятый курс на обороноспособность, усиление государства на международной арене. Немаловажно, что сотрудники этих структур имеют неплохие зарплаты и социальную поддержку. А вот среди инженеров (специалистов) промышленности, строительства и других отраслей производства степень поддержки направления развития России гораздо меньше — 50,9%. На наш взгляд, в их оценках сказываются наблюдения и понимания состояния отраслей производства, в которых они работают: промышленность и другие отрасли находятся в плачевном состоянии (изношенность оборудования и зданий, технологическое отставание и другие проблемы). Работники (служащие) вузов, школ, здравоохранения, науки, искусства, средств массовой информации находятся как бы посередине между вышеуказанными группами — 57,3% одобряют направление развития страны. Вероятно, большую долю «одобряющих» составляют работники средств массовой информации; работники школ, вузов и учреждений здравоохранения гораздо менее сдержаны.

ТАБЛИЦА. Мнение о путях развития страны различных групп интеллигенции (в % в каждой группе)

Направления развития	Инженеры (специалисты) промышленности, строительства и др. отраслей производства	Военно-служащие, работники МВД, таможни, налоговых служб	Работники финансовых, страховых компаний, торговли, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб	Работники (служащие) вузов, школ, здравоохранения, науки, искусства, средств массовой информации
В правильном направлении	50,9	74,7	48,5	57,3
В неправильном направлении	31,6	9,3	15,2	22,7
Затруднились ответить	17,5	16,0	36,4	20,0

Оценки будущего

На фоне предыдущих, оценку российскими работниками будущего можно назвать «осторожным оптимизмом». Здесь представители интеллигенции также отличились в лучшую сторону (хоть и немного). О том, что они надеются, что их жизнь улучшится, заявили 50,0% интеллигенции, 44,8% — населения, о том, что не улучшится — 19,6% интеллигенции, 22,9% — населения. То, что мы имеем треть затруднившихся ответить (30,4% у интеллигенции, 32,3% — у населения в целом), говорит о высокой степени неопределенности в жизни российского общества.

Выводы. В городе, районе, селе интеллигенцию и все трудоспособное население примерно в равной степени волнуют одни и те же проблемы: состояние здравоохранения, взаимодействие с ЖКХ, образование и трудности в обучении детей, плохая экология. Но ситуация в сфере занятости на общем фоне представителями интеллигенции в целом воспринимается лучше: они реже указывают на низкую оплату труда и неясность в оплате, реже обозначают как проблему отсутствие социальных льгот и медицинского обслуживания, перспектив в работе и профессиональной карьере. Удовлетворенность работой, оценки материального положения и изменений в жизни семьи за последние три года у интеллигенции выше. Вероятно, поэтому больше людей с высшим образованием, чем работающее население в целом, указывают, что «страна развивается в правильном направлении». Общая удовлетворенность жизнью среди представителей интеллигенции также выше, чем среди населения. Оценку российскими работниками будущего можно назвать «осторожным оптимизмом», здесь представители интеллигенции также отличились в лучшую сторону, хоть и ненамного. Таким образом, по сумме факторов, влияющих на социальное самочувствие, интеллигенция выигрывает.

Литература:

Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. №11. С. 44–52.

Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.

Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018. Статистический сборник / Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018.

Романовский Н.В. Опасный класс? Тема не закрыта (мысли о проблеме) // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 95–105.

РАЗДЕЛ II

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Интеллигенция как вечный критик власти

Н.А. Романович

доктор социологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал, г. Воронеж)

Лет двадцать назад на одной из научных конференций как-то пришлось услышать следующее высказывание докладчика: «Единственно верное отношение интеллигенции к власти — это презрение» [Романович, 2009: 70]. Высказывание претендовало не на ситуативную оценку текущей ситуации, а на установку, которая имеет место во все времена. Этакая агрессивно-защитная установка априори социально одобряемая. Она может прибывать в латентном состоянии и остро проявляться в кризисные моменты общественных трансформаций.

Возникает вопрос — чем вызвана подобная установка и насколько интеллигенция ей верна сегодня? Действительно ли критическое отношение к власти — кредо сегодняшней интеллигенции? Чтобы разобраться с этим, вначале уточним составляющие дефиниции такого понятия как «интеллигенция». В энциклопедии есть определение: «Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Термин «интеллигенция» был введен в обиход писателем П.Д. Боборыкиным (в 60-х гг. XIX в.), и из русского перешел в другие языки. Вначале под интеллигенцией понимались вообще образованные люди. Это слово нередко и сейчас употребляется в таком значении [Амбариумов, Ерман, 1972: 311]. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что образованные люди чаще прочих занимаются умственным трудом, поэтому при анализе результатов исследования условно будем считать интеллигенцией людей, имеющих высшее образование. Рассмотрим, если ли отличия между отношением к власти и её институтам среди людей с высшим образованием и среди тех, кто его не имеет.

Опрос воронежцев, выявляющий отношение населения к различным структурам власти и общественным организациям, был проведен

Институтом общественного мнения «Квалитас» в феврале 2019 г. (выборка — 606 чел., репрезентативна для жителей г. Воронежа старше 18 лет) [Ежемесячный Бюллетень..., 2019-02: 9-14].

Анализ результатов исследования свидетельствует, что отношение людей с высшим образованием ко всем перечисленным государственным институтам и представителям власти всегда критичнее, чем отношение прочих респондентов. К примеру, деятельность Президента РФ не одобряют сегодня в два раза чаще люди с высшим образованием (34%), чем со средним (17%). Хотя большинством воронежской интеллигенции его деятельность одобряется (59%), но не так часто, как менее образованными респондентами (83%). Для справки упомянем, что средний по Воронежу уровень поддержки Владимира Путина в феврале 2019 г. в Воронеже составлял 61%, а средний по России — 63% (Всероссийский опрос проведен ВЦИОМ в феврале 2019 г., опрошено 1600 жителей различных регионов России) [ВЦИОМ..., 2019]. Иными словами, результаты воронежского опроса близки к российским данным, мнение воронежцев не является уникальным не только по отношению к Президенту РФ, но и к прочим политическим институтам.

Правительство РФ в качестве коллегиального органа, в отличие от Президента РФ, не может рассчитывать на лояльность большинства населения. Его деятельность одобряют лишь 33% воронежцев, а не одобряют — 59%. Среди людей с высшим образованием уровень неодобрения возрастает до 65%, тогда как среди респондентов со средним критические настроения существенно ниже (39%).

Конечно, не только уровень образования, но и уровень дохода населения, как правило, является чувствительным параметром, формирующим отношение к власти. По мере улучшения материального положения респондентов, например, одобрение Правительства РФ среди воронежцев увеличивается от 17% до 67%. Но доход — ожидаемый параметр, который априори должен влиять на отношение к власти. Поэтому именно повышение доходов населения — одна из основных задач, декларируемых любой предвыборной кампанией. Но никому не придет в голову поставить задачу снижения уровня образования населения, чтобы повысить лояльность к власти. Возможно, просто ещё не стало общим местом утверждение, что с повышением уровня образования лояльность к власти падает.

Правительство РФ в качестве коллегиального органа, в отличие от Президента РФ, не может рассчитывать на лояльность большинства населения. Его деятельность одобряют лишь 33% воронежцев, а не одобряют — 59%. Среди людей с высшим образованием уровень

неодобрения возрастает до 65%, тогда как среди респондентов со средним критические настроения существенно ниже (39%).

Конечно, не только уровень образования, но и уровень дохода населения, как правило, является сенситивным параметром, формирующим отношение к власти. По мере улучшения материального положения респондентов, например, одобрение Правительства РФ среди воронежцев увеличивается от 17% до 67%. Но доход — ожидаемый параметр, который априори должен влиять на отношение к власти. Поэтому именно повышение доходов населения — одна из основных задач, декларируемых любой предвыборной кампанией. Но никому не придет в голову поставить задачу снижения уровня образования населения, чтобы повысить лояльность к власти. Возможно, просто ещё не стало общим местом утверждение, что с повышением уровня образования лояльность к власти падает.

Деятельность Русской Православной Церкви сегодня одобряют 67% воронежцев, а не одобряют 21% горожан. В интеллигентной среде (высш. обр.) неодобрение возрастает до 23%, среди менее образованной публики снижается до 18%. Нельзя сказать, что разрыв велик, но все же и здесь интеллигенция остается верна своему критическому настрою, т.е. верна самой себе.

Неодобрение интеллигенцией правоохранительных органов достигает 34%, тогда как среди людей со средним образованием о своем неодобрении к ним засвидетельствовали только 26% опрошенных. Следует отметить ещё одно наблюдение в отношении органов правопорядка: среди воронежских студентов доля их одобрения намного выше (77%), чем в среднем по городу (56%). Не исключено, что подрастающее поколение интеллигентов, не знающее ночных арестов, со временем будет более лояльно относиться к этим органам, и даже будет не против выбрать подобную профессию, овеянную атмосферой рискованных подвигов, почерпнутой из сериалов.

Деятельность средств массовой информации интеллигенты тоже не одобряют чаще (54%), чем прочие респонденты. В целом же, негативное отношение к СМИ возрастает по мере повышения уровня образования с 17% (неполное среднее) до 54% (высшее).

Против деятельности судебной системы ополчается 42% интеллигенции, тогда как люди со средним образованием критикуют её реже (32%). Лояльность к судебной системе повышается среди молодежи (54%) и среди состоятельных граждан (60%), тогда как в среднем по городу одобряют её лишь 34%.

Политические партии зачастую не по душе населению. Среди обладателей высшего образования неодобрение их деятельности (46%)

превалирует над одобрением (31%). В то же время среди менее образованных воронежцев наблюдается диаметрально противоположная картина одобрения (47%) и неодобрения (32%) партийной работы.

Профсоюзы набирают, как правило, рекордное количество ответов тех, кто ничего не знает об их деятельности (в среднем по городу — 29%). Повышение уровня образования снижает планку одобрения с 67% (неп.среднее) до 27% (высшее). Таким образом, профсоюзы, хотя являются не политическими, а общественными организациями, тоже вызывают на себя огонь критики интеллигенции (42%). Менее образованные люди чаще приветствуют их деятельность (41%), чем критикуют (32%).

Даже саму оппозицию к власти интеллигенция склонна скорее критиковать (55%), чем одобрять (23%). Кстати, в этом с ней солидарно прочее население, но все же менее образованные люди реже критикуют оппозицию (53%), и чаще одобряют (27%).

Любопытно, что по мере возрастания дохода горожан их лояльность к оппозиции повышается с 15% до 40%. А как же тезис о том, что если все разбогатеют, то никто не будет поддерживать оппозицию? Опросы свидетельствуют об обратном.

Таким образом, анализ результатов исследования подтверждает, что высшее образование умножает критический настрой респондентов ко всем политическим и социальным институтам. Поскольку высшее образование — это имманентный признак интеллигенции, можно утверждать, что современная интеллигенция более критично оценивает элементы политической системы, чем прочие граждане.

Современная модель государственного устройства предполагает, что официальная оппозиция существующей власти представлена в парламенте. Но есть мнение, что при внешнем сходстве процедур российский парламент в корне изначально отличался от западного образца, поскольку мыслился как вариация русского собора [Соловьев, 2006: 21-22]. Если для западного менталитета характерно представление о парламенте как об оппозиции государственной власти в рамках теории «разделения властей», то для России отправным пунктом служила аксиома о согласии и единении властей в соответствии с теорией «симфонии властей», о сотрудничестве между ними во имя общей цели [Романович, 2008: 370-371].

В результате роль российского парламента оказалась прямо противоположной роли западного парламента. По словам В. Ключевского, он должен был служить для укрепления, а не для ограничения власти в отличие от функции парламента на Западе. Парламент в России воспринимается определенной технологией решения обществом своих

проблем в период кризиса, а в период стабилизации — лишним, ненужным органом власти. Политолог проф. А.И. Соловьев даже утверждает, что в глазах населения «парламент выступает в виде ненужного и мешающего власти органа» и выглядит «ненастоящей, вторичной, показной властью» [Соловьев, 2006: 21]. Соответственно, и оппозиция власти представляется в рамках традиционного российского менталитета временным явлением, необходимым для того, чтобы направить власть на верный путь, скорректировать её действия, открыв ей «правду-матку». Поэтому традиционные российские воззрения на государство относят оппозицию к явлениям, необходимым лишь в тех случаях, когда власть сбилась с «правильного пути».

Как много сторонников среди населения сегодня традиционных взглядов на оппозицию власти? Согласно результатам исследований, традиционные взгляды на оппозицию сегодня собирают под свое крыло одну пятую часть населения (20%) и это число неизменно последнее десятилетие (см. рис. 1).

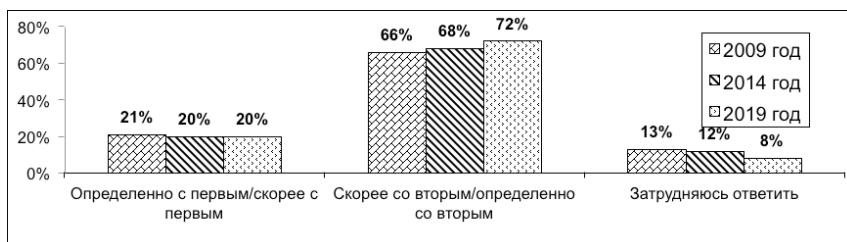

РИСУНОК 1. С каким из суждений Вы согласны: «оппозиция власти нужна в том случае, если власть сбилась с правильного пути» или «оппозиция власти нужна всегда, чтобы не допустить чрезмерного усиления власти»?

Результаты опросов, приведенные на рис. 1, свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие медленно, но неуклонно увеличивалось число сторонников взглядов населения на оппозицию как на перманентное явление (с 66% до 72%), как на своеобразный «стопор» для чрезмерной власти [Ежемесячный Бюллетень..., 2019-07]. При этом среди интеллигенции число сторонников взглядов на оппозицию как на временное явление — только 18%, тогда как противоположную точку зрения, которая провозглашает оппозицию перманентным явлением, препятствующим опасности чрезмерного усиления власти, разделяют 75% воронежской интеллигенции. Среди менее образованных горожан соотношение между сторонниками первого и второго суждения составляет 24/65. Таким образом, последние (не интеллигенты) чаще придерживаются традиционных для России взглядов на оппози-

цию. Интеллигенции в данном вопросе принадлежит роль транслятора современных западных взглядов на оппозицию, которые постепенно трансформируют исконно русские воззрения в этом вопросе.

Тем не менее, защитником интересов народа, равно как и инструментом их реализации, в представлениях российского населения выступает непосредственно «верховная власть». Доминирование главы государства по отношению к законодательной, исполнительной и судебной власти в качестве компонента представлений народа о власти являлось в России константой на протяжении всего XX в. и перешло в XXI в. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что реальный вес для российского населения имеет лишь та власть, которая связана с исполнительной ветвью [Шестопал, 2005: 140]. Поэтому традиционные российские взгляды на оппозицию как на «помеху» исполнительной власти тоже имеют место.

Современные демократические теории говорят о необходимости наличия оппозиции действующей власти для благополучной жизни страны. С этим утверждением сегодня согласно большинство населения, предполагая, очевидно, что сильная оппозиция не даст власти ослабиться, а будет держать её в тонусе (рис. 2).

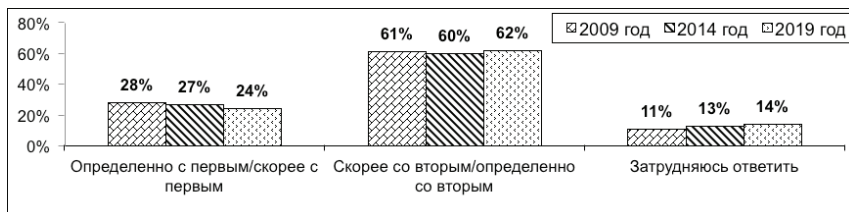

РИСУНОК 2. С каким из суждений Вы согласны: «страна благополучна, когда в ней нет оппозиции действующей власти» или «страна благополучна, когда сильна оппозиция власти»?

В том, что для благополучия державы нужна оппозиция, представители интеллигенции уверены чаще (68%), чем люди со средним уровнем образования (51%).

Но есть и другое мнение: оппозиция власти означает отсутствие согласия части общества с её курсом, а значит, склоки, раздоры, протесты вплоть до вероятности гражданской войны... О каком благополучии страны можно говорить в таком случае? Это традиционная точка зрения на государство и с ней солидарен почти каждый четвертый опрошенный (24%). По мере повышения планки образования число традиционных взглядов снижается с 36% (неп. образ.) до 19% (высш. обр.). Иными словами, представители интеллигенции реже разделяют мне-

ние о ненужности оппозиции и чаще рассматривают наличие оппозиции в стране как залог её благополучия.

Как ни странно, но оппозиция против оппозиции (если можно так выразиться) более свойственна молодежи, а не старикам. В частности, уровень солидарности с утверждением: «Страна благополучна, когда в ней нет оппозиции», — возрастает от 16% среди пожилых людей до 31% среди самых юных граждан (т.е. в два раза!). Возможно, молодежь ещё не столь подвержена моде на критику власти, распространённой среди интеллигенции.

По Веберу, несмотря на рационализацию, характерную для современного мира, отношение масс к вождю и к политике в целом по-прежнему остается преимущественно эмоциональным и иррациональным. Например, большинство воронежцев сегодня согласны с расхожим утверждением, что «политика — грязное дело». При этом настаивают на тезисе чести люди с высшим образованием (68%), чем менее образованные слои населения (59%) [Ежемесячный Бюллетень..., 2016-04: 10]. Между тем, тезис «политика — грязное дело» является далеко не безобидным, он закрывает дорогу во власть честным людям и открывает нечестным. Он накладывает «табу» на активную гражданскую позицию, связанную с вовлечением в политическую деятельность. И в результате получаем «самоисполняющееся пророчество» (автор термина известный американский социолог Р.Мертон), когда убеждение народа в чем-либо подтверждается именно потому, что народ в это верит. В результате большинство воронежцев (51%) априори убеждены в том, что честных людей во власти нет [Ежемесячный Бюллетень..., 2016-04: 11].

Выводы

Современные установки на отношение к власти имеют не рациональный, а эмоциональный характер и являются в основном критическими. Особенно непросто складываются отношения с властью у людей с высшим образованием и занимающихся профессиональной деятельностью, связанной с умственным трудом — тех, кого мы именуем интеллигенцией. Отношение интеллигенции к власти и ко всем её институтам неизменно более негативно, чем отношение прочих слоев населения. Традиционный для России образ власти предполагает отказ мыслить обустройство государства в категориях политической борьбы между политическими группировками. Идея «симфонии властей» — это трудно поддающийся формализации принцип латентно экстраполировался на современные социально-политические отношения (чтобы «дела управлять с миром», в духе симфонии). Напротив,

идея «разделения властей», предполагающая ограничение верховной власти, а также перманентный конфликт между политическими партиями, предусматривает наличие оппозиции власти как непреложного и постоянного явление. Как указывал Вебер, если власти разделены, то «вместо сотрудничества между агентами разделенной власти между ними продолжается непреодолимый конфликт» [цит. по Кустарев, 2006: 62]. Именно интеллигенция задает крен в сторону критики власти, формирует убеждение, что критика власти является социально одобряемым поведением. Можно сказать, что интеллигенция способствует трансформации традиционного для России образа власти в сторону современной либеральной модели.

Литература:

Амбаримов Е.А., Ерман Л.К. Интеллигенция // Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. Т. 10.

ВЦИОМ. Политические и социально-экономические индикаторы. 2019. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения 25.01.2020).

Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2019. №2019-02. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin> (дата обращения 20.01.2020).]

Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2019. №2019-07. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2019/July> (дата обращения 21.01.2020).

Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2016. №2016-04. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2016/April> (дата обращения 21.01.2020).

Кустарев А.С. Маркс Вебер о модернизации русского самодержавия // Политические исследования. 2006. №2. С. 60–76.

Романович Н.А. Дихотомия отношения интеллигенции к власти // Социологические исследования. 2009. №1. С.68–78.

Романович Н.А. Концепция «Разделение властей» через призму концепции «Симфонии властей» // Политическая теория, язык и идеологии: сборник статей / редкол.: Н.А. Романович (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 365–389.

Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Общественно-политический журнал «Власть». 2006. №3. С. 20–24.

Шестопал Е. Б. Новые тенденции восприятия власти в России // Политические исследования. 2005. № 3. С. 137–151.

Западные интеллектуалы и российская постинтеллигенция: проблема общественно-политического участия

Н.Н. Шевченко

доктор философских наук, профессор Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» (г. Санкт-Петербург)

М.Г. Гогуадзе

аспирант Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» (г. Санкт-Петербург)

Глобальные макросоциальные изменения, имеющие интенсивный и нередко деструктивный характер (кризисы, конфликты), являются свидетельством формирования нового облика социальной реальности, онтологические параметры которой тематизируются в многочисленных социальных теориях «информационного общества», «общества знания», «постиндустриального общества», «посткапиталистического», «супериндустриального», «посттрадиционного» и т.д. У. Бек характеризует современные общества как «вторую модерность», признаком которой является не целевая рациональность, а «радикальная ненадежность», неотрефлексированные риски и опасности, отделяющие её от «индустриальной модерности» [Бек, 1996:89]. Ю. Хабермас дополняет данную характеристику происходящих трансформаций эпитетом «радикальная необозримость», З. Бауман использует метафору «текущая современность», понимание которой, по мнению Э. Гидденса, актуализирует потребность во всеобщей «креативной институциональной рефлексии». Общества, существующие в режиме «креативной («рефлексивной») модернизации», нуждаются в наличии экспертов (Э. Гидденс) или особой экспертной системы (У. Бек), предупреждающей и информирующей об опасных побочных последствиях социальной модернизации в информационную эпоху [Леманн, 2010: 93].

Функции профессиональной экспертной системы, по мнению европейских теоретиков, реализует класс интеллектуалов, критически

изучающий общество и продуцирующий проектно-конструктивные технологии социального саморегулирования. В концепции, разработанной М. Фуко во второй половине XX века и по-прежнему доминирующей в социальных науках, критическая функция рассматривается как основополагающая для «интеллектуала-специалиста» («ученого-знатока»), противоположного типу «универсального интеллектуала», доминировавшего в эпоху модерна. Интеллектуал-специалист, на его взгляд, является передаточным звеном в системе горизонтальной политизации — «от знания — к знанию, от одной точки политизации — к другой, и таким образом государственные служащие и психиатры, врачи и социальные работники, сотрудники лабораторий и социологи — каждый на своём собственном месте — смогли путём взаимного обмена и взаимной поддержки участвовать в общей политизации интеллектуалов» [Фуко, 2002: 201-202]. В этом типе политизации М. Фуко выделяет в качестве основных «пунктов обмена» преподавателей и университеты, являющиеся «политически сверхчувствительными областями. А то, что называют кризисом университета, следует понимать не как утрату силы, но, наоборот, как приумножение и усиление его властных воздействий в среде многоликого сообщества интеллектуалов, которые практически все через него проходят и с ним соотносятся» [Фуко, 2002: 202].

В постсовременном обществе роль интеллектуала возрастает «в соответствии с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т.д.» [Фуко, 2002: 205]. М. Фуко принадлежит не только идея о существовании иерархической классификации интеллектуалов («универсальные интеллектуалы» и «интеллектуалы-специалисты»), но и плодотворное утверждение о подвижности статуса интеллектуалов и его исторической изменчивости. На его взгляд, доминирование «универсальных интеллектуалов» в эпоху модерна было обусловлено их сакральной ролью «носителей всеобщих ценностей», говорящих «истину тем, кто её ещё не видел, и от имени тех, кто не мог её сказать», оценивая эту роль негативно: «говорить за других — это подлость» [Фуко, 2002: 67]. В этом пункте своих рассуждений М. Фуко демонстрирует разрыв современного философского мышления с классической метафизикой и переход неклассическому постметафизическому стилю философствования. Классическая метафизика, ориентированная на холистические и вневременные истины, трансцендентность, телеологичность и им подобные ценности, сменилась постметафизикой, акцентирующей эпистемическую и практическую первичность неопределённости и «текучести»,

контекстуализм, диалогичность, культурные зависимости и т.д., она отдает предпочтение не внешним, а внутренним отношениям.

Эпистемологическим переориентациям постметафизики соответствует определение истины, предложенное М. Фуко, из множественных трактовок которой наиболее четким является её определение как совокупности правил, «согласно которым мы отделяем истинное от ложного и связываем с истиной особые воздействия власти» [Фуко, 2002: 207]. М. Фуко соединяет социальную роль и практики поведения современного интеллектуала-специалиста с истиной и «общими функциями аппарата истины». Согласно его утверждениям, «воля к истине», понимаемая как необходимость проверки и обоснования знания, является фактором, породившим сословие интеллектуалов в эпоху модерна. Другая технология общения с истиной присуща постсовременным обществам, открывшим возможность её использования в качестве медиума коммуникации. В этом статусе М. Фуко выделяет пять видов (и функций) истины — истина в форме научного рассуждения; истина для нужд экономики и политики; истина в институтах образования и информации; истина, контролируемая и управляемая политическими и экономическими институтами; истина в политических спорах и общественных противостояниях. Политические задачи интеллектуалов, считает М. Фуко, обусловлены необходимостью их борьбы вокруг статуса истины (но не борьбы за истину) в её политической и экономической роли: «речь идет не о том, чтобы освободить истину от всякой системы власти (что было бы просто химерой, поскольку истина сама есть власть), но об отделении власти истины от различных форм гегемонии (общественных, экономических, культурных), внутри которых она действует до сих пор» [Фуко, 2002: 208].

Анализ концепции, разработанной М. Фуко, позволяет сделать вывод о том, что анализ роли интеллектуалов в западноевропейском социально-философском дискурсе осуществляется в русле общей трансформации способов осмысления процессов формирования постиндустриального общества. Это общество может у каждого исследователя терминологически и содержательно рассматриваться по-новому, однако, практически единогласно, во всех теориях постсовременности проблематизируется роль интеллектуалов в сложных социальных и культурных трансформациях как одна из наиболее актуальных проблем современности.

Исследование трансформаций статуса данной категории в масштабах европейской социальной исследовательской традиции позволяет поставить вопрос о том, могут ли быть разработанные в ней

теории применимы для понимания трансформаций данной мировоззренческой универсалии в рамках российской действительности.

Существует формальное сходство, позволяющее объединять европейского интеллектуала и отечественного интеллигента, заключающееся в общих социальных, экономических, культурных и политических обстоятельствах их формирования в эпоху модернизации феодальных обществ [Gella, 1976: 10]. Социальная роль и функции европейских интеллектуалов в этих процессах были концептуально осмыслены К. Мангеймом, который, как известно, акцентировал их особый межклассовый промежуточный статус посредством метафоры «относительно свободного парения». Автономия интеллектуалов в пространстве социального поля, подчеркиваемая в качестве конститутивной характеристики, отражалась в отсутствии в самосознании этого социального слоя представлений о необходимости служения интересам какого-либо класса в своей практической деятельности. Однако утверждение о том, что европейским интеллектуалам были чужды интересы общественного служения является упрощенным. М. Фуко, разработавший иерархическую классификацию европейских интеллектуалов («универсальные интеллектуалы» и «интеллектуалы-специалисты») и утвердивший представление о подвижности статуса интеллектуалов и его исторической изменчивости, считал, что «универсальные интеллектуалы» эпохи модерна выполняли сакральную роль просветителей и «носителей всеобщих ценностей», говорящих «истину тем, кто её ещё не видел, и от имени тех, кто не мог её сказать», оценивая эту роль негативно: «говорить за других — это подлость» [Фуко, 2002: 67].

Таким образом, социальные теоретики полагают, что смысл общественно-политического участия европейских интеллектуалов в обществах модерна заключается в том, чтобы нести «естественный свет разума» и «диалектику» смысла» массам, внутренней потребностью которых является стремление к работе по «поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального. Работе, идущей с незапамятных времен, но сегодня развернувшейся в полную силу» [Бодрийяр, 2000: 15].

В отечественном социально-теоретическом дискурсе концептуальное оформление понятия «интеллигенция» происходило посредством многовекторного позиционирования статуса их представителей как активно выполняющих социальную и идеологическую функцию не только просветителей и выразителей интересов народа, но и их защитников. Интеллигенция, как социально-политический субъект, в историческом плане сменивший выполнившую свою историческую роль аристократию, не только доминировала в идеологической сфере,

продуцируя новые идеологические конструкции и идейные импульсы, но и выработала разнообразные практики политического участия.

Различные традиции использования понятия «интеллигенция» в российском историческом контексте акцентировали такие его модули, как высокий уровень интеллекта, профессионализм, нравственная ответственность в контексте социального и этического бытия, ценностно-гуманистические и нравственные ориентации. В современном отечественном теоретическом дискурсе, осмысливающим различия между понятиями «интеллектуал» и «интеллигент», к сожалению, закрепляется стремление освободить интеллект от аксиологических, прежде всего этических, импликаций. В этом выражается специфика постсовременного этапа развития российского общества, для которого этико-аксиологический дискурс становится «репрессированной» и «подозрительной темой» (С. Тулман). В этой ситуации происходит формирование «постинтеллигенции», где приставка «пост» означает не только «после», т.е. факт следования постинтеллигенции за своей предшественницей — интеллигенцией, но и фиксирует принципиальную противоположность между ними, смысл которой обусловлен не только различиями в исторической и культурной ситуации, но и однозначной демаркацией интеллекта и духовной жизни (ум v/s совесть).

Какие практики общественно-политического участия открыты так понимаемой постинтеллигенции? Исследователи отмечают, что политическая власть в современной России сознательно отчуждает представителей отечественной постинтеллигенции от реальных возможностей влияния на политику, ограничивая её претензии на реализацию политических функций. Фактором, способствующим такому отчуждению, является сокращение численности постинтеллигенции вследствие перехода к рыночной экономике методом шоковой терапии в 90-х годах XX века в традиционных сферах, формирующих интеллигенцию, — культуре, здравоохранении, образовании, науке. Например, «только за период 1995-1997 гг. из науки ушло более 2,4 млн. человек» [Осипов, 2001: 5], а оставшиеся постсоветские ученые с точки зрения ценностного сознания и социально-политической активности уже ничем не напоминают интеллигентов предшествующих поколений, воспитанных в духе служения общественному благу и ответственности перед обществом и государством. Е.А. Гришина справедливо утверждает, что «ценностные ориентации, свойственные постсоветскому поколению ученых, выглядят как ряд оппозиций, противоречий, где начинает прослеживаться приоритет экономического над культурным, интеллектуального над творческим, прагмы над идеалом и т.д.» [Гришина, 2008: 69]. Данную характеристику можно вполне обоснованно применить не

только к научной, но и к другим типам постсоветской интеллигенции, формирующейся в общем социокультурном контексте.

Общественно-политическая активность постинтеллигенции, понимаемая как её вовлеченность в общественную и политическую жизнь общества в различных формах, в первую очередь, в форме участия в принятии общественно-политических решений, характеризуется исследователями как имеющая низкий уровень, что соответствует общей тенденции отказа граждан России участвовать в общественно-политической жизни страны.

По данным исследования, проведенного в одном из лидирующих по активности граждан регионов России (г. Пермь), направленного на выявление параметров личности, оказывающих влияние на её активность в общественно-политической сфере, было установлено, что влияние на гражданскую активность оказывают возраст, сфера образования, род деятельности и материальный достаток. Типичным портретом личности, проявляющей активность в общественно-политической сфере, оказался «человек зрелого (46-60 лет) или старшего (старше 60 лет) возраста; по сфере образования — человек с негуманитарным образованием (техническим или естественно-научным); по роду деятельности — пенсионер или рабочий; по уровню материального достатка — человек с материальным достатком в целом ниже среднего» [Замараева, Новоселов, 2013: 54].

Данные, полученные в ходе этого исследования, оказались идентичны результатам, полученным в ходе опроса, проведенного в этом же регионе в начале 2000-х гг., когда активистом в общественно-политической сфере являлся «человек пожилого возраста, по социальному положению — пенсионер, по социальному прошлому — заводской рабочий средней квалификации или служащий невысокого ранга, житель города в первом поколении, с неполным средним образованием» [Лейбович, Кабацков, Шушкова, 2004: 97]. Если рассматривать эти данные как репрезентирующие общественно-политическую активность граждан России в целом, то можно утверждать, что эта сфера не является приоритетной для российской постинтеллигенции.

Существует множество факторов, снижающих потребность постинтеллигенции в общественно-политическом участии. Одним из них является широко известный всей стране факт фальсификации результатов выборов, необязательность избранных депутатов по отношению к своим предвыборным обязательствам, коррупция и т.д. Кроме того, как показывают данные другого исследования, политическая система, созданная в 2000-х гг., является непривлекательной для по-

стинтеллигенции: «в ее поддержку высказались только 7% профессуры и 4% студентов и аспирантов» [Андреев, 2011: 5].

Немаловажным фактором, влияющим на отказ постинтеллигенции участвовать в общественно-политических процессах является неверие научной элиты, осуществляющей руководство значимыми научными проектами и научно-техническими разработками, в компетентность нынешней политической элиты, в «возможности нынешних управленческих кадров и бизнес-сообщества, на которое они рассчитывают в реализации заявленной руководством страны программы модернизации. В большинстве своем (60%) респонденты этой категории считают, что ни чиновничество, ни руководители бизнес-структур в настоящее время не обладают той мерой моральной ответственности и компетентности, которая позволила бы вывести Россию на новый виток развития» [Андреев, 2011: 5].

Возможно, что именно в этом заключается главная причина «утечки умов», по-прежнему являющаяся проблемой, хотя и значительно меньшей, чем в 90-е гг., «но серьезность этой проблемы все еще очевидна, особенно в отношении молодых ученых и недавних выпускников университетов... как выявили результаты опроса молодых ученых, работающих в научно-исследовательских организациях Москвы: 44% респондентов выражали надежду поехать за рубеж хотя бы на время, а 7% сказали, что надеются остаться там навсегда» [Дежина, Грэхем, 2009: 65].

Не добавляют оптимизма отечественной постинтеллигенции проводимые реформы в области образования, положительную оценку которым дают только 1,6% опрошенных, согласно их мнению, «вопросы развития образования должны решаться: на многосторонней основе с участием всех заинтересованных сторон, мнения которых одинаково важны (28% полученных нами ответов); согласно мнению экспертов, специалистов (26%), а также педагогов и педагогических коллективов (25%). Готовы предоставить в этой области решающий голос политикам и правительству только 2%, работодателям, бизнесу — 4%, самим учащимся — 5,5%» [Андреев, 2011:10].

Таким образом, отечественная постинтеллигенция могла бы принимать участие в решении проблем общественно-политического развития страны и вопросов, имеющих отношение к её компетенциям, но сложившаяся общественно-политическая система не предусматривает возможность её активного участия в политических процессах, элиминирует её консолидирующую роль в обществе, способность объединять и репрезентировать интересы других акторов в политическом пространстве.

Литература:

- Андреев А.Л.* Модернизация и научно-техническая интеллигенция // Мониторинг общественного мнения. 2011. №5 (105). С. 5–16.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
- Гришина Е.А.* Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации // Социологические исследования. 2008. №3. С. 60–70.
- Дежина И., Грэхем Л.* Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.
- Замараева З.П., Новоселов В.М.* Проблемы общественно-политического участия населения, проживающего в г. Перми // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 54–56.
- Леманн Г.* Искусство рефлексивной модерности // Логос. 2010. №4 (77). С. 87–108.
- Осипов Г.В.* Академия наук — великое национальное достояние России. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002.
- Beck U.* Das Zeitalter der Nebenfolgen und die Politisierung der Moderne, in: Beck, Giddens, Lash: Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse, FfM. 1996.
- Gella A.* An introduction to the sociology of the intelligentsia. In: Intelligentsia and the Intellectuals. Beverly Hills: Sages Publications. 1976.

Региональное экспертное сообщество и стратегическое планирование

Е.А. Когай

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии
Курского государственного университета (г. Курск)

Устойчивое и сбалансированное развитие России и ее регионов является ключевой задачей пространственного развития страны. На законодательном уровне это закреплено Федеральным законом № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который устанавливает нормативную базу этого планирования и осуществления координации государственного и муниципального управления и бюджетной политики [Федеральный закон, 2014]. В принятой в 2016 г. Стратегии научно-технологического развития РФ [Указ Президента, 2016] обозначены ключевые вызовы российскому обществу, среди которых следует отметить: исчерпание возможностей экстенсивного экономического развития страны, ориентированного на эксплуатацию сырьевых ресурсов; нарастание антропогенной нагрузки на среду жизни; важность обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной независимости страны; потребность в эффективном освоении и использовании пространства страны, преодолении диспропорций территориального развития. В этом ряду стоит также такой нормативный документ — Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ Президента, 2018], в котором нашли отражение ведущие цели национального развития на ближайшие годы и соответствующие направления разработки приоритетных проектов. Наконец, следует указать на еще один документ, утвержденный распоряжением Правительства Рос-

1. Публикация подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

сийской Федерации, — Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. Представляется важным указать на тот факт, что в данном документе артикулирована позиция, нацеливающая на «учет интересов и мнения населения и бизнеса при планировании социально-экономического развития территорий» [Стратегия, 2019]. Тем получает актуализацию вопрос о субъекте стратегического развития территориальных образований.

Обратимся к вопросу о вовлеченности в процессы стратегического планирования регионального уровня общественных и научных организаций, бизнеса, а также активистов гражданского общества. Эмпирической основой работы являются методы (количественные и качественные) — формализованное (стандартизированное) интервью, осуществленное на базе Курского государственного университета в мае-июне 2018 г. (N=550), а также фокус-групп, проведенных в 2018 и 2019 гг. с представителями экспертных сообществ Воронежской и Курской областей по вопросам развития регионов и видения их стратегических перспектив. Экспертами стали представители разных социальных групп — преподаватели высшей школы и ученые, активисты-общественники и члены НКО, студенческая молодежь, представители бизнеса.

Так, в полевом социологическом исследовании, проведенном на территории Курской области, респондентам двух муниципалитетов — Курска и Курчатова, был задан открытый вопрос о том, кого они видят в качестве субъектов разработки стратегии развития муниципалитетов (формулировка вопроса — «Кто, на Ваш взгляд, должен участвовать в разработке стратегии социально-экономического развития Вашего города?»). Палитра субъектности была предложена довольно широкая: это администрация города, активисты общественных организаций, преподаватели вузов, работники органов местного самоуправления, специалисты, т. е., «инициативные, компетентные люди». При этом практически не были обозначены представители бизнес-сообщества, что указывает на существование разрывов в канве межсекторного взаимодействия в регионе. А в качестве приоритетов стратегии развития муниципалитетов (ответы, полученные на открытый вопрос: «Какие вопросы, на Ваш взгляд, должны быть в первую очередь отражены в стратегических документах развития Вашего города?») были названы: повышение уровня жизни, решение проблем трудоустройства, создание комфортной среды проживания, развитие дорожной инфраструктуры, повышение качества медицинского обслуживания, развитие среднего и малого бизнеса, создание новых предприятий, а также вопросы развития культуры, образования и обеспечения без-

опасности граждан. Очерченный спектр вопросов довольно выразительно выявляет видение его представителями ведущих направлений социокультурного развития территориального сообщества.

Стратегические перспективы развития Воронежской и Курской областей получили закрепление в новых стратегических документах регионального развития. Отметим, что документ «О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года» был подготовлен членами научного сообщества данного региона, а в обсуждение проекта Стратегии социально-экономического развития Курской области до 2030 года» было вовлечено внушительное количество региональных специалистов, которые на протяжении весны-лета 2019 г. в рамках проектных мастерских высказали предложения по реализации конкретных идей, способных повысить качество жизни в регионе. При этом на первый план вышли такие направления, как «Здоровье и здравоохранение», «Безопасные и качественные дороги», «Конкурентоспособная и диверсифицированная экономика», «Комфортная городская среда», «Образование и таланты».

Обратимся к вопросу о том, каким видится будущее регионов участниками проведенных фокус-групп. В Курской области представителями научно-педагогического сообщества было предложено отказаться от консервативной модели развития региона и обратиться к созданию технопарка, и, по возможности, начать индустриализацию региона. Активисты-общественники предложили широкий спектр задач, среди которых особо были выделены такие, как увеличение доходов граждан и повышение инвестиционной привлекательности региона, благоустройство города и городской среды, вопросы трудоустройства молодежи и граждан предпенсионного возраста, поддержка малого и среднего бизнеса, укрепление контакта и выстраивание обратной связи с представителями власти, повышение качества медицинских услуг, поддержка талантливой молодежи, решение проблем в жилищно-коммунальной сфере. К стратегическим ориентирам развития Курской области представители бизнес-сообщества отнесли установку на обеспечение миграционного притока в регион; создание благоприятного инвестиционного климата; организацию трудоустройства молодых специалистов; поддержку местных производителей для реализации их продукции в торговых сетях. Студенческая молодежь указала на важность изменений в кадровом аппарате администрации области в плане повышения уровня компетентности и омоложения кадров; решение проблем трудоустройства молодежи; развитие промышленного производства; развитие сельских территорий; улучшение транспортной инфраструктуры в регионе и областном центре; повы-

шение эффективности реализации градостроительной политики в регионе, реставрацию зданий — памятников культуры; выстраивание обратной связи между населением региона и администрацией области с целью определения форм и методов решения ключевых проблем регионального развития.

В Воронежской области в качестве приоритетов социально-экономического развития были названы демонополизация сельского хозяйства, реорганизация администрации области с целью повышения качества управленческой работы, возрождение промышленности, привлечение в область инвестиций, обращение к вопросам развития культурной и молодежной политики, повышение уровня жизни, обеспечение условий для развития предпринимательства, рациональное использование рекреационного потенциала области, создание комфортной городской среды. Отметим при этом, что настрой аудитории в воронежских группах был довольно сдержанный, а высказанные предложения были содержательными и вместе с тем более предметными и расчетливыми [Когай, 2020: 695].

Вопросы институционального характера в осуществлении стратегического планирования и практической реализации экономических проектов и программ здесь выходили, по сути, на первый план. Активистами-общественниками было отмечено, что следует начинать с реформы принципов формирования власти: «Много интересных инициатив, много всего, но они тормозятся из-за того, что в кабинетах, в которых принимаются решения, сидят люди, которые не заинтересованы вообще ни в чем. У них нет мотивации на результат» (Владимир, общественный деятель).

Важной проблемой стратегического планирования воронежцы называют проблему налаживания обратной связи между управленцами и гражданским обществом («... если руководство нацелено действительно на улучшение жизни региона..., ещё можно было бы наладить более тесный контакт с гражданским обществом и с помощью гласности как-то людям рассказывать, объяснять, что они хотят вообще, какими методами решить те или иные задачи. Может быть, самому губернатору выступать по телевидению, что-то рассказывать, чтобы широкие слои понимали, куда движемся и какие перспективы», — Мария, преподаватель вуза). Была отмечена необходимость «власть и народ хоть как-то соединить», так как решение местных проблем без этого невозможно.

Довольно скептическую оценку воронежцы дали претворению в жизнь одной из приоритетных сфер развития Российской Федерации — цифровой экономики: «... у нас при абсолютно непрозрачной публичной власти пытаются сделать цифровую экономику. Цифро-

вая экономика — это прозрачность. Как это может сочетаться? Полная непрозрачность и цифровая экономика — абсолютно разные цели. Поэтому, когда непрозрачная публичная власть продвигает цифровую экономику, это звучит абсурдно» (Анна, представитель НКО). Соответственно на первый план здесь вышли вопросы формирования новой архитектуры и новых органов исполнительной власти, максимально прозрачных: «Прозрачными настолько, насколько это не мешает их работе. Чтобы они были при минимальных затратах наиболее эффективны. Это вопрос структуры и вопрос кадров» (Андрей, общественник).

Одним из вопросов фокус-групп был вопрос, на чью поддержку может рассчитывать губернатор в реализации проектов развития региона. И Воронежской, и в Курской областях в данном качестве были названы эксперты. И, прежде всего, представители академического сообщества. Было указано на важность установления диалога между наукой и региональной властью в формате экспертных комиссий, которые бы участвовали в разработке стратегии, оценке регулирующего воздействия норм, экспертизе принятия решений. При этом следует сменить модель оплаченного результата на модель деятельностного участия.

В Курской области осенью 2019 г. был избран новый губернатор. Участники фокус-групп отметили, что новому руководству следует советоваться при разработке и реализации стратегии развития региона, в первую очередь, с научным и экспертным сообществом, а также с практиками — теми, кто работает в конкретных областях экономики, с представителями различных ветвей власти.

Таким образом, спектром приложения интеллектуальных усилий регионального экспертного сообщества сегодня становится обустройство собственного Дома, своей жизненной сферы. И если комплексная оценка ресурсного потенциала среды жизни позволяет человеку определить поле выбора для его развития, меры по реализации его судьбы, то вовлеченность в подготовку и реализацию стратегии развития территории будет способствовать повышению созидательного потенциала регионального сообщества.

Литература:

Когай Е.А. Динамика модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья и стратегическое планирование // Россия: Тенденции и перспективы развития.

Ежегодник. Вып. 15: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2020. С. 691–696. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37374943> (дата обращения: 25.07.2020).

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряж. Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р. URL: <file:///C:/Users/acrer/Desktop/Прием%202020/Стратегия%20пространственного%20развития%20РФ.pdf> (дата обращения: 15.08.2020).

Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 17.07.2020).

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 17.07.2020).

Федеральный закон № 172 от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ О стратегическом планировании в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 15.07.2020).

Интеллигенция и население: оценки деятельности полиции

М.К. Гайдай

доктор социологических наук, доцент Восточно-Сибирского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Иркутск)

Г.А. Кузьмина

преподаватель Восточно-Сибирского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Иркутск)

В современных условиях развития общества и государства особое значение имеет обеспечение стабильности и социальных гарантий населения. Знаниевый и гуманистический потенциал, которым обладает российская интеллигенция просто необходим в реализации современной социальной политики. Более того, усложнение условий общественной жизни увеличивает значение в социальной среде такого качества, присущего определенной социальной группе людей, как интеллигентность.

Следует понимать, что определение такого социокультурного явления, как «интеллигенция», а также смежного с ним понятия «интеллигентность», до сих пор в широком смысле не имеет единой трактовки и содержания. Парадокс заключается в том, что каждый человек, не зависимо от образования, социального положения и уровня индивидуально-личностного развития, так или иначе, знаком с этим понятием и без особого труда сможет его охарактеризовать, при этом приписывая ему свою личную позицию и наделяя его определенной эмоциональной окраской. То есть в массовом, обыденном сознании это понятие является достаточно устойчивым и даже доступным, но наряду с этим оно же и представляет собой одно из самых расплывчатых и неопределенных. Каждая наука, рассматривая данные термины со своей позиции, приписывая им соответствующие черты и характеристики, разграничивая или же объединяя их.

Несмотря на все многообразие трактовок, мы можем утверждать, что формирование этого качества неразрывно связано с институтами

семьи и образования, в том числе высшего. Педагогическое сообщество не только передает свои знания молодому поколению, но и мотивируют студентов думать о своей стране, переживать за ее будущее и настоящее. С одной стороны, именно студенческая молодежь имеет контакт с интеллигенцией, в лице своих педагогов, а с другой стороны сегодняшняя студенческая молодежь — завтра уже зрелое поколение, имеющее образование и определенный багаж знаний, занимающееся интеллектуальным трудом.

Возможность нормального развития и функционирования социума во многом зависит от защищенности граждан от преступных посягательств. Особую роль в защите населения от противоправных действий играют правоохранительные органы государства в целом и в частности полиция. Однако эффективность деятельности органов внутренних дел в правоохранительной сфере коррелирует с уровнем доверия граждан сотрудникам этих ведомств. Более того, в целях оптимизации деятельности полиции актуализируются общественные оценки такой деятельности, а общественное мнение сегодня законодательно признается одним из официальных критериев ее оценки [Федеральный...: ч. 6 ст. 9].

В этом контексте особый интерес представляет мнение студенческой молодежи о престижности службы в органах внутренних дел (полиции) и ее авторитетности. В данной статье мы рассмотрим результаты исследования, проведенного среди студенческой молодежи г. Иркутска в конце 2018 г.

Большая часть (73,9%) студентов образовательных организаций г. Иркутска считают, что служба в органах внутренних дел (полиции) является престижной. Признавая престижность службы, респондентами признается и авторитет полиции, и авторитет права, защищаемого ей. Обратим внимание, что практически каждый десятый (12,1%) из принимавших участие в исследовании полагают, что служба в полиции относится в большей степени к не престижным видам деятельности. К людям в форме общественность всегда предъявляет более высокие требования, ведь «авторитет закона в значительной степени зависит от авторитета людей, его олицетворяющих».

При этом, по мнению респондентов негативное воздействие на авторитет службы в органах внутренних дел России оказывает ряд следующих факторов: отсутствие уважения к сотруднику ОВД со стороны населения, формирование негативного образа сотрудников полиции в СМИ. Так, по мнению более чем трети (35,7%) опрошенных студентов, именно эти факторы отрицательно влияют на формирование общественного мнения о полиции, сказываются на авторитете всей

службы. Заметим, что в средствах массовой коммуникации практически не освещается специфика службы в полиции, например, не говорят о повышенном уровне ответственности, больших психоэмоциональных и физических нагрузках, которые испытывают полицейские [Нежкина, 2019: 393-395]. За кадром остаются личные проблемы и чаяния представителей данной профессии, подлинная информация о которых могла бы способствовать формированию уважения к сотруднику и выполняемой им деятельности. Отсутствие уважения к полицейскому при выполнении им должностных обязанностей чревато негативными последствиями для функционирования всей системы.

Еще раз обратим внимание, что 35% респондентов полагают, что в СМИ зачастую транслируется информация негативного характера о деятельности сотрудников правоохранительных органов. Стоит отметить, что такая ситуация имеет серьезные последствия, ведь по признанию самих студентов, основными источниками информации о деятельности государственных органов вообще и полиции в частности, а также о состоянии преступности являются различные виды СМИ: Интернет-ресурсы (74,6%), телевидение (46,1%), реже газеты (10%) и радио (4,3%). В качестве других каналов информации были названы: знакомые и родственники (42,9%), слухи и разговоры в общественных местах (16,8%). При этом наличие «личного опыта общения» к основному источнику информации о деятельности правоохранительных органов отнесли только 9,6% респондентов.

Обратим внимание, что проблемы, связанные с адекватностью оценок работы органов внутренних дел и освещением деятельности полиции в СМИ, неоднократно поднимались в работах российских исследователей. Например, О.В. Родимушкина, О.В. Яковлев, И.Н. Чупис отмечают: «Высказывая суждения о работе сотрудников полиции, население оценивает скорее некий обобщенный образ, который в меньшей мере складывается на основе собственного опыта взаимодействия с полицией, а в большей степени — формируется под воздействием средств массовой коммуникации — телевидения, радио, прессы и сети Интернет» [Родимушкина и др., 2018: 140]. При этом оценке подлежит не столько сама деятельность сотрудников полиции, сколько результаты ее освещения в СМИ, в которых она порой отражается тенденциозно. Так, в целях оперативности освещения некоторых событий и для привлечения общественного внимания, информация, публикуемая в СМИ, не всегда проверяется должным образом. Она может не соответствовать действительности в целом или в какой-то части, в ряде публикаций, оценивающих деятельность полицейских, не используется научный подход, предпо-

лагающий достоверность и объективность транслируемого знания [Грозин, Таскаев, 2018: 310-311].

Надо сказать, что каждый пятый (22,1%) респондент связывает низкий престиж службы полиции с низким уровнем доверия государственным органам в целом. Например, эксперты отмечают, что в 2018 г. показатели доверия к силовым структурам снизились (вернулись на уровень 2012-2013 гг.), после подъема социального оптимизма в 2014-2017 гг. [Левада-Центр...].

В заключении отметим, что поскольку интеллигенция, как социальная группа, занимала и продолжает занимать одну из ведущих позиций в структуре российского общества, ей отводится особая, важная и достаточно специфическая роль в формировании благополучного национального будущего, посредством позитивного влияния на государственную идеологию в целом, и на перспективы культурно-нравственного развития каждого человека в частности [Осинский, Добрынина, 2019: 74-91]. В том числе интеллигенция способна не только «перевоспитывать» целые группы населения, привнося в их сознание идеи морали и нравственности, но её влияние может значимым образом сказаться на оценке деятельности всех социально и политически значимых государственных структур, в том числе и полиции, как одной из ведущих организаций по защите жизни, прав и свобод граждан. Результаты нашего исследования еще раз показывают, что огромное значение в формировании образа полицейского и службы в целом, общественного мнения о престиже службы в органах внутренних дел (полиции), играют СМИ, которые однобоко, с негативным подтекстом, освещают их деятельность. Такая ситуация в совокупности с иными факторами оказывают негативное влияние на авторитет службы в ОВД.

Литература:

- Грозин С.Ю., Таскаев Н.Н. Основные проблемы, связанные с освещением деятельности полиции в средствах массовой информации // Интеллигенция и проблемы социокультурно модернизации современного общества: материалы XII Междунар. научной конф. «Байкальская встреча», посв. 85-летию д-ра филос. наук, проф. И.И. Осинского (Улан-Удэ, 12–16 сентября 2018 г.) / нуч. Ред. М.В. Бадмаева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018.
- «Левада-Центр» зафиксировал резкий рост социальной напряженности среди россиян [Электронный ресурс] / URL: https://www.rline.tv/news/2018-09-06-levada-tsentr-zafiksiroval-rezkiy-rost-sotsialnoy-napryazhennosti-sredi-rossiyan/?sphrase_id=215073 (дата обращения 04.02.2020)
- Нежкина Л.Ю. Изучение психофизиологического состояния сотрудников органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 393–395.
- Осинский И.И., Добрынина М.И. Русская интеллигенция в республиках Сибири (некоторые проблемы формирования и развития) // Интеллигенция и мир. 2019. № 1
- Родимушкина О.В., Яковлев О.В., Чупс И.Н. Особенности формирования общественных оценок работы полиции в современных условиях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №1 (84)
- Соловьева А.В. Роль диагностики исходных личностных потенциалов в формировании позитивного имиджа сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3 (58)
- Тощенко Ж.Т. «Старая» и «новая» интеллигенция: современные реалии // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. / Под общ.ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2012
- Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 04.02.2020)

Субъектность технической интеллигенции в вопросах идентификации

Е.И. Макаренко

кандидат исторических наук, доцент Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (г. Москва)

В настоящее время в научных кругах все более обсуждается тема социальной активности различных групп и страт российского общества. Многие ученые предлагают подходить к исследованию этой проблемы с точки зрения субъекта и субъектности. М.К. Горшков анализируя проблемы развития современного гражданского активизма утверждает: «несмотря на кризисный период, последний имеет потенциал развития, и прежде всего потому, что приобретает черты субъектности. Основными его «носителями» являются люди с активной позицией в отношении собственного бытия и будущего, имеющие амбиции в различных сферах жизнедеятельности, (особенно в образовании, самореализации, социальных коммуникациях), ориентированные на нон-конформизм, инициативность и предприимчивость, готовые к борьбе за свои права и позитивные перемены в среде обитания» [Горшков, 2016]. С социально-экономической точки зрения субъект рассматривается в качестве субъекта производственных отношений и активного участника производства [Лившиц и др., 2017]. Ряд ученых связывают субъектность с деятельностью отдельных групп российского общества. В частности, Ю.Ю. Волков исследует финансистов и указывает на «социальную субъектность как адекватный способ представительства и реализации групповых интересов» [Волков, 2016], Г.И. Козырев обращаясь к вопросам субъектности русской интеллигенции с точки зрения защиты русского мира останавливается на причинах ее недостаточной субъектности [Козырев, 2019]. Обращались к субъекту и субъектности и зарубежные ученые (Т. Парсонс, Э. Гидденс, А. Турен, П. Штомпка).

В российском обществе актуальным представляется поиск реальных субъектов (акторов) перемен, инновационных преобразований. В последнее время государством формируются амбициозные задачи научно-технологического и инновационного прорывов, реструктуризации экономики с сырьевой направленности на производственную, которые должны,

в конечном итоге, привести к повышению уровня жизни и благосостояния населения. В чем заключается активная позиция отечественной технической интеллигенции в решении этих задач? Как представители технической интеллигенции реализуют свои интересы? С чем связывают дальнейшее инновационное развитие страны? К технической интеллигенции мы относим специалистов с высшим техническим образованием, занятых в производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники. По последним данным Росстата в структуре занятости по видам экономической деятельности и уровню образования в профессиональной, научной и технической деятельности занято 73,5% людей с высшим образованием (среднее по различным показателям имеют: 24,5% занятых в этой сфере деятельности; людей без какого-либо уровня образования в этом сегменте нет) [Российский...].

Субъектность технической интеллигенции как реализацию своих интересов и социальной позиции можно рассматривать через ряд показателей: идентификация себя с данным слоем, мотивацию трудовой деятельности, занятость, протестную активность, гражданское позиционирование, ценностные ориентации, социокультурные черты и др. В данной работе остановимся на таком важном критерии, как самоидентификация. Этот показатель поможет нам сфокусировать наше понимание социальных интересов и активности технической интеллигенции в рамках ее потребностей и запросов на социальные изменения. О важности самоидентификации себя с группой, слоем, заявлял П.Сорокин, считая, что становление социального субъекта любого типа и степени общности связано с процессом самоидентификации: «любая социальная группа, как только организовалась, неизбежно до определенной степени самоидентифицируется» [Сорокин, 1992: 306].

В рамках исследования данной проблемы обратимся к данным социологических опросов: «Модернизация экономики и техническая интеллигенция» (2011 г., 910 ед., массовый опрос, рук-ль — проф Силласте Г.Г) и экспертного авторского опроса «Инновационная деятельность технической интеллигенции» (2019 г., 51 ед., авторская методика). Данные о проблемах идентификации себя с интеллигенцией, полученные в ходе массового опроса, рассмотрены в социальной динамике в экспертном опросе. Эксперты в опросе «Инновационная деятельность технической интеллигенции» — представители промышленности, высшего технического образования, оборонно-промышленного комплекса и сферы услуг, общественных организаций, занимающие, как правило, должности руководителей предприятий и организаций (или их заместителей), а также являющихся начальниками отделов организаций и предприятий, указанных сфер экономики.

По данным массового опроса (2011 г.) в рамках линейного распределения идентифицировали себя с технической интеллигенции — 55,2%, не идентифицировали себя с ней — 14%; затруднились ответить 29,7% (1,2% — не ответили). Интересно, что схожие данные характерны и для экспертов уже в 2019 г.: относят себя к технической интеллигенции 61%, нет — 14%, затруднились ответить — 75%. Полагаем, что — привлекательность как интеллигенции в целом, так и технической, в частности, не повысилась для ее представителей. Это отражает общую социальную картину оценки интеллигенции и ее идентификации: размытость понятия, неопределенность термина, снижение следования социокультурным образцам поведения. В исследованиях социологов РГГУ обозначается факт низкой оценки значимости интеллигенции в современной России в целом: «Оценки роли интеллигенции и ее влияния на общество — весьма скептические, а для каждого четвертого россиянина (25%) она вообще не определена. Преобладают оценки негативного или сдержанного характера, хотя сама интеллигенция склонна считать себя более влиятельной группой по сравнению с тем, как думает о ней население. Как вывод социологи указывают: в целом роль и влияние интеллигенции, в том числе и гуманитарной, на политическую и общественную жизнь России поставлены под сомнение» [Как живешь...,2018].

При исследовании процессов самоидентификации принципиальным является рассмотрение вопросов, связанных с пониманием самого понятия «техническая интеллигенция» у ее представителей. Обратимся к таблице 1.

ТАБЛИЦА 1 Иерархия представлений респондентов о понимании термина «техническая интеллигенция» (ранжирование позиций дается по массовому опросу)

Массовый опрос (%)	Представление о понимании термина «техническая интеллигенция»	Экспертный опрос (%)
40,4	высококвалифицированный специалист, владеющий современными технологиями и компетенциями	38,8
39,8	высокообразованный профессионал, готовый освоить новые виды работы	31,4
17,7	эрудированный, начитанный интеллеktуал, знающий в основном технические основы производства	18,5
8,4	специалист с высшим техническим образованием	20,3
6,5	узко подготовленный специалист, хорошо знающий свое дело	7,4
5,9	экономически хорошо подготовленный менеджер на производстве	3,7

Как мы видим из таблицы 1, иерархия представлений о понимании термина «техническая интеллигенция» в целом совпадает как у рядовых представителей технической интеллигенции, так и у ее экспертов. Но необходимо отметить, что у экспертов в ходе недавнего опроса повышается значимость такой позиции как «специалист с высшим техническим образованием». Более того, многие эксперты предоставили свои ответы на полузакрытый вопрос о понимании термина «техническая интеллигенция», сделав акцент на развитии образовательных компетенций: «специалист-универсал» (ж., 41-50 лет, госуд.ф.с.(форма собственности), оборонно-промышленный комплекс (ОПК); «способность к самообучению» (ж, до 30 лет, госуд.ф.с., ОПК); «передача знаний коллегам» (ж, свыше 60 лет, частная ф.с. пром.сектор экономики); «специалист с высшим техническим или иным образованием, работающий в технической сфере на инженерно-технической должности» (м., от 41 до 50, частная ф.с., сфера услуг); «высокообразованный специалист с высшим техническим образованием» (м, от 51 до 60 лет, совместная (иностр.) ф.с., пром.сектор экономики). В целом и представители технической интеллигенции, и особенно ее экспертная часть на первые места поставили позиции, связанные с образованием и профессиональной деятельностью. Это дает нам понимание, что субъектность технической интеллигенции находится в плоскости развития профессиональных знаний, компетенций и образования. Понятие «техническая интеллигенция» четко ассоциируется для большинства опрошенных с профессиональной деятельностью на высококвалифицированной основе.

По результатам анализа критериев самоидентификации нами установлено, что соотношение себя с определенным видом деятельности лежит в плоскости повышения профессионализма, а также уровня и качества образования, прежде всего, технического.

В этом плане техническая интеллигенция имеет сходство с пониманием всего населения в переменах и на определенных основаниях. Об этом свидетельствуют ряд всероссийских исследований, проведенных ФНИСЦ РАН. Одной из важнейших потребностей для реализации своей субъектности, интересов население видит в «развитии науки, образования, здравоохранения и культуры...» [Двадцать ...,2018: 326]. Но принципиально стоит отметить, что все же основным «игроком» на социальной арене население до сих пор видит государство. В этом контексте проблема поднимается А.В.Верещагиной [Верещагина, 2018]

Мы понимаем, что признание профессионализма и важности образования как реализации своих интересов, безусловно, важно и лежит в

плоскости субъектности, т.е. реализации своих интересов. Но без развития морально-нравственных основ профессионализма, традиций отечественного технического образования невозможно размышлять о реализации своих интересов, поскольку именно понимание своей деятельности, социального предназначения труда является неотъемлемой составляющей любой профессии. А для отечественной технической интеллигенции это имеет принципиальное значение с момента ее становления как социальной группы в конце XIX в. Сформировавшись как узкая социальная прослойка в это время, техническая интеллигенция и в дореволюционный период, и в дальнейшем — в советское время, старалась отвечать морально-нравственным императивам — действовать во благо общества! Девальвация высоких социальных идеалов для современной технической интеллигенции налицо: «49,5% интеллигенции уклонились от признания таких позитивных черт у современной интеллигенции как правдивость, честность, порядочность, нравственность, доброта, сочувствие, открытость, скромность, великодушие, бескорыстие, благородство, уважение к чужому труду, а также борьба за свою позицию, взгляды, сила воли, целеустремленность, доблесть, стойкость и мужество» [Тощенко, 2019:22]. В этом русле заявлял свою научную позицию и В.А.Емелин [Емелин, 2018: 368-369] доказывая, что современные высокие технологии невозможны в своей эффективности без понимания человеком своей социальной сущности и предназначения.

Итак, можно заключить, что субъектность отечественной технической интеллигенции лежит в плоскости реализации ее интересов через развитие профессионализма и (что принципиально важно!) образования. Однако для дальнейших действий, направленных на инновационную трансформацию российского общества в целом, необходимо опираться на понимание социальной сущности перемен, действовать во благо общества.

Литература:

Верещагина А.В. По следам XI школы молодого социолога «Изменяющаяся реальность и жизненные практики россиян в посткризисном обществе» (Республика Крым). // Гуманитарий юга России 2018. Том 7. № 4. С.232–250.

- Волков Ю.Ю.* Социальная субъектность финансистов в российском обществе: Автореф. дис. докт. социол. наук. Краснодар.: 2016. 64 с.
- Горшков М.К.* Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 1) // Социологические исследования, 2016. № 12. С.26–35.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К.Горшков и др. М.: Весь мир, 2018. 384 с.
- Емелин В.А.* Идентичность в информатизационном обществе. — М.: Изд-во «Канон+»РООИ «Реабилитация», 2018. 360 с.
- Как живешь интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т.Тощенко. М.: Центр социального проектирования и маркетинга, 2018.
- Козырев Г.И.* Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира//Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей. / под общ. ред. Ж.Т.Тощенко; ред.-сост. Д.Г.Цыбикова; социолог. ф-т, М.: РГГУ. 2019. С.257–264.
- Лившиц А.С., Ибрагимова Р.С., Новиков В.А., Куликов В.И.* Промышленная политика и антикризисное управление предприятиями: Монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 246 с.
- Российский статистический ежегодник. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf> (дата обращения 02.02.2020).
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Тощенко Ж.Т.* Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ) / Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб.статей / под общ. ред. Ж.Т.Тощенко; ред.-сост. Д.Г.Цыбикова; социолог. ф-т, М.: РГГУ, 2019. С.14–23.

СОНКО как сфера активности и самореализации современной интеллигенции

М.Ю. Милованова

кандидат исторических наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Постановка задачи, методы и гипотеза исследования

В данной статье ставится задача проанализировать роль СОНКО (социально ориентированных некоммерческих организаций) в экономике за счет расширения поля участия «третьего сектора» в оказании услуг населению в социальной сфере, их участия в социальной политике на фоне, увы, снижения общего количества некоммерческих организаций. По данным реестра Министерства юстиции РФ, в России зарегистрировано более 218 тыс. НКО (в 2016 г. — 223 тыс.), а штат основной части НКО не превышает пяти человек [Доклад о состоянии гражданского общества в РФ, 2019: 66]. Такие данные предопределяют исследовать лидерский потенциал и гражданскую активность лидеров СОНКО, этих «героев нашего времени», своего рода «социальных пассионариев»¹, чьи биографии, ценностные установки отражают глубинные процессы внутри гражданского сектора. Интересна сфера приложения их активности в реализации программ и проектов СОНКО, в которой человек и социальные группы проявляют своё личное начало, выступают агентами необходимых общественных и экономических изменений, проявляют конструктивную социальную активность, взаимодействуют друг с другом, кооперируются, обучаются друг у друга, создают новые навыки и практики, сообщества. Сами НКО персонализировано через своих лидеров включены в диалектическое противоречивое сосуществование — быть фундаментом гражданского общества и поставщиком социальных услуг.

1. PROактивное общество или что нам открылось в 2013 г. по данным исследований Фонда Общественное Мнение. Действующие лица гражданского общества. Архив автора.

Новизна предлагаемой постановки и решения поставленной задачи определяется применением качественных методов исследования — кейсов с использованием биографического метода в отношении лидеров СОНКО, кейс стади «Общественные объединения в публичной сфере» [Милованова, 2019: 66-79].

Методологически применим институциональный подход к развитию ресурсов НКО, в рамках которого государство призвано создавать условия и инфраструктуру поддержки гражданского и делового участия, их включения в реализацию социальной политики. Качественные институциональные трансформации экономического уклада в России изменили модель социальной политики в целом [Волкова, 2013: 5-11], архитектура которой строится по пути выбора наиболее эффективной модели в связи с переходом от государственной социальной ответственности к социальной ответственности индивидуального и смешанного типов, поиска оптимального баланса между эффективным выполнением государством своей социальной функции, обеспечивающим достойный уровень жизни граждан, но при снижении социального бремени государства в условиях нестабильной экономической ситуации. Для этого необходимо формирование гражданского общества как полноценного партнера, а НКО и волонтерские объединения как фундамента гражданского общества, повышение их субъектности, в том числе путем повышения ресурсного потенциала (возможностей) общественного сектора, предоставления массивованных инвестиций разного типа. Таким образом, социальная экономика возможна с участием в ней не столько государства, сколько конкурентоспособных социально ориентированных хозяйствующих субъектов и граждан. Мы исходим из того, что социальная политика выступает регулятором всех социальных отношений, посредством которой происходит удовлетворение потребностей социального, материального и духовного характера, достигается равновесие, стабильность, целостность и динамизм в функционировании социальной системы, а также её понимания с позиции Питирима Сорокина как «учения о счастье, задачей которого выступает формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни человека» [Сорокин, 1992: 30]. Рассматриваем гражданское общество как жизненный мир [Хабермас, 2000], следуем теориям социологии жизни [Тощенко, 2016]. Для оценки взаимодействия СОНКО и государства принципиальным становится положение Ю. Хабермаса о «системе, колонизирующей жизненный мир, действующей разрушительно», когда человек вынуждено реагирует, выстраивает новую сеть взаимоотношений, ищет баланс личных и общественных интересов,

выстраивает равноправное взаимодействие лидеров со своими группами и с внешними структурами (государство, бизнес, СМИ, формальные и неформальные объединения граждан), накапливает социальный капитал. Термин «социальный капитал» как способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе введён в оборот Джеймсом Коулманом [Коулман, 2001: 122-139], получил развитие в трудах Пьера Бурдьё [Бурдьё, 2002: 60-74], Роберта Патнэма [Патнэм, 1996], Фрэнсиса Фукуямы [Фукуяма, 2004]. Определяем социальный капитал как неотъемлемую часть жизненного мира современного человека, главнейший ресурс развития гражданского общества, ресурс нематериальный, своего рода «социальный клей», явный дефицит которого мы сегодня испытываем. Исходной для анализа стала классическая модель социального капитала, которую структурно представим следующим образом:

– Донор — человек, институт, предоставляющие реципиенту свой социальный капитал (знакомит его со своими знакомыми как ресурсом, консультирует по тактике и стратегии эффективных коммуникаций, усиливает имиджевую составляющую и репутацию) как залог получения в том числе финансовой поддержки и материальных благ;

– Реципиент — человек, институт, который получают социальный капитал от другого, делая его значимым, создавая основу для самореализации и укрепления субъектности реципиента и авторитета, репутации донора;

– Ресурс — полезные связи, опыт, репутация, успешные социальные практики, которые донор передает реципиенту как залог получения финансовой поддержки и материальных благ .

Мы не исключаем «обратной стороны медали» при накоплении социального капитала, когда сплоченность формальных и неформальных объединений гражданского сектора делает их более закрытыми для новичков, препятствует новым лидерам проявлять себя и достигать успеха, а определенные обязательства и общие паттерны поведения в группе становятся для человека риском потерь при выходе из зон с высоким социальным капиталом. Сильные социальные связи внутри СОНКО и между ними повышает социальный контроль, что существенно ограничивает свободу людей, может привести не только к замедлению экономического развития группы, но и к конфликтам, ставится под вопрос целесообразность институтов, уполномоченных перераспределять материальные и иные ресурсы.

Для оценки лидерского потенциала СОНКО, их проектной деятельности хороша коммуникативная модель Ю. Хабермаса, дающая

возможность выявить универалистский рационалистический потенциал структур сознания. Глобальные трансформации информационного общества всё более притягивают внимание исследователей к сетевым возможностям для формирования социального сознания и образа посткапиталистического будущего на основе общечеловеческих ценностей путем информационного влияния культурного сетевого ядра [Сазанов, 2018]. Нельзя не учитывать и мнение А. Турена, что с возвращением «человека действующего» все более усиливается поиск отношений не-социальных, межперсональных или желание создать объединения, задуманные как защитные убежища в уплотняющейся социальной сети. Если маргинальность долго рассматривалась как неуспех интеграции, то теперь она становится знаком оппозиции, лабораторией, где формируются новая культура и контрпроект общества [Турен, 1998: 10]. Согласимся с выделенным тезисом Ульриха Бека в «Ретропии» Зигмунта Баумана, что «с углублением пропасти между властью и политикой-между возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках суверенного государства. Исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу»... И далее «каждому теперь нужно искать, находить и воплощать собственные решения порождаемых обществом проблем, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы. Улучшение общества перестало быть целью; целью стало улучшение индивидуальной позиции внутри не поддавшегося никакому исправлению общества. Вместо коллективного вознаграждения за участие в социальных реформах каждому надлежит отстаивать свою добычу в борьбе с соперниками» [Бауман, 2019: 24].

Принимаем во внимание данные Всероссийского исследования «Как живёшь интеллигенция?» [Как живёшь интеллигенция, 2018], согласно которому 52,4 % опрошенных полагают, что человека в современной России делают значимым «связи с нужными людьми». В сравнении с 57,1 % от числа опрошенных, считающими, что это прежде всего «владение деньгами, материальными и другими ценностями» и 56,3 % высказавшихся за «обладание властью или доступ к ней» позиция «связи решают всё» входит в первую тройку.

Трудно поспорить с тем, что в настоящее время отсутствуют надежные эмпирические индикаторы, достоверно свидетельствующие о степени солидарности российского общества. Поэтому сошлёмся на исследовательский проект «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России» и предложенные индексы: индекс потенциала

кооперации как показатель, интегрально отражающий готовность респондента к взаимодействию с другими людьми; социальная валентность как способность индивида к образованию социальных связей (и возможное число таких связей) и ценностная солидаризация [Исследовательская группа «ЦИРКОН», 2018].

Результаты. Обозначим произошедшие институциональные изменения в механизмах и инструментах для развития СОНКО². Со стороны государства стали предоставляться субсидии НКО и НПО из федерального бюджета по результатам конкурсного отбора и наличия соглашения между социально ориентированной НКО и Министерством экономического развития³. С 2012 по 2018 г. укрепились, по сравнению с началом деятельности в 2006 г., позиции Фонда Президентских грантов (создан в 2006 г.). Это стало следствием, после принятия Госдумой закона об «иностранных агентах», ограничивший для НКО возможность получать деньги из-за рубежа, стала ежегодно возрастать финансовая поддержка НКО со стороны данной ресурсной организации. Так в 2013 г. на проведение конкурса и грантовую поддержку его победителей выделено 2,3 млрд. руб., за 2017 г. 3 213 победителей получили поддержку на общую сумму 6,6 млрд. руб., по итогам 2018 г. 3573 проекта профинансированы на 7,8 млрд. руб.⁴. С 1 января 2017 г. НКО получили право на статус «исполнителя общественно полезных услуг», утверждены правила ведения соответствующего реестра и определены органы власти, которые будут оценивать качество оказания «общественно полезных услуг». Власть позаботилась о критериях для вхождения в вышеупомянутый реестр: общественно полезная услуга должна быть строго из перечня, утвержденного правительством, оказывается СОНКО на протяжении определенного периода времени и эти услуги должны быть надлежащего качества. Показатели настолько высоки, что спустя два года по состоянию на январь 2019 г. в нем значатся лишь 197 НКО⁵. Расширяются возможности репрезентации интересов СОНКО посредством информационных технологий — от перевода гражданской инициативы в плоскость законодательных практик⁶ до запуска масштабных краудфандинговых

2. Федеральный закон № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях» и Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 года № 1096.

3. Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/SocOrientNoncom> (дата обращения 12.12.17)

4. Фонд президентских грантов // URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения 15.01.19)

5. Гайдаровский форум «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды» // Выступление начальника управления Президента РФ по общественным проектам Сергея Новикова, 15 января 2019 года URL: <http://gaidarforum.ru> (дата обращения 16.01.19)

6. Российская общественная инициатива URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения 16.01.19)

платформ⁷, а также социальных технологий «фонды фондов»⁸, интеллектуальное волонтерство⁹.

Отметим, что государство инвестирует в активистское ядро СОНКО, как агент изменений, на фоне общего низкого уровня гражданского участия. По данным социологического исследования «О насущных вопросах нашей жизни», проведенного Институтом социологии РАН осенью 2016 г. подавляющее большинство или 75,7 % от числа опрошенных не принимает вообще участия в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ, 7 % принимает участие в сообществах соседей по благоустройству окружающей территории, товариществах собственников жилья (ТСЖ), 6,4 % в деятельности профсоюзов, 5,4 % — в Интернет-сообществах по интересам (жж-, face-book-группы), 5,1% — помогает благотворительным организациям (помощь инвалидам, больным детям), 4,2 % состоят в молодежных и студенческих объединениях [Гражданский активизм: Всероссийский опрос населения, 2014, 2016]. Отношение населения в целом к данному сектору скептическое, что отражается на вовлеченности в работу НКО, которая остается низкой. Численность сотрудников СОНКО в 2016 г. составила 672 тыс. чел., в 2017 г. — 630 тыс.

Проведём также сравнение выбора на 2012 и на 2018 гг. лидерами СОНКО социальных ресурсов, привлечение которых позволяет достигать поставленных целей в решении актуальных социальных задач и проявлении гражданской активности (респонденты отмечали не более 5 ресурсов)¹⁰. Данные показывают, что актив гражданского общества — руководители и представители НКО, в первую очередь, надеются на себя, ближний круг людей, объединенных общей идеей. Второй ресурс — СМИ, а также стремительно растущая роль социальных сетей как коммуникативного ресурса и инструмента. Весомый показатель ресурсности имеют волонтеры и НКО-сообщества, муниципальная власть, опережающие государственную власть, что закономерно и позитивно. Далее — бизнес-организации, что скорее говорит о невысокой степени отзывчивости и социальной ориентированности деловых кругов. Зарубежные фонды в связи с приобретением статуса «иностранный агент» теряют и без того невысокий приоритет как ресурс. Полученные данные соотносимы с данными Института социологии РАН, по которым население при возникновении серьезных жизненных трудностей, обращаются

7. Planeta.ru — крупнейшая российская краудфандинговая платформа URL: <https://planeta.ru> (дата обращения 16.01.19) .

8. Фонд «Друзья» <https://www.friendsfoundation.ru/about/struktura-fonda/> (дата обращения 16.01.20) .

9. Платформа ProCharity https://procharity.ru/about_project/

10. Данные авторских экспертных опросов, проведенных в 2012 и в 2018 гг. Архив автора.

прежде всего к родственникам — 63,7% от числа опрошенных, к друзьям, знакомым, коллегам по работе — 45,6 %, 25,1% — ни к кому обращаться не будут, постараются решить свои проблемы самостоятельно но лишь 7,1 % в местные органы власти и 4,8 % в правозащитную организацию [Гражданский активизм: Всероссийский опрос населения, 2014, 2016].

Исследование гражданского сектора на примере СОНКО, их лидерского потенциала с применением биографического подхода и кейс-стади «Общественные объединения в публичной сфере», таких как «Справедливая помощь» (Елизавета Глинка)¹¹, Приют для бездомных животных и списанных служебных собак «Гвардия» (Сергей Фокин), фонд «Нужна помощь» (Константин Хабенский)¹², «Подари жизнь» (Чулпан Хаматова и Дина Корзун)¹³, «Обнажённые сердца» (Наталья Водянова)¹⁴, Фонд «Вера» (Нюта Федермессер)¹⁵, «Не просто собаки» (Оксана Дубинина)¹⁶, «Лыжи Мечты» (Наталья Белоголовцева)¹⁷, «Баба-Деда» (Анастасия Лазибная)¹⁸, «Объединение и социальная поддержка женщин мигрантов» (Ефросиния Гыштемулте)¹⁹, Gulagu.net (Владимир Осечкин), Фонд открытых проектов против насилия над женщинами (Попова Алёна)²⁰, социального предприятия Соссо bello (Санджапова Гузель)²¹, «Международный союз пациентов» (Вострикова Ольга)²², Галлиулли-на Римма (Мамы Астрахани)²³, Степанова Елена (Солнечный круг)²⁴, Екатерина Савина (Зебра)²⁵, Ольга Ягодина (Возрождение старинных промыслов Кемской Волости)²⁶, Ольга Косец (Деловые люди)²⁷ правозащитная ассоциация «Отцы и Дети» (Георгий Тюрин)²⁸, а также использование теоретических подходов позволяют сделать следующие выводы:

11. <https://www.doctorliza.ru>

12. <https://nuzhnapomosh.ru/funds/fond-konstantina-habenskogo/>.

13. <https://podari-zhizn.ru/main>

14. <https://обнаженныесердца.рф>

15. <http://www.hospicefund.ru>

16. <https://www.petfund.ru>

17. <http://dreamski.ru>

18. <http://baba-deda.ru>

19. <https://www.vestnik-migranta.ru/2017/12/interview-rosia.html>

20. <http://alenapopova.ru> .

21. <http://www.cocco-bello.com>

22. <http://союзпациентов.рф>

23. <https://www.facebook.com/profile.php?id=100014587849026>

24. <http://sunkrug.su>

25. <https://zebra-center.ru>

26. <https://www.facebook.com/profile.php?id=100000971682414>

27. <http://delovie-ludi.ru>

28. <http://otcydeti.ru/>

— для социального и политического пространства (глобального и локального) общим остаётся запрос на доверие по отношению граждан к государству и признание государством гражданского общества как равноправного партнёра, а не только реципиента, продолжается совместный поиск новых основ для социального государства и общественного договора;

— в условиях либеральной экономики и неконкурентной политической системы, хроническом дефиците бюджетных расходов на образование, здравоохранение, культуру, растущего уровня бедности государство не столько выступает ресурсом, сколько само использует социально-активных граждан — членов СОНКО для реализации проблемных направлений социальной политики;

— гражданский сектор принимает минимизированную ресурсную (финансовую и инфраструктурную поддержку государства), но уже с меньшим упованием на государство как донора, рассчитывая на собственные силы при соблюдении единых для всех «правил игры», привлекая частные инвестиции;

— деятельность СОНКО инновационна и охватывают весь спектр актуальных социальных программ и проектов, которая шире, чем то, что предлагает ему государство как поставщику общественно-полезных услуг;

— личные «истории жизни» лидеров СОНКО становятся мотивами для реализации новых социальных программ и проектов, получает развитие социальная технология — социальная франшиза;

— лидеры СОНКО ситуационно включены в объективную реальность, что синергетически выводит личную проблему на уровень решения общественных задач;

— слагаемые успеха СОНКО зависят от личности и сформированной команды, людей, объединенных одной идеей, доверяющих друг другу (иные просто не приживаются);

— вырос набор требований к профессионализму и компетенции кадров гражданского сектора, руководители СОНКО имеют опыт и возможность прохождения обучающих семинаров, тренингов, курсов для повышения компетенции;

— произошла эволюция профессионализации кадров СОНКО, что отражается на эффективности PR, появлении узнаваемых медийных персон как лиц СОНКО;

— лидеры СОНКО имеют чаще нейтральное или умеренное отношение к политике, гораздо важнее для них последовательная концентрация на решении проблем своей целевой аудитории;

— возрастающая динамика сетевого взаимодействия как основного канала коммуникации, создания доверительных площадок общения. (Инстаграм, Youtube и Telegram каналах, их представительство есть в основных социальных сетях);

— в деятельности СОНКО используются все четыре идеальных типа социального действия (по Ю. Хабермасу): стратегическое действие — действие, которым руководит эгоистичная цель; нормативное действие — это социальное действие, целью которого является достижение взаимной выгоды в условиях подчинения своего поведения ценностям и нормам, господствующим в обществе; драматургическое действие — это действие, направленное на создание публичного имиджа, т.е. имиджа самого себя; коммуникативное действие — это социальное действие, целью которого свободная договоренность участников для достижения общих результатов;

— умелое коммуникативное действие обеспечивает результативный фандрайзинг, способствует наращиванию социального капитала СОНКО.

— характер взаимодействий НКО с властными структурами для результативности вариативен и гибок — от сотрудничества, взаимодействия до проявления конфронтации, противостояния, а иногда и конфликта, что не всегда оптимально и соответствует рационализации в стратегиях коммуникативного действия (по Ю. Хабермасу).

Таким образом, изменения в структурах занятости, разгосударствление социальных услуг закономерно привели в гражданский сектор образованных, предприимчивых и харизматичных лидеров, представляющих интеллектуальный класс, для которых «третий сектор» стал основой самосохранения и человеческого достоинства, самореализации и выработки альтернативных, инновационных подходов в решении актуальных социальных задач.

Литература:

Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Волкова Н.С. Государственное управление социальной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 5–16.

Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия, Всероссийский опрос населения Исследование Института социологии РАН (2014 и 2016 гг.), проведенный по выборке в 1600 респондентов. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014.pdf (дата обращения 15.11.18).

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf (дата обращения 23.01.2020)

Исследовательская группа «Циркон». Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. Представление результатов исследования. Режим доступа: <http://doverie.zircon.tilda.ws/index> (дата обращения 23.01.2020)

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. 00

Коулман Д. Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Милованова М.Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66—79.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.

Сазанов В.М. Гипотеза социального культурного ядра и его формирование. Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWVpbnxleHBhdmlhGd4OjUwYmFmODEyM2UxYzQ> (дата обращения 25.01.19)

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М, 1998.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.

Добровольческая деятельность как форма социальной активности пожилых российских интеллигентов (на материалах Саратовской и Самарской областей)

Е. В. Соболева

соискатель кафедры прикладной социологии социологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», ГАУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения Балаковского района» (г. Балаково, Саратовская область)

Данная статья посвящена анализу одной из форм социальной активности пожилых российских интеллигентов — добровольческой (волонтерской) деятельности. Отмечается, что, несмотря на кажущуюся первостепенность выживания в непростых экономических условиях, немало российских граждан старшего поколения являются социально активными людьми и предпочитают часть своего свободного времени направлять на добровольческую деятельность. Данные эмпирического исследования, проведенного среди «серебряных» волонтеров Саратовской и Самарской областей, выявили их активное участие в этом виде деятельности. Была подтверждена гипотеза, что эта деятельность является значимой формой социальной активности российских интеллигентов, а сами волонтеры старшего возраста предпочитают выбирать направления и формы работы, мало связанные с их предшествующей профессиональной деятельностью или с общественно-политической.

Ключевые слова: *пожилые интеллигенты, старший возраст, социальная активность, добровольческая (волонтерская) деятельность.*

В последние годы наблюдается устойчивый рост числа граждан и организаций, участвующих в добровольческой (волонтерской) деятельности, расширяются масштабы реализуемых ими программ и проектов. Свое участие в добровольческой (волонтерской) деятельности в настоящее время подтверждают 15% российских граждан. В

то же время, по данным социологических опросов, свою готовность работать на добровольной основе декларировали 50% опрошенных, т. е. потенциально готовых участвовать в добровольческой (волонтерской) деятельности.

Социальная активность пожилых россиян в современном обществе — явление, формирующееся, на наш взгляд, очень специфически. В последнее десятилетие ушедшего века значительное число регионов Российской Федерации предпринимали попытки рнализации социальной политики, направленной на поддержку граждан пенсионного возраста. Но крайне низкий уровень дохода последних свел содержание большинства принятых нормативных актов к предоставлению некоторых компенсационных выплат и мер социальной поддержки. К сожалению, за все последующие годы уровень доходов старшего поколения в сторону увеличения изменился незначительно и то не в связи с повышением размера пенсии, а с продолжением ими трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста, а также получением дохода от продажи сельскохозяйственной (дачной) продукции, сдачи в аренду собственности и т. п.

Несмотря на кажущуюся первостепенность решения насущной задачи выживания в непростых экономических условиях, часть российских граждан старшего поколения предпочитают свое свободное время тратить на организацию культурно-развлекательного досуга (что подтверждается многолетними наблюдениями за проявлением досуговых интересов клиентов комплексных центров социального обслуживания Саратовской области) [Соболева, 2018]. При чем, можно констатировать наличие примерно у 28% постоянных активных клиентов высшего образования и их принадлежность к творческой или инженерно-технической интеллигенции.

Как отмечают российские исследователи, хорошо известно, что при выходе на пенсию и при достижении того периода, когда жизненный опыт дает возможность по-новому посмотреть на цели и смыслы своей жизни, появляется возможность и желание проявить себя в иных, новых для индивидуума сферах [Розанов и др., 2018]. Помощь в воспитании детей, работа на дачном участке, увлечение прикладным творчеством, посещение клубов по интересам — достаточно привычные виды организации активного досуга пожилых неработающих россиян, используемые на протяжении многих десятилетий еще с социалистического периода. Но в последние годы как форма социальной активности пожилых россиян стала развиваться их добровольческая деятельность, являясь привычной формой досуга и существенной частью социальной экономики стран Европы и США [Дьякова, 2014: 99].

Что касается добровольческой деятельности российских пенсионеров, то она пока только начинает становиться привлекательной, при чем наиболее активными волонтерами становятся, чаще всего, представители творческой интеллигенции.

Наблюдение на протяжении 3,5 лет за деятельностью волонтеров старшего возраста Саратовской и Самарской областей дало нам возможность сформулировать гипотезы: — добровольческая деятельность является значимой формой их социальной активности; — пожилые волонтеры из числа интеллигенции предпочитают выбирать направления, мало связанные с их предшествующей профессиональной или с общественно-политической деятельностью.

Для подтверждения указанных гипотез в августе и ноябре 2019 г. были проведены два социологических исследования среди пожилых добровольцев названных регионов. Выбранные методы исследований — групповое очное аудиторное анкетирование. В связи с тем, что количество пенсионеров, использующих данный вид активной занятости, очень невелико, генеральная совокупность и репрезентативная выборка не определялись.

Во время первого социологического опроса были проанкетированы 26 граждан пенсионного возраста, занимающихся регулярной добровольческой деятельностью. Во время второго — 38. В результате респондентами стали 52 женщины и 12 мужчин в возрасте 55–80 лет, выполняющие волонтерскую работу еженедельно на протяжении 1 года и более. Из числа респондентов 6 человек относились к возрастной группе от 55 до 60 лет, 13 респондентов были в возрасте 61–65 лет, 24 — от 66 до 70 лет, 18 — от 71 до 75 лет и трое — от 76 до 80 лет. Состоят в браке 26 опрошенных, 6 разведены, 31 являются вдовцами (вдовами), один человек никогда не состоял в браке. За исключением пяти респондентов остальные имеют детей и внуков: у двоих — только дети, у троих — только внуки. Пятеро имеют полное среднее образование, 12 — начальное профессиональное (профтехучилище), 27 — среднее профессиональное (среднее специальное), 20 — высшее образование. 20 пожилых людей, имеющих высшее образование, и 12 их ровесников со средним специальным образованием занимались интеллектуальной деятельностью. Т.е. 50% из них относятся к социальной общности «интеллигенция» (среди всех российских пенсионеров работники умственного труда составляют около 33%)[Труд и занятость в России, 2019].

Для подтверждения первой гипотезы были проанализированы ответы на вопросы «Почему Вы приняли решение стать волонтером?», «Как изменилась Ваша жизнь после начала добровольческой деятельности?» и «Почему Вы считаете волонтерскую деятельность нуж-

ной?». Выяснилось, что каждый седьмой является волонтерами уже более 3 лет, примерно столько же — от 2 до 3 лет, остальные — менее 2 лет, но более года. Ежегодный прирост количества пенсионеров, вовлекаемых в регулярную добровольческую деятельность, подтверждает ее значение для их жизни и лишний раз напоминает о достаточно широко распространенном альтруизме российского пожилого поколения, обладающих значительным жизненным опытом и готовых делиться им безвозмездно.

Основные вопросы, подтверждающие гипотезу — причины, приведшие к решению стать волонтером, и об изменении качества жизни после начала занятия добровольческой деятельностью. Существенный интерес вызывает разница в ответах пожилых граждан, чья профессиональная деятельность была связана с умственным трудом, и теми, чей труд был физическим трудом. Половина пожилых интеллигентов, отвечая на вопрос о причинах, приведших их в волонтерское движение, выбирали ответы «Всегда хотелось делать что-то полезное», почти каждый третий — «Есть много знаний, нужно ими делиться», каждый четвертый — после выхода на пенсию стало скучно. Волонтеры «рабочих» профессий на первое место поставили ответ «Дети и внуки разъехались, стало много свободного времени», потом — «Всегда хотелось делать что-то полезное». Каждый с четвертый выбрал ответ «После утраты близкого родственника стало очень одиноко».

Анализ социального самочувствия при достижении пенсионного возраста проводился и другими исследователями. Их опросы показали, что самочувствие пенсионеров, оставивших работу, как правило, ухудшается, особенно у тех, кто ранее занимался административно-хозяйственной или инженерно-технической деятельностью [Иванова и др., 2017: 2]. Результаты проведенных нами исследований показали, что улучшение социального самочувствия пожилых людей происходит, если они начинают заниматься добровольческой работой, причем, качественные изменения подтвердили все участники обоих опросов, вне зависимости от уровня образования. Различия в выборе ответов на вопрос «Как изменилась Ваша жизнь после начала добровольческой деятельности?» представителей умственного и физического труда не являются значительными (гражданам была предоставлена возможность выбрать до пяти вариантов ответов). Но, на наш взгляд, стоит отметить приоритетность у значимого большинства пожилых интеллигентов вариантов ответа «Я чувствую себя нужным человеком». Более половины заявили: «Ко мне вернулась уверенность в своих силах, знаниях, опыте». По мнению каждого четвертого родные и знакомые стали относиться «с большим уважением, чем это

было раньше». Основным ответом у пенсионеров, ранее занимавшихся физическим трудом, стал вариант «У меня появились новые друзья и единомышленники».

Подтверждением гипотезы — добровольческая деятельность является значимой формой социальной активности современных пожилых российских интеллигентов — можно считать ответ на вопрос анкеты о том, почему волонтерская работа является нужной. Из 32 пожилых интеллигентов — волонтеров, участвующих в исследовании 30 человек подтвердили ее необходимость (вопрос предполагал самостоятельную формулировку ответа): «Всегда должны быть люди, которые помогают бескорыстно», «Делай добро, оно к тебе вернется», «Делать добро всегда приятно и никогда не поздно», «Потому, что многие нуждаются в нашей помощи», «Нужно делать добрые дела безвозмездно, и получать от этого радость».

В соответствии с нашей второй гипотезой, пожилые волонтеры из числа интеллигенции стремятся выбирать направления добровольческой работы, не связанные с их предшествующей профессиональной или с общественно-политической деятельностью. Подобная специфика выбора не является случайной: она основана на существенно снизившейся политической активности российской интеллигенции, которая уже не играет, как ранее, роль оппозиции власти. Н.В. Романовский, сравнивая общественную активность российской «старой» (начала XX века) и «новой» (современной) интеллигенции отмечал, что «интеллигенция («новая») в своей массе пассивна практически во всем, что выходит за рамки повседневности и профессиональных обязанностей» [Романовский, 2013]. Кроме того, основываясь на результатах, проводимых в 2013-2016 годах социологических опросах, делается вывод о невысоком уровне доверия к социальным институтам представителей интеллигенции старших возрастов [Бутуева, 2016].

Подтверждением выдвинутой гипотезы стали ответы на вопросы анкеты: «То, что Вы делаете в качестве волонтера, связано с Вашей профессией (бывшей работой) или хобби?» и «На что Вы предпочитаете направлять свою добровольческую деятельность?». Для значительного числа — двух третей волонтеров большой интерес представляют новые виды деятельности, причем выбор деятельности практически не зависит от прежних профессий. Дополнительное подтверждение желания пожилых граждан получать новые виды знаний и использовать свой жизненный потенциал в непривычных для себя видах инициатив прослеживается в ответах на вопрос о предпочтениях в волонтерской деятельности.

Но стоит особенно отметить, что предпочтения пожилых интеллигентов аполитичны: наибольшей популярностью у них пользуется работа по организации досуга для одиноких пожилых людей и инвалидов. Популярен вариант «совместная с молодежью и школьниками деятельность с целью привлечения их к творчеству» у каждого второго пенсионера. Далее следуют направления, связанные с передачей своих знаний младшему поколению (различные мастер-классы по домоводству) заботой о нуждающихся (присмотр за детьми, посещение пожилых и инвалидов на дому). И только в самом конце списка предпочтений те, которые можно условно соотносить с общественно-политическими: «патриотическое воспитание молодежи», добровольная организационная помощь при проведении муниципальных, региональных и иных мероприятий, решение экологических проблем муниципалитета.

На наш взгляд, подобная расстановка предпочтений не случайна. Ряд российских исследователей считают, что интеллигенция — это социальная страта, которая отстаивает свои идеологические и политические убеждения [Смирнов, 2015]; что уникальность интеллигенции состоит в ее готовности ответить на вызовы современности в кризисный период эпохи [Рассказов, 2015]. Так как в настоящее время добровольчество в современной России стало значимым социальным явлением, способным быть значительным источником для социального и экономического развития страны на долгосрочную перспективу, то и пенсионеры подхватили идею развития добровольческого движения как вида социально ориентированной — благотворительной деятельности граждан, направленной на участие в решении социальных проблем и улучшении качества жизни людей.

Итак, добровольческая деятельность как форма социальной активности россиян является одним из существенных направлений приложения своих знаний и творческих сил пожилых интеллигентов. Помимо осознания собственной востребованности и сильной занятости в пенсионном возрасте, пожилая интеллигенция получает возможность через призму волонтерской работы укрепить свой собственный социальный статус [Тощенко, 2016], поднять свой личный «рейтинг» в глазах более молодых членов семьи, служить примером своих личных успехов и достижений в новом виде деятельности. Кроме того, люди старшего возраста стремятся получать новые знания, не закидываясь на достигнутом [Полтавская, 2018].

Настоящее же исследование подтвердило наше предположение, что добровольческая деятельность является значимой формой социальной активности пожилых российских интеллигентов. Идею второй

гипотезы, на наш взгляд, возможно распространить на большинство пожилых волонтеров (не только из числа интеллигенции), которые предпочитают выбирать аполитичные направления добровольческой работы, не связанные с их предшествующей профессиональной деятельностью.

Литература:

Бутуева З.А. Доверие к социальным институтам у представителей интеллигенции старших возрастов //Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире (Том 2): материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча» (Улан-Удэ, 16–19 июня 2016 г.) В двух томах. Отв. ред. И. И. Осинский, Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016.

Дьякова Т. В. Волонтерство как часть учебного процесса в американской высшей школе // Методика преподавания языка. 2014. № 5 (51). С. 99.

Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы. экономики. 2017. № 3. С. 2.

Полтавская М. В. Социальная активность граждан «третьего возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда) // Социология и социальные технологии. 2018. Т. 17. № 2.

Рассказов Л. Д. Интеллигенция — ведущая сила современности: философский анализ кризисных явлений российского общества // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: материалы XI Международной научной конференции: в 2 т. / отв. ред. И. И. Осинский. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. — Т.1.

Розанов В. А., Мальцева Ю. С., Царанов К. Н. Методическое пособие «Серебряное» волонтерство: ключевые аспекты развития. 2018. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2018/10/22/Method%20posobie%20serebryanie%20volonteri.pdf> (дата обращения: 12.01.2020 г.).

Романовский Н.В. «Новая» и «старая» интеллигенция: продолжение темы // Вестник РГГУ. 2013. №2 (103).

Смирнов Д. Г. Интеллигенция как внутренняя форма ноосферной (глобальной) истории // Интеллигенция и мир. — 2015. — №3.

Соболева Е.В. Проблема одиночества пожилых людей //Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. №1 (70). С. 161–165.

Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 5–17.

Труд и занятость в России. 2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 03.02.2020 г.).

Современный городской образ жизни интеллигенции старшего поколения

С.А. Григорьева

социолог НОРЦМИ Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., РФ, г. Саратов

Рассматривая стиль жизни российских пенсионеров, можно увидеть, что современные цифровые технологии вносят изменения, создают новые возможности для включения людей старшего возраста в экономическое, социальное и политическое пространство, однако повседневность в большинстве из них не перестает быть тяжелой. Необходимо учесть неоднородность демографического состава и социального положения. Представляет интерес изменение в образе жизни современных городских пенсионеров, интеллигенции старшего поколения.

Современные исследования [Подгол, Лемиш.: 2012, с. 217] показывают, что среди пенсионеров, которые ведут рациональный образ жизни, сохраняют высокую физическую и особенно, социальную активность, уровень адаптации намного выше, чем среди пенсионеров, ведущих пассивный образ жизни.

Е.И. Холостова [Холостова.: 2007, с. 60] рассматривает следующие возможные виды активности после достижения пенсионного возраста:

- Профессиональная деятельность в сокращённом объёме и на должности,
- Профессиональная деятельность в смежной области
- Работа для заработка, выполняемая не по своей, а по «резервной» профессии
- Активность типа «полуотдыха», то есть нечто среднее между работой и отдыхом.
- Социальная активность, с которой связано выполнение общественных обязанностей — присяжного заседателя, общественного опекуна, судебного попечителя, члена домового комитета, члена правления в какой-нибудь общественной организации и т.п.

- Внутрисемейная активность в виде присмотра и ухода за детьми и больными, а также домашняя работа; её берут на себя главным образом женщины.

Одним из видов социальной активности является волонтерство, которое выступает в качестве мощного средства социально-психологической адаптации пожилого человека в обществе. В данной статье мы представим один из проектов, где волонтерская деятельность пожилых, не только способствует их социально-психологической адаптации, но и реализует ресурсы пожилых людей, их потребность участвовать в судьбе подрастающего поколения.

Волонтерская деятельность — это широкий круг активности, осуществляемой добровольно на благо общественности без расчёта на денежное вознаграждение. Волонтерство является одним из основных общественных феноменов, который позволяет людям старшего поколения не выбывать из активной жизни, жить сообща с другими поколениями, самореализовываться, самосовершенствоваться, а главное, ощущать свою «нужность» и полезность обществу.

В странах Запада широко развито волонтерство среди пожилых людей, и их опыт наглядно демонстрирует успешность участия данной категории населения в добровольческой деятельности. Волонтерство направлено не только на помощь нуждающимся слоям населения, но и на саморазвитие, на поддержание собственной активности.

Добровольческий сектор играет сегодня ту роль, которую выполняли благотворительные организации в прошлом. Их главное различие состоит в том, что волонтерская работа не является исключительно прерогативой представителей высших классов и аристократии. Добровольческая работа основана на свободном выборе активности и направлена на помощь нуждающимся в самых различных областях, включая помощь пациентам в больницах, посещение заключённых в тюрьмах, доставку «еды на колёсах» для зависимых людей-инвалидов. Эта работа часто выполняется через ассоциации, но может также быть прямо организована властями или учреждениями, такими как больницы, школы, муниципалитеты и т.д.

В Швейцарии, где хорошо развита система социальной помощи, около 50 % всего населения активно принимают участие в волонтерской работе. Наиболее активной группой (по количеству часов, уделяемых волонтерской работе) являются люди в возрасте 60-70 лет, и каждый человек в среднем член трёх различных организаций [Олчман, Джордан].

Помогать другим естественно для человека, но дано не каждому, более того, такой вид деятельности является достаточно тяжелым для

психического здоровья. Так было принято считать ранее. Сегодня исследователи утверждают, что добровольческая деятельность играет важную роль в отношении улучшения состояния здоровья и ощущения счастья пожилыми людьми. При этом такой вид активности имеет наибольшую пользу для пожилых людей с хроническими заболеваниями.

Новое исследование, опубликованное в онлайн-версии журнала *Psychological Bulletin*, стало первым, изучившим существующие свидетельства пользы волонтерства относительно аспектов психосоциального здоровья для пожилых.

Исследование было проведено под руководством доктора Николь Андерсон из Университета Торонто, она и ее коллеги из Америки и Канады проанализировали 73 исследования, опубликованных за последние 45 лет, в которых принимали участие люди старше 50 лет, официально занимающиеся волонтерской работой [Вячеславов: 2014, с 24].

Критериями включения в обзор служило наличие измерений психосоциальных, физических и/или когнитивных исходов, связанных с официальным волонтерством, например, ощущение счастья, состояние физического здоровья, депрессия, когнитивное функционирование, ощущение социальной поддержки и степень удовлетворенности жизнью.

Вместе с тем в России уже существуют многочисленные примеры успешного вовлечения людей старшего возраста в добровольческую и в волонтерскую деятельность. Эти примеры есть и в практике деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, и в государственных учреждениях социальной сферы, и в местном самоуправлении. Государственная социальная политика изменяется в сторону активизации и содействия самореализации пожилых людей [Центр исследований]. Все это свидетельствует об изменении вектора общественных настроений в отношении этой категории населения.

Практики, занимающиеся организацией добровольческой деятельности людей старшего поколения в российских некоммерческих государственных/муниципальных и социально ориентированных организациях, все громче говорят об огромном добровольческом ресурсе третьего возраста, который необходимо актуализировать в целях повышения качества жизни, и о важной роли добровольческой деятельности в жизни самих людей старшего возраста.

Если поставить задачу: найти описание видов добровольческой деятельности пожилых людей в открытых интернет-источниках, — то ясная картина не проявится. Как правило, авторами смешиваются направления, виды и формы добровольческой деятельности.

В организациях социальной сферы могут быть:

— организация, проведение и участие в разовых мероприятиях и акциях, конференциях, выставках, круглых столах, фестивалях, конкурсах и пр.;

— участие в программах и проектах организации и ведение определенных линий работы (например, проведение групп с общими проблемами для людей, потерявших близких, консультирование по вопросам домашнего хозяйства, здоровья, ведение кружков и мастер-классов, творческих мастерских, фото-, кино- театральных студий);

— постоянная кропотливая работа в офисе (например, разбор библиотечных материалов, создание баз данных, ведение учета клиентов, добровольцев, партнеров, написание информационных и благодарственных писем, прием и учет телефонных звонков в организацию);

— плановая работа по предоставлению помощи и услуг, которая может выполняться в составе специальных служб организации или в ходе проекта/программы (например, парикмахерские услуги, лекции по фитотерапии и здоровому питанию, выполнение функции сиделки, домашнего педагога или распространителя информации о достопримечательностях города, информации о ЗОЖ, о возможностях обучения пожилых, о добровольческих вакансиях и пр.).

Михайловой С.Н. были выделены мотивы, побуждающие людей старшего возраста к добровольческой деятельности в социальной сфере, лежит значительный спектр индивидуальных и социальных потребностей:

потребность в общении и стремление быть социально полезным другим людям;

- потребность в новых знаниях и соответственно в новых социальных ролях;
- потребность расти и развиваться, обрести новые смыслы жизни (люди, готовящиеся к пенсии и молодые пенсионеры);
- потребность применения профессионального и житейского опыта (молодые пенсионеры);
- потребность влиять и участвовать в социальных изменениях, желание реализовать себя, свои инициативы (гражданские активисты, пожилые люди с высшим образованием, специалисты в гуманитарных областях);
- потребность в проявлении милосердия, доброты, подвижничество, стремление решать проблемы других людей и свои собственные;
- потребность в содержательном досуге и развлечениях.

Разнообразие мотивов добровольцев пожилого возраста, так же как и мотивов добровольцев других возрастов, должны соответствовать предлагаемые виды добровольческих работ, а также методы их подготовки и сопровождения.

Пожилые как субъекты добровольчества неизбежно сталкиваются с вопросом о политизации своей активности или отказе от политизации [Пожилой человек в обществе, с. 221]. Добровольческие инициативы в целом можно рассматривать как коллективные действия, способные формулировать социально экономические требования и добиваться от государства изменений для улучшения жизни пожилых.

Серьезную работу по решению проблем пожилых ведет Межведомственный научный совет по геронтологии и гериатрии Российской Академии медицинских наук совместно с министерствами РФ. Возникают и развиваются крупные геронтологические центры в Санкт-Петербурге, Самаре, Ульяновске, Ярославле, Сургуте и других городах.

В ряде стран Запады социальная работа поддерживается государством лишь в небольшой степени, как правило, через субсидирование определенных программ. Большое влияние на организационные и кадровые решения имеет местная, муниципальная власть или профессиональные ассоциации, объединения общественности и социальных работников, которые развивают добровольное участие. Их называют по-разному: Седая сила, Серые (Седые) Пантеры (Gray Panthers) и т. д.

В Америке, Германии, Австралии и других странах существует практика самостоятельного проживания групп пенсионеров в локальных поселениях, создания специфических территориальных сообществ типа «Солнечного города» в Калифорнии, Аризоне и др. По сути, это совместные центры проживания для пожилых с зонами отдыха, спортивными площадками, ремесленными и художественными мастерскими. Такие коммуны самодостаточны и вносят разнообразие в социальное пространство общества.

В Англии и США давно сложилась практика общественных центров для всех групп населения, которые организуют досуговую и образовательную деятельность. Центры обычно работают с понедельника по воскресенье — 7 дней в неделю. Рабочий день с 8 до 23 часов, а 60–80 % посетителей — пожилые люди, и обслуживают их тоже пожилые люди — активисты добровольчества. Любой человек может прийти в такой центр и начать заниматься с новой группой. Предоставляется возможность заниматься разными видами деятельности, к которым любой человек может присоединиться за небольшую плату. Фонд «Age UK» помогает пожилым людям продолжать жить полноценной жизнью в преклонном возрасте. На территории Соединенно-

го Королевства открыто более 500 благотворительных магазинов, где пенсионеры трудятся безвозмездно.

В 2007 г. было объявлено о создании профсоюза пенсионеров «Серые пантеры» (в память об организации, возникшей в конце 60-х годов в США, новая профсоюзная организация российских пенсионеров взяла это название. Ведущим направлением деятельности является работа по защите прав пенсионеров) [Gray Panthers].

Центрам оказывается очень сильная поддержка церковью, местными школами. Например, предлагаются услуги по присмотру за пожилыми, и местные школы организуют концерты для сбора денежных средств и оказания помощи, местные магазины предоставляют кофе для наших утренних посиделок и пакеты продуктов для пожилых. Собственно, работа таких центров основывается на расширении идеи «соседства» и взаимопомощи [Бодренкова.: 2013, с. 119].

Английская «манера» работы с пожилыми контрастирует с российской. Год назад «основная часть учреждений социального обслуживания — это 7202 учреждения — находилась в ведении региональных органов власти. И только 78 учреждений, или 1,1 %, являются негосударственными. И если государственные учреждения социального обслуживания оказали услуги более 26,7млн человек, то негосударственным сектором было охвачено лишь около 27 тысяч граждан» [Иннез Э.].

В западных странах (например, в Соединенных штатах Америки) волонтерство входит в категорию ресурсов, которое обеспечивает «продуктивное старение». Волонтерами становятся более 26% взрослого населения. Францию отличают следующие показатели: 19% взрослого населения участвуют в добровольческих акциях хотя бы раз в жизни. При этом, 60% — регулярные участники добровольческой работы, которой они отдают более 20 часов в месяц.

Литература:

Бодренкова, Г. П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике: Учебно-методическое пособие. /Бодренкова Г. П. М.: АНО «СПО СОТИС», 2013. — 164с.

Вячеславов В.Н. Занятость пожилых людей (на примере волонтерской деятельности) // Вопросы территориального развития. 2014. № 10 (20). С. 24–28.

Иннез Э. Волонтерство продлевает жизнь. Великобритания [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20130615/210069333.html>. Обращение к ресурсу 23. 12. 2019 г.

Олчман, М, Джордан П. Основные понятия волонтерства из пособия «Добровольцы — ценный источник» // <http://besplatno1.narod.ru/FAQ.htm> — Обращение к ресурсу 10.12.2019г.

Пожилый человек в обществе. /Сб. статей под ред. И. А. Григорьевой. — СПб.: Европейский дом, 2010. — 228 с.

Подгол Г.М., Лемиш В.В. Опыт организации волонтерской деятельности пожилых людей // Исследование и проектирование в социальной работе: теория и практика: материалы VI заочной Международной научно-практической конференции. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — С. 217 – 227.

Холостова, Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: Учебное пособие. – 4-е изд. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. — 348 с.

Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Добровольчество пожилых людей: проблемы, практика, перспективы»// Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ № 1, июнь, 2014 г.

Gray Panthers [e-resource]: <http://www.graypanthers.org>. Обращение к ресурсу 14. 11.2019г.

Медицинское образование в России: проблемы восполнения кадров в государственном секторе здравоохранения

Е.В. Фадеева

кандидат социологических наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Обеспечение государственного здравоохранения медицинскими кадрами — одна из центральных проблем отечественной медицины. О дефиците врачей и среднего медперсонала сегодня говорят все: и сами медики, и общество, и власть. На государственном уровне ведется работа по привлечению медиков в госучреждения и в регионы: внедрены госпрограммы «Земский доктор» и «Земский фельдшер», расширяется целевой набор в медицинские вузы, в отдельных районах вводятся дополнительные меры финансовой поддержки (компенсационные выплаты). Тем не менее, эффективность предпринимаемых государством шагов вызывает сомнения. Укомплектованность врачебных должностей в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, в России остается недостаточной — 80,8% по состоянию на конец 2018 г. [Укомплектованность..., 2018]. Причем такой «высокий» показатель по стране сформирован во многом благодаря положительным результатам, полученным всего в четырех регионах страны (Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия — Алания, Тюменская область) и в столице.

Восполнение рынка рабочей силы напрямую зависит от численности молодых кадров в общей возрастной структуре работников: кадровое обеспечение медицинских организаций отечественной системы здравоохранения, в свою очередь, обусловлено притоком выпускников профильных учреждений (врачей и среднего медицинского персонала). Однако сегодня темпы поступления молодых специалистов в отрасль недостаточны: приток врачей в государственную медицину не в состоянии восполнить отток. По данным ОНФ за 2018 г. [ОНФ предложил..., 2019], прирост численности врачей в системе россий-

ского здравоохранения составил всего чуть более 600 человек. Минздрав приводит еще более скромные цифры: число врачей с 2017 г. по 2018 г. увеличилось всего на 404 специалиста. И это при дефиците в 60 000 медиков! [Статистический..., 2019; Мыльников, 2019].

Становится очевидным, что в России до сих пор отсутствует адекватный механизм восполнения кадровых потерь. Проблема — в противоречиях, возникающих на стыке этапов возникновения идеи и ее реализации.

Сегодня профессия врача достаточно востребована в российском обществе. Результаты опроса общественного мнения [Рейтинг профессий..., 2018] о том, что думают родители о будущей профессии своих детей/внуков, свидетельствуют: каждый пятый взрослый житель страны хотел бы видеть своего ребенка врачом. При этом 17% из тех, кто на момент опроса сам находился в активной фазе поиска профессии (молодежь 18-24 лет), и 19% «выпускающей» возрастной группы (40-54 лет) также предпочли бы именно профессию врача.

Медицинская специальность остается [Фадеева, 2018: 110] одной из наиболее востребованных и среди абитуриентов российских вузов. Позитивные показатели демонстрируют результаты приемной кампании 2019 г.: наиболее высокий конкурс (более 14 человек на место) — на медицинские, а также экономические и специальности, связанные со СМИ и международными отношениями [Минобрнауки..., 2019].

Тем не менее, выпускники медицинских вузов не хотят работать в государственном секторе здравоохранения. В конце 2019 г. рекрутинговой компанией «Future Today» был проведен опрос [Рейтинг лучших..., 2020] студентов старших курсов трех ведущих медицинских вузов России (ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова и ФГБУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова) о том, какие компании они считают наиболее перспективными для дальнейшего трудоустройства. Среди наиболее привлекательных потенциальных работодателей, связанных с отраслью здравоохранения — сети частных медицинских клиник «Европейский медицинский центр» (15%), «Медси» (13,3%), «Мать и дитя» (11,2%), «Семейный доктор» (8,9%), «СМ-Клиника» (7,6%), АО «Медицина» (6,7%), «K+31» (6,5%), «ABC-медицина» (4,6%); компания, предоставляющая услуги в области лабораторной диагностики «Инвитро» (11,8%); фармацевтические компании «Bayer» (14,5%), «Sanofi» (6,2%), «Berlin-Chemie/Menarini» (4,7%), «Pfizer» (3,8%) и др. Примечательно, что среди 30 наиболее желаемых для выпускников медицинских вузов работодателей, 8 — вообще не связаны со сферой здравоохранения. То есть примерно четверть начинающих

медиков готовы уйти из профессии. В государственной медицине хотят работать 8,1% опрошенных — исключительно в органах управления здравоохранением.

Проблема восполнения медицинских кадров приобрела характер системности: престиж профессии высок, запрос на получение высшего медобразования стабилен, но работать в отечественном госсекторе начинающие специалисты не хотят. Такая непривлекательность государственного здравоохранения обусловлена общим состоянием отрасли и вытекающими отсюда условиями труда, которые часто (особенно в регионах) являются не просто некомфортными, но совершенно неадекватными и невыносимыми: большие нагрузки, высокие риски и ответственность, низкая зарплата, отсутствие должного медицинского оборудования и необходимых расходных материалов. Российский медик поставлен в условия постоянного стресса, когда ему необходимо осуществлять быстрый и в то же время качественный прием пациентов, оказывать квалифицированную медицинскую помощь, постоянно учиться¹, успевать справляться с бюрократической волокитой — и все это под угрозой уголовного преследования.

Решение кадровой проблемы сегодня видится государством, в первую очередь, в расширении целевого набора студентов. Тем не менее, эффективность данных мер вызывает большие сомнения. По оценке Высшей школы организации и управления здравоохранением, менее половины выпускников медвузов остаются в профессии через три-четыре года после выпуска [Федорова, 2020]. Молодые специалисты в государственном секторе надолго не задерживаются: набираются минимального опыта и уходят в частную медицину, либо вообще из профессии.

Такая статистика прекрасно характеризует целесообразность мер, предпринимаемых государством для решения кадрового вопроса в медицине, и четко иллюстрирует продуктивность их реализации: с одной стороны, молодежь хочет прийти в медицину и получить профильное образование, а с другой — не готова работать в условиях госсектора. Новое поколение медиков — это индикатор неэффективности политики полумер, проводимой сегодня в отечественном здравоохранении. Остается надеяться, что адекватные и продуманные решения все же будут приняты оперативно, вытеснение медиков из государственно-

1. В 2012 г. в России внедрена система непрерывного медицинского образования (НМО), предполагающая непрерывное совершенствование профессиональных навыков, расширение квалификации и обеспечение допуска к периодической аккредитации специалистов здравоохранения, путем получения сертификата для осуществления профессиональной деятельности в результате прохождения обучения с общим минимальным суммарным объемом не менее 250 ЗЕТ за пятилетний период (с ежегодным обучением в объеме около 50 ЗЕТ).

го здравоохранения замедлится, молодые специалисты перестанут уходить в частный сектор, а население к тому моменту еще не успеет полностью утратить законное право на получение бесплатной медицинской помощи.

Литература:

Минобрнауки: медицина и экономика наиболее популярны у абитуриентов вузов // Информационный Портал «Будущее России. Национальные проекты». 2019. 04 сентября. URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnyye-proekty/988621> (дата обращения: 05.02.2020).

Мыльников М. Росстат: в России не хватает 60 тысяч врачей // *Vademecum*. 2019. 29 мая. URL: <https://vademec.ru/news/2019/05/29/rosstat-v-rossii-ne-khvataet-60-tysyach-vrachey/> (дата обращения: 03.02.2020).

ОНФ предложил дифференцированный подход распределения и систему льгот для ликвидации кадрового дефицита в сфере здравоохранения // ОНФ. 2019. 02 октября. URL: <https://onf.ru/2019/10/02/onf-predlozhit-differencirovannyi-podhod-raspredeleniya-i-sistemu-lgot-dlya-likvidacii/> (дата обращения: 03.02.2020).

Рейтинг лучших работодателей для студентов медицинских вузов // *Future Today*. 2020. URL: <https://rating.fut.ru/> (дата обращения: 04.02.2020).

Рейтинг профессий и школьных предметов // Аналитический центр Юрия Левады. 2018. 10 августа. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/10/rejting-professij-i-shkolnyh-predmetov/> (дата обращения: 04.02.2020).

Статистический сборник 2018 год // Министерство здравоохранения РФ. 2019. 31 июля. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskij-sbornik-2018-god> (дата обращения: 03.02.2020).

Укомплектованность врачебных должностей в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (физическими лицами при коэффициенте совместительства 1,2) // ЕМИСС. 2018. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59510#> (дата обращения: 03.02.2020).

Фадеева Е.В. Оптимизация здравоохранения и пенсионная реформа как факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2018. № 4 (14). С. 107-117.

Федорова Е. «Обесценивание профессии»: что заставляет врачей увольняться // Агентство социальной информации. 2020. 17 января. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/01/17/vrachi-issledovanie/> (дата обращения: 05.02.2020).

Российский врач: социально-экономический статус и престиж профессии в оценках населения и медиков^{1*}

Н.И.Белова

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Российская система здравоохранения за последние десятилетия претерпела множество преобразований, которые не только изменили привычные условия деятельности врачей, но и существенно повлияли на их самооценку, социальное самочувствие, и престиж профессии в целом. Так, наблюдается тенденция к оттоку квалифицированных медицинских кадров из сферы здравоохранения. Динамика количества врачей с 2012 года показывает снижение их численности с 703,2 тыс. человек в 2012 до 673,0 к 2015 году. По состоянию на 2017 год насчитывается 697,1 тыс. врачей [Численность..., 2018].

Уточним, кадровый голод и отток врачей по России неравномерен, отрицательная динамика по количеству медработников имеется в 55-ти регионах страны и встречается преимущественно в первичном звене [Минздрав..., 2019]. По мнению отдельных экспертов «сложная ситуация с кадрами в первичном звене медицины» [Более..., 2019] привела к снижению уровня доверия со стороны россиян к системе здравоохранения и, соответственно, медицинским работникам. Так, данные всероссийских опросов показывают, что треть (34%) жителей страны не доверяют врачам в больницах и поликлиниках [Доверие..., 2019]. Практически каждый второй (41%) россиянин за последние несколько лет перепроверял диагноз и назначения врача, обращаясь за помощью и консультацией к другим специалистам [Качество..., 2019]. В свою очередь «недоверие со стороны пациентов», правовая незащищенность врачей, являются одними из причин их ухода из медицины.

1. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024.

Отметим, что помимо уже названных причин, сами врачи в качестве таковых выделяют ухудшение отношения к ним со стороны руководства (администрации) лечебно-профилактического учреждения; высокую степень личной ответственности врача и бюрократизацию работы (подробная отчетность перед вышестоящими инстанциями); увеличение физической и психоэмоциональной нагрузки (синдром профессионального выгорания), снижение социально-экономического статуса врача [Бояркина, 2018]. Солидарны с мнением многих экспертов и считаем, что сложившаяся ситуация является следствием непродуманной политики в сфере здравоохранения, провальными реформами, которые привели не только к ухудшению условий труда российских врачей, но и снижению престижа профессии в обществе.

Надо сказать, что за последние 20 лет значительно изменились не только экономический и юридический статус врача, но и общественное восприятие медицинских работников. На протяжении всего первого десятилетия XXI века, в рейтинге профессий медицинские существенно отставали и занимали только третье место, после юридических и финансовых сфер, которые, напротив, набирали популярность. Это иллюстрируют опросы общественного мнения, проводимые ВЦИОМ. В период с 2006 по 2012 годы, престиж врачебной профессии оценивался населением невысоко, только десятая часть россиян (11%-12%) считала профессию элитной. Тем не менее, в 2018 году распределение меняется и уже четверть респондентов (26%) сказали, что врач — престижная профессия [Престиж..., 2018]. Свои коррективы внесла ситуация, связанная с пандемией коронавируса. Рекордно высокие позиции в списке общественно значимых специальностей заняла профессия врача. Так, половина (49%) жителей страны убеждены, что «они настоящие герои нашего времени» [Врач..., 2020]. Однако сами врачи (44%), заявляют об увеличении в десятки раз физической и психоэмоциональной нагрузки, отмечают, что в период распространения вируса Covid-19 со стороны государства «не сделано практически ничего» для обеспечения адекватной нагрузки на медперсонал [Большинство..., 2020].

Обратим внимание, что представители врачебного сообщества не считают, что престиж их профессии в современной России высок. — Например, по данным О.А. Нор-Аревян чуть более трети (35,9%) врачей отмечают положительную динамику восприятия медицинской профессии в обществе. Другая же треть (29,9%) утверждает, что «профессия врача принижена» и «престиж изменился, но в худшую сторону». Тем не менее, практически половина (47,8%) врачей строят к 2023 году положительные прогнозы [Нор-Аревян, 2018: 104].

Как уже ранее отмечалось, существенное влияние на мнение врачей о престиже профессии оказывают ухудшение условий труда и снижение их социально-экономического статуса. Стоит учитывать, что изменились подходы к расчету и начислению заработной платы в бюджетных организациях — она стала определяться в соответствии с принципами эффективного контракта. Это означает, что базовый оклад снизился и итоговая заработная плата напрямую зависит от интенсивности труда, количества пациентов, которых принимает врач. По мнению медицинского сообщества, население не считает их труд престижным, потому что объем вознаграждений за работу врача слишком мал. Это подтверждается выдержками из глубинных интервью разных исследователей: «Надо начинать с хорошей оплаты труда — вот тогда может быть престиж немножко и поднимется» [Нор-Аревян, 2018: 105]. Другими словами, врачи уверены, что их труд оплачивается крайне низко, несоразмерно с затраченными усилиями и уровнем квалификации. Однако, если сравнить официальные данные по зарплате врачей в 2015 и в 2018 году, можно заметить, что она существенно повысилась: с 47,9 тысяч рублей до 73,2 тысяч рублей в среднем по России [Престиж..., 2018].

Что же касается мнения самих врачей, то по данным НИУ ВШЭ [Российское..., 2016] практически две трети опрошенных (в среднем — 61%) сообщили, о заметном увеличении объема работы, при этом «размер зарплаты увеличился незначительно». Медики крайне негативно оценивают «политику внедрения эффективного контракта» и новый подход к порядку назначения базовой части оплаты труда, отмечают, что это «не отвечает интересам самих работников», т. к. официальные показатели заработной платы достигаются не за счет повышения зарплаты, а за счет увеличения нагрузки на врачей. В большинстве случаев докторам, независимо от их их профиля специализации, приходится трудиться больше, чем «на одну ставку (от 1,25 ставки). В среднем они трудятся на 1,45 ставки» [Минздрав..., 2017]. Именно поэтому доминирующая (86%) часть российских врачей выступает за увеличение доли базового оклада.

Представления населения о размере дохода врачей не совпадает с самооценкой представителей этой профессии. Например, в 2006 и 2012 гг. лишь незначительная часть (от 5% до 7%) жителей страны считала, что заработная плата работников с высшим медицинским образованием вполне достойная и приносит хороший доход. Со временем количество россиян придерживающихся такого мнения увеличилось и обусловлено это двумя обстоятельствами. Во-первых, принятием норм, так называемых «майских указов 2012 года» [Указ..., 2012], где говори-

лось о необходимости повышения заработка врачей до 200% от среднего по экономике региона. Во-вторых, активной политикой освещения темы зарплат в сфере здравоохранения в российских СМИ профильным Министерством. Поэтому к 2018 г. в российском обществе в два раза чаще стали говорить, что зарплаты у врачей высокие. Так, каждый десятый (12%) житель страны сказал, что профессия врача — это высококоходная профессия [Престиж..., 2018].

И несмотря на то, что наблюдаются небольшие расхождения в оценках социально-экономического статуса и престижа профессии врача населением и представителями медицинского сообщества, мы можем с уверенностью говорить, что и те [Качество..., 2019] и другие [Минздрав..., 2017] в качестве первоочередных мер по улучшению российского здравоохранения, повышению качества медицинских услуг, отмечают необходимость решения кадровых проблем, в том числе путём повышения социально-экономического статуса врача.

Литература

Более 40% россиян заявили о недоверии врачам. Официальный сайт РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/12/2019/5df089c29a79479c2d976fb1>

Большинство российских врачей не доверяют официальной статистике по коронавирусу. официальный сайт Левада-Центр. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/07/07/bolshinstvo-rossijskih-vrachej-ne-doverayut-ofitsialnoj-statistike-po-koronavirusu/> (дата обращения: 07.07.2020).

Бояркина С.И. Условия труда российских врачей: риски для здоровья и инфекционной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 3. С.346-363

Врач — самая важная профессия! Официальный сайт ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10208> (дата обращения: 10.05.2020).

Доверие врачам и медучреждениям. Официальный сайт Фонда общественного мнения. 2019. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14208>

Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль. Официальный сайт ВЦИОМ. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067>

Минздрав зафиксировал снижение количества врачей в 55 регионах. Официальный сайт РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/10/2019/5db9c1e99a79477c93e750cb> (дата обращения: 10.05.2020).

Минздрав просчитался: врачам не хватает денег. Официальный сайт Газета.ru. 2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/12/01/11023844.shtml> (дата обращения: 10.06.2020)

Нор-Аревян О.А. Социальный капитал профессии в оценках российских врачей (на материалах социологического исследования в городских мегаполисах) // *Власть* . 2018.

Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне? Официальный сайт ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387> (дата обращения: 10.05.2020)

Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы [Текст]: Доклад НИУ ВШЭ по проблемам развития системы здравоохранения / рук. авт. колл. С. В. Шишкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2016.

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». Официальный сайт Президента России. 2012. URL:<http://kremlin.ru/acts/bank/35262> (дата обращения: 06.05.2020)

Численность медицинских кадров (на конец 2018 года). Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 03.02.2020).

Педагоги дошкольного и общего образования на рынке труда: особенности образа жизни¹

Е.А. Колосова

кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории и истории социологии

Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Неустойчивая занятость работников общего и дошкольного образования включает в себя не только ограничительные характеристики нестандартной, неформальной и нетипичной занятости, но и отдельные аспекты неустойчивого трудового положения таких работников. Рост неопределенности в трудовых отношениях влечет негативные последствия, особенно для наемных работников, но предельно широкое толкование неустойчивости смешивает различные группы экономически активных, но по-разному уязвленных или ограниченных в использовании своих потенциальных возможностей.

В большинстве случаев представители наемного труда среди педагогов дошкольного и общего образования имеют определенные издержки, сложности в сохранении его стабильности, обладают неопределенностью в зависимости от информационно-технологических изменений, экономической конъюнктуры и политики в сфере образования, в результате чего часть работников сферы попадают под понятие неустойчивой занятости.

Особенности трудоустройства в сфере дошкольного и общего образования

Специфика дошкольного и общего образования обусловлена прежде всего тем, что оно является открытой социально-педагогической системой предоставления образовательных и иных услуг населению. За последние 20 лет государственное образование претерпело существенные

1. Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00024.

изменения. Проявились серьезные экономические и социальные проблемы в этой сфере — низкая оплата труда, старение и текучесть кадров, увеличение доли воспитателей без педагогического образования [Савинская 2014].

Формально, в секторе дошкольного в отличие от работников сферы высшего образования, где с преподавателями по результатам конкурса на замещение вакантных должностей заключается срочный договор, в дошкольном образовании продолжает действовать прежняя процедура найма сотрудников и заключения с ними бессрочных трудовых договоров. Однако в связи с высокой востребованностью данного сектора услуг происходит развитие негосударственного сектора дошкольного образования, как одного из путей решения комплекса проблем современного дошкольного образования, в том числе расширение спектра организационно-правовых форм.

В сфере общего образования происходит сокращение ставок и увеличение работы в несколько раз, что приводит к неуверенности в своем будущем, в котором присутствуют мысли о потере работы или снижению заработной платы за их профессиональный труд [Константиновский, 2019]. Дестабилизация работы педагога, тем самым — и школы, важного структурного элемента образования как социального института, приводит к дисфункции последнего, проявляющейся в двух аспектах: снижение качества образования и ослабление воспитательной функции школы.

Жалобы педагогов на перегруженность, привлечение их директивным методом к труду, не связанному с профилем педагогической деятельности, полное или частичное лишение вознаграждения за сверхурочную или непрофильную работу приводят к предположению о наличии проблем в сфере труда данной профессиональной группы.

Важный показатель качества организации труда педагогов — равномерность их загрузки в соответствии с действующими нормативами. Согласно данным исследования Шереги Ф. Э., по официально утвержденным нормам работают только 48,6% педагогов, еще 46,4% работают с перегрузкой, из них 38% — на полторы ставки и 8,4% — на две ставки. Недогружены работой до нормы 5% педагогов, работающих на полставки или менее полставки. Для педагогов всех профилей в большей степени характерна перегрузка по работе, чем недогрузка. Перегрузку усугубляет и тот факт, что 64,1% педагогов выполняют обязанности классного руководителя. Неравномерная нагрузка не менее, чем у 50% педагогов, работающих с перегрузкой, связана не только с несовершенством управления школой, но и со степенью урбанизации региона, с наличием большого числа малокомплектных школ в аграр-

ных регионах и дефицита педагогов по ряду учебных предметов. Кроме того, большинство учителей выполняют по основному месту виды работ, которые не обязаны выполнять как педагоги. Для 65,3% это уборка класса, для 64,3% – уборка территории, для 37,1% – иные хозяйственные работы, для 21,6% – привлечение для оказания помощи другим организациям [Шереги, 2016].

Согласно данным исследования «Как живешь, интеллигенция?», в котором принимали участие работники сферы образования, 73,8% педагогов имеют бессрочный договор, 19% имеют срочный договор (от года и более года), в то время как срочный договор до года имеют только 4,4% опрошенных. Еще меньше тех, кто оформлен по временно-му договору или работает без договора, таких всего 2,8 % [Как живешь, интеллигенция 2018].

Большинство педагогов считает, что их квалификация соответствует выполняемой работе и занимаемой должности (75,8%), тогда как тех, чья квалификация не хватает для выполняемой работы в полном объеме всего 1,6%. При этом тех, чья должность ниже возможностей и квалификация позволяет претендовать на более высокие должности, начитывается 5 часть от всех опрошенных (22,6%) [Как живешь, интеллигенция 2018]. Большинство опрошенных педагогов убеждены, что выбрали правильную профессию и работают в ней (74,2%), каждый десятый уверяет, что выбранная профессия не совсем нравится (11,1%).

Для большинства учителей характерен ненормированный рабочий день, в котором много видов деятельности, несводимых к описанию и учету. Недооценка со стороны руководства специфики и «энергозатратности» педагогической профессии усиливает разочарование и подрывает веру в справедливое вознаграждение труда. Нередко возникает необходимость в сверхурочной работе [Матанцева 2017].

Неоднозначным с точки зрения правоприменения является также установленная законодателем практика разделения рабочего времени на преподавательскую работу и иную. Причем нормы времени установлены только для преподавательской деятельности и только они входят в план учебной нагрузки. Другая часть педагогической работы является ненормированной, включающей работу с документами, учебно-методическими материалами, ведомостями и другим. Ненормированы на федеральном и региональном уровне также показатели догрузки установленной нормы часов другой педагогической деятельностью.

Подработка в сфере образования явление широко распространенное. Так, по данным исследования «Как живешь, интеллигенция?», для 40,5% педагогов вторым по популярности источником, из которых

формируются их доходы, после заработной платы на основном месте работы, является подработка и совместительство. Кроме того, половина педагогов считает, что их работа оплачивается не всегда справедливо, а треть утверждает, что совершенно не справедливо. Поэтому вынуждены заниматься подработкой как в собственной организацией (брать дополнительные часы, заниматься дополнительным образованием детей в кружках и студиях при школе, детском саду).

Большинство педагогов дошкольных образовательных организаций, по данным НИУ ВШЭ, работают подолгу. Опытные воспитатели составляют большинство, т.к. средний стаж за 2016 г., составил 17 лет, а наиболее распространенный возраст — 40–49 лет. При этом средний стаж воспитателя в государственных дошкольных образовательных организациях, составил в 2016 г. 20 лет. Стаж воспитателей в частных дошкольных образовательных организациях в среднем заметно ниже, чем в государственных [Проблема кадрового обеспечения 2017].

При этом, по словам самих педагогов, 72,2% собираются остаться на нынешней работе, только 16,3 % заявляют о желании уйти, но из них 11,1% не знают куда [Как живешь, интеллигенция 2018].

Несмотря на то, что большинство воспитателей и учителей удовлетворены социальным пакетом (оплатой отпуска, больничного, повышение квалификации) как составляющей части условий труда в система общего образования, значительна доля педагогов, особенно учителей, неудовлетворенных работой профсоюза и своей правовой защищенностью как работника [Колесникова 2017].

Состоят в профсоюзе 48,4% педагогов, доверяют еще меньше (26,6%), но только 4% педагогов обратятся в профсоюзную организацию, если окажутся в затруднительном положении [Как живешь, интеллигенция 2018].

Доля тех, кто может влиять в полной мере на принятие решений своей организации, среди педагогов составляет 10,7%, тогда как тех, кто указал, что не может влиять в полной мере на принятие решения своей организации составляет 41,3%.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что данная профессиональная группа в целом обладает достаточно устойчивым, но не гарантирующим достойный уровень жизни, положением на рынке труда, благодаря заключаемым бессрочным договорам в основной массе с этими специалистами, обеспечение необходимого социального пакета (медицинская страховка, оплата больничных, отпускные и т.п.), в среде учи-

телей растет процент тех, кого в той или иной степени можно отнести к прекаризованным слоям общества. Например, на основе постоянной переработки (более 8 часов); подработки в своей или сторонней организации; невозможности влиять на решения в своей производственной организации, невысокий уровень оплаты труда и т.п.

При этом, следует отметить, что растет число организаций негосударственного сектора, которые оказывают образовательные услуги. И в таких организациях, на фоне высокой оплаты труда по сравнению с государственными образовательными учреждениями, нередко отсутствует какой-либо социальный пакет, оплачиваемые больничные и отпуска.

Кроме того, в незащищенном положении оказываются те группы педагогические работники дошкольного и общего образования, которые работают по срочным договорам и не оформляют свою деятельность легально.

И хотя по степени прекарности педагоги дошкольного и общего образования, далеко не самая прекаризованная группа, но тем не менее, черты и индикаторы такой занятости безусловно присутствуют и могут набирать вес в соответствии с современными тенденциями в сфере дошкольного и общего образования.

Литература:

- Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. — 352 с.
- Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания. 2019. № 5. С. 16–25.
- Матанцева Л.В., Щиrowsкая Т.Н. Педагогические аспекты профессионального выгорания работников сферы образования // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. № 4. 21–26.
- Проблема кадрового обеспечения российских детских садов (по материалам качественного исследования). Информационный бюллетень. — Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. — 24 с.
- Савинская О.Б. Частный детский сад в России: обыденные практики и перспективы развития // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 83–90.
- Шереги Ф.Э. Педагоги общеобразовательных организаций: труд или повинность? // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 108–116.

Интеллектуалы силовых структур в политическом режиме России

С.И. Бойко

кандидат политических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Известно, что термин «интеллигенция» появился в России в XIX в., из русского языка постепенно перешел в другие языки. Этот термин до сих пор связывается в общественном сознании в первую очередь с умственным трудом в сферах науки, культуры, искусства, в экономике и политике, и совсем редко с деятельностью специальных, правоохранительных и военных структур государства. Интеллигент для массового сознания — человек гражданской профессии.

В статье используется термин «интеллектуалы» в отношении государственных служащих силовых структур России. Интеллектуал, согласно энциклопедическому словарю английского языка Вебстера, — это «человек, который высоко ценит и придает значение более сложным формам и областям знания, особенно таким, как эстетические или философские вопросы. На абстрактном и общем уровне — чрезвычайно рациональный человек, человек, который полагается на интеллект, а не на эмоции или чувства» [Webster's ..., 1996: 990]. В полной мере это относится к профессионалам силовых структур управления государством, специалистам высшей квалификации. Невозможно сомневаться в умственных способностях военных инженеров, командиров, специалистов штабов и аналитических центров силовых структур при проведении объективного сравнительного анализа достижений государственного управления России в исторической ретроспективе с другими государствами мира.

Например, в истории России первыми проблемы политической географии и геополитики сформулировали и исследовали военные моряки, военные топографы и разведчики в целях обеспечения конкурентоспособности и социально-экономического развития государства, которому они служили. Достаточно сослаться на редко упоминаемые

в учебниках труды русского ученого, офицера, военного разведчика А.Е. Вандама (Едрихина) (1867-1933) [Вандам, 2002].

Соотношение и взаимосвязь понятий «интеллектуал» и «интеллигент» исследованы достаточно полно и всесторонне. Вместе с тем, целесообразно рассмотреть особенности интеллектуалов, работающих в силовых структурах, их способности и компетенции, которые не являются обязательными для профессионалов иных сфер деятельности.

Прежде всего, представителей силовых структур отличает гармоничное сочетание развитых умственных и физических способностей. Индивидуум, избравший карьеру в силовых структурах, должен, в отличие от гражданского специалиста, должен быть готов к особым психологическим и физическим нагрузкам и стрессам. Важное отличие — мировоззренческое. У человека, решившего служить государству в силовых структурах, другая самоидентификация и другие социальные и идеологические ориентиры. Добровольно посвятив жизнь службе в силовых, правоохранительных, военных институтах государства, в мобилизационных, разведывательных или аналитических подразделениях государственного управления, человек объективно не может разделять иные социальные и политические ценности помимо государственной идеологии. Особенно это проявляется в отношении к фундаментальным ценностям либерализма — приоритету индивидуальной свободы и правам человека перед интересами государства, апология индивидуализма и понимание социума как совокупности равноценных и независимых личностей. Либеральная самоидентификация противоречит смыслу и организации службы в силовых структурах любого государства при любых известных истории политических режимах. Сотрудник силовых структур, интеллектуал и аналитик, подчиняет судьбу решениям вышестоящих начальников и руководителей, интересам служебного долга. Социальные отношения в силовых органах власти функционируют в условиях подчинения личных интересов выполнению служебных задач, интересам защиты государства, общества и граждан от потенциального противника, как внешнего, так и внутреннего, в конституционных формах поддержания национальной безопасности и стабильности политического режима.

В силовых структурах всех государств естественны и устойчивы традиции, охранительные тенденции, идеология консерватизма, в современных государствах с конкурентной экономикой — неоконсерватизма. Современным примером может быть социальная ситуация в США, где полиция и национальная гвардия находятся в положении охраны традиционных ценностей национальной североамериканской культуры. Самореализация личности и служебная карьера интеллек-

туалов в силовых структурах объективно подчинены решению задач не просто индивидуальных или корпоративных, а государственных и общенародных проблем, неизбежно возникающих в конкретных социально-политических обстоятельствах в национальной политической жизни на конкретном историческом этапе.

Упорное отстаивание парадигмы однополярного мира, нежелание объективно пересмотреть условия конкурентного сосуществования с постсоветской Россией стали причинами политических и экономических санкций Запада, втягивающих современные международные отношения в продолжительный период турбулентности геоэкономического и геосоциального пространства. Попытки ограничения российского суверенитета угрозами лишиться участия в международном разделении труда, сорвать программы устойчивого экономического развития свидетельствуют о низком уровне анализа и выводов о российских социальных реалиях.

Трудности реализации концепции устойчивого социально-экономического развития постсоветской России во многом объясняются упорством в применении либеральных экономических парадигм в условиях современной российской реальности, не поддающейся корреляции с моделями политических режимов и институтов государственного управления англосаксонского и западноевропейского образца без учета национальных традиций. Процесс социальной бифуркации между российским государством и сторонниками однополярного мира начался в 2007 г. с известной речи В.В. Путина на конференции по международной безопасности в Мюнхене. Тогда постепенно во всех социальных сферах и структурах государственного управления всех ветвей власти и особенно в военной сфере, стало преобладающим понимание, что либеральная парадигма социально-политического развития, концептуально основанная на «глобальной демократии» и первенстве одной эталонной политической системы для России является бесперспективной: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [Путин, 2007]. Первоначально у части политической элиты, отождествляющей свои личные перспективы с устойчивым экономическим и социально-политическим развитием России, затем среди государственных, в т.ч. военных, служащих проявился интерес к идеологии социального консерватизма и неоконсерватизма. Связан

этот процесс с пониманием того, что идеологическая конкуренция времен двухполярного мира и «холодной» войны уступила первенство экономической и социально-политической глобализации, основанной на межгосударственной конкуренции за распределение ресурсов в планетарном масштабе [Путин, 2012].

В Мюнхене В.В. Путину не поверили, не признавали Россию равноправным партнером. Не поверили и после «принуждения» Грузии к миру в войне с Южной Осетией в 2008 г. После событий 2014 г., связанных с Крымом и Севастополем, когда было продемонстрировано информационно-аналитическое, военно-техническое и морально-психологическое превосходство российских силовых структур. И после этих событий у конкурентов России, у части международного истеблишмента оставались сомнения в праве России претендовать на самостоятельную политику и собственное место в мире глобальной политической конкуренции. Только после эффективной демонстрации аналитических способностей дипломатических и разведывательных органов государственного управления, возможностей Военно-космических сил и Сил специальных операций в Сирии в 2015 г., после пуска крылатых ракет из Каспийского моря среди зарубежных политических руководителей и политтехнологов стали появляться адекватные оценки роли и места России в современной мировой политике. Прав был испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, когда утверждал: «Сила оружия — сила не грубая, не материальная, а именно духовная... Сила оружия как и любое духовное начало, прежде чем покорить, убеждает» [Ортега-и-Гассет, 2001: 283-284]. Демонстрация силы политической воли и военных возможностей России отрезвила многих, предлагавших решать с Россией спорные вопросы глобальной конкуренции силовыми методами. Но не приостановила попыток изменить политический режим в России другими, социальными, политическими и экономическими средствами, не последнюю роль в которых играет идеологическое воздействие на аппарат управления государством, в том числе на силовую составляющую исполнительной власти на всех уровнях государственной иерархии Российской Федерации. Именно на неоконсерватизме профессионалов силовых структур государственного управления, сделавших успешную профессиональную карьеру в служении Отечеству, как представляется, и произошел сбой в продвижении проекта «глобальной демократии» в Российской Федерации.

Почти забылось вызвавшее некоторое удивление в эпоху советской перестройки утверждение А.А. Сахарова, которого трудно заподозрить в симпатии к действовавшему в его время политическому режиму: «именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти

единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии» [Сахаров, 1988: 125]. Сейчас существует много примеров коррупции в силовых структурах, не оставшихся в стороне от процессов коммерциализации постсоветских социальных отношений. Однако по-прежнему большинство кадровых сотрудников специальных служб составляют существенную часть интеллектуалов, профессиональной элиты государственных служащих в современной России. Поэтому именно силовые ведомства являются объектами постоянного критического внимания оппонентов российского политического режима.

Величайшие мыслители в истории человечества Платон и Аристотель, размышляя о политических режимах, обращали внимание на тимократию, на государственное управление, в котором властвуют заслуженные, успешные представители военных органов. Причем Аристотель считал тимократию положительной формой политического режима. Естественно, за тысячелетия многое значительно модифицировалось. Тем не менее, монополия на легитимное насилие по-прежнему остается привилегией современного демократического государства. Для осуществления данной функции государству в периоды социальных турбулентностей и бифуркаций требуются подготовленные и адекватные специалисты силовых органов. Аристотель утверждал: «Тремя качествами должны обладать те, кто намерен занимать высшие должности: во-первых, сочувствие существующему государственному строю; затем, иметь большие способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью; в-третьих, отличаться добродетелью и справедливостью, соответствующими каждому виду государственного строя» [Антология..., 1997: 124]. Подобным требованиям к качествам профессионалов государственного управления в современной России соответствуют интеллектуалы силовых структур. Они объективно на стороне существующего политического режима, кроме того, они принадлежат к среднему классу и в большинстве своем привержены традиционным ценностям, идеологии современного неоконсерватизма.

С. Хантингтон выделял роль представителей силовых структур в структуре государственного управления, в обеспечении устойчивости государства. Вместе с тем, он назвал причины, по которым участие профессиональных силовиков в процессах политического менеджмента ограничивается гражданскими государственными и политическими управленцами. Он в работе «Третья волна: демократизация в конце XX века» в разделе с красноречивым названием «Проблема преторианцев: армия мятежная и могущественная» утверждает: «попытки свергнуть новые демократические правительства проваливались,

потому что организаторы переворотов не могли привлечь на свою сторону средний класс и другие группы, входящие в политическую коалицию, которая обеспечила возможность демократии» [Хантингтон, 2003: 255].

В большинстве своем служащие в силовых структурах — это социальная группа «self-made», «сделавшие себя сами», добившиеся успеха в сложных и противоречивых условиях конкуренции в социальных лифтах, благодаря собственному профессионализму и упорству. В карьерах профессионалов силовых ведомств это наблюдается вполне отчетливо. Эти люди заинтересованы в политической и социально-экономической стабильности, в сведении к минимуму вероятности социального взрыва. Для государства увеличение средних по доходам социальных групп является важнейшей социально-политической задачей, обеспечивающей устойчивость политического режима. Специалисты силовых структур, интеллектуалы с высшим образованием, корпус профессионалов государственной службы в стабильных государствах составляют значительную часть среднего класса. Кроме материальной заинтересованности, фактором поступления на работу в силовые структуры служит и соответствующая личная культурная, ценностно-политическая ориентация. Не случайно российское высшее руководство в последние годы последовательно повышает жизненный уровень и социальный статус государственных служащих в силовых ведомствах после долгих лет неоднозначных военно-административных реформ, реорганизаций и внутриведомственных преобразований. Только в государствах с неустойчивыми политическими режимами уровень доходов силовиков может дополняться доходами от их внеслужебной предпринимательской деятельности, что неминуемо — провоцирует приватизацию государственных функций, ведет к социально-политической эрозии и угрожает распаду государства.

Среди трудов по проблемам устойчивого развития и динамической стабильности политических режимов применительно к исследуемой теме можно выделить работу Ирхина Ю. В., где доказывается: «Любая модернизация с точки зрения консерваторов должна опираться на традицию и авторитет. Стремление к стабильности политических институтов сочетается у консерваторов с призванием важной регулирующей роли государства и государственной собственности в развитии страны при соответствующей поддержке рыночных отношений. Личные права и свободы в консерватизме признаются приоритетными, как выражение фундаментальных законов природы, но дополняются обязанностями человека перед обществом и государством. В духовном факторе приоритет отдается религии. В ней консерваторы видят необ-

ходимые основания морали, взаимосвязи человека, общества, культуры и власти, стабильности государственного развития» [Ирхин, 2010: 23]. Социально-политические транзиты в современном конкурентном мире без профессионально подготовленных интеллектуалов силовых структур реализовать нет практических вариантов. В России достаточно посмотреть на кадровый состав федеральных государственных служащих и губернаторов. По разным подсчетам не менее 25% из них имеют высшее образование в сфере силовых структур и значительную часть своей профессиональной карьеры посвятили службе в органах, осуществляющих легитимное государственное насилие.

В политической истории России профессиональное умение управлять насилием и монополия на его осуществление всегда были одним из определяющих факторов трансформации политических режимов. Экономически конкурентоспособное, социально комфортное и политически устойчивое государство — объективная цель интеллектуалов силовых структур, составляющих национально ориентированную часть современного российского интеллектуального социума.

Интеллектуалы силовых структур — это социальная страта российского общества и государства, занимающая одно из ключевых мест в управлении государством и выполняющая государственные функции, определяющие социальный характер политического режима России на данном конкретном историческом этапе. Российский политический режим эволюционирует и модернизируется, в периодических процессах социальной турбулентности и политических бифуркаций, в направлении к демократии с учетом национальных особенностей, корреспондирующей с интересами многонационального народа России.

Литература:

Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки эволюция / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки. — М.: Мысль, 1997.

Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. М.: Кучково поле, 2002.

Ирхин Ю.В. Системный анализ доктринальных основ консерватизма и неоконсерватизма / Ю. В. Ирхин // Актуальные проблемы политики и политологии в России : сб. науч. ст. / Российская акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 13–32.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 2007. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 15.06.2020).

Путин В.В. Демократия и качество государства / Коммерсантъ, №20/П (4805), 06.02.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения 15.06.2020).

Сахаров А.А. Неизбежность перестройки / Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / под. ред. Ю.Н.Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.

Хантингтон С.П. Третья волна: демократизация в конце XX века / Хантингтон Сэмюэл П. ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. Москва : РОССПЭН, 2003.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language: Random House Value Publishing, Inc. Gramercy books. New York, 1996.

Функции служилой интеллигенции в современном российском обществе

С.А. Денисов

кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

После длительного господства тоталитарного государства над страной в России медленно стало возрождаться гражданское общество. В этих условиях интеллигенция раскололась на два больших и конфликтующих лагеря. В первую, пока малочисленную группу входит интеллигенция, выступающая за усиление гражданского общества, за то, чтобы поставить государственный аппарат под его контроль. Это, так называемая гражданская интеллигенция. Вторую группу составляет служилая интеллигенция с этатистскими взглядами. Эта группа всегда была в России более многочисленна [Бызов, 2019: 54], поскольку она искусственно формировалась государством для своих нужд. А государство в нашей стране на всех этапах ее истории являлось главным субъектом во всех сферах жизни общества. Служилая интеллигенция является традиционной и более укорененной группой общества. Значительная часть интеллигенции не примыкает ни к тому, ни к другому лагерю, занимает нейтральную позицию, предпочитая выполнять роль экспертов.

В условиях борьбы двух противоположных лагерей интеллигенции актуальным является их изучение друг друга. Автор представляет лагерь гражданской интеллигенции и специализируется на изучении своих противников [Денисов, 2019: 246-256; Денисов, 2018: 204–211]. Зря М. Делягин обижается на нас за то, что мы не слышим (не воспринимаем) служилую интеллигенцию [Делягин, 2015: 38].

Изучать служилую интеллигенцию достаточно легко. Она ярко демонстрирует свою позицию в публичном пространстве. Интернет заполнен выступлениями представителей этой группы общества. В состав изучаемой служилой интеллигенции автор включил журналистов, публицистов, пропагандистов, преподавателей.

В современной России возникла та же ситуация, что имела место в XIX — начале XX в. Внутри этатистски настроенной служилой интеллигенции выделяются две группы. Одна поддерживает существующий тип государства. Другая, — выступает за его замену на более авторитарное государство, опирающееся на массы. В свою очередь апологеты современного государства разделяются на тех, кто служит действующей правящей группе и ее лидеру и тех, кто выступает за реформу государственного аппарата, замену засидевшейся в Кремле группы. Внутри сторонников смены типа государства выделяется интеллигенция, которая с XIX в. присвоила себе название социалистического (коммунистического) движения. Но сегодня набрали силу те, кто выступает за так называемое «народное самодержавие» [Баунов, 2019: 245]. Они присвоили себе название патриотов и чаще всего являются наследниками славянофилов и евразийцев. Естественно, в каждой из названных групп можно выделить подгруппы. Как известно, коммунисты делили служилую интеллигенцию на группы по преданности административному классу, по тому, насколько ей можно доверять [Алдашова, 2001: 26–27].

Общей чертой всех групп служилой интеллигенции является обеспечение позитивного имиджа государства, как спасителя общества. Эта позиция естественно возникает в условиях слабости гражданского общества, которое сегодня не только не способно на самоуправление, но не может представлять даже существенной социальной и политической силы. Это должна признать гражданская интеллигенция, которая работает на дальнюю перспективу. В отличие от нее, служилая интеллигенция стремится увековечить господство государственного аппарата над обществом. Служилая интеллигенция не верит в то, что общество в России может когда-то усилиться и поставить государственный аппарат под свою власть. Она распространяет упаднические настроения и требует от общества «разоружиться», покориться сильному государству, послушно исполнять его предписания (в том числе неправовые, неконституционные законы).

Иногда служилая интеллигенция доходит до сакрализации государства (прошлого, настоящего или созданного ею идеала). Она объявляет священными имена прошлых правителей (Ленина, Сталина) или настоящего правителя. Мифологизации подвергается история государства. Старшее поколение служилой интеллигенции повторяет заученные в школе пропагандистские штампы, создающие позитивный имидж большевистскому государству [Иванников, 2017: 19–21].

Служилая интеллигенция выполняет в современном обществе несколько важнейшие функции. Она вырабатывает идеологию, оправдывающую господство государства над обществом и распространяет

ее среди населения. Третьей функцией является критика гражданской (цивилистической) идеологии и ее носителей, критика демократического строя. Иногда служилая интеллигенция берется играть роль «истинного представителя» населения страны [Будущее..., 2012: 2]. Она так же обеспечивает идеологическое (информационное) сопровождение проводимых государственными органами мероприятий.

В СССР интеллигенция не допускалась к выработке государственной идеологии. Этим занимался аппарат партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы (ПОБиК). Интеллигенции не доверяли. Сегодня аппарат государства существенно ослабил свое направляющее воздействие. Некоторые говорят, что в стране вообще нет единой государственной идеологии. Это приводит к расколу служилой интеллигенции. В силу своего творческого характера она генерирует самые разнообразные идеи, оправдывающие господство государства разного типа. Одни за основу берут идеологию национализма, другие — идеологию социализма (коммунизма). Таким образом, они мешают друг другу, создают в обществе разномыслие и, не желая того, подрывают основы авторитарного государства. Вместе с тем, этатистская идеология имеет в своей основе ряд устойчивых идей, которые не надо заново придумывать. Это идеи верховенства государства над обществом, идеи вождизма, великодержавия, патернализма, ненависти к демократии и свободе. Эти идеи проверены веками. Нужно только упаковывать их в современные формы, модернизировать, приспособить к новым условиям жизни. Наиболее успешно, по мнению автора это делают сегодня такие теоретики и пропагандисты как А.В. Бузгалин, М. Делягин, А. Дугин, С.Ю. Глазьев, А.И. Колганов, С. Кургинян, С.А. Марков, Н.В., А. Проханов, Н. Стариков, С.С. Сулакшин, М. Хазин. Конечно, с точки зрения серьезного исследователя их работы могут вызывать только улыбку, но на массы они воздействуют очень хорошо. Этого от них и требует государство.

Административный класс реализует свое господство под прикрытием того, что он представляет большие группы людей, всю нацию. Свободы конкретных людей ограничиваются ссылками на волю народа. Исходя из этого, служилая интеллигенция требует ставить интересы общества (за которыми стоят интересы административного класса) выше интересов конкретных людей. Она любит рассуждать о коллективизме, соборности. При этом за коллективизм она выдает чувства стадности населения [Левашов, 2014: 36].

Для оправдания того или иного государства служилая интеллигенция прибегает к сакрализации воли масс, которые могут использоваться разного рода диктаторами для легитимации своей власти.

Наиболее часто этот прием используют идеологи, создающие позитивный имидж большевистскому тоталитарному государству. Для этого его называют «пролетарским», государством рабочих и крестьян, «советским» государством. Традиционно служивая интеллигенция льстит массе, выдавая ее недостатки за достоинства [Александр...]. Мифологическое и традиционалистское сознание населения выдается за высокую духовность народа. Масса, слепо верующая в вождя объявляется мудрой и прозорливой. Рабская покорность и готовность преодолевать трудности, искусственно созданные правящей группой, воспеваются как мужество и героизм людей.

Часть служилой интеллигенции работает на возврат России к тоталитаризму. Она выступает за проникновение государства во все сферы жизни. Даже строительство демократии и гражданского общества она объявляется делом государства [Курячая, 2017: 9]. Она призывает доверять государству, уважать его и его представителей. Она утверждает, что у правящей группы нет иных целей, кроме цели заботиться о населении страны, обеспечивать безопасность, благополучие и славу своим подданным [Мионов, 2018: 282]. Отечество она часто путает с Его Величеством. Традиционно она доказывает, что «царь добрый; бояре плохие» [Путин...]. Для борьбы с коррупцией, административным произволом она призывает укреплять самодержавие правителя. В ее обязанности входит распространение в обществе мифов о мудром вожде, который ведет страну к счастью единственно правильным путем. Средством сохранения всевластия бюрократии является теория «особого пути» [Плискевич, 2019: 43, 45, 47]. Почти незаметно протаскивает идею о том, что в России никогда общество граждан не встанет над государственным аппаратом теория «матрицы» или «колеи развития» [Кирдина-Чендлер, 2019: 16]. В ней эксплуатируется принцип фатализма.

Часть служилой интеллигенции пытается объединить этатистскую идеологию с этатистской религией, которая служит сакрализации главы государства, призывает население к покорности, изолирует его от мировой цивилизации.

Служивая интеллигенция, выступающая за консервацию современного общества и государства доказывает, что российское общество не способно к развитию, что его склонность к пассивному поведению и патернализму — являются неизменным свойством его менталитета, особенностью его архетипа. Пропаганда традиционализма часто скрывается за призывами сохранить «самобытность российского народа», его национальную культуру, гордиться своей историей, бороться с ее искажениями, противостоять «тлетворному влиянию Запада». Для пропаганды идей консерватизма успешно ис-

пользуется идеология патриотизма [Делягин, 2015: 42-43], отказа от всего, идущего с Запада.

Значение служилой интеллигенции возросло в условиях возобновления холодной войны, частью которой является информационная война. Защищая устои административного общества и государства [Денисов, 2011: 24–39; 301–358], служилая интеллигенция превращает науку в разновидность идеологии. Вместо поиска истины, она создает теории, оправдывающие власть административного класса. В ход идут любые средства, обеспечивающие победу: извращение информации и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь.

Традиционной функцией служилой интеллигенции является распространение государственной идеологии через средства массовой пропаганды, образовательную политику. Сегодня государство вернуло под свой контроль большую часть информационных каналов (радио, телевидение, газеты) и предоставляет эти площадки для работы служилой интеллигенции. Наиболее ярко и талантливо обслуживает политику государства на телевидение В. Киселев, В.Соловьев, О. Скабеева,. В отличие от СССР, профессиональная работа на этих площадках хорошо оплачивается. Незаметную, но важную для авторитарного государства работу делают люди, развлекающие население и отвлекающие его от насущных проблем. Новой формой распространения информации стал Интернет. Служилая интеллигенция всегда поддерживала цензуру, которая помогает ей монополизировать информационное пространство. Восстановление элементов тоталитаризма в высших учебных заведениях (контроль администрации за преподавателем, в том числе посредством камер наблюдения в аудиториях) позволяет выявлять в вузах представителей гражданской интеллигенции и изгонять их оттуда. Страх перед администрацией вузов заставляет часть гражданской интеллигенции или так называемого «болота» переходить в лагерь служилой интеллигенции. Школы в современной России в основном находятся под контролем государственной администрации и их учителя вынуждены быть носителями административной идеологии. Как в СССР сегодня действует принцип: «не хочешь потерять работу — иди на службу государству».

Обзор журнальных статей показывает, что служилая интеллигенция редко занимается серьезными гуманитарными исследованиями. В основном она пишет маленькие статейки в журналах, созданных при различных государственных органах. Площадкой для помещения научнообразных статей служилой интеллигенции служит журнал «Свободная мысль».

Государство остается основным инвестором в области культуры. Естественно оно поощряет деятельность творческой интеллигенции, распространяющей административные ценности. Театр (вне зависимости от его юридического статуса) получит новое помещение, деньги на ремонт, но его руководитель должен поучаствовать в избирательной кампании президента, губернатора или «партии власти». Кинорежиссер получит деньги для того, чтобы снять фильм, если в нем будут правильно расставлены акценты, в соответствии с действующей пропагандистской политикой.

В СССР гражданская позиция интеллигенции прочно отождествлялась с западничеством. Борьбаться с гуманистической идеологией было просто. На носителей демократических идей легко можно было наклеивать ярлык «предателей». Сегодня в России принята либеральная по духу конституция. Конституционная идеология становится союзницей гражданской интеллигенции. Служилая интеллигенция либо выхолащивает демократический дух конституционных норм, либо выступает с требованиями изменения (отмены) либеральных норм конституционного акта (С.С. Сулакшин, Н. Стариков и др). Борьбаться с конституционной идеологией помогает позитивистский подход в праве. Конституционными объявляются все нормы, помещенные в текст акта, который называется конституцией или даже просто — основным законом. Позитивисты могут объявить конституционным самодержавие правителя и тоталитарный режим [Хабриева, Чиркин, 2005: 52-53]. В обязанность служилой интеллигенции входит искажение закрепленных в конституции идеалов. Это привычная для нее деятельность, которой она систематически занималась в СССР. Как и прежде, ее задачей является выдавать монархию за республику, авторитарный режим за особый вид демократии, империю за федерацию, полицейское государство за правовое, патернализм за социальное государство [Левашов, 2014: 37]. В функции служилой интеллигенции входит оправдание политики государства, направленной на отказ от конституционных ценностей. Устранение разделения властей обосновывается необходимостью обеспечения эффективного проведения президентского курса на реформы в стране. Восстановление авторитарного режима оправдывается стремлением навести порядок. Уничтожение зачатков федерализма и местного самоуправления происходит под лозунгом борьбы с произволом и коррупцией чиновников на местах.

Идеология личной и общественной своды продолжает проникать в Россию с Запада. Поэтому служилая интеллигенция подключается к компании по дискредитации западной культуры и образа жизни. Особенно успешно в этом плане работает российское телевидение.

Для оправдания недостатков государства и его политики широко используется релятивизм. Представители служилой интеллигенции заявляют, что российское государство ни чем не отличается от стран Запада: «нигде нет демократии, везде коррупция». На критику российского государства с Запада отвечают, используя правило «сам дурак». Вместо оправдания политики своего государства, пропагандисты указывают на недостатки, имеющие место в развитых странах мира. Служилая интеллигенция продолжает традиции критики буржуазного общества, заложенные в СССР. Россияне, благодаря российскому телевидению, больше знают о проблемах в странах запада, чем о своих собственных. Буржуазный мир критиковать не трудно, поскольку он в целях самосовершенствования сам себя критикует. Служилая интеллигенция использует эту критику для доказательства преимуществ административного государства, управляемого «мудрым вождем» и сильным государственным аппаратом.

Критика враждебной бюрократии идеологии подчас переходит в нападки на конкретных ее носителей. На них наклеивают ярлык «враг народа», «национал-предатель», «пятая колонна». Особенно старательно в этом плане работают пропагандисты НТВ. Служилая интеллигенция может использовать силу государство для расправы над конкретными людьми. Ряд материалов НТВ носил характер доносов.

Мировоззренческую позицию служилой интеллигенции следует разложить по сферам жизни. В экономике служилая интеллигенция поддерживает укрепление государственно-бюрократической собственности, усиление роли государства в хозяйственной сфере, поддержку политики дирижизма [Сулакшин, 2013: 159–160]. Типичным является прием ссылки на страны Запада, в которых роль государства в экономической сфере постоянно возрастает. Но служилая интеллигенция умалчивает (сознательно или нет) о том, что укрепляется в странах Запада демократическое государство, ответственное перед обществом. Поэтому там можно говорить о движении к социализму, к формированию общенародной собственности. В России укрепляется государство, оторванное от общества, типичное для азиатского способа производства, для восточной деспотии. Здесь огосударствление средств производства является не национализацией, а укреплением экономического господства административного класса над населением.

Деятельность служилой интеллигенции оплачивается государством. Поэтому ее объективный классовый интерес заключается в усилении налогового гнета на общество и частных предпринимателей, в увеличении размера государственного бюджета, часть которого будет тратиться на оплату услуг интеллигенции.

Ненависть части служилой интеллигенции к частным собственникам может быть основана на традиционных для России стадных чувствах (не высовывайся) и на зависти. Установка части служилой интеллигенции на лозунг «отнять и поделить» может быть основана на сочувствии к бедным слоям общества.

В мировом социалистическом движении следует выделять сторонников сильного гражданского общества и сторонников патернализма. Это два противоположных течения, использующих одно и то же «знамя социализма». Служилая интеллигенция является сторонником опеки государства над неимущим населением. Она требует усилить социальные функции государства [Чиркин, 2008: 34–47], иногда не понимая, что ратует за укрепление мощи административного государства, которое сдерживает предпринимательство, делает все население неимущим, а затем с удовольствием берет его под свою опеку.

В политической области служилая интеллигенция придерживается идей сильного авторитарного государства, великодержавия. Она прославляет лидера нации за его агрессивную мировую политику. Главной ценностью для нее является то, что Россия «встала с колен» и ее опять все боятся. Ей нет дела до того, что все это является проявлением варварства, угрозами мировой цивилизации. Усилиями служилой интеллигенции в стране без массовых репрессий восстановлен культ личности вождя. Не без их участия на смену идеологии реформ пришла идеология реванша. Для интеллигенции типично стремление к оторванным от жизни «великим целям». Служилая интеллигенция с пренебрежением относится к человеку и готова пожертвовать миллионами людей во имя величия России, которое реализуется через империю и агрессию. Заражая людей мечтой о реставрации великой империи, служилая интеллигенция помогает сплачивать их вокруг правителя и терпеливо относится к ограничению их прав (личных, экономических, политических).

Для распространения идей великодержавия служилая интеллигенция эксплуатирует тему войны. Гражданская интеллигенция распространяет гуманистические ценности. Она говорит о несчастьях, которые приносит война. Служилая интеллигенция воспекает победы во время войны и героизм солдат. Ее задачей является производство «пшучего мяса».

Апологеты правящей группы среди служилой интеллигенции занимаются фактически идеологическим сопровождением мероприятий государства, в какой бы сфере они не проводились.

В духовной сфере служилая интеллигенция реализует свои утилитарные групповые интересы. Она является главным орудием рас-

пространения государственной идеологии среди населения. Государство неплохо платит ей за реализацию этой функции. Приятным для служилой интеллигенции является само нахождение при власти. Распространяя государственную идеологию, учителя и преподаватели вузов ощущают себя маленькими начальниками над школьниками и студентами. Они не хотят встраиваться в горизонтальные договорные отношения и представлять услуги учащимся, передавать им информацию, в которой нуждаются потребители [Каюмов, 2018: 65–76]. Поэтому служилая интеллигенция требует отмены ст. 13 Конституции РФ, запрещающей установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной [Стариков]. Почему все деньги идут церкви и пропагандистам телевидения? — возмущаются отдельные преподаватели. Мы, гуманитарии, преподаватели в вузах, техникумах и школах «составляем пропагандистский костяк» [Золотухина-Аболина, Золотухин, 2016: 120–121]. Свою пропагандистскую функцию служилая интеллигенция часто выдает за распространение культуры и образования. Часто она бессознательно увлекается теми миссионерскими целями, под прикрытием которых осуществляет манипуляцию общественным сознанием. Сознательно или нет, работники образования формирование подданных государства выдают за воспитание граждан. Внедрение подданнической культуры выдается за распространение гражданского активизма. Замечательной тактикой является манипуляция общественным сознанием под лозунгом борьбы с манипуляциями общественным сознанием [Кара-Мурза, 2015].

Интересной является позиция служилой интеллигенции, изучающей историю страны. Часть из них прославляет административный класс царского самодержавия, указывает на то, что он являлся главной прогрессивной силой общества. Она забывает, что этот класс всеми силами давил ростки гражданского общества в России. Его некому было заменить. Попытка это сделать в феврале 1917 г. закончилась приходом к власти новой административной элиты, которая принесла небывалые несчастья обществу. На этом основании часть историков проклинают февральскую революцию, которая «выпустила джина из бутылки», привела к охлократии и всем последующим несчастьям. Проповедь единства революции 1917 г. позволяет служилой интеллигенции обвинить гражданскую интеллигенцию (партию «кадетов») в том, что они нехотя способствовали приходу к власти большевиков. Переноса эти идеи на сегодняшний день, они требуют от современной гражданской интеллигенции смирения перед административным классом и его вождем перед лицом «красной опасности». Своим духовным отцом они объявляют Ф.М. Достоевского. Другой лагерь служилой интеллиген-

ции воспеваает достижения тоталитарного государства и требует его восстановления. Серьезные авторы пишут о гениальности «вождя пролетариата», который не успел реализовать свои миссионерские идеи [Сырых, 2017]. Терминология, созданная большевистским государством, до сих пор эффективно работает на его позитивную оценку и введение масс в заблуждение. Это государство называют «советским», не смотря на то, что большевики всегда смотрели на Советы, как на внешний антураж, прикрывающий их деспотическую власть. Ограбление крестьян до сих пор называется «коллективизацией». Индокринация населения называется культурной революцией. Служилая интеллигенция стремится навязать населению единое, официально утвержденное представление об истории страны [Перевезенцев, 2017: 208-210]. М. Делягин предлагает написать новую историю мира, оправдывающую имперские притязания Российского государства [Делягин, 2018: 7–8].

Россия уже имеет пример того, как экстремистски настроенная группа интеллигенции под социалистическими лозунгами захватила власть в стране и принесла ей немало горя. Сегодня мы находимся там же, где были в начале XX в. История может повториться. Сегодня, как и тогда, судьбу России определяет административный класс (бюрократия). Третье сословие является таким же слабым, как и в начале прошлого века. В иерархии социальных групп служилая интеллигенция занимает третье место после административного класса и ее буржуазной клиентелы. От нее в значительной степени зависит развитие российского общества. Это определяет важность изучения данной прослойки общества.

Литература:

Алдашова Е.Н. Политика советской власти в отношении интеллигенции во второй половине 20-х годов // Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2001.

Александр Дугин. Российское государство распоясалось // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9RsnkCu8hrw> (дата обращения: 22.01.2019).

- Баунов А.* Из последних в первые? // Россия в глобальной политике. 2019. № 6.
- Бызов Л.Г.* От расцвета к упадку // Свободная мысль. 2019. № 2.
- Будущее России. Народный проект. СПб.: Изд-во «Искусство России», 2012.
- Деягин М.* Почему элиты предают свой народ? // Свободная мысль. 2015. № 5.
- Деягин М.* Стратегические требования к России: пора подумать о своих интересах // Свободная мысль. 2018. № 4.
- Денисов С.А.* Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011.
- Денисов С.А.* Роль служилой интеллигенции в условиях контрреформ // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. XX международная научно-практическая конференция. РГГУ, 9 апреля 2019 г. Сборник статей. М.: РГГУ, 2019.
- Денисов С.А.* Смыслы жизни, транслируемые современной служилой интеллигенцией в интересах административного класса // Смыслы жизни российской интеллигенции. М.: РГГУ, 2018.
- Золотухина-Аболина Е.В., Золотухин В.Е.* Идеология для России: пути и препятствия // Свободная мысль. 2016. № 1.
- Иванников И.А.* Начало и конец революции (В.И. Ленин и М.С. Горбачев) // История государства и права. 2017. № 15.
- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015.
- Каюмов О.Р.* О проблемах, порождаемых концепцией «Образовательных услуг» // Свободная мысль. 2018. № 2.
- Кирдина-Чендлер С.Г.* К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. 2019. № 2.
- Курячая М.М.* Гражданин, общество, государство, инновации: современные механизмы взаимодействия: монография. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг», 2017.
- Левашов В.К.* Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // СОЦИС. 2014. № 7.
- Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Перевезенцев С.* Изобретение истории // Россия в глобальной политике. 2017. № 3.
- Плискевич Н.М.* «Особый путь»: мифы реальность, поиски выхода // Мир России. 2019. № 2.
- Путин выходит в активную позицию внутри страны. Михаил Хазин. https://www.youtube.com/watch?v=-A7IR_lbm9E (дата обращения: 23.012020)
- Сырых В.М.* Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подбострастия). М.: Юрлитинформ, 2017. 520 с.
- Стариков Н.* Какая идеология нужна России? <https://nstarikov.ru/kakaya-ideologiya-nuzhna-rossii-84918> (дата обращения: 28.012020)
- Сулакшин С.С.* Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. М.: Научный эксперимент, 2013.
- Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005.
- Чиркин В.Е.* Вызовы современности и российский конституционализм: общее, особенное, единичное // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19).

Общее и особенное в образе жизни московской интеллигенции и населения

М.Н. Яковлева

научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

В результате смены социально-экономического и социально-политического строя 1990-х годов российская интеллигенция претерпела глубокие изменения. Это выразилось в резком снижении ее уровня жизни, невостребованности как в профессиональном плане, так и в роли выразителя интересов народа. За прошедшую четверть века интеллигенция, как и остальное население, в целом адаптировалась к новой социально-политической и экономической реальности, проигрывая в одних сферах и выигрывая в других.

Как отразились эти перемены на интеллигенции? Можно ли сегодня говорить об интеллигенции как особой социальной группе, отличающейся от остального населения, или она «растворилась» в населении? Какие специфические черты, присущие этой группе, прослеживаются сегодня и чем они обусловлены? Эти вопросы не раз задавались на страницах сборников этой серии. Ответы на них позволяют прояснить представление о месте и роли современной интеллигенции в российском обществе.

Наиболее целостное представление о современной интеллигенции можно получить в рамках комплексного сравнительного анализа образа жизни социальной группы интеллигенции и остального населения. Этой задаче, по нашему мнению, отвечает подход, основанный на субъектно-деятельностной концепции образа жизни, разработанной д.с.н. Возьмителем А.А., в которой человек рассматривается как целостный субъект жизнедеятельности [Возьмитель, 2012]. Такой подход позволяет изучать «типичные формы повседневного поведения людей, способы организации и самоорганизации ими своей жизни в конкретных социальных условиях в соответствии с определенными ценностными ориентирами».

В рассматриваемой концепции образ жизни трактуется как «система типических форм повседневной жизни, формирующаяся в кон-

кретных макро- и микроусловиях, обладающая внутренним единством в силу целостной природы субъектов деятельности, разделяемых ими ценностей, социальных установок и ориентаций».

Содержанием способа жизнедеятельности при этом является «определенная система ценностей, установок и ориентаций, регулирующая социальное поведение людей, а формой — активность (деятельность, поведение, общение, отношения) личности в значимых для нее и для общества сферах и масштабах жизни».

В нашем исследовании мы опирались на данные московского исследования 2016 г., выборка 640 человек, репрезентативная относительно взрослого постоянно проживающего в Москве населения по полу и возрасту¹. Анализ проводился относительно работающего населения (409 респондентов). Социальную группу интеллигенции мы рассматривали как группу лиц с высшим образованием, дифференцированную по социально-профессиональным признакам, поскольку именно уровень образования, характер деятельности человека и профессиональной микросреды оказывают непосредственное влияние на формирование его мировоззрения [Яковлева, 2018].

С целью выделения представителей интеллигенции были отобраны сферы деятельности, в которых доля опрошенных с высшим образованием выше 50%.

Первая группа — **государственные структуры** — сфера управления и правоохранительные органы.

Вторая группа — **финансово-техническая сфера** — финансовая сфера и ИТР.

Третья группа — **социокультурная сфера** — социальная сфера, творческие профессии, научная сфера.

В «других» сферах деятельности (предпринимательство, сфера обслуживания, рабочие профессии и т.п.) доля опрошенных лиц с высшим образованием составила менее 50%. Исследуемая группа — работающая интеллигенция (162 респондента). Референтная группа — работающее население, не относящееся к интеллигенции (247 респондентов).

В исследуемой группе интеллигенции по сравнению с остальным работающим населением больше лиц старшего возраста: 28,4% ее представителей старше 50 лет (21% среди населения), а половина — среднего возраста (57,9% среди населения). По сравнению с населением мужчин немного больше: 55,6% (51% среди населения).

Изучая социальное поведение людей, необходимо учитывать, что оно всегда находится под воздействием макро- и в особенности

1. автор концепции и методики исследования д.с.н. Возьмитель А.А

микросреды (присущих ей норм, взглядов, отношений, ценностей и т. п.). Судить о нормах образа жизни социальной группы можно по характеру социального окружении людей. Судя по нашим данным (см. рис. 1) интеллигенцию заметно меньше, чем остальное население, затронул «потребительский бум». Ей в меньшей степени присущ социальный эгоизм («стремление взять от общества побольше, а дать ему поменьше»), хотя это и стало повсеместно распространенным явлением. Ее представители реже этнически нетолерантны и злоупотребляют спиртными напитками. Отличает интеллигенцию более выраженное стремление работать как можно лучше и уверенность в завтрашнем дне. В целом, несмотря на распространение в современном обществе многих либеральных социальных норм, затронувших все слои населения, на интеллигенции это сказалось не так сильно, как на остальном населении.

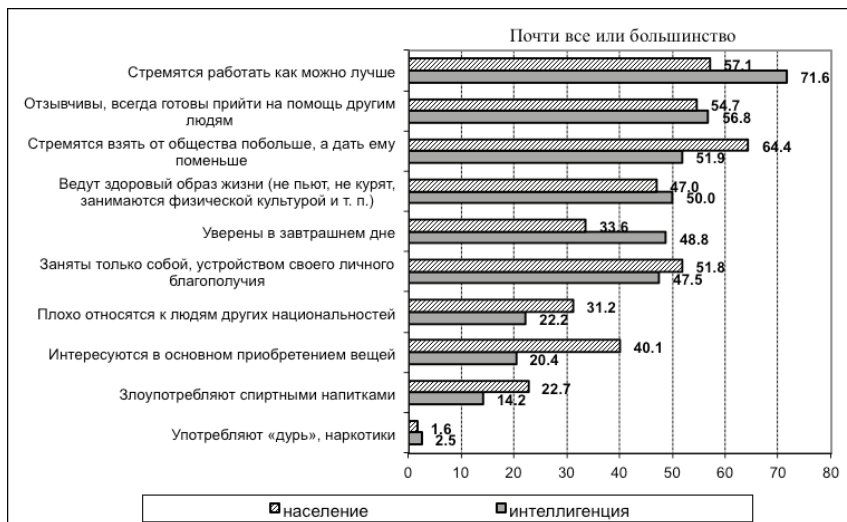

РИСУНОК 1. Ответы на вопрос: «Как вы полагаете, те люди, которых вы постоянно встречаете в вашей жизни на работе, в семье, в кругу знакомых почти все, большинство, меньшинство или очень мало...» (в % к числу опрошенных)

В то же время сама интеллигенция сегодня неоднородна. И эти различия отчетливо коррелируют со сферой профессиональной деятельности (см. табл.1). В социальном окружении интеллигенции, которое в целом носит более цивилизованный характер по сравнению с населением, больше распространены традиционные нормы. Особенно это

характерно для представителей социокультурной сферы. Типичная же картина социального окружения сегодняшней интеллигенции — у представителей сферы государственного управления. И только в социальном окружении интеллигенции из финансово-технической сферы не наблюдается никаких позитивных отличий по сравнению с остальным населением.

ТАБЛИЦА 1. Характер социальной микросреды

Характер микросреды	Интеллигенция:				Население
	Сфера государственного управления	Финансово-техническая сфера	Социокультурная сфера	Интеллигенция в целом	
Цивилизованная (почти все или большинство стремятся работать как можно лучше; отзывчивы, готовы прийти на помощь другим людям; этнически толерантны. Упоминание хотя бы одной из перечисленных характеристик без упоминания характеристик нецивилизованной среды)	42,3	35,3	47,5	41,4	34,8
Смешанная (совместное упоминание характеристик цивилизованной и нецивилизованной среды)	50,7	52,9	50,0	51,2	51,4
Нецивилизованная (почти все или большинство не стремятся работать как можно лучше; не отзывчивы, не готовы прийти на помощь другим людям; этнически не толерантны. Упоминание хотя бы одной из перечисленных характеристик без упоминания характеристик цивилизованной среды)	7,0	11,8	2,5	7,4	13,8

С содержанием образа жизни непосредственно взаимосвязаны терминальные и инструментальные ценности, которых придерживаются люди. В целом терминальные ценности у интеллигенции и остального работающего населения совпадают. Ядром смысложизненных ориентиров для всего населения являются: крепкая семья (71% у интеллигенции и 65,2% у населения), хорошие заработки (около 49%), интересная работа, уверенность в завтрашнем дне (30-35%).

Различия прослеживаются на уровне инструментальных ценностей, т.е. представлений людей о том, что нужно для достижения успеха, бла-

гополучия в современной России. При этом и интеллигенция, и население практически одинаково («важно» и «очень важно») оценивают значимость инструментальных ценностей, так сказать, либерального толка: денег (85%), умения приспособиться (84%), связей с нужными людьми (82%) и умения переступить закон, мораль, нравственные ограничители (около 22%). Такое единодушие отражает реалии современной России, когда зачастую первостепенное значение для достижения успеха и благополучия имеют не способности, профессионализм, морально-нравственные качества человека, а умение попасть в нужное место и заплатить.

В то же время сохраняют свое значение и традиционные для российского общества способы достижения жизненного успеха. Именно им интеллигенции придает большее значение, чем население («важно» или «очень важно»): трудолюбию 89,5% (83% среди остального населения), способностям и таланту 87,1% (77,5%), образованию 80,9% (69,3%), честности и принципиальности 66,6% (57,9%). Тогда как для населения в достижении успеха важнее «забота прежде всего о себе» (60,4% против 49,4% у интеллигенции).

В целом сегодня интеллигенция немного чаще остального населения (на 7%) придерживается традиционных ценностей (признают очень важными трудолюбие, добросовестное отношение к делу; отзывчивость, чуткость к другим людям; честность, принципиальность и отвергают как очень важные ценности либеральные) — 20,4%. И немного реже (на 8,1%) — либеральных (признают очень важными связи с нужными людьми; умение приспособиться; заботу прежде всего о себе и отвергают как очень важные ценности традиционные) — 27,2%. Смешанные ценностные ориентации (традиционные и либеральные) также больше характерны для интеллигенции (36,4% и 29,1% у населения).

Таким образом, отсутствие в современном российском обществе единого нормативно-ценностного ядра отразилось на интеллигенции, так же, как и на населении, хотя и в меньшей степени. И это, хотя и небольшое, отличие позволяет надеяться, что интеллигенция не утратила окончательно свои типичные морально-нравственные черты.

Особенности образа жизни человека во многом связаны с его работой, которая опосредует уровень жизни, социальное окружение и социальное самочувствие человека. Почти две трети российского социума считают важным иметь достойный, а иногда и высокий уровень жизни, а около трети рассматривают работу как способ самореализации. И здесь интеллигенция находится в заметно лучшем положении, чем остальное население.

Работа у интеллигенции почти всегда соответствует их знаниям и способностям (83,4%). Большинство занимают руководящие долж-

ности (62,3%). Три четверти представителей группы считают, что в целом их работа хорошо оплачивается, всегда работая с полной самоотдачей и успешно справляясь с работой. У половины хорошие перспективы профессионального роста.

Практически по всем этим позициям население уступает интеллигенции. Большинство из них — рядовые работники (57,7%). Знаниям и способностям работа соответствует у 63,8%. А перспективы профессионального роста — скорее редкость (только у четверти работников). Успешно справляются с работой две трети работающего населения, но с полной самоотдачей работает только половина. При этом хорошую в целом оплату труда отмечают 58,0%.

Не удивительно, что в целом удовлетворенность работой заметно выше у интеллигенции (86,5%), чем у остального населения (68,7%).

Эти различия обуславливают более высокий уровень и качество жизни интеллигенции. У большинства интеллигенции (62,3%) возможности семейных доходов позволяют без затруднений удовлетворять текущие потребности: трудности могут возникнуть лишь при покупке квартиры, автомобиля, а то и вовсе позволяют ни в чем себе не отказывать. В большей степени это касается тех, кто работает в сфере государственных услуг и финансово-технической: среди них таких две трети. Тогда как у представителей социокультурной сферы все не так благополучно: высокий уровень семейных доходов только у 47,5%, а у 10% семейных доходов хватает только на ежедневные расходы или деньги приходится занимать.

Однако при том, что половина представителей интеллигенции считают, что они хорошо обеспечены материально, высокими своими доходами считает только четверть группы. Т.е. уровень жизни интеллигенции скорее можно назвать «хорошим средним уровнем», позволяющим жить спокойно, но без излишеств.

Действительно, у интеллигенции практически нет проблем с хорошим питанием (81,5%) и одеждой (73,5%). Две трети удовлетворены своими жилищными условиями и возможностями для проведения свободного времени. Все это положительно отражается на состоянии их здоровья: хорошим его считает больше половины интеллигенции. Более высокий уровень жизни и образования почти половине группы позволяют дать хорошее образование детям.

Семейная жизнь представителей этой группы также выглядит благополучной. Хорошие семейные отношения для них скорее норма (три четверти группы). Да и жизнь близких у двух третей складывается хорошо. В целом, группу интеллигенцию отличает бесконфликтность. Это касается отношений как на работе, так и в семье.

Не удивительно, что три четверти интеллигенции удовлетворены тем, как складывается их жизнь и высоко оценивают свои жизненные перспективы.

Население практически по всем параметрам уступает интеллигенции. Возможности семейных доходов у них заметно ниже. Только у 37,7% трудности могут возникнуть лишь при покупке квартиры, автомобиля, а то и вовсе позволяют ни в чем себе не отказывать. А у 20% семейных доходов хватает только на ежедневные расходы или деньги приходится занимать. Не удивительно, что только четверть населения считает, что они хорошо обеспечены материально, и лишь 11% оценивают свои доходы как высокие.

Это отражается, в первую очередь, на более низком, чем у интеллигенции, уровне удовлетворения первичных потребностей. Среди населения заметно меньше тех, у кого есть хорошие возможности питаться (58,3%) и одеваться (43,3%). Только у 42% хорошие жилищные условия и возможности для проведения свободного времени. Столько же удовлетворены своим здоровьем. Заметно реже население может дать и хорошее образование детям (27,3%).

При этом хорошие семейные отношения характерны для двух третей населения. И только у половины жизнь их близких складывается хорошо. В целом среди населения заметно больше распространены конфликты как в семейной жизни (49,8% против 37% у интеллигенции), так и на работе: хорошие отношения с руководством у населения встречаются в 1,5 раза реже, чем у интеллигенции, а с коллегами — только у 69,5% (80,9% у интеллигенции). В итоге только 44,5% населения удовлетворены тем, как складывается их жизнь, и как хорошие они оценивают свои жизненные перспективы.

Отметим, что выявленные различия прямо противоположны установке интеллигенции и населения на потребление как социальную норму (20,4 и 40% соответственно). По-видимому, для интеллигенции важнее иметь именно достойный уровень жизни (что она не плохо реализует), а не потребление как таковое, которое упорно навязывается нашему населению.

Но можно ли сказать, что интересы интеллигенции исчерпываются достигнутым благополучием? В российской социальной философии интеллигенция не мыслилась вне морально-этических качеств, обуславливающих ее специфическую роль социального мессианства. Насколько это правомерно сегодня?

Сегодня в российском социуме отчетливо доминирует установка на «баланс интересов» человека и общества и заметно меньше сторонников социального альтруизма (см. табл. 2). Однако социальный эго-

изм широкого распространения не получил. Различия между интеллигенцией и населением при этом минимальны: среди интеллигенции только немного больше альтруистов и меньше эгоистов.

ТАБЛИЦА 2. Ответы на вопрос: «Какой из приведенных ниже принципов, правил жизни наиболее привлекателен для вас, соответствует вашим представлениям?» (в % к ответившим)

Отношение к обществу, людям	интеллигенция	население
Альтруизм: человек должен давать людям, обществу больше, чем брать от него и от других людей	26,5	21,9
Баланс интересов: сколько дает человек обществу, людям, столько и должен получать от них	67,3	66,4
Эгоизм: надо стараться получать от общества, людей как можно больше, а давать им — поменьше	6,2	11,7

Унаследованная с советского периода социальная установка на примат общественного над личным («надо работать на благо страны, а не только на себя») среди интеллигенции распространена немного больше (63,6%), чем среди населения (52,5%).

При этом отношение интеллигенции к обществу и стране дифференцировано по сферам деятельности. Своей дистанцированностью как от общества, так и от интересов страны выделяются представители финансово-технической сферы. По отношению к обществу они занимают позицию баланса интересов (80,4%), почти не проявляя склонности к альтруизму (13,7%). Среди них меньше всего и согласных с тем, что «надо работать на благо страны, а не только на себя» (56,9%).

Альтруистическое отношение к обществу и людям чаще всего свойственно представителям социокультурной сферы (37,5%), немного реже — сфере государственного управления (29,6%). Две трети представителей этих групп также готовы работать «на благо страны, а не только на себя».

Необходимо отметить влияние уровня доходов на ориентированность интересов человека «во вне». Судя по нашим данным, его действие проявляется различно для интеллигенции и остального населения.

У интеллигенции с ростом доходов резко снижается доля альтруистов (с 30% до 17%), а доля эгоистов немного растет (с 5,4% до 9,8%). Сторонников «баланса интересов» больше всего среди лиц с низкими (70%) и высокими доходами (73,2%). При этом с ростом доходов резко возрастает готовность работать на благо страны, а не только на себя (с 40% до 68%). Эта закономерность позволяет предположить, что чем обеспеченнее интеллигенция, тем меньше ее волнуют конкретные ин-

тересы окружающих людей и общества. Фокус ее внимания смещается на более абстрактные вопросы «блага страны». Но может также означать и заботу о сохранении собственного благополучия, которое в первую очередь зависит от государственных институтов. В любом случае наблюдается определенный рост «оторванности интеллигенции от народа» вместе с ростом ее доходов.

Прямо противоположное воздействие финансового фактора наблюдается среди населения. С ростом уровня доходов доля альтруистов среди них растет (с 15,8% до 28,6%), а эгоистов снижается (с 17,5% до 7,0%). При этом уровень доходов никак не связан с долей сторонников «баланса интересов» (две трети населения). А вот доля населения, готового «работать на благо страны, а не только на себя» с ростом уровня доходов увеличивается заметно меньше, чем среди интеллигенции (от 44% до 55,6%). Она максимальна в группе лиц со средними доходами, немного снижаясь, с их дальнейшим ростом. Можно сказать, что населению ближе интересы людей, чем более абстрактные и, в этом смысле более далекие от них интересы страны. Получается, что рост их доходов скорее способствует росту социальной ответственности и солидарности.

Заметно отличаются представления интеллигенции и населения о характере социального государства. Населению больше свойственны патерналистские настроения: три четверти полагают, что именно государство должно «обеспечивать достойную оплату по труду, качественное образование и медицину для всех граждан». Среди интеллигенции таких только 56,5%. Интеллигенция же чаще населения выступает сторонником минимальных социальных благ.

В свою очередь, позиция интеллигенции больше связана с личной ответственностью. Чтобы «изменить жизнь окружающих к лучшему», интеллигенция заметно чаще населения готова «брать ответственность на себя» или считает, что «нам всем достаточно больше и лучше работать» (73,4% против 57,7% среди населения). В этом ключе интеллигенция чаще придерживается мнения, что «простой человек может реально отстаивать свои законные права перед чиновничеством» (46,9% против 34,0% среди населения).

Больше полагаясь на себя, интеллигенция лояльнее относится к социальному расслоению, реже населения оценивая доходы представителей крупного бизнеса, власти как несоизмеримо большие. Показательно при этом, что как интеллигенция, так и население чаще оценивает как незаслуженно малые, заработки в тех сферах, которые они сами лучше знают. Например, это касается мнения интеллигенции о заработках врачей, учителей, а населения — о рабочих.

В то же время мнения о возможности богатых людей во власти работать в интересах простых людей у интеллигенции и населения во многом совпадают. Порядка 40% тех и других полагают, что «не могут». Но при этом население критичнее оценивает разрыв между интересами власти и народа. Почти половина из них считает, что «власть обслуживает, как правило, только интересы правящего класса» (40% среди интеллигенции), и реже (36,8%) — что «власть работает в интересах как правящего класса, так и простых людей» (42,6% среди интеллигенции).

Интеллигенция и население сходятся во мнении о несправедливости происходящего вокруг. Так считают почти три четверти тех и других. Однако, отличаясь личным благополучием, интеллигенция острее населения воспринимает существующие в стране проблемы. Ее представители реже испытывают чувство уверенности в завтрашнем дне (56,2% против 77,2% среди населения) и чаще чувство «тревоги за безопасность и будущее своих детей» (испытывают «часто» 38,9% против 25,1% среди населения).

Несмотря на все эти различия гражданская идентичность интеллигенции и населения практически совпадает. Гражданами России считают себя 64%. Гражданином мира или европейцем полагает себя четверть интеллигентов и 28% населения. Сходно у них и отношение к эмиграции. В существующих условиях «не уехали бы ни при каких обстоятельствах из России» только 29,6% интеллигенции и 23,9% населения.

Проведенный анализ показал, что главные смысложизненные ориентиры интеллигенции и населения в целом совпадают. И хотя во всем обществе прослеживается распространение многих негативных социальных норм и ценностей, интеллигенцию это затронуло не так сильно, как население. Т.е. традиционный морально-этический потенциал, хотя и заметно снизившийся, у интеллигенции сохраняется. При этом адаптироваться к условиям дикого капитализма интеллигенции удалось намного лучше, чем населению. Это касается и уровня, и качества жизни. Проявляя большую социальную активность, полагаясь на упорный труд и беря ответственность на себя, интеллигенция реже населения ориентируется на патерналистское государство. Как следствие, она более лояльно, чем население, относится к богатым людям и власти, хотя эти различия не так велики. Однако ситуация в стране в целом приводит интеллигенцию и население к единому мнению о несправедливости происходящего вокруг. И на последствия этого интеллигенция, отличающаяся личным благополучием, реагирует острее. Однако сама интеллигенция сегодня неоднородна. Ее отношение к обществу и государству во многом обусловлено профессиональной сферой деятель-

ности и уровнем доходов. Более высокие доходы имеют противоположные последствия для интеллигенции и населения в их отношении к обществу и стране. Фокус внимания интеллигенции с ростом доходов смещается от интересов общества и людей к проблемам страны в целом, сближая ее тем самым с интересами власти. Тогда как с ростом доходов населения повышается его социальная ответственность и солидарность. Интеллигенция по-прежнему оказывается в роли «социальной прослойки» между властью и народом. И к кому она окажется ближе, сегодня во многом зависит не только от ее морально-нравственных характеристик, но и от ее собственного благополучия.

Литература:

- Возьмитель А.А.* Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. — М.: Институт социологии РАН, 2012. 230 с.
- Яковлева М.Н.* Российское государство глазами современной интеллигенции // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: XX Междунар. теоретико-методолог. конф., РГГУ, 9 апр. 2019 г.: сб. статей / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Д.Г. Цыбикова; РГГУ, Социол. фак., Центр, социол. исследований. М.: РГГУ, 2019. С. 211-221.

РАЗДЕЛ III

**ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ОБРАЗЕ
И СТИЛЕ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Образовательная неуспешность учащейся молодежи как социальная проблема¹

Г. Е. Зборовский

доктор философских наук, профессор
Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)

Процесс пополнения молодежью рядов отечественной интеллигенции в значительной степени зависит от подготовленности к выполнению ее функций и ролей обучающимися в учебных заведениях общего и профессионального образования. Этот процесс требует соблюдения нескольких важных условий. Одним из них, с нашей точки зрения, является образовательная успешность человека, претендующего на место в рядах интеллигенции.

Между тем, реальной проблемой современного отечественного образования является рост образовательной неуспешности учащихся и выпускников многих учебных заведений как общего, так и профессионального образования. Социологические исследования, в том числе наши, убедительно доказывают ее наличие у немалой части учащейся молодежи, причем как школьников, так и студентов [Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015; Клячко, Семионова и др., 2019; Поверх барьеров..., 2019; Зборовский, Амбарова, 2019а].

Характерна образовательная неуспешность, прежде всего, для тех учебных заведений, которые являются «рядовыми». В гимназиях, лицеях, школах с углубленным изучением отдельных предметов образовательная неуспешность учащихся наблюдается гораздо реже, чем в обычных городских и, тем более, сельских школах. Это относится в равной мере и к колледжам. Что касается высших учебных заведений, то в незначительной части престижных столичных университетов и таких же университетов в мегаполисах удельный вес образовательно неуспешных студентов среди их общего количества намного меньший, чем в вузах, расположенных в провинции.

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности»

Цель статьи состоит в анализе образовательной неуспешности как социального феномена, изучении ее проявлений и способов преодоления у учащейся молодежи. Задачами статьи являются: 1) интерпретация понятия образовательной неуспешности; 2) анализ проявлений образовательной неуспешности студентов; 3) выявление способов ее преодоления, используемых в российских университетах.

Методы и эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу статьи составили результаты исследований, проведенных под руководством автора в 2016–2019 гг. Все они были посвящены проблемам высшего образования в России в целом и, в частности, в таком ее макрорегионе, как Уральский федеральный округ. В статье использованы результаты следующих исследований: 1. Опрос студентов вузов Уральского федерального округа ($n=1860$, 2017). Использовалась квотная выборка, построенная на данных образовательной статистики по 53 вузам округа.; 2. Полуформализованные интервью с руководителями и преподавателями университетов Уральского федерального округа ($n=80$ в 2016 г.; $n=30$ в 2019 г.); 3. Опрос студентов и преподавателей 7 университетов г. Екатеринбурга (2019). Была реализована квотная выборка, сформированная на основе статистических данных о студентах города. Объем выборочной совокупности студентов составил 368 чел.; 4. 2 фокус-группы со студентами университетов г. Екатеринбурга (2019), посвященные проблемам образовательной неуспешности и способам ее преодоления.

Интерпретация образовательной неуспешности

Исследования показали, что часть российских студентов, показывающих значительные достижения в учебе, науке, профессиональном развитии, конвертируют свой человеческий капитал в образовательную, личностную, профессиональную успешность. Однако многие студенты и выпускники университетов испытывают серьезные проблемы в обучении и далее — в профессиональной и трудовой деятельности. Прежде всего, это касается студентов университетов российской провинции, куда поступают не самые сильные выпускники школ.

Было установлено, что масштабы и характер образовательной неуспешности с очевидностью проявлялись на младших курсах. В некоторых вузах доля неуспешных среди студентов 1–2 курсов порой достигала 85–90 % от общего числа обучающихся. Образовательная неуспешность у старшекурсников приобретала несколько иные черты:

она начинала маскироваться под различные имитационные образовательные стратегии. В их основе — аномальная мотивация к получению образования — без труда, усилий и ответственности, иждивенческая уверенность в том, что на последних курсах не отчисляются, использование изощренных способов академического мошенничества, изматывание педагогов бесконечными и повторными пересдачами и т. д.

Следует подчеркнуть: речь идет, прежде всего, о студентах обычных, неэлитных вузов, локализованных в зонах полупериферии и периферии отечественного высшего образования. В этих вузах невелика доля студентов, имеющих при поступлении баллы ЕГЭ не ниже 90, а также выраженную достигательную мотивацию.

Теоретический анализ эмпирических данных позволяет нам интерпретировать образовательную неуспешность учащейся молодежи как меру расхождения между личными достижениями и общественными ожиданиями от ее деятельности в сфере образования. Применительно к студенчеству его образовательная неуспешность характеризуется несколькими признаками: слабой выраженностью позитивной образовательной мотивации, трудностями профессионального самоопределения, отсутствием интереса к научной активности, склонностью студентов к академическим девиациям, низким уровнем готовности к освоению образовательных программ, слабым стремлением к накоплению человеческого капитала и к социальной достигательности.

Мы интерпретируем образовательную неуспешность как социальный и социально-психологический конструкт, который складывается под влиянием ближайшего окружения — преподавателей, родителей, сверстников. С таким подходом связана и характеристика образовательной неуспешности как состояния переживания социальных эмоций неуспешности (обида, неудовлетворенность, неуверенность и др.). Приведенное суждение позволяет рассматривать образовательную неуспешность, с одной стороны, как объективный социальный факт, с другой — как феномен восприятия. Тесная связь и переплетение объективного и субъективного открывает новые возможности для анализа понятия образовательной неуспешности /успешности, а главное — выработки критериев оценки самой неуспешности.

Предпосылки возникновения и следствия образовательной неуспешности затрагивают не только академическую, но и социальную, социально-психологическую и экономическую сферы [Bernasconi et al, 2012; Heckman, 2000; Obergriesser et al, 2015]. Объяснение образовательной неуспешности на социальном уровне означает ее анализ в структуре социальных связей и отношений, через влияние на нее социальной среды и образовательной политики. Образовательная

неуспешность — это комплексная качественная характеристика образовательной деятельности учащихся в процессе их взаимодействия с педагогами, семьей, учебным заведением, социальными институтами, окружающей социальной средой, результатом которого становится расхождение образовательного уровня обучающихся с ожиданиями и требованиями общества.

Проявления образовательной неуспешности студентов

По данным наших исследований, только 55% студентов провинциальных вузов России характеризуются позитивной образовательной мотивацией («хотят учиться»). При этом лишь 15% из них реализуют это стремление в учебе («могут учиться»). 40% студентов этой группы хотят, но не могут успешно учиться. Им не хватает для этого знаний, умений из-за слабой школьной подготовки. 45% из них не имеют желаний учиться. При этом 30% из них готовы к освоению образовательного стандарта, а 15% относятся к категории «необучаемых» студентов. Таким образом, 85% студентов в той или иной мере принадлежат к группе риска по критерию образовательной неуспешности — либо не могут, либо не хотят учиться в университете [Зборовский, Амбарова, 2019b: 106].

Приведем высказывание одного из информантов по поводу данной ситуации: *«Вы не знаете, почему нельзя поставить прививку против столбняка телеграфному столбу? Он этого не хочет. Меня попросили подтянуть кафедру в одном университете, я сказал, что нет никаких проблем. Но не учел одного фактора: в этот вуз приходят чрезвычайно слабые студенты. Они сюда приходят по остаточному принципу, учиться они уже не хотят. Студенты не мотивированы»* (О.И., профессор).

Очевидным проявлением образовательной неуспешности студентов выступает их неготовность учиться. Студенты первых курсов часто не имеют достаточных базовых знаний и навыков, необходимых для освоения университетских программ. У них отсутствуют развитые навыки работы с учебной и научной литературой. Они плохо пересказывают, не умеют реферировать, конспектировать ее. Они не владеют навыками активного слушания, ведения дискуссии, подготовки докладов и устных выступлений, написания творческих работ (сочинений, эссе, исследовательских проектов). Налицо недостаток культуры интеллектуальной деятельности. Приведем высказывание профессора одного из университетов:

«Очень тяжело работать со студентами после школы. У них напрочь отсутствует логика, и научить их этому здесь не так уж и про-

сто. Отсутствует заинтересованность, практический интерес. Они умеют только тесты наугад писать. При этом все хотят сразу же огромные зарплаты, ничего не делая. Разница между их запросами и их возможностями катастрофическая» (А.Г., профессор, зав. кафедрой).

Данные исследования показывают, что только у 29% студентов региональных вузов сформирована потребность в самообразовании и научной работе. Большая часть обучающихся не выполняет требований образовательного стандарта в части самостоятельной работы, самообразования, студенческой науки. По самооценке студентов, только 52,3% из них скорее готовы к самостоятельной учебной работе и только 16% — к самостоятельному научному исследованию. Соответственно 38,7% студентов считают, что они не готовы к самостоятельной учебной деятельности и 67,6% не готовы самостоятельно проявлять научную активность. Следовательно, образовательная неуспешность значительной части студентов во многом определяется отсутствием у них практик самообразования, непониманием их важности и необходимости, неготовностью и нежеланием в них включаться.

Еще одним проявлением образовательной неуспешности студентов становится их отказ от активности в научной сфере. Лишь 8,3% студентов постоянно принимают участие в исследованиях, включаясь в гранты, инициативные проекты. 33% из них делают это ситуативно, ограничиваясь написанием небольших статей и проведением микроисследований в рамках курсовых и выпускных квалификационных работ. 58,5% студентов провинциальных вузов вообще не участвуют в научной работе.

Деструктивным проявлением образовательной неуспешности студентов являются различные виды академических девиаций — имитация образовательной активности, академическое мошенничество (плагиат, заказные работы, списывание и др.). По сути, академические девиации становятся способом адаптации неуспешных в образовательном плане студентов к требованиям университетов. Для достижения желаемых целей (хороших оценок, диплома) у них отсутствуют в достаточном количестве одобряемые ресурсы, то есть знания, умения, навыки, мотивация. По данным исследования российских исследователей, около 30% студентов отмечают, что списывали на экзамене. Из первокурсников в списывании признались 17%, а на четвертом курсе уже 36%. В плагиате признались 24% первокурсников и 34% студентов четвертого курса [Chirikov et al, 2018: 19–20]. По данным нашего исследования, проверку на антиплагиат с первого раза проходит не более 10% письменных работ студентов.

Учебная несостоятельность студентов тесно связана с отсутствием у них четкой профессиональной ориентации и низким уровнем про-

фессионального самоопределения. Очевидно, что отсутствие интереса к конкретной профессии и области профессиональной деятельности негативно влияет на мотивацию к получению профессионального образования. Мы связываем эту ситуацию с несколькими социальными факторами. Прежде всего, это активная трансформация современного мира профессий, быстрое исчезновение одних профессий и быстрое появление других. Абитуриенты университета и первокурсники порой имеют очень поверхностные, смутные представления о выбранной профессии, ее связи с практиками повседневной жизни.

Способы преодоления образовательной неуспешности студентов

Способы преодоления образовательной неуспешности студентов детерминированы рядом факторов. Например, признается ли образовательная неуспешность как социальный факт? Осознают ли различные субъекты высшего образования риски этого феномена? Как показывает наше исследование, говорить в России в публичном пространстве о массовых проявлениях образовательной неуспешности не принято. По умолчанию это считается неприличным и даже опасным, так как под сомнение ставятся официально фиксируемые успехи российско-го образования в целом, в конкретных вузах — в особенности.

Опасным симптомом дисфункциональности российского высшего образования является тот факт, что оно почти не реагирует конструктивным образом на проявление и усиление образовательной неуспешности студентов. Все ресурсы направляются на поддержку успешной, одаренной, талантливой молодежи. Отсутствуют системные подходы и практики работы с неуспешными и демотивированными студентами. В ответ на имитационные образовательные стратегии проблемных образовательных общностей преподаватели и управленцы вырабатывают не менее изощренные имитационные стратегии, позволяющие демонстрировать учебную и академическую «эффективность» образовательных организаций. Политика «селекции» талантливых студентов и конкурентная борьба за них получили широкое распространение. Из-за системы подушевого финансирования в университетах возникла странная политика студентосбережения. Ее суть заключается в сохранении контингента обучающихся любой ценой, даже если эти студенты представляют группу проблемных студентов, которые не хотят и не могут учиться. Порочные практики студентосбережения представляют собой институциональную ловушку: поскольку от количества студентов зависит количество ставок научно-педагогических

работников, постольку университетский менеджмент ставит цель сохранения любых студентов.

Тем не менее в ответ на усиление образовательной неуспешности студентов в ряде российских университетов ответственные преподаватели и руководители стали работать над технологиями образовательного сопровождения неуспешных студентов. В нашем исследовании мы попытались выявить и описать их элементы.

Самая традиционная практика — отслеживание академического отставания студентов и кураторство над ними. В российских вузах данная практика формализована отчасти. Существует несколько приемов отслеживания академического отставания:

- 1) промежуточная аттестация в середине учебного семестра;
- 2) обратная связь от преподавателей руководителю образовательной программы (электронные письма, личные встречи, телефонные звонки по поводу пропусков занятий, академической дисциплины, качества учебы студентов);
- 3) кураторство над академической группой.

Следующая практика — организация интенсивных занятий с отстающими студентами. В некоторых университетах на отдельных образовательных программах вводятся дополнительные занятия с проблемными студентами. Например, в Уральском федеральном университете в Инженерной школе пропедевтические занятия со слабыми студентами первого курса осуществляются в течение всего года. Они позволяют к концу второго семестра улучшить знания студентов по основным дисциплинам — физике, математике, химии. По мнению преподавателей Инженерной школы, из-за проблемных студентов им приходится терять 1–1,5 года, чтобы поднять уровень знаний студентов до университетских требований. В этом случае интенсивные занятия помогают смягчить подобную потерю времени.

Еще одна практика сопровождения студентов — создание способов стимулирования их научной активности. Анализ этих приемов, реализуемых в провинциальных университетах, показывает, что они больше направлены на поощрение научной активности успешных студентов, чем неуспешных. Чтобы получить повышенную стипендию или финансирование научной командировки, студенты должны достичь очень высоких показателей. Неуспешные студенты, проявляющие невысокую научную активность, как правило, не могут рассчитывать на серьезную поддержку и поощрение со стороны университета.

В провинциальных вузах России нами обнаружены лишь отдельные практики помощи неуспешным студентам. Соответственно, эти

практики имеют точечный, локальный эффект. Они не позволяют справиться с быстро увеличивающимися масштабами образовательной неуспешности студентов в этих университетах. Исследование показало, что целостные технологии образовательного сопровождения неуспешных студентов в российских вузах не сложились.

Но главное внимание необходимо уделить изменениям социальной направленности образовательной политики государства. Суть их состоит в том, чтобы уделять особое внимание преодолению академических и иных трудностей, испытываемых неуспешными учащимися. Конструктивная поддержка всех субъектов образования – успешных и неуспешных учащихся, эффективных и неэффективных образовательных организаций – может и должна стать стратегией развития конкретных школ, колледжей, вузов и в целом национальной системы образования [Поверх барьеров..., 2019; де Вит, 2019; Косарецкий, Груничева и др., 2016].

Главный вывод нашего исследования заключается в признании необходимости в образовательной политике равного внимания ко всей учащейся молодежи без исключения – успешной и неуспешной, мотивированной и немотивированной. В условиях дефицита качественного человеческого капитала учебные заведения не должны тратить время и ресурсы на выискивание и привлечение только успешной молодежи. Они должны выращивать такую молодежь, наполняя политику отношения к ней реальным смыслом и позитивными результатами.

Литература:

Де Вит Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2.

Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. 2015. № 9.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. От образовательной неуспешности – к социальной успешности // Высшее образование в России. 2019а. № 11.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. 2019б. № 2.

Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. 2019. № 4.

Косарецкий С.Г., Груничева И.Г., Гошин М.Е. Образовательная политика России конца 1980-х–начала 2000х годов: декларации и практическое влияние на неравенство в общем образовании // Мир России. 2016. Т. 25. № 4.

Поверх барьеров: истории школ, работающих в сложных социальных условиях. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

Bernasconi M., Profeta P. Public education and redistribution when talents are mismatched // European Economic Review. 2012. Vol. 56. № 1.

Chirikov I., Shmeleva E. Are Russian Students Becoming More Dishonest During College? // Higher Education in Russia and Beyond. 2018. № 3 (17).

Heckman J. Policies to foster human capital // Research in Economics. 2000. Vol. 54.

Obergriesser S., Stoeger H. The role of emotions, motivation, and learning behavior in underachievement and results of an intervention // High Ability Studies. 2015. Vol. 26. № 1.

К вопросу изучения интеллигенции в контексте управляемости социокультурной модернизацией

Р. В. Леньков

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

В. С. Богданов

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)

Какие новые идеи в опыте осмысления роли и значения интеллигенции в современный период нам хотелось бы назвать и обсудить?

На дискуссионной площадке XIX международной теоретико-методологической конференции «Смыслы жизни российской интеллигенции» (апрель 2018 г.) нами был сделан доклад «К проблеме изучения интеллигенции в сетевом пространстве как потенциала социокультурной модернизации регионов». Уже тогда мы обозначили современную интеллигенцию как многогранное и многоликое явление, требующее отдельного осмысления и реализацию лонгитюдного исследования одновременно в офлайн и в онлайн (сетевом) пространстве.

Дальнейшая работа по анализу указанной проблемы и полученные нами оригинальные результаты практических исследований в области социологии управления позволили подготовить и опубликовать в сетевом научном журнале «Научный результат. Социология и управление» статью «Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс» [Леньков, Богданов, 2019]. В данной публикации в социолого-управленческом контексте был представлен исторический опыт «сборки» и интерпретировано современное состояние российской интеллигенции. Метафоризация понятия «интеллигенция» в процессе изучения проблем социокультурной модернизации регионов и региональных систем управления позволила говорить не только о классе, занятом в производ-

стве социально и культурно значимых для общества символических паттернов, но и в широком смысле о процессах группообразования и функционирования субъектности, «нарождающейся» (воспроизводящейся) во взаимодействии индивидуумов и социальных групп. Такая субъектность напрямую связана с формированием и достижением образа будущего на принципах реализации социогуманитарного подхода и становления управления с инфосоциальной обратной связью. В связи со сказанным нами была научно обоснована позиция по вопросу о необходимости актуализации социологии управления как отраслевой социологической дисциплины, изучающей проблемы управляемости социальных процессов и явлений, осуществляющей анализ механизмов генезиса, функционирования и трансформации управленческих структур в условиях социокультурных изменений при воздействии информационных технологий. Научно-исследовательские практики, ориентированные на интеллигенцию и солидарные с ней слои населения в новом пространстве координат «человек — компьютерные сети — Интернет» в проектно-сетевом социуме, с нашей точки зрения, должны концентрироваться на изучении спонтанных и преднамеренных, то есть целерациональных изменений в саморазвивающихся сообществах.

С целью дальнейшей дискуссии полный текст статьи в январе 2020 г. был представлен для открытого ознакомления на Интернет-ресурсе, в социальной сети Facebook в общедоступных группах «Проблемы образования и науки» (4731 участник) и «Вузовское сообщество Москвы» (608 участников). Названные группы занимаются выявлением, профессиональным анализом и поиском путей решения проблем образования и науки, обсуждением критики реформ, законов, требований в высшей школе; их целевой аудиторией является гуманитарная и техническая интеллигенция, в частности, профессора, учёные и преподаватели вузов. Наша статья вызвала немалый интерес и определённую критику Интернет-аудитории.

Среди прочих вопросов дискуссантов в ходе ознакомления со статьёй хотелось бы выделить некоторые, на которые пока сложно дать исчерпывающие ответы, так как они имеют отношение, скорее, к социально-философским аспектам, но закономерны и действительно важны. Приведем наиболее актуальные вопросы дискуссантов, а также отдельные, интересные, на наш взгляд, предложения и выводы.

Актуальные вопросы дискуссантов:

«Почему гуманитарии всё время стараются мимикрировать под естественные науки? Зачем эти «социокультурные интеллигентские аттракторы»? Неужели вам недостаточно своей терминологии?»;

«Почему социально-философские исследования, посвящённые интеллигенции, не находят никакого (ноль, зеро) отклика у коллег из смежных дисциплин? У тех же социологов, психологов, управленцев и историков?»;

«Как социологу-исследователю сделать какую-то «группу прорыва», самому изучить свой же контекст, самому проверить то, что написал, самому запустить «самоорганизующиеся» процессы?»;

«Почему именно производители символического капитала должны быть потенциалом? Зачем нам нужна их «сборка?»»;

«Почему вузовская интеллигенция смиренно принимает такие ухудшения условий труда, как практика годовичного договора, перевод на неполную ставку, засилье плохо образованных администраторов в учёных советах, ликвидацию факультетов и кафедр, отсутствие выборности ректоров, деканов, завкафедрами, требование выполнять работу, которая не оплачивается, требование переписывания РПД, ФОС и прочий вал бумаг? Почему нет никаких попыток противостояния? Никаких попыток объединения?».

Интересные предложения и выводы дискуссантов:

«Совершенно не факт, что именно социогуманитарные дисциплины в их нынешнем состоянии (состоянии нытья ненужных, обиженных, невидимых) реально могут что-то сделать в рассматриваемой области. Сейчас скорее можно поставить на машинное обучение, технологии Big-Data или веб-сервис GitHub»;

«У каждого философа и социолога должна быть своя (и не одна!) модель машинного обучения, живой профиль на GitHub. У каждого социального проектировщика должен быть ультра-микро-социальный проект, реализованный на уровне ближайших друзей, семьи и коллег»;

«Прекратить накладывать красивые синергетические законы, истолкованные из естественных наук, на общество, и начать проверять их действие в минимальных ячейках (необязательно политических, но компактных), без большой борьбы масштабных концепций, напрасно расходующих интеллектуальные ресурсы и время»;

«Сейчас любой философской или социологической концепции категорически нужен результат, пусть малый, но ощутимый и осязаемый, а главное масштабируемый. Этим надо заниматься»;

«Спасение интеллигенции кто бы это ни был в руках самой интеллигенции».

Мы благодарим Интернет-аудиторию за содержательные вопросы и ценные предложения и приглашаем участников конференции к дальнейшей дискуссии.

Вместе с тем остановимся на ключевой, на наш взгляд, проблеме на аспектах изучения современной интеллигенции как латентной группы в контексте управляемости социокультурной модернизации регионов.

Ж. Т. Тощенко в книге «Общество травмы» утверждает, что современная социально-экономическая ситуация в России и зарубежных странах показывает, что прежняя социально-классовая структура перестала существовать, канула в Лету. Традиционные понятия — рабочий класс, крестьянство, интеллигенция — приобрели весьма размытый характер, распались на многочисленные фрагменты, которые не позволяют говорить о них как о каком-то мало-мальски однозначном единстве [Тощенко, 2020].

Соглашаясь в целом с доводами члена-корреспондента РАН, мы полагаем, что изменения социальной структуры современного социума, турбулентность, сетевые взаимодействия выхолащивают общепринятые контуры понимания интеллигенции, трансформируют её функции и расщепляют на латентные формы организации, требующие установления и интерпретации с точки зрения новых подходов и парадигм.

В ходе концептуальной проработки феномена интеллигенции как предварительного этапа последующих эмпирических измерений и его экспликации, мы пришли к следующему выводу. В актуальных определениях интеллигенции нет социально-конструктивного начала, которое закрепляло бы за ней функцию воспроизводства групп региональной субъектности, то есть «сборку» активно-конструктивных субъектов для адекватных социокультурных преобразований, а также возможную функцию системной интеграции в обществе через воспроизводство институционально-регулятивных механизмов на определённой территории (регионах). Для дальнейшего изучения функций интеллигенции в современный период, определения её реальной роли, значения в контексте управляемости процессом социокультурной модернизации и системах управления регионов необходимо проработать ответы на следующие вопросы:

Во-первых, как выделить активно-конструктивную субъектность социального порядка — интеллигенцию и солидарные с ней группы населения, способные взять на себя интегрирующую функцию выработки стратегического вектора социокультурной модернизации регионов и страны в целом?

Во-вторых, как организовать обратную связь между властью и активной частью населения (субъектностью) для воспроизводства — конструктивных форм взаимодействия и поддержания принципов социального государства?

И, наконец, в-третьих, как обеспечить соответствующие условия

и факторы для реализации потенциала региональной субъектности в процессе настройки управляемости социокультурной модернизации?

Гипотетически можно предположить (с целью эмпирической проверки в дальнейшем), что если региональные системы управления способствуют деформации отношений между властью и населением, нарушая способы и формы обратной связи, то управляемость группообразованием может принимать характер оппозиционных действий по отношению к стратегическим решениям «сверху». И, наоборот управляемость группообразованием становится реальным механизмом социокультурной модернизации регионов, если выше перечисленные условия соблюдаются органами власти и населением, а стратегические решения сбалансировано разрабатываются с учётом потребностей «снизу» и переложением их в проектные решения «сверху» [Информационно-аналитический..., 2019].

Литература:

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 2. Отношение населения пилотных регионов Российской Федерации к работе органов власти и управления: сравнительный анализ 2015-2019 гг. 116 с.

URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7610

(дата обращения: 29.05.2020).

Леньков Р. В., Богданов В. С. Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 163-175.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.

Обеспечение профессиональной адаптации в вузовской подготовке молодого поколения интеллигенции

Н.К. Темнова

доктор экономических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Н.Н. Масюк

доктор экономических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток)

Н.А. Птицына

кандидат педагогических наук, доцент
Ивановского государственного университета (Иваново)

Е.К. Маркова

кандидат психологических наук, доцент
Ивановского государственного университета (Иваново)

Стратегической целью развития отечественной системы высшего образования является подготовка молодого поколения интеллигенции к стремительно меняющимся условиям рынка труда, что обуславливает необходимость освоения компетенций, обеспечивающих успешную профессиональную адаптацию к трудовой деятельности в цифровой экономике [OECD, 2016a]. До настоящего времени еще не сложилось согласованного мнения относительно того, что понимать под компетенциями. Так компетенции характеризуют как «знания, навыки и отношения, необходимые для успешного выполнения работы» [Miller et al., 2012: 351] или как характеристики в области знаний, способностей и отношений, которые обеспечивают высококачественную реализацию задач [Filipowicz, 2004], или как интеллектуальные способности и установки [Gupta, Roos, 2001]. В основном специалисты сходятся в том, что компетенции — это комбинированные и интегрированные компоненты знаний, навыков и отношений [Kyndt, Baert, 2015].

Профессионально-ориентированная подготовка будущих кадров в процессе обучения в вузе достигается наполнением актуальным содержанием изучаемых дисциплин, применением инновационных образовательных технологий, проведением практических занятий, практик и стажировок [Темнова, Жикина, 2019]. Результаты подготовки выпускников оценивает работодатель как сформированные компетенции в области знаний, умений и практических навыков.

В настоящее время происходят существенные изменения требований работодателей к навыкам соискателей «интеллигентных» должностей: руководителей и специалистов по общепринятой классификации персонала. Как выпускники, так и работодатели отмечают дефицит профессиональных компетенций.

Наиболее остро стоит проблема поиска людей, обладающих необходимыми профессиональными навыками. Например, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где представители 83% японских компаний, 51% новозеландских и 42% австралийских компаний отмечают, что им сложно найти новых сотрудников с требуемыми навыками [Manpower Group, 2015]. Особенно трудно найти подходящих кандидатов с высшим образованием на такие должности, как инженеры, менеджмент/руководители, бухгалтерский и финансовый персонал, а также персонал по информационным технологиям [Manpower Group, 2015].

В ходе принятия решения о кандидате становится недостаточно ранее значимых характеристик (например, наличия технических навыков и практического опыта). Все чаще большее значение придается наличию социальных навыков. В связи с этим в профессиональном лексиконе специалистов кадровых служб активно применяются и развиваются понятия *hard skills* и *soft skills*.

Hard skills — это «твердые» технические навыки, которые формируются в результате получения профессиональных знаний в области техники, технологии, правил эксплуатации, стандартов и др., которые можно наглядно продемонстрировать. Чем шире эти области, тем более универсально должен быть подготовлен специалист.

Soft skills — это «мягкие» навыки в коммуникации, менеджменте, управлении временем, командной работе, лидерстве, личностном развитии, презентациях, продажах и др., которые помогают находить оптимальные решения в широком спектре ситуаций и задач, не описанных в должностных инструкциях. Считается, что их проявление сложно отследить, проверить и наглядно продемонстрировать, хотя именно эти навыки сотрудник применяет в большей части рабочего времени.

Приведем характеристики наиболее востребованных soft skills на отечественном рынке труда в оценке работодателей [Топ-10..., 2017].

Коммуникативные навыки в профессии включают конструктивную связанную речь, четкое изложение мыслей, активное слушание, презентацию, навыки делового письма, способность объяснять терминологию сотрудникам, партнерам, клиентам, которые не обладают специальными знаниями.

Компьютерная и техническая грамотность — есть неотъемлемая составляющая технического оснащения рабочих мест и требований к компетенциям современных специалистов.

Межличностные навыки характеризуются как способность работать в команде, общаться с людьми и управлять конфликтами, что важно не только в ходе решения оперативных вопросов, но и в процессе формирования лидерских навыков, необходимых для построения профессиональной карьеры.

Адаптивность — это способность адаптироваться и приспосабливаться к изменениям, формулировать новые цели, решать несколько задач.

Исследовательские навыки позволяют собирать нужную информацию, оценивать и анализировать ситуацию, искать альтернативные решения.

Управленческие навыки особенно востребованы, поэтому для организации, планирования и эффективного выполнения проектов и задач, как правило, привлекаются профессионалы, имеющие специальную подготовку менеджера по проектам.

Навыки экспертизы и совершенствования бизнес-процессов сотруднику необходимы для решения задачи экономии ресурсов.

Трудовая этика имеет большое значение для работодателя, поскольку он заинтересован в привлечении сотрудников, обладающих ответственностью, способных выполнять работу профессионально без предварительного обучения.

Эмоциональный интеллект — значимый социальный навык, проявляющийся при взаимодействии с руководителем, коллегами, клиентами.

Формирование востребованных soft skills происходит более длительно, нежели узких технических hard skills, потому в вузовской подготовке должен быть четко выстроенный учебный план, обеспечивающий эффективный процесс обучения и формирования навыков профессиональной адаптации обучающихся.

Курс на цифровизацию экономики расширяет перечень профессиональных навыков и компетенций [ОЕСД, 2016b]. Цифровые навыки становятся критически важными и это осознается как на уровне биз-

неса, так и на уровне государства. В рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [О Национальной..., 2019] реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» [Кадры..., 2019], который трансформирует рынок труда, и, как следствие, сферу образования, учитывая новые потребности в знаниях и навыках. Ведутся дискуссии по созданию базовой модели компетенций цифровой экономики на уровне всех участников рынка: бизнес, представители власти, сфера образования, науки, независимые эксперты и др. [Масюк и др., 2019; Масюк, Панькова, 2019].

Решением Минкомсвязи РФ апробация модели требований к компетенциям и методики тестирования управленческих навыков начаты в феврале 2020 г. для кандидатов на должность заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти, ответственного за цифровую трансформацию (Chief Digital Transformation Officer, CDTO), а всего это затронет 55 организаций [ИТ..., 2020].

Требования к кандидатам на должность CDTO были сформированы на основе модели компетенций команды цифровой трансформации, разработанной Центром подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГС при президенте РФ, с учетом международного и российского опыта при участии экспертного сообщества, а также профиля роли руководителя цифровой трансформации.

В соответствии с моделью компетенций требования предъявляются к личностным и профессиональным компетенциям.

Личностные компетенции включают клиентоцентричность, коммуникативность, эмоциональный интеллект, нацеленность на результат, креативность, критичность.

Профессиональные компетенции включают цифровое развитие (знания в области «цифры», а также политических, экономических трендов в мире и России), организационную культуру, инструменты управления, цифровые технологии (знание стандартов и методологий проектирования и построения организационной архитектуры, опыт построения и развития организации на основе архитектурного подхода, опыт управления ИТ-системами, знания в области ИБ), ИТ-инфраструктуру (знание стандартов и нормативных документов, регулирующих жизненный цикл ИТ-систем и продуктов, умение выстраивать технологическую политику организации и решения, иметь опыт управления технической архитектурой вычислительных систем).

Числовая (балльная) оценка компетенций руководителей разработана в виде значений минимально рекомендуемого и целевого уровней оценки в баллах (табл. 1 и рис.1).

ТАБЛИЦА 1. Балльная оценка компетенций в модели требований компетенций Минкомсвязи РФ

Компетенции		Уровень	
		Минимально рекомендуемый	Целевой
Личностные компетенции	Клиентоцентричность	2,0	2,6
	Коммуникативность	2,5	3,0
	Эмоциональный интеллект	2,5	3,0
	Нацеленность на результат	2,5	3,0
	Креативность	1,0	2,6
	Критичность	2,0	2,8
Профессиональные компетенции	Цифровое развитие	2,5	2,9
	Организационная культура	2,6	2,9
	Данные	2,3	2,7
	Инструменты управления	1,5	2,4
	Цифровые технологии	1,0	2,0
	ИТ-инфраструктура	1,0	1,7

ИСТОЧНИК: tadviser.ru, дата обращения 04-02-2020

В модели компетенций руководителя цифровой трансформации, так же, как и в оценке компетентностных soft skills, существенное значение имеют социальные навыки и навыки социально-психологической адаптации специалистов.

Анализ современного состояния высшего образования позволяет выявить признаки трансформации системного характера. Например, несмотря на то, что в общественном сознании по-прежнему сохраняется непреложная ценность образования (в том числе высшего), возможность его применения при трудоустройстве по специальности зависит от состояния рынка труда (в первую очередь, регионального), что обуславливает снижение ценности полученного образования в восприятии студентов старших курсов и выпускников. Наблюдается тенденция снижения значимости интеллектуального и эмоционального развития, выступающего основой профессионально-личностного формирования будущего специалиста, отсутствие готовности к построению профессиональной карьеры. Абсолютное большинство студентов старших курсов всех форм обучения работают. Вместе с тем, занятость студенческой молодежи, в основном, не связана с получаемой квалификацией и будущей профессией. По данным Министерства науки

и высшего образования, только 60% выпускников вузов устраиваются на работу по специальности, поэтому необходимо консолидировать усилия руководителей университетов, органов муниципальной и региональной власти для увеличения доли трудоустроенных по профессии выпускников [Минобрнауки..., 2019].

ТАБЛИЦА 2. Сведения о трудоустройстве выпускников вузов, %
(источник: <http://vo.graduate.edu.ru/registry#/?year=2015&slice=6>)

Регион Российской Федерации	Доля трудоустройства выпускников	Доля индивидуальных предпринимателей	Доля выпускников, трудоустроенных в регионе
Санкт-Петербург	80	3,1	73
Ивановская область	75	2,9	46
Приморский край, в т.ч. Владивосток	70	4,1	72

В связи с этим в период обучения в вузе должно быть уделено особое внимание формированию у будущих специалистов навыков социально-психологической адаптации к быстро изменяющимся условиям рынка труда. Так, в современных условиях ощущается острый дефицит кадров в социальной сфере. Однако значительная доля выпускников вузов не проявляют готовности трудиться по будущей специальности: от 30% [Птицына, Маркова, 2019] до 70% [Ростовская, 2016].

Среди основных причин несформированности мотивации к будущей профессиональной деятельности следует назвать причины социального и психологического характера. Причинами социального характера являются неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие социальных гарантий, низкий статус и престиж профессии, низкий уровень оплаты труда, высокая физическая и/или эмоциональная нагрузка и пр. Психологическими причинами несформированности мотивации являются низкий уровень стрессоустойчивости, отсутствие навыков лидерского взаимодействия и командной работы, несформированность коммуникативной культуры и т.д.

Многолетний опыт преподавания в вузах показывает, что для обеспечения успешной адаптации выпускников в профессиональной деятельности необходимо в рамках учебного процесса применять комплекс интерактивных технологий (деловые игры, перекрестные группы, мозговой штурм, социально-психологический тренинг и др.), способствующих созданию адаптационного потенциала личности. Использование данных технологий в учебном процессе создает предпосылки для становления профессионального самосознания, само-

мотивации, творческой активности, а также формирования функционально-ролевой мобильности. Формирование адаптационного потенциала студенческой молодежи, а также развитие социальных и профессиональных навыков в условиях вузовской среды, являются неотъемлемой частью комплексного подхода в образовании будущих специалистов.

Литература:

ИТ в федеральных ведомствах России // Государство. Бизнес. ИТ. Интернет-портал TADVIZER. 2020. 5 февраля.

URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ_в_федеральных_ведомствах_России (дата обращения: 05.02.2020).

Кадры для цифровой экономики // Интернет-портал Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2019. 24 июня. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 04.02.2020).

Масюк Н.Н., Панькова О.С. Рынок труда и ключевые компетенции цифровой экономики // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Брянск, 19 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]. Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т. 2019. С. 467–471.

Масюк Н.Н., Чжао Ч., Васюкова Л.К. Управление изменениями и цифровые трансформации в эпоху цифровизации // Экономика регионов России: современное состояние и прогнозные перспективы. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. С. 253–258.

Минобрнауки назвало долю работающих по специальности выпускников вузов // Известия. 2019. 5 ноября. URL: <https://iz.ru/940009/2019-11-05/minobnauki-nazvalo-doliu-rabotaiushchikh-po-spetcialnosti-vypusnikov-vuzov> (дата обращения: 04.04.2020).

О Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» // Интернет-портал «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.ac.gov.ru/about> (дата обращения: 04.02.2020).

Портал мониторинга трудоустройства выпускников. URL: <http://vo.graduate.edu.ru/registry#/?year=2015&slice=6> (дата обращения: 25.04.2020).

Птицына Н.А., Маркова Е.К. Профессионально-личностное развитие будущих специалистов социальной сферы в условиях образовательного пространства вуза // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов: материалы Всерос. конф., Иркутск, 12–13 сент. 2019 г. / под науч. ред. А.П. Суходолова, И.С. Карпиковой. — Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2019. С. 332.

Ростовская Т.К. Тенденции развития образовательного и профессионального потенциала сферы молодежной политики // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. — Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 333.

Темнова Н.К., Жикина О.В. Инновационная образовательная технология STEM в вузовской подготовке молодежного кадрового резерва организаторов производства // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества: Матер. международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 21-23 ноября 2019 г. / под ред. Г.В. Ковалевой. — СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 434–441.

Топ-10 soft skills навыков, востребованных работодателями // HR-Portal. 2017. 3 июля. URL: <https://hr-portal.ru/article/top-10-soft-skills-navykov-vostrebovannyh-rabotodatelayami> (дата обращения: 04.02.2020).

Filipowicz, G. (2004). Zarz dzanie kompetencjami zawodowymi. Warszawa: PWE.

Gupta, O., Roos, G. (2001). Mergers and acquisitions through an intellectual capital perspective. *Journal of Intellectual Capital*, 2(3), 297–309.

Kyndt, E., Baert, H. (2015). Entrepreneurial competencies: Assessment and predictive value for entrepreneurship. *Journal of Vocational Behavior*, 90, 13–25.

Manpower Group (2015), Tenth Annual Talent Shortage Survey, Milwaukee. URL: <http://www.manpowergroup.com/talent-shortage-2015/talent+shortage+results>.

Miller, T. L., Wesley, C. L., Williams, D. E. (2012). Educating the minds of caring hearts: Comparing the views of practitioners and educators on the importance of social entrepreneurship competencies. *Academy of Management Learning & Education*, 11(3), 349–370.

OECD (2016a), Skills Matter: Further Results from the Survey of Adult Skills, OECD Skills Studies, OECD Publishing, Paris. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264258051-en>.

OECD (2016b), “Automation and independent work in a digital economy”, Policy Brief on the Future of Work, OECD Publishing, Paris. URL: <http://www.oecd.org/employment/Automation-and-independentwork-in-a-digital-economy-2016.pdf>.

К вопросу о трудоустройстве молодых специалистов на региональном рынке труда

О.Б. Истомина

доктор философских наук, заведующий кафедрой
социально-экономических дисциплин
Иркутского государственного университета (г. Иркутск)

В условиях трансформации системы образования значительно актуализируются проблемы профессиональной социализации молодежи. Вопросы профессионального выбора являются наиболее значимыми в период перехода индивида из дотрудовой в трудовую стадию социализации. Для снижения деструкций в современных социально-трудовых отношениях необходимо расширение превентивных мер по стабилизации региональных рынков труда, минимизации рисков маргинализации населения.

В перечне показателей социального благополучия населения региона критерии разного порядка, среди которых особое значение имеют индекс демографической нагрузки, численность трудоспособного населения и его вовлеченность в трудовые отношения, баланс трудовых ресурсов, уровень реальных доходов населения, среднедушевой денежный доход населения, уровень безработицы, среднегодовая численность и структура трудовых ресурсов, динамика численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, распределение населения по размеру среднедушевого денежного дохода, наличие вакансий, уровень социальной защищенности молодых специалистов при первичном трудоустройстве.

В современных условиях состояние рынка труда во многом является базовым маркером качества жизни населения, определя-

ющим его социальное благополучие. Несмотря на утвержденную Концепцию развития кадрового потенциала Иркутской области на период до 2020 г. [Концепция...], в Иркутской области, население которой стремительно снижается ввиду «западного дрейфа», внутренней миграции в центральные районы России, рынок труда испытывает множество затруднений. Среди них следует отметить достаточно высокую, в том числе официальную, безработицу, низкие реальные доходы населения, поступательно падающие с 2018 г., высокая доля профессиональной миграции и вызванные данными процессами рост теневого занятости, маргинализация населения. При этом высокий индекс демографической нагрузки обнаруживает отток молодежи, снижение доли работоспособного населения, что значительно актуализирует проблемы профессиональной социализации молодежи региона.

Для сохранения жизнеспособности региона необходимы комплексные меры по регуляции рынка труда и социальной защите населения, стратегии повышения привлекательности региональной экономики для возвращения специалистов и вовлечения в социально-трудовые отношения новых молодых высококвалифицированных кадров.

В 2019 г. численность рабочей силы в Иркутской области (в возрасте 15 лет и старше) «составила 1193,1 тыс. человек, из них 1109,3 тыс. человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 83,9 тыс. человек (7,0%) — как безработные, соответствующие критериям Международной организации труда (т.е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю)» [irkutskstat.gks.ru]. Численность трудовых ресурсов снизилась с 2000 г. на 185,9 тыс. чел. При этом нужно понимать, что число постоянно проживающего населения в трудоспособном возрасте снизилась на 265,1 тыс. чел. Потери трудовых ресурсов восполнялись в указанный период за счет иностранных трудовых мигрантов: их численность увеличилась на 53,4 тыс. чел. А также ввиду общегосударственной проблемы старения нации, социальная страта лиц старше трудоспособного возраста, остающихся в трудовых отношениях и занятых в экономике, выросла за указанный период на 29,9 тыс. чел., что не способствует повышению социальной стабильности в регионе [irkutskstat.gks.ru].

Снижение качества жизни населения связано с низкими среднедушевыми доходами. Так, согласно информационным справкам Иркоблкосстата, в 2018 г. 6,3% работающего населения имели доход до 7 000 руб. Сведения представлены в таблице 1.

ТАБЛИЦА 1. Распределение населения по размеру среднедушевого денежного дохода в 2018 г. [irkutskstat.gks.ru]

Все население в том числе со среднедушевым денежным доходом в месяц, руб.	2404,2 (тыс. чел.)	100,0 (в % к итогу)
до 7 000,0	152,2	6,3
от 7 000,1 до 10 000,0	231,6	9,6
от 10 000,1 до 14 000,0	362,6	15,1
от 14 000,1 до 19 000,0	417,9	17,4
от 19 000,1 до 27 000,0	484,7	20,2
от 27 000,1 до 45 000,0	499,2	20,8
от 45 000,1 до 60 000,0	142,9	5,9
свыше 60 000,0	113,1	4,7

Показатели экономики региона, его демографической, профессионально-образовательной структур обуславливают необходимость регулярного мониторинга профессиональных ориентаций молодежи и разработки стратегии укрепления социальных связей между институтом образования и рынка труда. Данный вид социального взаимодействия в области представлен в виде апробированной системы трейсинга, суть которой заключается в мониторинге профессиональной социализации выпускников. Трейсинг распространяется на средний и высший уровни образования. Выпускник школы демонстрирует последующие образовательные траектории, выпускник вуза – профессиональный маршрут, соответствие / несоответствие сферы трудоустройства профилю подготовки. Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников является отражением не только стратегии модернизации отечественного образования, но и состояния рынка труда.

Трейсинг (tracing) является современным вариантом исследовательской модели замеров профессиональных ориентаций и социальных траекторий выпускников учебных заведений, определения востребованных и социально престижных в молодежной аудитории сфер труда, и вместе с тем, анализа динамики социально-трудового поведения молодого поколения, зафиксировать изменения профессионально-образовательной структуры как региона, так и государства в целом. Мониторинг необходим не только и не столько для осуществления замеров социальных изменений, он является основанием для разработки стратегий регуляции трудовой деятельности, снижения рисков безработицы выпускников, противостояния разрастанию теневой занятости, а значит, необходим для обеспечения социальной стабиль-

ности. Грамотно выстроенная система трейсинга позволяет провести не только диагностические мероприятия, но и способствует налаживанию механизмов обратной связи, а также помогает в принятии и корректировке организационно-методических, управленческих решений, стратегических задач [www.hse.ru/org/projects/].

Задачи мониторинга послевузовской профессиональной социализации молодых специалистов возложены, прежде всего, на выпускающую образовательную организацию, которая собирает первичную информацию. Справки составляются на основании сведений о результатах трудоустройства от самих респондентов и их родителей. Зондажные исследования проводятся вузом в течение первого года после окончания обучения. Кроме того, образовательные учреждения вносят сведения о выданных дипломах об образовании в Федеральный реестр документов об образовании (ФИС ФРДО), что является началом учета общего объема занятости выпускников. Мониторинг трудоустройства входит в перечень аккредитационных условий образовательной организации, поэтому сведения выборочно проверяются Рособрнадзором. Далее для объективации данных подключаются социальные службы региона. К примеру, функцию контроля поданных вузом сведений отчасти выполняет территориальная служба занятости населения, которая фиксирует все случаи обращения выпускников за помощью в трудоустройстве и учитывает число получающих пособие по безработице. Кроме названных служб, следует отметить необходимость уточнения информации и из иных источников. Учет востребованности выпускников ведется Пенсионным фондом России. Анализ данной структуры построен на учете пенсионных отчислений работодателей. Налоговые отчисления работников также являются свидетельством вступления молодых людей в трудовые отношения. Иными словами, определение информации по трудоустройству может осуществляться рядом государственных служб и территориальных органов, обеспечивающих социальный и налоговый контроль в регионе.

Очевидно, что в систему мониторинга должны включаться не только факт самого трудоустройства, но и условия самозанятости, предпринимательства и, конечно, необходим учет размера выплат выпускниками их соотнесение со средними показателями экономики региона. В периоды социально-экономической нестабильности результаты трейсинга являются своего рода свидетельством эффективности образовательной организации.

Подобные исследования должны носить лонгитюдный характер, т.к. являются частью комплексных решений, направленных на обеспечение социальной стабильности региона. Мониторинг вовлечения в трудовые отношения направлен на создание условий для взаимодей-

ствия всех субъектов рынка образовательных услуг и института экономики в лице предприятий и организаций региона: «практическая значимость подобных исследований поддерживается возможностью принятия реальных решений и предложений в соответствии с социальным заказом молодого поколения, и конечно, с потребностями предприятий и организаций города и региона в формировании трудовых коллективов, кадрового резерва» [Истомина; 2009: 111].

Очевидно, что в условиях трансформации социальной стратификации изменяются жизненные ориентации всех слоев населения. «Система глобализирующейся культуры, новые парадигмы мышления, типы рациональности проявляются и на образовательной структуре общества... вуз на современном этапе является не только образовательной организацией, но и регулятором социально-трудовых отношений» [Истомина; 2009: 111]. Сложности трудоустройства обусловлены рядом причин, доминирующей из которых является неспособность корректного прогноза состояния рынка труда и его потребностей в кадрах на ближайшие 4-6 лет и в отдаленной перспективе, стремительное устаревание многих профессий и знаний, полученных при обучении. Так, по данным авторских исследований 2007, 2009, 2017, 2019 гг. выявлена недостаточная осведомленность абитуриентов о специфике регионального рынка труда, около 50% имеют представления о спросе на рынке труда на текущий момент. Более того, 60% респондентов не способны сделать выбор профессии самостоятельно, в связи с чем апеллируют к рекомендациям знакомых и семьи в 14,8% и 16,4% случаев соответственно [Истомина, 2019: 161].

Современные реалии сформировали четкое убеждение в молодежной среде: наличие высшего образования является неременным условием для трудоустройства. К сожалению, за последние десять лет не изменились представления молодежи об основных факторах трудоустройства: не теряют актуальности личные связи и знакомства (65%), а также к наиболее действенным в глазах выпускников области по-прежнему являются наличие высшего образования (63%), уровень профессиональной подготовки (34%), деловые и личные качества (21,5%), дополнительные навыки и умения, специальные знания (12,3%). По мнению 42% опрошенных, поиск работы для выпускника представляется затруднительным [Истомина, 2019: 160].

Выбор трудовых траекторий часто обусловлен экономическими факторами, а именно ключевым критерием для большей части выпускников является размер оплаты труда. По данным авторского социологического опроса «Социально-профессиональные ожидания работающей молодежи». Объем выборки — 224 респондента в возрасте 20-29

лет, включенных в социально-трудовые отношения на территории гг. Иркутск, Ангарск. Результаты опроса ожидаемо определили доминирование размера заработной платы среди всех указанных критериев. Результаты опроса представлены в таблице 2.

ТАБЛИЦА 2. Критерии при выборе работы, % [Истомина, 2019: 161]

№	Критерий	%
1	Государственный статус предприятия	25
2	Социальные гарантии	42,8
3	Пусть «серая», но большая зарплата	67,8
4	Пусть небольшая, но «белая» зарплата	14,3
5	Возможность получения опыта	28,6
6	Близость к дому	10,7
7	Наличие отчислений в ПФ РФ	17,8
8	Соответствие специальности	7,1
9	Чтобы работа нравилась	28,6

Выделенные респондентами критерии обусловлены необходимостью решения множества жизненных задач, в том числе витальных и культурных потребностей, нерешенных материальных задач, например, покупки или аренды жилья, оплаты покупок, продуктов питания, обеспечения нужд растущей семьи и т.п. В связи с этим эксперты связывают результативность трейсинга с потенциально заложенной в эту систему способностью сужать поле теневой занятости, фиксировать социально-экономические факторы, способные выступить в роли «барьеров на пути индивидуализации персональных траекторий или, напротив, ресурсов их развития» [www.hse.ru/org/projects].

Важно понимать, что проблемы трудоустройства молодежи в современных условиях являются важными вопросами социальной политики, отражаются на экономическом, политическом, демографическом, социокультурном здоровье общества. Трейсинг является объективированной оценкой состояния рынка труда, что особенно значимо в регионах с высокой миграционной убылью населения. Мониторинг образовательных и трудовых траекторий необходим на современном этапе, поскольку позволяет оценить уровень востребованности специалистов на рынке труда на основе учета стратегии модернизации отечественного образования, а также формулировать предложения, способные отвечать социальным заказам молодого поколения потребностям предприятий и организаций города и региона.

Литература:

Занятость и безработица в Иркутской области (по данным выборочного обследования рабочей силы). — URL: <http://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения: 02.02.2020).

Истомина О.Б. Профессионально-образовательные ориентации молодежи как фактор социально-трудовых отношений // Педагогика. Теория и практика. 2019. № 4. С. 159–163.

Истомина О.Б. Профессионально-образовательный статус: региональные особенности формирования // Проблемы социально-гуманитарного образования на современном этапе модернизации российской школы: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., 1–2 ноября 2009 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2009. С. 110-117.

Концепция развития кадрового потенциала Иркутской области на период до 2020 г. — URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=6pls36&from=yandex.ru> (дата обращения: 02.02.2020).

Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и вузов. — URL: <https://www.hse.ru/org/projects/13315217> (дата обращ.: 22.04.2018).

Распределение населения по размеру среднедушевого денежного дохода в 2018 г. — URL: <http://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения: 02.02.2020).

Православие как национальная идея в общественном сознании интеллигенции

А.А. Хохлов

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Глобализация, сопровождающаяся повсеместным утверждением секулярного взгляда на культуру и духовные ценности, не обошла стороной и Российскую Федерацию. Заметный всплеск интереса к религии и православной церкви в частности приходится на период перестройки. Однако к середине 90-х годов прошлого века наблюдался некоторый спад интереса к религии в обществе, но с началом эпохи Путина исследователи фиксируют очередной подъем религиозности среди граждан. Интеллигенция не является исключением из этого процесса. По данным социологических опросов число идентифицирующих себя с православием респондентов с высшим образованием и с достаточно высоким доходом, значительно увеличилось: в 1991 году православными верующими себя называли 17 % опрошенных, а в 2009 уже 76 % [Зоркая, 2009: 67–70]

Что касается населения в целом, то в России большинство жителей считают себя православными христианами — 87% (от общего числа россиян — 43%). На втором месте традиционно фигурируют мусульмане: 11% верующих (6% от числа всех опрошенных). Менее 1% россиян идентифицируют себя с другими религиями и новыми религиозными культурами (кришнаиты, буддисты, родноверы и т.д.). [Кофанова, Мчедлова, 2003]

Причины таких перемен в структуре социальной идентичности россиян могут быть объяснены отложенной психологической реакцией на распад прежних идентификаций — с семьёй, друзьями, советской общностью — и замещением «имперского» паттерна конфессиональным в общественном сознании.

В то же время не представляется возможным утверждать безусловный характер воцерковленности большинства граждан современной России и, тем более, представителей интеллигенции.

Большинство исследователей давно заметили тенденцию к размыванию традиционной религиозности у современных россиян [Беляев, 2009; Тощенко, 2007]. Тот факт, что многие из тех граждан, которые соотносят себя с православной религией, на самом деле не практикуют обряды и не ходят в церковь, не воспринимается сегодня как парадокс.

Гораздо интереснее взглянуть на отношение образованных россиян к институту церкви и к её наиболее авторитетным представителям, определяющим нынешнюю церковную политику в России. Мы обнаруживаем довольно сложную картину. По данным опросов ФОМ (февраль 2019 г.) респонденты, считающие себя православными верующими, доверяют Церкви и Патриарху: таких более 67 %. Здесь, всё более или менее предсказуемо.

Но вот среди респондентов в возрастной группе до 30 лет, по крайней мере, треть критически настроены к РПЦ и к Патриарху. Если сравнить с более старшими возрастами, то там уровень недоверия в 2–3 раза меньше [Отношение...]. Таким образом, можно утверждать, с известной долей осторожности, что секуляризация достаточно серьезно влияет на самосознание общества (в первую очередь, на молодых, образованных граждан) и способствует усилению критичности в отношении традиционных институтов, в данном случае, религиозным.

Этот факт означает, что усилия государственной власти РФ по конструированию общенациональной российской идентичности на основе традиционных духовных ценностей и религиозных институтов сталкиваются с объективными факторами, которые, в некоторой степени, нивелируют эти усилия.

В задачи данной статьи не входит анализ историко-культурных и политических причин известных антиклерикальных установок отечественной интеллигенции, но необходимо, всё же, уточнить несколько моментов.

В начале 20 века видный русский мыслитель Сергей Булгаков дал характеристику «ордену» отечественной интеллигенции. В частности, он писал следующее: «ни в одной стране Европы интеллигенция не знает такого повального, массового индифферентизма к религии, как наша. <...> Масса нашей интеллигенции с необыкновенной легкостью в самый ранний период развития ума, в отроческий или юношеский возраст принимает догматику атеизма, усвая ей предикат научности» [Булгаков, 2010: 11].

Тем не менее, вопреки всеобщему торжеству материализма и атеизма в интеллигентских кругах начала прошлого века появилось небольшое по числу участников, но, оставившее след в мировой истории, движение русской религиозно-философской мысли. Замечу, что в позд-

несоветские времена такие сборники, как «Из глубины», «Вехи», «Проблемы идеализма», а также работы Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и многих других авторов, активно изучались в кружках советской интеллигенции. Более того, именно интеллигенция в послесталинском СССР инициировала процесс религиозного возрождения. И в перестроечные годы многие авторитетные умы из числа советской культурной элиты фактически возглавили «возвращение к корням» широких масс граждан. Таким образом, нет оснований характеризовать российскую интеллигенцию как атеистическую и сугубо антиклерикальную.

Что касается современного «состояния умов» в России, то трудно не согласиться с теми авторами, которые исследуют идеологические конфликты по религиозным вопросам в России в контексте общемировой тенденции секуляризации культуры [Гура, 2013: 227].

Тем не менее, в России антиклерикальные установки интеллигенции, во многом, обусловлены традицией борьбы части общества за гражданские права и социальный прогресс.

Наконец, десятилетия советского коммунизма с его непримиримостью к религиозному мировоззрению не могли не пройти даром. В постсоветском обществе, которое остаётся в идеологической невесомости и по сей день, «безрелигиозное отщепенство» (выражение П.Б.Струве) дореволюционного времени смешалось с практиками и установками постсекулярного мира, образовав неустойчивое, «гибридное» общественное сознание.

Фактически мы имеем дело с самым настоящим кризисом идентичности постсоветского человека. Этот кризис выражается в трудности социальной самоидентификации индивида, когда «большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» [Андреева, 2011: 14-18].

Ощущение потерянности, утрата прежних устойчивых социальных ориентиров являются типичными признаками глобализации и секуляризации [Бауман, 2004]. Следует добавить, что и религиозную картину мира в обществе текучего модерна, также можно с полным основанием отнести к результату глобализации.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что среди российской интеллигенции есть, как противники религиозных подходов к определению культуры и «духовных скреп» Российской Федерации, так и горячие приверженцы Русской церкви и ее политики.

В качестве примера столкновения этих типов мировоззренческих установок, можно привести конфликт вокруг активности РПЦ в продвижении православной идеологии в учебных заведениях. Конфликт

был инициирован нобелевским лауреатом, академиком В.Л. Гинзбургом еще в 2007 году, когда появилось, так называемое, «письмо десяти» известных ученых в адрес президента РФ по поводу своего несогласия с решением ввести в школьную программу предмета «Основы православной культуры». Авторы письма выражали опасения по поводу нарастания социальной активности РПЦ и защищали ценности и приоритеты светского государства. После опубликования «письма десяти» появилось встречное «письмо пяти» академиков, выступивших с прямо противоположных позиций, в поддержку религиозного просвещения среди учащихся средних и высших учебных заведений [Гура, 2013: 234].

За годы, прошедшие с момента «обмена письмами» ученых мужей, накал страстей в сообществах интеллигенции нисколько не утих; скорее, наоборот, мы наблюдаем эскалацию локальных противостояний по самым разным поводам.

При этом, не меняются исходные позиции конфликтующих сторон. Противники церковной экспансии в социально-политические сферы общества остаются верны либеральной концепции прав и свобод гражданина, которые выше любых институциональных стремлений навязать обществу абсолютную истину.

Консервативно настроенные представители интеллигенции критикуют оппонентов за то, что те пытаются заменить традиционные религии суррогатами агрессивного секуляризма.

Если адепты секулярной идеологии упирают на негативные факты поведения иерархов РПЦ (дорогие часы Патриарха, эпатажирующие высказывания отдельных священников), отстаивая свои позиции, то в консервативных кругах интеллигенции обычно ссылаются на антилиберальные мнения таких авторов, как П. Бюкенен, чтобы «оправдать» свои действия в защиту христианской культуры.

Публичные дискуссии о поисках духовных материалов, с помощью которых можно «скрепить» общество и государство, обеспечив, тем самым, политический континуитет, выходят за рамки обычных споров между представителями интеллигенции [Великая, 2018: 338-342]

По мнению ряда экспертов, в российском обществе наблюдаются негативные тенденции: рост ксенофобии, нетерпимость к другим вероисповеданиям, манипулирование общественным мнением методом обвинений оппонентов в преднамеренном оскорблении религиозных чувств верующих [Religion and violence in Russia, 2018: 79].

Следует заметить, что и законодательная политика, в частности, закон об экстремизме служит поводом для конфликтующих сторон обвинять друг друга в противоправной деятельности. Следствием по-

добной практики, когда дискуссионты прибегают к обвинительной риторике в адрес оппонентов является размывание содержания понятия «экстремизм»; под это определение могут попасть все, кто выражают несогласие с мнениями активных сообществ, членов общественных организаций и даже официальных церковных структур.

Вообще, проблема общественного раскола по линии: секулярность-религиозность остается в фокусе внимания многих ведущих умов современности. Кто-то из авторов видит позитивные перспективы для религиозного мировоззрения в глобализирующемся мире [Милбанк, 2008], отмечая истощение секулярных идеологий. Другие, будучи уверены в неизбежности утверждения секулярного мировоззрения в 21 веке, вместе с тем, допускают определенную нейтральность в диалоге с представителями религиозных и фундаменталистских обществ [Хабермас, 2014].

Во всяком случае, российская интеллигенция не одинока в своих духовных поисках и спорах; мы идем в русле актуальных мировых интеллектуальных и политических процессов.

Отечественная специфика заключается в стремлении государства выступать не только «модератором» общественных дискуссий, но и активным субъектом, который использует идеологические противоречия для достижения своих политических целей: обеспечения устойчивости государства и национального единства.

Несмотря на очевидный рост религиозных самоидентификаций в современном обществе, довольно проблематично рассматривать церковные институты и православную веру, в качестве основных опор для национально-государственного единства. Православие и Русская Церковь не воспринимаются как фундамент национального единства даже самими верующими [Зоркая, 2009:80]

Косвенным образом данный вывод подтверждается и результатами экспертного опроса об угрозах и вызовах, стоящих перед российским обществом. Эксперты оценивали перспективы национальной идеи, основанной на конструктах традиционных ценностей и православии [Комплексное...]. По итогам проведенного исследования можно прийти к заключению, что эксперты не видят в религии национальную идею, духовный стержень, вокруг которого формируются социально-культурные традиции. Скорее, речь идет, по мнению ряда респондентов, о неких концептах, необходимых власти для создания государственной идеологии и для воспитания патриотизма. Большинство участников опроса выражают сомнения в эффективности политики, опирающейся на РПЦ и православное мировоззрение.

Ряд экспертов разграничивают понятия: «национальная идентичность» и «религиозно-культурная общность», подчеркивая тот факт, что культура питается из различных источников, в том числе, и из религиозных традиций. Но нация, по их мнению, формируется, как секулярная целостность, поэтому и национальная идентичность также не обязательно должна быть связана исключительно с церковью и конфессией.

Парадоксальным образом высокие показатели религиозной самоидентификации граждан не оказывают влияния на восприятие религии как духовной «скрепы» нации и государства. Регулярные опросы общественного мнения указывают на это противоречие.

В ответах на вопрос о том, что связывает нас с нашим народом локальность (место, где я вырос), язык и события прошлого в арсенале ценностей респондентов значат больше, чем религия и церковь. [Общественное...,: 31]

Можно с уверенностью констатировать факт существенного разрыва между отношением к религии большинства граждан, как психологически важной духовной опоры для личности, и восприятием православия как национально-государственной идеологии представителями российских властных элит и части политического класса.

Что касается антиклерикальных настроений части интеллигенции, то этот феномен может быть рассмотрен и осмыслен в контексте актуальных политических процессов в РФ и перемен в социальном самочувствии граждан.

Представители современной интеллигенции не ведут борьбу с РПЦ и религиозным мировоззрением; скорее, здесь имеет место выражение несогласия с политизацией религии и стремлением властного истеблишмента использовать православие в качестве идеологического конструкта.

Во всяком случае, религия и церковь в современном обществе «текучего модерна» не способствуют упрощению задач национально-государственного строительства, а, наоборот, порождают новые политические противоречия и общественные конфликты.

Представители российской интеллигенции являются камертоном общественных настроений; они предупреждают правящий класс об опасностях схематичного подхода к сложным и неоднозначным проблемам национального строительства. Популярными среди части элиты концепты «симфонии РПЦ и государственной власти» и «традиционные ценности», по всей видимости, вызывают неоднозначные реакции в православной среде и в сообществах интеллигенции.

Вполне вероятно, что в данном случае могут возникать аналогии с КПСС, как «направляющей и организующей» силы в коммунисти-

ческой системе. И образованные граждане, независимо от степени религиозности, не желают повторения прошлого и трансформации РПЦ в политический институт с претензией на идеологическую монополию. Кроме того, с учетом объективных процессов секуляризации значение религии в повседневной жизни образованных россиян, по всей видимости, не столь велико, как это представляется в церковных кругах и среди представителей политического класса России.

Литература:

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 6(20)

Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества / Пер. с англ. М., 2004.

Бьюкенен П. Смерть запада. М., АСТ., 2007

Беляев Д.О. Опыт эмпирического исследования гетеродоксальной религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 11

Булгаков С.Н. Интеллигенция и религия. — СПб.: Изд-во Олега Абышко; Сатись, 2010.

Великая Н.М. Интеллигенция и религиозный дискурс: конфликтное противостояние в постсекулярном обществе: Сб. науч. ст. Сер. «Интеллигенция и современность» Смыслы жизни российской интеллигенции. Москва, изд-во РГУ, 2018

Гура В.А. Интеллигенция и церковь в России: прошлое и настоящее. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013.

Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе. М., Вестник общественного мнения, 2 (100) апрель-июнь 2009г.

Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века / Пер. с англ 2-е изд., испр. Париж: YMKA-PRESS. 1991.

Кофанова Е.Н., Мchedлова М.М. Религиозность россиян и европейцев. М., Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4(98)

Милбанк Джон. Секулярность имеет тоталитарные наклонности. М., РЖ, 2008

Общественное мнение-2018. Москва, Изд-во Левада-Центр, 2019

Комплексное исследование «Мониторинг общественного мнения населения относительно актуальных социокультурных угроз» (Проект РНФ 17–78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование»); экспертный опрос. В качестве экспертов выступали компетентные участники социальной, социально-экономической, социально-политической жизни — специалисты, чья деятельность сопряжена с изучением, освещением социокультурных и социополитических угроз и рисков, профилактикой возникающих диспропорций и возможных конфликтов. Всего было опрошено 36 экспертов.

Отношение к РПЦ и Патриарху. Официальный сайт Фонда Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14178> (дата обращения 31.01.2020)

Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность. М, Academia. 2007.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6

Хабермас Ю. Вера и знание. // Искусство войны. 2004. №4

Religion and violence in Russia., London. New York. CSIS. Rowman and Littlefield. June 2018

Мировоззренческая позиция молодежи в оценке Великой Отечественной войны

Л.С. Именнова

доктор культурологии, доцент,
профессор Российской международной
академии туризма (г. Химки Московской области)

Накануне празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне в Российской международной академии туризма реализуется программа мероприятий военно-патриотической тематики. Среди них исследовательский проект «Война через историю моей семьи» — конкурс творческих работ студентов факультета среднего профессионального образования; его организатором выступает деканат.

Участники конкурса должны как можно больше узнать о войне от своих родных, выявить информацию про прадедов, услышать о тяжелых испытаниях, через которые они прошли, изложить в формате творческой работы, цель которой — взглянуть на историю через призму своей семьи. Впервые такой конкурс был проведен в 2007 г. в качестве разовой акции; с 2017 года он стал регулярным, приобрел проектный характер. В юбилейном 2020 году объявлен очередной этап конкурса, в котором примут участие студенты первого и второго курсов. Работы будут опубликованы в специальном сборнике и переданы на хранение в Музей боевой славы РМАТ.

В 2017 г. в конкурсную комиссию поступило более 150 работ, 130 из них опубликованы в сборнике, выпущенном Российской международной академией туризма [Помним... Гордимся, 2017]; нами предпринято их исследование.

Цель работы — проанализировать «жизненный мир» студентов в их отношении к военно-патриотической проблематике, выявить, как в представлении молодежи «семейный мир» соотносится с самым значимым событием XX в. в нашей стране — Великой Отечественной войной.

Для реализации цели решались следующие задачи:

1. Определить соответствие мировоззренческой позиции студентов в оценке Великой Отечественной войны официальной идеологической установке.
2. Определить общие тенденции, характерные для описания студентами событий военного времени и их участников.
3. Выявить составляющие мировоззренческой позиции студентов в оценке времени, событий, действующих лиц.

Конечно, студенты — это еще не интеллигенция, кто-то из обучающихся никогда не станет интеллигентом, но в определенной степени молодежь демонстрирует потенциальные мировоззренческие тенденции, вероятность утверждения которых в будущем в качестве господствующих и разделяемых большинством достаточно велика.

Факторы, определяющие и формирующие их мировоззрение: официальная идеологическая доктрина; образовательно-воспитательный процесс (преподаватели, учебники, книги, мероприятия и т.д.); семья. В этом возрасте у молодых людей активно формируется собственная позиция.

В настоящее время официальная идеологическая установка на высокую оценку победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, его роли в итогах Второй мировой войны формируется целенаправленно, вполне определенно провозглашена, активно и последовательно проводится на государственном уровне. Начало подготовки к юбилею 2020 года было положено Указом Президента РФ от 09.05.2018 № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [Указ, 2018]. 2020 год объявлен Годом Памяти и славы [Указ, 2019]. Заседания Российского организационного комитета «Победа» проходят под председательством В.В. Путина, видеозапись и стенограмма публикуются на официальном сайте Президента; особо подчеркивается «просветительская миссия» программ празднования юбилея, их ориентация на молодое поколение: «Продуманная, созвучная восприятию современной молодёжи и, главное, честная патриотическая повестка должна укреплять в новых поколениях проверенные самой жизнью базовые ценности, которые отражают наши традиции, национальную идентичность, весь исторический путь России с её испытаниями и триумфами» [Выступление Президента, 2019].

Идеологическая стратегия ориентирована на чувственное воздействие; утверждается, что в отношении к войне, ее событиям и героям нужен не только сухой, логический, рациональный подход; для того,

чтобы ее понять, необходимо пропустить через сердце, душу, увидеть через судьбу своих родных: «Нам нужно вместе сделать всё необходимое, чтобы наполнить его [юбилей] живым содержанием, искренним, выразительным и запоминающимся, в принципе исключить формальный, равнодушный подход к организации мероприятий, где бы они ни проходили» [Выступление Президента, 2019].

Самый верный путь к задушевности — разговор о семье, об отцах, дедах, прадедах. Примеры использования этого ресурса нам подаются на самом высоком уровне. Президент России В.В. Путин, принимая участие в мероприятиях, посвященных памятным военным датам, говоря о трагедии и героизме войны, ссылаясь на опыт собственной семьи, демонстрируя бережное отношение к памяти о людях и событиях не только в масштабе страны, но и в ее малой ячейке — семье; постоянно подчеркивается, что воины защищали не только страну, Родину, но и близких людей — матерей, жен, детей.

Высокая оценка подвига народа в Великой Отечественной войне разделяется большинством в российском обществе, День Победы воспринимается как общенародное торжество и одновременно семейный праздник.

Личностная позиция студентов базируется на тех фактах и их интерпретациях, которые транслируются средствами массовой информации, в учебном процессе, переданы преподавателями, прочитаны в учебниках, выражающих позиции историков, педагогов, методистов. Тем самым настроения в студенческой среде отражают определенные тенденции общества.

Нами учитывалось, что творческие работы — часть учебно-воспитательного процесса, их проверяют педагоги, которые ставят оценки в журналы и ведомости. Однако с учетом свободы выражения мыслей и позиций, которую демонстрирует современная молодежь, это не снижает корректность результатов анализа.

Объект анализа — 130 сочинений студентов, объединенные в три рубрики: «Письма ветеранам», «Моя семья в годы Великой Отечественной войны», «История одного героя».

В результате анализа выявлены следующие тенденции, которые прослеживаются в большинстве или в значительном числе работ:

1. Студенты достаточно четко осознают высокий информационный потенциал рассказов, воспоминаний родственников, устных преданий не только как «семейной летописи», но и как источника для познания истории страны в ее значимые, решающие моменты: «Мы можем еще услышать военные истории из первых уст»; «Война уносит людей, но не воспоминания о них. После прадедушки у нас осталось много фотографий. Все эти вещи создают историю»; «Это

осталось в памяти моей бабушки. Она рассказала моей маме, а мама — мне. Человек должен знать своих предков. Это дань благодарности, дань памяти. Давайте помнить об этом!»

Это соответствует актуальной в исторической науке тенденции признавать частные мемуары, воспоминания, рассказы ценными источниками, сопоставимыми по своей исторической значимости с документами. Студенты пишут о том, что хранители памяти о Победе — семейные архивы, реликвии, предания; нужно сберечь это наследие, сделать его всеобщим достоянием.

2. В студенческих работах прослеживается четкая тенденция обозначать субъекта-победителя в войне словами «народ», «Родина», «Отчизна», «держава», «страна»; студенты избегают слова «СССР», «Советский Союз» (всего пять раз в 130 работах). Исторические реалии обозначаются современными понятиями, вплоть до того, что в одном из сочинений написано: «Ведь именно Вы спасли нашу Россию от иноземных захватчиков». В определенной степени это отступление от историчности как одного из оснований мировоззренческой позиции.

3. Студенты осознают необходимость документального обоснования своих работ. Для точного описания военной биографии прадедушек они обращаются к архивным документам, используют ресурсы Интернет, делают хотя и семейные, частные, маленькие, но тем не менее значимые открытия. Они осознают историческую значимость своей работы, используют элементы методов научного исследования.

4. Характерная черта мировоззренческой позиции студентов — рассматривать Великую Отечественную войну в неразрывной связи с историей каждой российской семьи, в том числе собственной. Общая Победа складывалась из миллионов больших и малых побед участников войны — от маршалов до рядовых. Студенты обосновывают важность написания истории семьи, своих близких, демонстрируют понимание того, что общая картина Великой Отечественной войны должна включать частные, семейные истории.

В настоящее время в исторической науке расширяется круг объектов, событий и персоналий, подлежащих изучению и осмыслению. Если еще полвека назад историков в большей степени интересовали маршалы Победы, то теперь таким же правом на память наделены все воины, приближавшие ее в каждодневных боевых подвигах, а мирные жители — в трудовых.

Жанр творческой работы о ветеране — члене семьи соответствует важной тенденции в науке — возвращению к повествованию, нарративу. Студенты не только излагают факты прошлого, имеющие историческое значение, но и передают свое видение, отношение к ним, так или

иначе оценивают их. Они говорят от души, их стиль необыкновенно эмоционален.

5. В системе ценностей студентов военно-патриотическая составляющая занимает важное место. Они отмечают, что в обыденной жизни, за повседневными хлопотами мы не всегда оцениваем по заслугам близких. Работа над сочинениями о родственниках — участниках войны помогает увидеть героизм людей, живущих рядом, под одной крышей. Студенты эмоционально (с большим количеством восклицательных знаков) пишут о том, что они гордятся членами своей семьи, прадедушками, прабабушками — участниками событий Великой Отечественной войны, которые они называют «грозными и величественными». Они формулируют мысль о том, что выжить в такой войне, в ее крупномасштабных битвах и боях местного значения — это тоже подвиг, подвиг во имя того, чтобы участвовать в следующих сражениях, внести свой вклад в общую Победу, вернуться домой победителем и творцом побед в мирной жизни: нужно было поднимать страну из руин, создавать семьи, воспитывать детей в светлой памяти о трагических событиях.

6. Студенты осознают чувство групповой принадлежности, причастности к истории страны через судьбы родственников: «Великая Отечественная война — это история нашего народа, единство с которым мы особенно ярко ощущаем накануне праздников»; «Мы чувствуем родство с легендарными предками, проникаемся патриотической идеей». Студенты пишут, что, сохраняя, фиксируя, передавая память о близких, участниках Великой Отечественной войны, мы сможем выполнить свой долг — гражданский, семейный, личный — перед старшими поколениями.

7. Работы в рубрике «Письма ветеранам» по жанровой специфике предполагали создание обобщенного образа воина-ветерана, к которому обращаются студенты. Он приобретает мифологизированный, былинный характер, это, по мнению студентов, «настоящий герой». Эта монументальность дает основание говорить о персонификации народа в образе воина-победителя. Студенты пишут: «Здравствуй, дорогой Ветеран!», имея в виду, что ветеран — это целое поколение, поколение-ветеран. Память о событиях и людях, которую фиксируют студенты в своих работах, передавалась в семье изустно в легендах, преданиях; это своеобразный фольклор, семейная мифология; фольклорному жанру соответствует гиперболизация, героизация, мифологизация.

Возрастные характеристики участников войны или неопределенные, или соотношены с собственным возрастом авторов сочинений; это люди молодые, только вступающие в жизнь, практически их ро-

весники; повторяющийся мотив — после школьного бала (или вместо него) выпускники ушли на фронт: «Ведь Вы были совсем юными, и в те летние дни 1941 года многие из Вас, кто вскоре ушли на фронт, оканчивали школу, готовились к выпускному балу, строили планы на будущее»; «Вы были совсем юные мальчики и девочки, только что со школьной скамьи»; «Когда началась война, Вы были нашими ровесниками, и летом того рокового года вместо выпускного бала Вы пошли защищать Родину», «Многие парни и девушки, мечтавшие о счастливой жизни, ушли на фронт и не вернулись»; «Будучи юношей, вы смогли вырвать победу у врага, выстоять вопреки и всем». Студенты демонстрируют, возможно, неосознанное желание «примерить» на себя этот жизненный опыт.

В рубрике «Моя семья в годы Великой Отечественной войны» студенты рассказывают о конкретном, реально жившем человеке, члене семьи, прадеде или прапрадеде. Однако образ родственника-ветерана тоже идеализирован, героизирован: «Я не видела моего прадедушку, знаю о нем по рассказам бабушки, но знаю точно, что это был очень образованный, героический и отважный человек, который воспитал настоящих патриотов — своих детей»; «Прабабушка рассказывала мне, что прадед был сильным и мужественным человеком».

Студенты конструируют образ героя-фронтовика, труженика тыла, наделяют их исключительно положительными качествами, причем в превосходной степени: «Я знаю, что все они были бесстрашными воинами»; «На войне проявлялись Ваши лучшие человеческие качества: смелость, мужество, самоотверженность, любовь к Родине. Война не может ожесточить честного, благородного человека, она лишь раскрывает лучшие качества его души»; «Вы сражались отважно и бесстрашно»; «Вы все — великие люди, и мы по праву гордимся Вами»; «Мне кажется, что мой дедушка внес большой вклад в Побуду!»; «За самоотверженный труд прабабушка награждена медалью «За трудовую доблесть». Этой наградой бабушка очень дорожила — это была награда не только за ее труд, но и за ее вклад в Победу над врагом». В одном оценочном ряду поставлены фронтовики и мирные жители.

8. Тема героического подвига в работах преобладает; реалистические, порой натуралистически горестные описания хотя и редки (их всего пять), но все-таки имеются; это неприукрашенные картины военной жизни: «Моя бабушка была труженицей тыла. Когда началась война, ей было 15 лет. Их, малолеток, заставляли работать на торфяниках и заготовке леса. Зимой они жили в бараках. Не было теплой одежды, еды. Ели кисель из гнилой картошки. Хлеба не хватало. Зимой работали в лаптях, которые примерзали к ногам. Давайте же сохраним

и это в своей памяти и передадим потомкам, чтобы все помнили о том, какой ценой досталась Победа!».

9. С точки зрения студентов, война — фактор сплочения народа: «Любовь в Отчизне сплотила всех, старых и малых». Как и в те времена, в наши мирные дни память о войне воспринимается как фактор, консолидирующий общество, она объединяет разные поколения: «Благодарные потомки никогда не забудут своих героев». Семья и страна переплелись в горниле войны.

Студенты чувствуют причастность к героическому прошлому страны через прадедов-ветеранов: «Раньше я и не представляла, что в моей семье есть герои, а сейчас я знаю, что они есть, и безумно этим горжусь!» Семейные рассказы перерастают в родовые предания; в некоторых семейная история исчисляется поколениями: «Два поколения назад мой род встретил Великую Отечественную войну. Первыми столкнулись с ней прадед и прабабушка... Война разбросала и разобщила мой род. Каждому человеку она доставила неизмеримое горе, забрала много лет жизни, а у многих и саму жизнь».

10. Факт испытания войной расценивается как значимый; основной лейтмотив: пережить войну — это подвиг. Авторы творческих работ героизируют все, что связано с военным временем. Если в военное время героями считались люди исключительные, их поступки оценивались как необычные, то современная молодежь демонстрирует высоко уважительное отношение ко всем, пережившим войну: «Каждый из солдат, которые воевали с фашистами, по праву называется героями, независимо от того, остался ли он на поле брани или дошел до Победы»; «Боевой подвиг прадеда заключался в том, что он бесперебойно перевозил боеприпасы, горюче-смазочные материалы и продовольствие»; «Бабушка работала в колхозе, чтобы прокормить защитников Отечества». В представлении молодежи не девальвируется представление о героях как исключительных личностях, героями видятся все участники войны, в том числе прадедушки и прабабушки.

11. Меняется оценка событий, жизненных поступков. Известно, что во время войны и сразу после ее окончания негативно оценивались случаи, когда воины Красной Армии попадали в плен или мирные жители были насильно угнаны в Германию. Эта часть семейных преданий скрывалась, и небезосновательно. Сейчас ситуация изменилась. В двух работах студенты рассказывают, как их родственники-воины попали в плен, какие испытания их ждали. Студентка пишет со слов бабушки о прадедушке (ее отце), который долгое время пробыл в плену, после окончания войны остался жить в Германии, завел новую семью, оставив в Советском Союзе детей, в том числе дочь, в настоящее время

бабушку автора работы; заканчивается работа словами: «Я очень горжусь своим прадедушкой. Очень рада за свою бабушку, ведь она смогла жить дальше, потеряв своего отца».

В другой работе студент говорит о недавно открытых фактах: «Сравнительно недавно все мы узнали о том, что сотни тысяч рядовых солдат, офицеров, партизан, тыловиков погибли после войны — уже в советских концлагерях, признанные “врагами народа”».

12. В шести работах отмечены тема покаяния перед поколением фронтовиков: «Мы часто забываем про исторические подвиги своей страны, мы мало знаем о Вас. Простите нас за незнание своей великой истории, за равнодушие в Вам. Вас так мало осталось, и Вы ничего не требуете и не ждете от нас. Я верю, наступит время, и молодежь поймет, что необходимо возвращаться к своим корням, изучать прошлое родной земли и гордиться им!»; «Мне стыдно перед Вами за неухоженные памятники героям войны, за незнание своего прошлого, своей истории. Ведь только благодаря Вам мы сегодня живем на свете»; «Мне кажется, что в настоящее время жизнь у ветеранов складывается не лучшим образом. Большинство ветеранов испытывают жилищные и финансовые трудности. Почитав статьи в интернете, я поняла, что у ветеранов России пенсии намного ниже, чем у участников войны в других странах. Это, действительно, ужасно. Россия — великая держава, и я считаю, что мы должны всячески поддерживать и оберегать защитников державы».

13. Жизнь прадедов воспринимается как образец для подражания («яркий пример патриотизма»), практически в каждой работе — выражение благодарности: «мы помним», «мы гордимся», «хотим выразить благодарность», «благодарны Вам за Вашу смелость, отвагу, честь, любовь к Родине», «испытываем гордость за наш великий народ»; «Мы никогда не забудем тех, кто подарил нам светлое будущее. Не забудем и не вычеркнем из истории нашей страны и наших сердец тех, кто выстоял, тех, кто не вернулся с поля боя, кто сражался до последнего вздоха, тех, кто пропал без вести».

Страна — народ — прадеды (близкие люди, родственники) представлены как триединая формула Победы: «Я горжусь своей страной, я горжусь своими предками, я горжусь этой Победой»; «Наш народ выиграл Великую Отечественную войну, и мой прадедушка — герой!»

14. Четко выражено понимание общемировой значимости Победы советского народа, Победа оценивается как эпохальное событие, важное для всего мира: «День Победы — праздник всего человечества», «Вы добились великой Победы не только для каждого из нас и для нашей Родины, но и для всей планеты»; «Мы благодарны нашим пра-

дедушкам и прабабушкам, которые отстояли мир на Земле»; «Я помню своего прадеда, горжусь им и никогда не забуду его подвиг во имя жизни на Земле!»

15. Практически во всех сочинениях присутствует мотив связи, преемственности поколений, старшее поколение воспринимается как идеал, к которому нужно стремиться: «Сегодня молодое поколение нашей громадной страны как никогда нуждается в Вашем высоком идеале! Вы — живые примеры доблести, отваги и мужества! Ваш доблестный подвиг и героизм послужат нам ярким примером для подражания». Большинство работ завершают призывы или заверения в сохранении памяти: «Я буду помнить Вас, мы обязаны все помнить!»; «Ваш подвиг живет в наших сердцах»; «Наш долг — помнить о них всегда!»; «Мне очень нравилось ходить с прабабушкой и прадедушкой на парад. Ты испытываешь совершенно особенное чувство, когда находишься рядом с настоящим ветераном! Я очень горжусь своими прадедушкой и прабабушкой и счастлива, что у меня была и есть возможность общаться с реальными свидетелями и участниками тех исторических для нашей страны дней!»; «Дорогой дедушка! Я знаю, что ты был мужественным и храбрым! Ты — герой! И в нашей семье все гордятся тобою! Каждый год мы с бабушкой, мамой и сестрой приезжаем на Красную площадь возлагать цветы к памятнику Неизвестному Солдату. Мы принимаем участие в шествии Бессмертного полка, гордо пронося твой портрет».

Победа в войне в системе оценок связана с патриотизмом, с единством страны: «Сегодня в нашей стране растет поколение молодых и энергичных патриотов. Мы помним ваш подвиг, Ваши победы. И помним цену этой победы. Мы всегда будем со своей страной. Мы всегда будем против войны»; «Я горжусь тем, что знаю о военных и трудовых подвигах своей семьи и принадлежу к эти славным людям. Семья, ее традиции воспитывают молодежь в духе патриотизма, и память о Великой Отечественной войне, которую бережно хранит наша семья, тому подтверждение».

Для наших дней характерна мировая тенденция — внушить нашему народу (и всему человечеству) представление о том, что не так уже важна роль нашей страны во Второй мировой войне, в победе антигитлеровской коалиции. Кому-то очень хочется отнять у нас Победу, потому что и 75 лет назад, и сейчас — это то, что нас объединяет, чем мы можем по праву гордиться, что составляет часть нашего духовного мира, этим знанием мы сильны. Понимание этого, желание сохранить Память о своих близких, а через них — понимание истории страны демонстрируют студенты Российской международной академии туриз-

ма. Они видят свой моральный долг в сохранении семейной памяти как части исторического наследия: «Каждому человеку важно знать, какие события происходили в истории его Родины. Уходит человек. Уходит целое поколение. Остаётся память... Мы не можем не сказать о наших родственниках. У каждого из нас есть семейная история, которой можно гордиться и которой нужно дорожить. И у нас есть такая история про наших прадедов».

Таким образом, на основе анализа суждений, высказанных студентами в творческих работах с общей тематикой «Война через историю моей семьи», можно сделать вывод о солидарной позиции молодежи по отношению к событиям и участникам войны. Она соответствует высокой оценке значения победы советского народа в Великой Отечественной войне, выраженной на государственном уровне, декларируемой и утверждаемой в официальной идеологической политике, что свидетельствует об эффективности последней. Суждения студентов соответствуют логике исторических представлений, выражаемых общественным мнением. Молодые люди представляют войну в абсолютно определенном сегменте оценочных суждений: безусловно признается великая роль советского народа-победителя. Семейные истории, рассказы, предания маркируются ими как достоверные источники исторической информации, заслуживающие уважения, сохранения и передачи последующим поколениям. В их мировоззрении частные семейные легенды органично вплетаются в историю страны; в таком контексте молодые люди демонстрируют свою сопричастность (через нити семейного родства) подвигу дедов и прадедов во имя Родины, великой Победе, которая оценивается как торжество правого дела. Итоги войны, в представлении студентов, важны не только для нашей страны, но и для всего мира.

Литература:

Помним... Гордимся! Химки: РМАТ, 2017.

Выступление Президента РФ на заседании Российского организационного комитета «Победа 2020». 11 декабря 2019 URL.: <http://kremlin.ru/events/president/news/62293> (дата обращения 01.02.2020)

Указ Президента РФ от 09.05.2018 № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. URL.: <http://kremlin.ru/acts/bank/43034> (дата обращения 01.02.2020)

Указ Президента России от 08.07.2019 № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы. URL.: <http://kremlin.ru/acts/bank/44425> (дата обращения 01.02.2020)

Ценности и ценностные ориентации в реализации проектной деятельности как формы социальной активности студенческой молодежи

И.А. Газиева

кандидат социологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Москва)

Студенчество является социальной общностью, формирующей ряды интеллигенции, что не нуждается в дополнительном обосновании. С учетом обстоятельств и факторов, способствующих стремительному всестороннему изменению социальных структур и процессов, изучение студенческой молодежи как важнейшей социальной группы, которая через полтора-два десятилетия станет опорной интеллектуальной силой развития страны, заслуживает особого внимания. Пожалуй, наибольшего внимания заслуживают их ценности, ценностные ориентации и установки, поскольку именно они, в первую очередь, подвержены сегодня существенной трансформации под влиянием многих внешних факторов.

Данной проблеме сегодня уделяется достаточно большое внимание представителями современной российской социологической науки. Так, согласно результатам исследования Фонда «Общественное мнение», проведенного в 2016г., более половины молодых россиян ориентированы на высокий доход, а не на интерес к профессии и профессиональное развитие [«Ориентиры и ценности...», 2020]. Об этом же говорит и М.Н.Яковлева: «Современная российская реальность порождает более прагматичные смысло-жизненные ориентиры молодежи, которые, хотя, в своей основе и остаются неизменными (семья, работа), отодвигают на второй план нравственно-этические ориентиры, традиционно характерные для российского социума и особенно акцентированные в советский период» [Яковлева, 2018].

Кроме того, мы можем вполне обоснованно утверждать, что ценностные акценты в молодежной среде смещаются, а точнее — их сдвигает социальная реальность. Об этом можно говорить, в том числе,

принимая во внимание результаты исследования, проведенного авторами монографии «Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики». Согласно результатам их опроса современная молодежь не чувствует себя достаточно включенной в социальные связи, равно как и не чувствует себя недостаточно интегрированной в общество. В то же время, не смотря на то, что в структуре досуга молодых людей заметное место занимает общение с друзьями, виртуальное общение начинает доминировать по сравнению с реальным. [«Ценностные ориентации...», 2017] Соответственно, мы являемся свидетелями еще и стремительного перехода молодежной коммуникации из физического пространства в виртуальное. И данные тенденции приобретают угрожающие масштабы.

Все эти тезисы еще раз подтверждают необходимость не только масштабного изучения и социологической диагностики ценностных трансформаций в среде студенческой молодежи, но и разработки конкретных мер и рекомендаций по управлению этими трансформационными процессами. Ведь студенческая молодежь является носителем определенных ценностей интеллигенции будущего.

Согласно Российской социологической энциклопедии, ценностью является «свойство общественного предмета удовлетворять определенным потребностям социального субъекта» [Яковлев, 1998]. Кроме того ценности представляют собой «совокупность установок на высшие жизненные принципы, идеалы, отраженные в целях жизнедеятельности и средствах их достижения, содержащиеся в коллективных представлениях о должном, важном, значимом», кроме того, именно ценности отвечают за «мировоззренческое, смысловое наполнение жизнедеятельности молодежи» [Зубок, 2018]. Таким образом, изучая ценности студенческой молодежи необходимо учитывать то, что они передаются в процессе социализации, а усваиваются и в дальнейшем трансформируются под влиянием меняющейся социальной среды.

Что касается ценностных ориентаций, то это более инструментальная категория, которая, по мнению ученых, характеризует «общий подход человека к миру, к самому себе, придает смысл и направление личностным позициям, поведению и поступкам» и базируется на сформировавшихся потребностях личности, ее желаниях и стремлениях, играя ведущую роль в процессе принятия решений. [Елишев, 2011] По сути, социальные ориентации представляют собой «устойчивое избирательное отношение субъекта к миру ценностей и оказывают значительное влияние на выбор формы поведения» [Федосова, 2009]. В нашем понимании, социальные ориентации молодежи — это характеристика, совокупно описывающая некую направленность, установ-

ку каждой личности на определенные социальные ценности, которая формирует предпочтительное отношение студенческой молодежи к определенной группе этих ценностей.

Именно такое понимание социальных ориентаций было положено в методологическую основу социологического исследования, проведенного автором среди наиболее активных представителей студенческой молодежи.

Возвращаясь к идее, озвученной в начале данной статьи о базисности именно студенчества для формирования общности интеллигенции будущего, сделаем дополнительный акцент на необходимости его условной сегментации по разным основаниям. Здесь может идти речь об отраслевой сегментации, сегментации по уровню успеваемости или уровню сформированности тех или иных компетенций и т.д. Мы же остановимся на сегментации по уровню социальной активности, поскольку с высокой вероятностью именно представители наиболее активной части современной студенческой молодежи в будущем станут субъектами управленческого воздействия в различных сферах общественного производства.

В этой связи нами было проведено социологическое исследование среди участников Всероссийского акселератора социальных инициатив RAISE [<https://raise.ranepa.ru>], деятельность которого охватывает студенчество многих российских вузов в 43 регионах страны. Данная общность студентов характеризуется своей нацеленностью на формирование прикладных практико-ориентированных компетенций, поскольку Акселератор представляет собой широкомасштабную образовательную программу с конкурсной составляющей, нацеленную на формирование у студентов надпрофессиональных практических компетенций в ходе разработки и реализации реальных проектов. В силу того, что деятельность Акселератора не включена в основной образовательный процесс, участниками его можно стать лишь в добровольном порядке. А это значит, что в нем участвуют мотивированные на специфический вид деятельности студенты.

С целью детального изучения практических и образовательных эффектов, полученных по результатам деятельности Акселератора, как уже говорилось выше, автором было проведено социологическое исследование среди участников акселерационного сезона 2017-2018гг. (N=200, M = 1100), одной из задач которого являлась социологическая диагностика причин участия студентов в работе Акселератора. Диагностика была проведена посредством многомерного статистического анализа части массива данных: факторного и кластерного, — в результате чего было получено 2 фактора.

В зоне положительных значений первого фактора (параметры фактора и факторные веса представлены в таблице 1) находятся респонденты, которые участвуют в RAISE, чтобы получить некоторый предпринимательский опыт от проектной работы, а так же ускорить обучение в рамках всей учебной деятельности. Кроме того, в зоне положительных значений данного фактора находятся респонденты, которые участвуют в RAISE, потому что хотят успешно трудоустроиться, благодаря сформированным практическим навыкам и благодаря наработанным в ходе реализации проектов связям, они поддерживают социальную роль и ценность социального предпринимательства в развитии региона, хотят иметь возможность поехать в другие регионы, в Москву, на зарубежную стажировку. Так же это студенты, которые в целом ведут активную общественную жизнь в вузе, и RAISE для них это — одна из множества существующих проектных активностей.

Соответственно, здесь можно говорить о том, что в зоне положительных значений данного фактора находятся студенты, которые нацелены на формирование вполне конкретных практических навыков. Большая часть того, что они хотят получить в ходе работы в Акселераторе, должна способствовать их эффективному трудоустройству, а так же профессиональному становлению и развитию через получение дополнительных возможностей и формирование дополнительных компетенций. Поэтому назовем данный фактор — фактором начальной профессионализации.

ТАБЛИЦА 1. Содержание фактора начальной профессионализации

Параметры фактора	Факторный вес	Полное согласие, %
Я участвую в RAISE, чтобы...		
... чтобы получить некоторый предпринимательский опыт от проектной работы	0,845	85
... ускорить обучение в рамках всей учебной деятельности	0,657	78
Я участвую в RAISE, потому что		
... поддерживаю социальную роль и ценность социального предпринимательства в развитии региона	0,844	85
... хочу успешно трудоустроиться, благодаря сформированным практическим навыкам	0,696	76
... хочу успешно трудоустроиться, благодаря наработанным в ходе реализации проектов связям	0,557	60
... хочу иметь возможность поехать в другие регионы, в Москву, на зарубежную стажировку	0,513	69
... веду активную общественную жизнь в вузе; RAISE для меня это — одна из множества существующих проектных активностей	0,417	66

Графическое отображение распределения массива данных по данному фактору представлено на рисунке 1, где приведены центры и размеры полученных кластеров (групп респондентов). Из рисунка мы видим, что в ходе анализа выделилось четыре кластера, различающихся своими координатами по данному фактору. В зоне положительных значений фактора (кл. 2) находятся студенты, выразившие полное согласие с параметрами данного фактора, их немногим меньше половины (44%). Почти такое же количество респондентов (42%) находится в зоне отрицательных значений фактора, но ближе к нейтральному (к.3), что говорит об их неустойчивом отношении к высказываниям, формирующим содержание фактора. В зоне отрицательных значений фактора (кластеры 1 и 4) находится лишь 14% респондентов, которые полностью не согласны с суждениями, входящими в содержание фактора. Необходимо отметить, что согласно данным, приведенным в таблице 1, каждый параметр фактора поддержан большинством респондентов (в правой колонке таблицы указана доля респондентов, выразивших полное согласие с высказыванием).

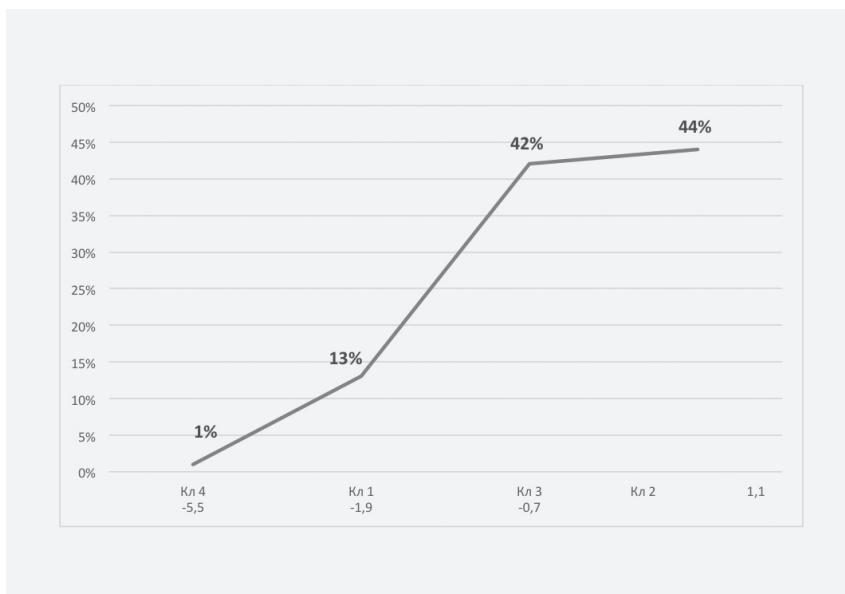

РИСУНОК 1. Графическое отображение распределения массива данных по фактору начальной профессионализации (на оси абсцисс отмечены номера и центры кластеров)

Что касается второго фактора (Таблица 2), то в положительной зоне его значений оказались респонденты, нацеленные, в первую очередь, на удовлетворение своих амбиций, благодаря участию в работе Акселератора. Эти респонденты участвуют в RAISE, чтобы выиграть конкурс проектов, и потому что хотят быть конкурентными, хотят побеждать; и в принципе их привлекает в RAISE именно наличие конкурсной составляющей. Кроме того, в зоне положительных значений данного фактора находятся респонденты, которые участвуют в RAISE, потому что рассчитывают на неформальные «бонусы» (благосклонность преподавателей и руководства вуза), хотят быть частью молодежной коммуникационной площадки (знакомиться и общаться со студентами из других команд, из других регионов); ну и в конце концов из соображений престижа. Таким образом, по совокупности признаков, объединяющих данный фактор, назовем его фактором...

ТАБЛИЦА 2. Содержание фактора 2

Параметры фактора	Факторный вес	Полное согласие, %
Я участвую в RAISE, чтобы выиграть конкурс проектов	0,778	49

Я участвую в RAISE, потому что...

... хочу быть конкурентным, хочу побеждать; меня привлекло в RAISE наличие конкурсной составляющей	0,708	65
--	-------	----

... рассчитываю на неформальные «бонусы» (благосклонность преподавателей и руководства вуза)	0,675	19
--	-------	----

...это престижно	0,661	45
------------------	-------	----

... хочу быть частью молодежной коммуникационной площадки (знакомиться и общаться со студентами из других команд, из других регионов)	0,510	74
---	-------	----

Из рисунка 2 видно, что в зоне явных положительных значений данного фактора находится лишь пятая часть респондентов (21%), в относительно нейтральной области (кл.4) находится более трети респондентов (36%), и в зоне отрицательных значений фактора (кл.2 и 1) находится 43% респондентов.

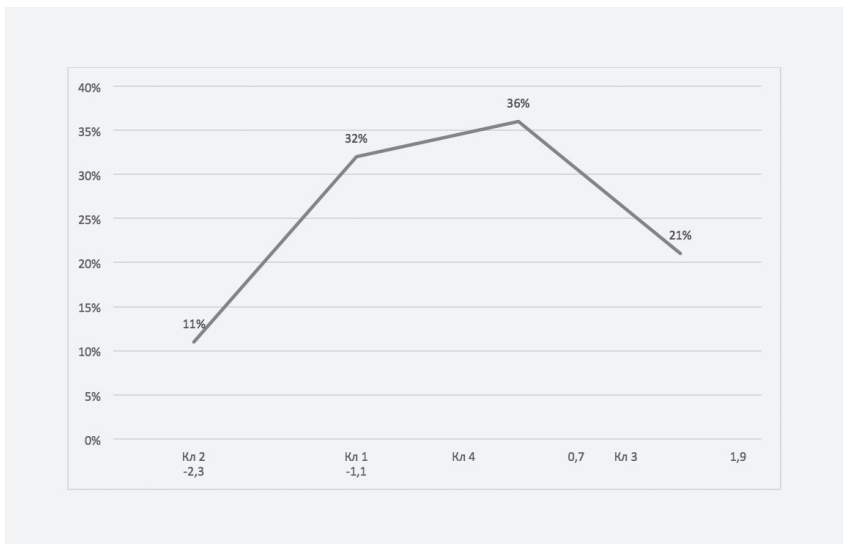

РИСУНОК 2. Графическое отображение распределения массива данных по фактору 2 (на оси абсцисс отмечены номера и центры кластеров)

Надо отметить, что несмотря на высокие веса параметров фактора, каждый из них значительно отличается от других долей респондентов, высоко оценивших данный параметр как причину участия в RAISE (Таблица 2). В частности, большинство респондентов (74%), находящихся в зоне положительных значений данного фактора, участвуют в RAISE, потому что хотят быть частью молодежной коммуникационной площадки и лишь 19%, участвуя в работе Акселератора, рассчитывают на неформальные «бонусы».

Подводя итог анализу результатов опроса, можно сделать вывод о том, что, по сути, выявленные факторы представляют собой ценности, а их параметры — это те социальные ориентации, которые формируются на основе желаний и потребностей молодежи, которые можно реализовать, используя участие в Акселераторе как инструмент. Ценность ранней профессионализации раскрывается через такие социальные ориентации студентов как желание ускорить процесс освоения компетенций и скорее трудоустроиться либо в интересной для них сфере, либо у интересных для них работодателей. К этой же ценности относится ориентация на развитие через изучение социальных общностей и интеграцию в них в разных регионах и т.д. Отметим, что это

хорошая достиженческая, конструктивная ценность и ценностная ориентированность. Здесь Акселератор используется как инструмент, обеспечивающий основу долгосрочного развития, что является отдельной ценностью.

Что же касается второго фактора, то он неоднозначен в своих характеристиках. Он выявляет личные амбиции как ценностную установку и достижение быстрого конечного результата: быть конкурентным, узнаваемым, — как ценность. И тут мы можем наблюдать некую ценностную развилку: с одной стороны, желание быть конкурентным — неплохая ценность, это проявление лидерства; с другой стороны — это желание распространяется не только на студенческую среду («я буду победителем в конкурсе, потому что я много трудился и я этого действительно достоин»), но и на образовательную («я хочу получать хорошие оценки, потому что я побеждаю в конкурсе и эффективен в проектной деятельности»), что не вполне корректно и уместно. Внушает некоторый оптимизм, что респондентов, разделяющих такие неоднозначные ценности и имеющие такие ценностные установки не так много.

Обращает на себя внимание то, что достаточно велика доля респондентов, которые совокупно не разделяют одних и тех же социальных установок. Отсюда возникает вопрос о настоящих причинах их участия в таком виде социальной студенческой активности как Акселератор социальных инициатив равно как и в иных молодежных активностях. И именно эта типологическая группа будет представлять для нас наибольшее значение в следующих исследованиях, поскольку это группа «неуверенных» и «неосознанных». Это студенты, которые включены в конкретную деятельность, нелегкую деятельность, которая отнимает у них немалое количество времени, и при этом не имеет для них четкой совокупной ценности. Данная ситуация требует отдельного внимания и изучения, что и будет сделано автором в следующих исследованиях.

Литература:

Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96. (90)

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология управления. 2018. Т.4, №3. — С.4.

Ориентиры и ценности молодых россиян. Что важно для молодых? // Фонд «Общественное мнение»: <https://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения 02.02.2020г.)

Федосова И.В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценностные смыслы, 2009, №2. — С. 86 (75–92)

Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования [Текст] : монография / Государственный университет управления ; [под общ. ред. С.В. Чуева]. — М. : Издательский дом ГУУ, 2017. — С.46

Яковлев А.М. Ценность социальная // Российская социологическая энциклопедия. Под общ.ред. Г.В. Осипова — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. — с.609–610

Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цыбикова — М.: РГГУ, 2018. — С. 212–219.

Интеграция потребительского конформизма в систему ценностей интеллигенции

А.Н. Ильин

кандидат философских наук, доцент
Омского государственного
педагогического университета (г. Омск)

Потребительская культура является культурной доминантой, охватившей различные социальные слои, в том числе интеллигенцию. Консюмеризм продуцирует ценностные ориентации, которые следует считать, как социально, так и индивидуально вредными. К ним относятся вещизм, индивидуализм, эгоизм, центрированность на личном быте, гедонизм, отвлеченность от социально значимых проблем и т.д. [Ильин, 2012; Ильин, 2014; Ильин, 2016]. Учитывая мощное разрушительное воздействие потребительской культуры на общественное сознание и цивилизацию в целом, специально доказывать актуальность этой проблемы необязательно. Такая актуальность очевидна.

Конформизм нельзя считать явлением, обязательно связанным с потребительской культурой. Он проявлял себя и раньше, но сегодня, в условиях капиталистического социума, он принял несколько иную форму. Если в годы социализма конформность была связана с коллективизмом, с подчинением личных интересов общественно-государственным (в первую очередь государственным), со страхом быть осужденным коллективом, то теперь она имеет в качестве своей основы, наоборот, потребительский индивидуализм, примат личного над общественным. Гражданственность способна рассеиваться или в силу коллективистских обезличивающих тенденций или в силу индивидуалистических, но все также обезличивающих тенденций.

В советское время конформизм конституировался репрессивным аппаратом, выраженном в пристальном взгляде КГБ, НКВД и других призванных обеспечивать социальный порядок структур. Сегодня такого тотального контроля нет, но есть иная форма конформизма. Если ранее инстинкт жизни пересиливал неконформистскую активность,

теперь ее пересиливает «инстинкт потребительской жизни». В предыдущую эпоху люди боялись власти и руководствовались ценностью общественной пользы, которую способна принести их деятельность. Сегодня страх собственно власти как фактора утраты свободы проявляется не так сильно, но на его место встал страх потерять должность, статус, рабочее место и т.д., что заставляет человека превращаться в обывателя, рафинированного конъюнктурщика, заботящегося только о личном благе и забывшего о каких-либо общественно полезных ценностях. Сегодня забота об обществе в глазах потребителей теряет актуальность, поскольку кажется пустой тратой жизненной энергии, которую представляется направлять вместо социальных целей в русло обустройства мещанского индивидуального быта.

Ранее конформизм обеспечивал социальную консолидацию и индустриализацию, необходимую для общества модерна, а теперь его результатом выступает деконсолидация. В этом заключено отличие «общества потребления» от «общества идеи», а вместе с тем «нового» (потребительского) конформизма от «прежнего» (непотребительского), наличие которого как социального феномена сближает эти общества, находит для них точку пересечения. Вместе с тем и в принципиально непотребительских социумах на общем фоне соответствующего им конформизма периодически наблюдался потребительский конформизм, который ориентировался не на социальную идею, а на личное благосостояние. Просто эти два вида конформизма не всегда поддаются четкому разделению, к тому же их трудно различить по внешним признакам.

Один из социологических опросов интеллигенции показал: 52% считают, что интеллигент должен сотрудничать с властью, а не оппонировать ей, в то время как всего 10% настроены на несогласие. 55% — носители пассивного осознания ответственности за судьбу общества, активное осознание присуще менее 20%. 90% не выражают публично свою точку зрения [Клюева, 2010]. Несмотря на то, что в исследовании Т.В. Клюевой выборка была довольно мала — всего 100 человек, — результаты весьма показательны. Они говорят о неутешительном состоянии современной интеллигенции, которая утратила некоторые свои атрибутивные качества. Ведь интеллигент должен не только иметь высшее образование, но и уметь критически осмысливать действительность. Свободная мысль, если она действительно свободна, рождает свободное слово или даже свободное действие; интеллигент — соискатель правды и заступник за правду. Его мысль и голос должны быть факелом свободы и гуманизма.

Учитывая деструктивный характер реформ современного образования, следует отметить, что оно перестает предоставлять необходи-

мой широты кругозора и глубины знаний, а это, в свою очередь, едва ли может актуализировать в человеке здоровый и зрелый критицизм. Определение же интеллигенции только по критериям уровня образования и профессиональной принадлежности не дает полной картины, поскольку таковой (формальный) подход обращен в наибольшей степени к количественному аспекту вместо качественного. Образование и специфика труда не указывают в обязательном порядке на интеллигентность, а выступают в роли условий, способствующих ее развитию в человеке. Тем более высшее образование и качественное высшее образование — сегодня вещи разные. Высшее образование в стране есть, а существенного развития прослойки высококвалифицированных специалистов нет. Поэтому согласимся, что определить интеллигенцию как социальный слой «можно, только исходя из его внутренних характеристик — особой роли в социальной жизни, ценностей и целей деятельности этого слоя» [Матвеева, 2012: 74].

В образованном слое часто можно встретить людей, нравственный уровень которых позволяет им беззаветно прислуживать властям. Имеющие установку мыслить во благо государства каким бы оно ни было, они заранее делают соответствующие интересам государства «научные» выводы. Они создаются самой системой, что в обязательном порядке накладывает отпечаток на содержание их посылов широкой аудитории. Они осуществляют «научное» обоснование правильности и эффективности политического курса независимо от степени его антисоциальности. Они занимаются легитимацией уродливых аспектов потребительской действительности не потому, что считают данную деятельность социально целесообразной (хотя для сохранения самоуважения человек часто прибегает к поиску оправдывающих аргументов и после их нахождения сам себя заставляет в них верить), а вследствие коммерческой выгоды. Эти интеллигенты без интеллигентности с радостью и восторгом готовы обслуживать любой режим; главное, чтобы он гарантировал им личную безопасность и сулил хотя бы небольшие преференции. Некоторые из них без особых раздумий проявляют готовность «идти по головам» ради достижения заветных целей, даже если не только методы, но и сами цели при их реализации кому-то приносят существенный ущерб.

Интеллигенция — не та прослойка, каждый представитель которой обладает дипломом вуза. Интеллигенция — социальный слой занимающихся высококвалифицированным умственным трудом людей, которым присущи высокий интеллект и широкий кругозор, творческая культурообразующая активность, воспитанность, свободомыслие, честность, чувство ответственности за общество, смелость в высказывании собственного мнения, преданность гуманистическим и демокра-

тическим идеалам, следование долгу, поиск социальной правды, чувство справедливости, наконец, «безумство храбрых». Интеллекту не пристало бояться столкновений выводов собственной критики с риторикой господствующего политического истеблишмента. Интеллигент всегда испытывает отвращение к любым формам несправедливости и словом и делом ведет борьбу с ними.

Интеллигент старается проложить связь между реальным и идеальным мирами, он задает вектор дальнейшего развития в соответствии с идеальным миром как целью, как нравственным ориентиром. Интеллигент отличается высоким интеллектом, сопряженным с духовно-нравственным началом. Он олицетворяет собой все лучшее, высокое и прогрессивное, из чего состоит общественно-культурный багаж. Интеллигент находится в постоянном гносеологическом поиске Истины как результата осмысления окружающей действительности, и в постоянном нравственном поиске Правды как этического императива, означающего общественное благо и норматив социальной жизни для каждого человека.

Нравственность — обязательное свойство интеллигента и желательное качество любого гражданина. Именно интеллигент обязан быть моральным образцом, и потому с него наибольший нравственный спрос. Среди атрибутивных характеристик интеллигенции нет места таким потребительским качествам, как конформизм, мещанство, лицемерие и безразличие; высокая нравственность несовместима с этими качествами. Интеллигент, центрированный только на собственном благополучии и совершенно утративший социально значимые ориентиры и интерес к будущему своей страны, вместе с тем утрачивает интеллигентскую сущность; это должно учитывать современное интеллигентоведение. В ориентации на себя и личный достаток ничего порочного нет, ибо каждый человек в первую очередь думает о личных нуждах; но, если таковая ориентация затмевает собой социально необходимые проявления гражданственности, человек становится социально опасным.

Соответствующая потребительски-мещанская система ценностей пытается обольстить в том числе интеллигенцию. Поэтому ей необходимо противостоять идейному влиянию потребкульта, который выступает важным для властей фактором, «отключающим» политическую активность масс и переводящим внимание на гаджеты, покупки и быт.

Именно критерии нравственности и гражданской активности сокращают количественно ту социальную прослойку, которую именуем интеллигенцией. Интеллигент обязан напоминать обществу о гуманистических ценностях во времена их забвения. Такое напоминание особенно необходимо в потребительскую эпоху аксиологического упадка, в эпоху постмодерна, отрицающего моральные и гносеологические

императивы, смеющегося над «наивностью» Истины и Правды, совершающего ценностную релятивизацию и определяющего для интеллигента некую аморфно-факультативную роль. Чем более это напоминание маргинально в связи с глубокой девальвацией ценностей, тем выше его актуальность. Иногда необходимо искать ценное, существенное и перво-степенное не в устоявшемся, а в маргинальном, и тем самым потрясать убеждения повседневной потребительской практики, призывать в условиях аксиологической безмерности искать и находить свою меру.

Когда интеллигент переходит в бюрократические или правительственные круги, он теряет свою интеллигентность, так как становится представителем эксплуататорского слоя, противостоящего интересам социального большинства; высший класс и интеллигенция практически всегда находятся в антагонистических отношениях. Но это не значит, что интеллигент призван во что бы то ни стало бороться с государством. Скорее ему надлежит активно оппонировать не самому государству, но тем властным решениям, которые выгодны представителям политического истеблишмента, а не народу. Если ему и стоит поддерживать те или иные решения политических элит, то именно когда усиление власти государства происходит в интересах страны и народа и против интересов олигархов и иностранных заинтересованных сил. Интеллигента должны возвышать до протестной активности и исторического творчества любовь к стране и обществу и чувство ответственности за них. В том числе поэтому едва ли можно считать интеллигентами сторонников неolibеральных теорий, выступающих в защиту приватизации, открытия рынка, формирования «гибкой» системы труда и десуверенизации страны перед лицом алчных транснациональных корпораций. Неolibерализм, с которым связывала себя интеллигенция конца XX в., ратует за интересы крупного, в том числе транснационального, капитала, которые противоположны интересам народа [Ильин, 2018]. Поэтому данная теория не может считаться защищающей общество, патриотичной и нравственно состоятельной.

Принципиальная борьба с властью чревата серьезными социальными потрясениями, которые способны, вытягивая общество из ямы, ввергать его в пропасть. Дело чести интеллигента, — борьба с антинародными решениями власти, противление злу, несправедливости и неправде. Только эта борьба не должна выливаться заодно в борьбу со своим народом, ибо часто, оппонировав правительству, люди вольно или невольно становятся на сторону геополитических противников своей страны (приведем для примера рвущихся к власти неolibеральных оппозиционеров) и, соответственно, на защиту чужих интересов, не совместимых с интересами своего народа.

Если власть осуществляет социально полезные проекты, интеллигенции надлежит поддерживать эти явления. Так, известно, что интеллигенты в свое время выступали против социализма. Видный русский общественник А. Зиновьев впоследствии заявил, что не стал бы примыкать к диссидентам и писать антисоветские работы, если бы заранее знал, в какую пропасть упадет народ после развала ненавистной советской системы. Поэтому интеллигентское оппонирование власти должно фундироваться не столько на неприятии сложившейся социально-политической ситуации, сколько на позитивном стремлении к желаемой ситуации.

Поддавшись гипнозу рыночной риторики в конце 80-х, интеллигенция, как и другие слои советского народа, не понимала, что так называемый рынок только ухудшит ситуацию, создаст новый демос, включающий в себя не весь народ, а около 10% самых богатых и успешных, обогатившихся за счет настоящего народа и народной собственности, которых силовики, чье руководство само войдет в эту прослойку, будут защищать от народа, то есть от значительно большего количества бедняков. Народ как совокупность «старых русских», «совков», несмотря на его многочисленность, в 90-е гг. был загнан на социальную периферию и самым парадоксальным образом получил внегласный статус экономического и политического меньшинства, пораженного в своих возможностях охлоса; сила социальной группы обрела статус более привилегированного фактора, чем ее численность. Народом и нацией стала узкая прослойка «новых русских», чье поведение разошлось с моральными и юридическими нормами. Демос против охлоса начал форсированную информационную и экономическую атаку. Обедняя большинство, демос обрел сверхбогатство и рычаги власти. Демос исключил человеческое большинство из стана народа и из зоны своих моральных обязательств, а себя назвал народом, обществом (сравните с сегодняшним «креативным классом»). Таковой была демократия в 90-е годы — основанная на сегрегации власть демоса, а не народа. Но интеллигенция, как и многие другие общественные слои, об этом даже не подозревала. Поэтому такому ответственному слою населения, как интеллигенция, не пристало проявлять бездумную политическую горячность и вооружаться аморфными новомодными идеями. Ей необходимо проявлять зрелость, рефлексивность и подвижническую мудрость при оказываемом ею давлении на власть имущих. Все это, естественно, противоречит потребительским ценностям.

Недаром С.Г. Кара-Мурза называет мещанство антиподом и экзистенциальным врагом интеллигенции и справедливо укоряет претендующих на звание интеллигентами людей, которые поддержали

развал СССР и неолиберальный поворот в России. «...статус интеллигенции сразу теряет та часть образованного слоя, которая в конце 80-х годов впала в социал-дарвинизм и отвергла ценность справедливости <...> Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства золотого тельца», элитарная часть той общности, которую обозначали словом «интеллигенция», совершила радикальный разрыв с этой общностью, что привело к ее дезинтеграции — «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может» [Кара-Мурза, 2012: 203, 204].

Интеллигент становится собой, находясь в вечном состоянии преодоления себя, совмещая интеллект и гражданское (принципиально непотребительское) сознание, не способное оставить его пассивным при взгляде на неправильные с нравственной точки зрения явления. Он борется за социальную справедливость. Он ориентирован в том числе и на нечто высокое, надличностное. У него обязательно есть миссия, смысл жизни, возвышающийся над сферой индивидуального. Он хочет оставить что-то социально ценное после себя. Он настроен на сохранение достоинства мыслей и поступков. Всем этим он отличается от современного консюмера, у которого смысл жизни сводится к бездумному потреблению и господствует ориентация только на индивидуальную прибыль.

Интеллигент и гражданин — тот, кто требует ограничения деятельности государства по ограничению людей. Но это требование призвано утверждать вовсе не доминирование абстрактных воспеваемых либералами прав и свобод личности, которые могут вылиться в антинародный индивидуализированный волюнтаризм, разрушающий общественные скрепы и возможности совместной жизни. Требования интеллигенции и граждан призваны утверждать такие права и свободы личности, которые не противоречат делу социальной справедливости, развитию страны, поддержанию ее независимости от других стран и прочих внутренних и внешних акторов, желающих разрушить суверенность страны и ее народа. В этих требованиях сливаются воедино свободолюбие, чувство социальной справедливости и патриотизм, который соответствует принципу: «усугубление проблем моей страны — это не повод бросить ее и эмигрировать, а, напротив, дополнительный стимул, разрушающий всякое желание ее покинуть. Непринятие на себя проблем страны приведет к ее гибели. Ее нужно любить не потому, что она великая, а она должна стать великой вследствие любви к ней».

Интеллигент критикует бесчестность политического истеблишмента не для того, чтобы в дальнейшем инкорпорироваться во власть самому, а для провоцирования элит прислушиваться к мнению защитников интересов народа.

Конечно, любая типологизация страдает высоким уровнем обобщенности и теоретичности. Потому границы, отделяющие интеллигенцию как социальный слой, весьма условны, и трудно эмпирически представить интеллигенцию как объект изучения, хотя нельзя говорить о ее отсутствии. Перечислив качества, присущие интеллигенции, мы описали некий идеальный тип, представили «абсолютный» вариант интеллигенции. Конечно, не все интеллигенты интеллигентны в одинаковой степени, и не у каждого наличествуют все до последнего из приведенных качеств.

Прошлые эпохи ознаменовались в том числе великими именами интеллигентов, талант которых позволил совершать рывки в технике, науке, сфере художественного творчества. Неoliberalная современность, отбросив интеллигенцию на периферию социального бытия, превозносит имена сверхбогачей, наделенных не талантами, а туманными биографиями происхождения своих богатств. Социально необходимые эталоны исчезли, и на привилегированный трон сели деятели шоу-бизнеса, чиновники и олигархи. Культура производства сместилась культурой потребления. Такая подмена эталонов и образцов является серьезным барьером для претворения в жизнь декларируемой модернизации, поскольку любой прорыв в любой области лежит прежде всего на плечах творческой интеллигенции.

Интеллигенция как слой защитников общества сегодня крайне важна. Именно она способна воздействовать на власть так, чтобы последняя принимала социально полезные решения в разных областях — в культуре и экономике, в образовании и социальной — политике, в геополитике и т.д. Интеллигенция может воспитывать гражданственность, политическую активность и классовое сознание народных масс. Однако средством формирования широкой прослойки интеллигенции может быть только сама интеллигенция, ее пассионарность, активность, ответственность, ее самосознание.

Литература:

Ильин А.Н. Культура, стремящаяся в никуда: критический анализ потребительских тенденций: монография / А.Н. Ильин; науч. ред. Д.М. Федяев. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012.

Ильин А.Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление: монография. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014.

Ильин А.Н. Наше потребительское настоящее: монография. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016.

Ильин А.Н. Неолиберализм: опасные последствия // Свободная мысль. 2018. №3(1669).

Кара-Мурза С.Г. Угрозы России. Точка невозврата. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2012.

Клюева Т.В. Социальные позиции современной интеллигенции в условиях формирования гражданского общества // Вопросы культурологи. 2010. №6.

Матвеева Н.Ю. Феномен русской интеллигенции: смысловой анализ // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель М.С. Цапко; М.: РГГУ, 2012.

Особенности трансформации подходов к становлению интеллигенции будущего (на примере студенческой молодежи)

А.А. Бурашникова

аспирант, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Нижний Новгород)

Развитие современной российской молодежи происходит в условиях эволюции общественного сознания, усложнения социальной и информационной структуры общества и качественного изменения социальных институтов. Объектом многочисленных исследований становятся особенности духовного облика молодежи. Особое внимание уделяется молодежи студенческой, которая является основой становления культурной элиты государства.

На сегодняшний день в российском обществе сложилась проблемная ситуация, в рамках которой, студенчество как основа интеллигенции как социальной общности, подвергается серьезной критике со стороны общественности, наделяемой признаками интеллигентности, что, в свою очередь создает напряжение в системе отношений «отцы-дети». Это традиционно для российского общества, однако требует детального изучения причин и оценки обоснованности.

Процесс накопления, осмысления, сохранения, передачи и воспроизводства ценностей проходит в обществе непрерывно. Особую роль в этом процессе играет интеллигенция, представляющая собой сложное социальное явление.

Большой энциклопедический словарь содержит такое определение: «Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным), творческим трудом, развитием и распространением культуры». [БЭС, 1980] Интеллигенция воплощает в себе творческий потенциал своего общества, своей культуры. Поскольку молодежь является ядром интеллигенции будущего, будет верным утверждать, что деградация молодежи станет первым признаком деградации нации.

При этом стоит акцентировать внимание на том, что «интеллигенция» и «интеллигентность» понятия далеко не тождественные.

Интеллигентность, при многообразии определений и смысловых окрасов, представляет собой этическую категорию, включающую качества нравственности, независимости мышления и активной гражданской позиции. Образованность не наделяет человека интеллигентностью. Следовательно, интеллигентный человек — человек самодостаточный и принимающий этические нормы, по которым живет сам и его окружение. Интеллигентность проявляется в способности личности защитить свое Я и не допустить собственного вторжения в пространство Я чужого.

При этом ряд исследователей отмечает, что в студенческой среде проходит процесс интеллектуально-нравственной дифференциации: «Студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на интеллектуалов и интеллигентов. И те, и другие обладают образованностью и креативностью (творческими способностями), что и объединяет их в интеллектуальном слое. Различаются же они этическим самоопределением». По мнению автора, «интеллектуал», в отличие от «интеллигента», руководствуется сводом правил, оправдывающих эгоистическое развитие личности и признание насилия общественной нормой. Культура, во всем ее многообразии, потребляется интеллектуалом, в то время как интеллигент ее сохраняет, аккумулирует и передает. Однако результаты исследования говорят о сохранении представленности интеллигенции в молодежной среде (не менее 20%), достаточной для предотвращения деградации будущих поколений. [Соколов, 2005]

В контексте этой тенденции стоит уточнить, что сами студенты такого разграничения не признают, так как в их бытовом лексиконе термин «интеллигентный» замещается термином «образованный». В основе интеллигентности лежит полученное образование, при этом «интеллигентность» как самодостаточная ценность и цель ими не артикулируется. Ценно знание, как набор освоенных навыков и способов их применения, в то время как «интеллигентность» понимается как элитарная черта профессионального образа.

Если мы обратимся к истории, то со второй половины XIX века интеллигенция, и в первую очередь, русская интеллигенция, должна была соответствовать следующим критериям:

- обладать высоким уровнем развития гражданской ответственности, что выражается в стратегическом взгляде на будущее страны и чувстве сопричастности к происходящим событиям;
- выступать носителем социальной совести, что обуславливает

высокий уровень критичности по отношению к процессам и явлениям, которые мешают развитию страны;

— обладать социальной эмпатией, интеллигент — это человек, способный к сопереживанию и проживанию эмоциональных состояний других. [Гумерова, 2019]

Изменения, произошедшие в обществе, оказали влияние на требования, предъявляемые к интеллигенции и сформировали признаки интеллигенции будущего. Выделенные признаки помогут более детально рассмотреть происходящие в молодежной среде изменения и то, насколько система ценностей современной молодежи соответствует критериям «русского интеллигента».

Формальными признаками интеллигентного человека можно считать следующие:

— образование. Основной целью института образования является развитие личностных способностей, необходимых для адаптации, в первую очередь, молодежи к постоянно изменяющимся условиям, благодаря приобретенным знаниям, навыкам и умениям. Образование ценно только в том случае, если оно основано на объективных фактах, доказанных эмпирически и опирающихся на законы логики и здравого смысла. Система образования инерционна по своей природе, что позволяет ей продолжительное время сохранять устойчивость. Именно поэтому изменения в этой сфере происходят достаточно медленно, что обуславливает сохранение образовательных традиций, в том числе в инновационных видах образовательной деятельности.

— включенность в информационные процессы. Современное состояние информационного пространства обеспечивает одновременное существование различных каналов, средств, методов сбора и переработки информации; создает условия для возникновения новых способов коммуникации. Online-пространство обеспечивает для быстро адаптирующегося к нему молодого поколения возможность в неограниченных количествах поглощать практически не подвергаемый цензуре международный опыт в различных сферах и областях знания; такой возможности старшее поколение было лишено. Это, в свою очередь, создает новый тип социальной связи между поколениями. Если раньше исторический, социальный, культурный опыт передавался по вертикали — от старшего, априори более опытного и знающего, к младшему, нуждающемуся в знании, то сейчас направленность этого воздействия изменилась. Молодое поколение диктует свои правила, что усиливает дистанцию между поколениями. [Иванова, 2018]

— способность к творчеству и инновациям. Проходя этапы социализации, молодежь принимает, осваивает и воспроизводит требова-

ния среды, креативность и творческий подход в этом ключе создают дополнительные мотивационные условия для включения в научную и инновационную деятельность. Способность к творчеству и одобрение творческого нестандартного подхода к решению типовых задач оказывают влияние на самоопределение и уровень активности участия в различных видах деятельности.

— способ проведения досуга. Досуг представляет собой форму нравственно-ориентированной деятельности, складывающейся и одновременно оказывающей влияние на ценности, одобряемые и поощряемые обществом. Свободное время и способы его заполнения обеспечивают условия для самореализации и развития, практически безграничные возможности для реализации духовных потребностей. [Иванова, 2018]

Развитие информационных технологий и online-пространства оказывает значительное влияние на все указанные выше признаки. Можно говорить о четко обозначившихся тенденциях изменения молодежной системы ценностей.

Как видно из перечисленных признаков к интеллигенту по-прежнему предъявляются высокие нравственно-этические требования, однако все большее значение придается ориентации на практику и глубине включения в информационное пространство. В этой связи молодежная аудитория и, в частности, студенты, достаточно четко артикулирует свой запрос к системе образования: она требует конкретных знаний, навыков и умений, которыми могла бы воспользоваться для достижения быстрого жизненного успеха. Под успехом понимается «признание профессиональным сообществом», «устойчивый карьерный рост», «высокая оплата труда», «способность быстро ориентироваться и подстраиваться под изменения мира». Обратной стороной этой ситуации становится утрата интереса к социально-гуманитарному знанию. Образованная молодежь, включаясь в гонку за знанием, отдает предпочтение разрозненному набору прикладных дисциплин, которые «дадут ему в руки инструмент», но игнорирует классические дисциплины, раскрывающие закономерности развития человеческого общества в целом, общетеоретические принципы и мировоззренческие проблемы. Отсюда вытекает вторая тенденция — ориентация на модульные знания. Знание как основа для интеллектуального и духовного развития претерпело изменение в восприятии молодежи. Из цельного пространства оно трансформировалось в набор оформленных знаниевых модулей, которые можно комбинировать между собой. Молодежь интуитивно выработала образовательную стратегию, направленную не на доведение своего знания до идеала в одной, узко взятой области, а на

комплексное знание, которое позволит, в случае необходимости, перестроиться в соответствии с требованиями внешнего мира. В условиях рыночной экономики молодежь готовит себе «подушку профессиональной безопасности». Для того, чтобы соответствовать требованиям общества необходимо развитие в разных сферах и областях. Особенно через формирование практических компетенций. Чему в полной мере соответствует система высшего образования. Студент погружен в пространство, ориентированное на развитие у него профессиональных и личностных компетенций, которые позволят выстроить индивидуальную образовательную и профессиональную траекторию с четко артикулируемыми целями и результатами. Если мы говорим о молодежи как о ресурсе интеллигенции, стоит определиться, развитие какого рода компетенций должен обеспечить вуз, как образовательная организация, и какое влияние на выработку и закрепление этих компетенций оказывает online-среда. А также понять, насколько студент, как продукт образовательной системы, соответствует классическим требованиям, предъявляемым к интеллигенции как социальной группе.

Использовать понятие «компетенция» в таком ключе мы сможем, опираясь на следующее определение: «компетентность — это проявление на практике стремления и способности реализовать свой потенциал ... в профессиональной и социальной сферах, осознавая социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость ее постоянного совершенствования». [Татур, 2004]. В данном определении заложены столь важные при формировании интеллигенции ответственность и потребность в постоянном совершенствовании.

Выделим характеристики, по которым из молодежной аудитории сможем вычленить представителей будущей интеллигенции:

- коммуникативная компетентность, как способность устанавливать социальные контакты, соблюдать правила и требования к профессиональному и эффективному взаимодействию;
- познавательная способность и ориентация на накопление знаний, освоение информационного пространства и способов взаимодействия с ним;
- развитое прикладное мастерство, основанное на способности применять для решения возникающих задач знания, полученные в процессе обучения;
- системное мышление;
- открытость к новым идеям и видам деятельности;
- личная мотивация к творчеству, выражающаяся в нацеленности на успех в различных сферах деятельности;

— высокая духовная культура, как пространство идей и ценностей.
[Симаева, 2007]

Именно для развития и закрепления вышеперечисленных компетенций сегодня в России создается линейка разного рода образовательных активностей, к участию в которых привлекается все большее число студентов. Однако проблема вовлечения студенческой молодежи в образовательные и научные мероприятия, как ресурсу накопления и воспроизводства интеллектуального опыта, представляется достаточно интересной. В рамках направления работы с молодежью ежегодно реализуется огромное количество мероприятий, различных по форматам и количеству вовлекаемых представителей молодежи, направленных на развитие молодежных инициатив (конкурсы, конференции, хакатоны, грантовые программы и пр.). Огромное внимание уделяется формам поддержки инициативной молодежи (именные и целевые стипендии, гранты, стажировки), стимулированию участия в научных и образовательных мероприятиях, развитию надпрофессиональных компетенций. Опираясь на экспертное мнение представителей Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь» и организаторов всероссийского молодежного чемпионата по управлению и стратегии «Управляй!», можно говорить о том, что активная молодежная аудитория, ранее демонстрирующая поведенческую стратегию «участие ради победы», все чаще подменяет ее «участием ради участия»: успешные участники, прошедшие все промежуточные отборы (в формате заочных экспертных оценок, предварительных голосований, оценки проектных заявок), отказываются от участия в очных финальных мероприятиях, победители грантовых конкурсов, осознав ответственность, связанную с отчетом о расходовании полученных средств, отказываются от реализации авторских проектов. Кроме того, организаторы всероссийских молодежных профессиональных и творческих конкурсов отмечают, что при разности количества и качества привлекаемой аудитории наиболее успешной во всех направлениях становится достаточно узкая группа лиц, участвующая в большинстве конкурсных мероприятий. При этом большая часть участников сохраняет пассивный настрой, довольствуясь формальными подтверждениями участия (грамоты, сертификаты), которые могут быть приложены к резюме и учитываются при формировании рейтинга учащихся. В этой связи можно сделать предположение о том, что одним из факторов, оказавших влияние на мотивацию молодежи, послужила online-среда, приучившая молодежь к заочному, дистанционному общению, посредством гаджетов в практике отложенных ответов, и развившая в ней страх перед живым общением, и в част-

ности, выступлениями на публике. Молодежь утрачивает исторически сложившуюся способность воспринимать критику профессионального сообщества в вопросах, в которых она не чувствует себя компетентной, и способность противостоять этой критике, формулируя взвешенные, убедительные контраргументы. В этом кроется противоречие, сводимое к тому, что, с одной стороны, молодежь стремится к достижению успеха, как профессионального, так и личного, и предъявляет высокие требования к окружающему пространству и тем ресурсам, которыми оно обладает, и доступ к которым открыт; с другой стороны, молодежная аудитория, потребляя ресурсы среды, не использует в полной мере всех возможностей для саморазвития, как профессионального, так и личностного. Лишь незначительная часть молодежи, по мнению экспертов Агентства «Росмолодежь», осознанно формирует свою репутационную и профессиональную стратегию, что значительно ограничивает горизонты реализации ее потенциала в будущем.

Таким образом можно сделать вывод о трансформации требований общества к молодежи как ресурсу интеллигенции. Помимо высоких требований к морально-этическому облику, которые сейчас объединяются в абстрактное понятие «высокая культура», молодой интеллигент должен быть готов принимать, осмысливать и воспроизводить огромные потоки разнонаправленной информации; оперативно осваивать новые средства и методы коммуникации. Лишаясь возможности постепенно погружаться в культурную среду и обучаться под руководством старшего поколения способам ее воспроизводства, молодое поколение адаптируется к изменениям пространства и вырабатывает собственные способы сохранения и передачи исторического и культурного опыта.

Проблема требует развития новых управленческих технологий для ее решения. В то время как молодежь не создает предпосылок для их создания, хотя в условиях быстро изменяющегося пространства в настоящее время невозможно предсказать какими будут вызовы и требования к интеллектуальной элите и какими управленческими технологиями необходимо будет овладеть, чтобы сохранить лидирующие позиции в вопросах накопления и воспроизводства культурного и исторического опыта.

Литература:

Большой энциклопедический словарь. — М., 1980.

Гумерова, Ж.А. Русская интеллигенция второй половины XIX — начала XX века и культура (сравнительно-исторический анализ) // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — М.: РГГУ, 2019.

Иванова Т.Н., Петров Д.С., Левина А.П. Профессиональная социализация молодежи в условиях моноструктурной экономики: социо-эколого-культурные аспекты // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. №2 (23).

Симаева, Н.П. Развитие университетского образования: пути и условия формирования интеллигентности студента / Н. П. Симаева // Вестник ВолГУ. Сер. 6, Университетское образование. — 2007. -Вып. 10.

Соколов, А.З. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества / А.З. Соколов // Социс. — 2005.

Татур, Ю.Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования / Ю.Г. Татур // Материалы ко второму заседанию методологического семинара. — М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.

Вузовская интеллигенция перед вызовами цифрового (информационного) общества

В.Г.Ушакова

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

В современной России активно развивается цифровое (информационное) общество, основными характеристиками которого являются: исключительно высокая значимость знания; инновационная природа; динамизм; глобальные масштабы.

Уже сейчас одна из крупнейших международных образовательных платформ для размещения онлайн-курсов Coursera предлагает 25 миллионам зарегистрированных слушателей более чем 2 000 курсов от более 150 университетов. Широкое использование онлайн-курсов создаст условия для индивидуализации обучения и доступности образования. На просторах Интернета появилось несметное количество блогеров — «специалистов» во всех областях знания, благодаря которым продвигается идея, что для обучения все меньше нужны официальные учебные заведения, да и там учиться можно с помощью техники при меньшем количестве преподавателей. Эти перемены влияют не только на систему образования, но и на вузовскую интеллигенцию, преподавателей университетов. В настоящее время адаптация преподавателей к реалиям цифрового (информационного) общества означает не только изучение, но и использование ими цифровых технологий в образовательном процессе.

Как развивается этот процесс? Опыт Санкт-Петербургского государственного университета может дать информацию для размышлений и анализа.

Становление и продвижение онлайн-образования. В декабре 2014 г. по инициативе ректоров нескольких ведущих вузов России был создан Совет по открытому онлайн-образованию. В состав совета вошли ректоры МГУ, СПбГУ, МФТИ, ВШЭ, МИСиС, СПбГТУ, СПбГУИТМО и УрФУ, представители Рособнадзора и Минобрнау-

ки. Задача совета — создать организационно-методические и материально-технические условия, необходимые для использования онлайн-курсов в ходе реализации образовательных программ вузов.

Актуальность этого вопроса обусловлена тем, что сегодня большое количество образовательного контента доставляется с помощью онлайн-технологий. В ближайшее время речь пойдет и о применении этих технологий при реализации традиционных образовательных программ. В настоящее время «рельеф» образовательной деятельности в России существенно меняется.

На сегодняшний день СПбГУ реализует более 100 онлайн-курсов по бизнесу, иностранным языкам, программированию, физике, дизайну и др., которые отражают самые актуальные темы исследований в разных областях знаний. Кроме того, на Youtube-канале СПбГУ запущен научно-популярный курс «Всеобщая история»: в ближайшее время пользователям станут доступны 16 видеороликов, связанных с обобщенными темами из онлайн-курса СПбГУ (Древний мир, Древний Египет, Средневековье и т. д.). На данный момент уже выпущено два ролика об истории Древнего Востока.

В 2019 г. подписано соглашение СПбГУ с крупнейшей китайской национальной образовательной платформой Сюэтан (XuetangX). СПбГУ стал первым и единственным российским вузом, который разместил свои онлайн-курсы на этой платформе (в том числе по русскому языку).

13 января 2020 г. были проанализированы результаты деятельности по созданию онлайн-курсов СПбГУ (сегодня их уже 161) и размещению их на четырех платформах: «Открытое образование» (67 курсов), Coursera (67), Stepik (5), китайская платформа XuetangX (3). Всего более 1,2 млн слушателей прошли обучение на наших онлайн-курсах в 2019 г.

СПбГУ стал одним из учредителей сообщества «Российская информационная образовательная среда» весной 2019 г. Наши массовые открытые онлайн-курсы (МООК) — часть контента среды.

Онлайн-курсы внедряются в учебную деятельность СПбГУ. В 2019 г. более 6000 обучающихся освоили общие курсы: «История», «Философия», «Безопасность жизнедеятельности», «История Санкт-Петербурга и Ленинградской области», столько же — в 2018 г. Еще 13 онлайн-курсов включено в учебные планы разных образовательных программ. Многие онлайн-курсы СПбГУ рекомендованы как дополнительные. Онлайн-курсы, подготовленные лучшими преподавателями СПбГУ, делают возможным обеспечение одинаково высокого качества обучения по этим специальностям студентам разных программ.

Впервые в России научно-педагогические работники через сервис «Регистрация на курсы» могут направить свои заявки об учебных дисциплинах (лекциях и семинарах), которые они хотели бы преподавать в следующем учебном году. Уже поступили заявки на чтение более чем 3600 дисциплин. Наибольшую активность пока проявляют биологи и физики.

На портале СПбГУ открыта страница электронных образовательных ресурсов. Здесь можно познакомиться не только с уже запущенными онлайн-курсами СПбГУ, но и с теми, которые еще разрабатываются. Указаны авторы-разработчики каждого курса, продолжительность обучения и язык преподавания. Онлайн-курсы СПбГУ очень популярны, их изучают студенты других вузов, например, Политехнического университета и МГУ. Студенты МГУ хотят изучать китайский язык на онлайн-курсах СПбГУ

На платформе «Открытое образование» на университетские онлайн-курсы записалось более 170 тысяч пользователей (17,4 % от общего числа слушателей НПОО). В среднем на курсы СПбГУ на НПОО записывалось по 6 107 пользователей (для сравнения: по 5 500 пользователей — у НИУ ВШЭ, по 3 647 — у Политехнического университета). СПбГУ стал единственным вузом, представившим на платформе НПОО курсы по иностранным языкам («Китайский язык», две части; «Латинский язык»; «Английский язык. Кандидатский минимум»; «Арабский язык»).

С начала 2018 г. новые онлайн-курсы СПбГУ открываются по конкурсу. Было подано 59 заявок (педагогических сценариев массовых — открытых онлайн-курсов). Наибольшую активность проявили работники коллектива факультета иностранных языков, юристы и экономисты [Материалы ректорского совещания...2019].

Среди критериев отбора заявок были: возможность внедрения онлайн-курса в учебный план образовательной программы, возможность реализации курса на двух языках, учебно-методическая проработка для запуска курса.

Один из основных критериев для оценки уровня и успешности каждого онлайн-курса — количество тех, кто его выбрал на каждой платформе, а также количество тех, кто прошел аттестацию по этому курсу. Не секрет, что получение аттестации — платная услуга. Таким образом, объем средств, которые получил Университет от реализации каждого курса — также один из критериев оценки. Со временем объем привлечения внешнего финансирования при подготовке и реализации онлайн-курса станет одним из основных критериев оценки его эффективности.

15 февраля 2018 г. в Сочи на Российском инвестиционном форуме в рамках круглого стола «Экспорт российского образования: новые вызовы и стратегия на будущее» было охарактеризовано несколько конкурентных преимуществ СПбГУ в экспорте образования: диплом собственного образца, признаваемый государством; сотрудничество с работодателями (в том числе иностранными компаниями), представители которых активно работают в советах образовательных программ, ГЭК и УМК, что позволило СПбГУ стать лучшим в России и занять 20 место в мире в рейтинге QS Graduate Employability Rankings по показателю, отражающему участие работодателей в жизни вуза; 30 действующих сертификатов о международной аккредитации ряда образовательных программ СПбГУ; качество и загруженность оборудования Научного парка СПбГУ, его доступность не только для ученых Университета, но и для внешних пользователей; представительские офисы СПбГУ в Республике Корея и КНР, 58 центров в 28 странах мира — от Аргентины до Японии; около 70 онлайн-курсов СПбГУ, представляющих программы Университета в России и за рубежом на образовательных платформах «Открытое образование», Coursera, Stepik; междисциплинарные образовательные программы, которые привлекают иностранных студентов (например, на программе «Международная торговая система» обучаются студенты из семи стран: Канады, Индии, Ирана, Колумбии, Болгарии, Литвы, Пакистана); открытые научные конкурсы: за последние несколько лет в СПбГУ приехали около 400 ученых, в том числе из-за рубежа, которые активно публикуют результаты своих исследований в ведущих международных научных журналах (Победители конкурса мегагрантов) [Материалы ректорского совещания...2018].

Успешный опыт подготовки онлайн-курсов позволяет Университету повысить конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, существенно расширить их экспорт, способствовать коммерческой успешности, признанию и лидерству в интернационализации образовательной деятельности.

В связи с принятием программы «Цифровая экономика Российской Федерации» университет должен стать центром подготовки кадров для общества цифровых технологий, а выпускники всех образовательных программ Университета должны иметь соответствующие профессиональные и базовые компетенции для использования цифровых технологий.

В образовательные программы СПбГУ будут включены курсы, формирующие компетенции в области цифровых технологий: «Введение в науку о данных» (реализуется в формате онлайн-курса); «Циф-

ровая культура» (планируется реализация в формате электронного обучения в системе Blackboard).

Онлайн-обучение становится все более популярным и в России, и в мире. Уже с 2018 года при поступлении в магистратуру и аспирантуру СПбГУ учитываются достижения абитуриентов в освоении онлайн-курсов. Согласно новым правилам приема, все слушатели, имеющие сертификаты об успешном освоении профильных онлайн-курсов СПбГУ, получают десять дополнительных баллов при поступлении.

С 2018 г. на национальной платформе «Открытое образование» СПбГУ первым в России запустил онлайн-курсы в новом режиме свободного доступа: все материалы курса открываются сразу после регистрации, проходить онлайн-курс можно в любом темпе на усмотрение обучающегося, а сдавать итоговое испытание — сразу по окончании освоения курса. Новый режим предполагает обучение в ритме, комфортном для слушателя.

Фундаментальные принципы онлайн-обучения — удобство и непрерывность. Предполагается, что обучаться на онлайн-курсах может любой желающий вне зависимости от возраста, образования и профессиональной подготовки, единственное условие — наличие доступа в Интернет. Однако до настоящего времени на платформе «Открытое образование» запуск курсов был привязан к началу осеннего и весеннего семестра, материалы открывались раз в неделю, выполнение заданий зачастую ограничивалось жесткими сроками. В таких условиях слушатель, не успевающий сдать задания в срок или просто осваивающий материал медленнее остальных, терял право на получение сертификата, а те, кто схватывал на лету, были вынуждены ждать, когда же откроется следующая часть. Несмотря на частые обращения слушателей, ни один из вузов, чьи курсы представлены на платформе «Открытое образование», не делал попыток как-то исправить ситуацию, и СПбГУ стал первым вузом, предложившим более удобный формат обучения.

Перечисленные ниже курсы СПбГУ, начиная с 10 июля 2018 г., запускаются в режиме self-paced, включая и новый курс по налоговому праву: «Китайский язык для начинающих»; «Китайский язык для начинающих» (часть 2); «Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива»; «Публичная дипломатия США»; «Современные теории международных отношений»; «Базы данных»; «Введение в биоинформатику: метагеномика»; «Психология сознания»; «Психолингвистика»; «Введение в физиологию»; «Дизайн-методология: управление вдохновением»; «Математические методы в психологии. Основы применения»; «Налоговое право». Этот список будет пополняться.

Межвузовское партнёрство. В 2015 г. СПбГУ и МГУ в развитие стратегического договора о партнерстве между двумя университетами заключили соглашение о взаимном признании учебных онлайн-курсов: количество обучающихся на курсах вуза-партнера выросло до 104 обучающихся СПбГУ и 101 обучающегося МГУ.

Ключевым фактором для признания курсов является позиция вуза в рейтинге университетов мира. В перечень включены университеты, входящие в списки 300 лучших университетов мира из трех престижных международных вузовских рейтингов: Academic Ranking of World Universities, QS World University Rankings и The Times Higher Education World University Rankings. По заявлению обучающегося будет проводиться экспертиза, определяющая, как прослушанный онлайн-курс соотносится с учебным планом обучающегося по той образовательной программе, которую он осваивает в СПбГУ.

Например, уже сейчас в рамках сетевых договоров на онлайн-курсах СПбГУ прошли обучение студенты Тольяттинского университета, Политехнического университета, МГУ. Ведутся переговоры о заключении договоров о сетевой форме взаимодействия с Северо-Кавказским федеральным университетом и Новгородским государственным педагогическим университетом имени К. Минина.

Продолжает развиваться сетевое взаимодействие СПбГУ с федеральными университетами в части использования онлайн-курсов СПбГУ в обучении. В прошлом году было организовано сотрудничество с Южным (общее количество прошедших обучение — 292 человека), Сибирским (414) и Дальневосточным (378) федеральными университетами. А в этом году уже более двух тысяч обучающихся пяти федеральных университетов получили доступ к онлайн-курсам СПбГУ. Кроме студентов федеральных университетов, нашими онлайн-курсами пользуются также обучающиеся еще 25 российских вузов [Материалы ректорского совещания...2019].

Выход на рынок онлайн-образования такого большого количества курсов по разным направлениям подготовки даст возможность показать потенциал и преимущества онлайн-образования в СПбГУ, расширить возможности сетевого взаимодействия с вузами, позволив множеству обучающихся использовать онлайн-курсы СПбГУ для пересчета дисциплин в своих вузах.

Преподаватель онлайн-курсов. 9 марта 2016 г., в ходе встречи с ректором, молодые ученые-международники высказали предложения о повышении требований к претендентам на должности научно-педагогических работников СПбГУ: обязательное владение одним иностранным языком (а иногда двумя и более) на высоком уровне;

владение навыками работы в информационной системе Blackboard; реализация минимальных требований к научно-педагогическим работникам СПбГУ в трудовых договорах.

О работе в системе Blackboard

В СПбГУ, как во многих ведущих университетах мира, для обеспечения организации учебного процесса развернута электронная информационная система обеспечения образовательного процесса Blackboard. Очевидны преимущества Blackboard для организации взаимодействия преподавателей и студентов в любое время из любого места и на любом устройстве. С помощью этой системы возможно: организация внеаудиторной работы (в том числе проведение контрольных работ, сдача курсовых работ, их проверка); обмен файлами и доступ к хранилищам; использование средств коммуникации, размещение необходимых учебно-методических материалов; проведение тестов (и их оценка), опросов (и анализ их результатов); рассылка объявлений, напоминаний, постановка задач; групповое взаимодействие.

С 2012 по 2016 г. в СПбГУ было зарегистрировано более 57 тысяч пользователей Blackboard, больше 16 тысяч учебных курсов. В системе Blackboard обязаны работать порядка 2,5 тысяч научно-педагогических работников СПбГУ, логины и пароли выданы всем. Для них разработан онлайн-курс по обучению работе в системе Blackboard, в феврале 2016 г. были проведены установочные занятия. В итоге в саму систему Blackboard вошли около 700 человек. А активных пользователей — всего 250!

Весной 2016 г. был отмечен резкий рост числа пользователей, когда было решено выкладывать ВКР в Blackboard. Эта система также позволяет провести проверку текстовых совпадений на плагиат. Результат такой проверки с цветными пометками изучает преподаватель — являются ли выявленные совпадения плагиатом (или это прямые цитаты, например, текста законодательства) [Материалы ректорского совещания...2016].

Университет уже три года проводит дистанционный этап Олимпиады СПбГУ с помощью системы Blackboard. Сократилось количество выездов организаторов олимпиады в регионы, а число участников, наоборот, увеличилось. Blackboard позволяет дополнять варианты заданий (по мере появления новых пользователей). При этом варианты можно создавать по-разному, по заданным критериям, и они никогда не совпадут.

В СПбГУ разработан онлайн-курс освоения Blackboard (45 занятий). Уже более 5 тысяч пользователей входили в этот курс. Но итоговое тестирование прошли только 304 человека. Сегодня лишь 15 % преподавателей работает в этой системе.

В целях совершенствования образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам СПбГУ в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», во исполнение Приказа Проректора по организации работы с персоналом от 16.10.2019 № 10188/1 «О кадровом обеспечении функционирования электронной информационно-образовательной среды СПбГУ» все педагогические работники, относящиеся к профессорско-преподавательскому составу СПбГУ, обязаны пройти дистанционное обучение без отрыва от работы по дополнительной профессиональной образовательной программе повышения квалификации «Основы работы преподавателя в системе Blackboard» с 18.12.2019 по 5.02.2020. Освоение указанной программы позволит обеспечить соответствие квалификации преподавателя требованиям профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 08.09.2015 № 608н). Работники, успешно прошедшие обучение и итоговую аттестацию, получают удостоверение о повышении квалификации установленного образца. Наличие документа о квалификации в области информационно-коммуникационных технологий с 01.09.2020 г. включен в перечень минимальных квалификационных требований для избрания на должности профессорско-преподавательского состава [Материалы ректорского совещания...2019].

Уже сейчас можно отметить плюсы использования онлайн-курсов СПбГУ в учебном процессе: снижаются трудозатраты преподавателей на методическое обеспечение дисциплины и аудиторную работу; повышается качество, скорость модернизации содержания образовательных программ. Авторы курсов и авторские коллективы, пройдя экспресс-школу погружения в «формат онлайн», отмечают, что это очень хороший опыт проработки знакомого материала. Вопросы от удаленной аудитории позволяют понять, какой материал в какой форме следовало бы подать, какую форму проверочных заданий использовать, где сделать акценты, на что требуется больше самостоятельной работы. Преподаватели успешно применяют этот опыт и в аудиторных занятиях.

Следует отметить важность и значимость участия авторов-преподавателей в сопровождении курсов. Работа в форуме, как альтернатива семинарским занятиям, позволяет корректировать учебный процесс и управлять им. Нынешнее поколение студентов, рожденное в цифровую эпоху, сильно отличается от предыдущих — оно гораздо быстрее адаптируется к новым электронным технологиям, имеет многолетний опыт электронного цифрового обу-

чения различных форматов и выбирает для себя формат онлайн-обучения с большей легкостью, воспринимая его как привлекательный. Имидж, опыт, качество образовательного продукта СПбГУ и лояльность потребителя к нашему бренду дают СПбГУ явное конкурентное преимущество в сфере развития онлайн-образования. Так, по результатам весеннего семестра популярность курсов СПбГУ уже вдвое превышает популярность курсов других вузов. Можно отметить удачную апробацию системы прокторинга (процедуры подтверждения личности и контроля прохождения проверочных испытаний) при проведении зачетов и экзаменов по итогам изучения онлайн-курсов СПбГУ: она обеспечивает идентификацию сдающих экзамены. Вместе с тем, следует отметить и проблемы: сложность перехода к формальному (цифровому) стилю общения со студентами, необходимость постоянно находиться в онлайн-пространстве, трудности, возникающие в связи с техническими неполадками и вопросами.

Современный ритм жизни предполагает непрерывное образование не только в виде повышения квалификации в получаемой или уже приобретенной специальности, но и как постоянный поиск новых знаний и умений. Усовершенствовать свои навыки или познакомиться с ранее неизвестной областью науки — слушателям онлайн-курсов доступны поистине безграничные возможности для саморазвития и карьерного роста.

Литература:

Материалы ректорского совещания 2014-2020 гг. URL: [https:// www.spbu.ru/openuniversity/documents/materialy-rektorskogo-soveshchaniya-184](https://www.spbu.ru/openuniversity/documents/materialy-rektorskogo-soveshchaniya-184) (дата обращения 30.01.2020).

Реализация национально-культурных идей бурятской интеллигенции: история и современность

М.В. Амгаланова

к. культурологии, доцент Восточно-Сибирского государственного института культуры (г. Улан-Удэ)

Историография интеллигенции за более чем 100-летнюю историю осмысления представлена широким кругом проблем, среди которых наиболее актуальными продолжают оставаться вопросы понятия «интеллигенция» и социальных групп, относящихся к ней, а также активной роли интеллигенции в развитии общества и реализация вопросов социально-экономического и культурного строительства. Имеющиеся определения «интеллигенции», так или иначе, коррелируются с первым определением, данным П.Д. Боборыкиным относительно особой группы людей в структуре российского общества, чьи помыслы и устремления были направлены «на исполнение гражданского и нравственного долга перед народом, на стремление приобщить его к достижениям мировой и отечественной культуры» [Тощенко, 2019: 14]. В современном социально-гуманитарном дискурсе под интеллигенцией понимаются «лица любых социальных слоев и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества» [Меметов, 2008: 7].

В целом указанные выше проблемы научной рефлексии интеллигенции можно в определенной степени проследить на примере национальной бурятской интеллигенции. Типы ее формирования, особенности мировоззренческой позиции и специфика деятельности находились в прямой зависимости от проводимой государственной политики в дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Буряты, вошедшие в состав России еще в XVII веке, вплоть до начала XX века продолжали вести традиционный образ жизни, сохранили язык, традиции, обычаи, религиозные верования. На рубеже XIX–XX веков результатом масштабных политических и социально-экономических процессов стала интеграция бурят в единое россий-

ское социокультурное пространство. Несмотря на насущную необходимость осуществляемых преобразований, они вызвали значительное ухудшение положения коренного населения в результате изъятия родовых земель, усиление эксплуатации со стороны родовой знати и русских чиновников. Эти локальные проблемы, а также влияние русской общественно-политической мысли и ситуация общей революционной борьбы в империи, вызванной событиями 1905 года, обусловили национальное движение, основной целью которого были модернизация традиционного бурятского общества и вовлечение бурятского народа в общемировой процесс в контексте национального самоопределения и национально-культурного строительства.

Процессы модернизации были обусловлены специфическими социокультурными условиями, которые нашли отражение в деятельности национальной интеллигенции. Во-первых, буряты имели многовековую центральноазиатскую историю и культуру, представляя собой часть общемонгольского мира. Однако, став частью российского государства в XVII веке, в бурятской среде произошло «расшатывание универсальных устоев миропорядка... они оказались отрезанными как от халхаских ханов, по отношению к которым они находились в вассальной зависимости, так и от непосредственных контактов с важнейшими религиозными авторитетами — Далай-ламой и Богдо-гэгэном» [Кириченко, 2018: 61]. Во-вторых, не имелось единой административно-территориальной единицы компактно проживающих бурят: западная часть входила в состав Иркутской губернии, восточная — Забайкальской области. Это обусловило целый ряд социокультурных различий в хозяйственно-бытовом, религиозном, лингвистическом планах. А.А. Бадмаев отмечает, что среди предбайкальских бурят земледелием занималось 88 %, было достаточное количество полиэтнических поселений с практически с равной долей бурятского и русского населения, у забайкальских — хозяйство было скотоводческим лишь с некоторыми зачатками земледелия [Бадмаев, 2017: 276]. Серьезные различия имелись и в процессах общекультурного развития.

Но главное, что отличало предбайкальских и забайкальских бурят, была религия. Государственной администрацией осуществлялась планомерная политика христианизации коренных народов Сибири, что касается бурятского населения, то этот процесс был более интенсивным в Прибайкалье, где делопроизводство в канцеляриях, преподавание в школах велось на русском языке. Кроме того, только крещеные буряты имели возможность получить образование в гимназиях или училищах, занять управленческую должность, избежать наказания за преступление, предусмотренного нормами обычного права.

В Забайкалье процесс христианизации сдерживался, с одной стороны, устойчивыми позициями буддизма, с другой — пониманием царской администрацией важности его влияния на монголоязычные народы России — бурят на востоке империи и калмыков — на западе. Буддизм получил распространение и в немонгольских кругах русской интеллигенции, о чем свидетельствует строительство буддийского дацана в Санкт-Петербурге в 1913 году. В общем этноконфессиональная ситуация в третьей четверти XIX века выглядела следующим образом: «в Иркутской губернии... 80 % населения составляли православные, буддисты — 5 %, шаманисты — 14 %, другие — 1 %. В Забайкальском крае православных было 65 %, буддистов — 33 %, шаманистов — 2 %, других конфессий не зафиксировано» [Бураева, 2015: 21].

Практическое воплощение идей модернизации осуществляли образованные буряты, которые в этих социокультурных условиях представляли собой совершенно новый социальный слой в структуре бурятского общества. Это не означает, что грамотных бурят до этого момента не было, многие принимали участие в качестве проводников и переводчиков в Монголию, Китай, Тибет в экспедициях, организованных Русским географическим обществом. Российское и мировое признание получил, например, известный бурятский ученый Доржи Банзаров. Именно начало XX века породило социальный слой — образованную элиту, который мы сегодня относим к интеллигенции (в рефлексии П.Д. Боборыкина) в том смысле, что их мировоззренческая позиция и общественно-политической деятельности отражала нравственный долг по преобразованию социальной действительности и улучшению жизни простого арата. Согласимся с мнением А.В. Матецкой, отмечающей, что именно «модернизация и сопровождающие ее процессы рационализации и секуляризации порождают современных интеллектуалов, которые становятся важнейшим социальным агентом модернизационных изменений» [Матецкая, 2019: 55]

Применительно к дореволюционной бурятской образованной элите, на наш взгляд, целесообразнее использовать понятие «интеллектуал», чем «интеллигент». Объяснить это можно тем, что в силу своей малочисленности они в своей деятельности совмещали различные сферы: общественно-политическую, научно-исследовательскую, художественно-творческую, пытаясь осуществить рационально-мировоззренческую рефлексию проблем, стоящих перед бурятским народом.

Идеи трансформации и модернизации социокультурной реальности воплощались различными политическими группами, союзами и объединениями. Так, например, для консервативной группы «стародумцев» главной была идея восстановления «истинной» (буддийской)

религии, изоляции. Но в целом можно говорить о двух основных течениях, «западное» и «восточное», представители которых занимали диаметрально противоположные позиции относительно религии, народного образования, национальной автономии бурят и другим вопросам. Острую полемику по этим вопросам можно проследить на страницах популярного в то время сборника «Сибирские вопросы».

В общих чертах концептуальная основа «западников», лидером которых был М. Богданов, базировалась на интеграции в европейское социокультурное пространство, предоставляя ведущую роль русскому языку в образовании и делопроизводстве, формировании светской культуры как самостоятельной части общенациональной бурятской культуры. В подтверждение своих взглядов М. Богданов отмечал, что научные и художественные произведения на бурятском языке будут невостребованными, в связи с отсутствием ценителей и профессиональных критиков, следовательно, ее сохранение и распространение отдалит бурят от мирового прогресса [Богданов, 1907]. Именно эту ситуацию и демонстрировали реалии западно-бурятской жизни, где русский язык служил не только средством общения, но и был языком науки и литературы, а большинство бурят исповедовало православие или были приверженцами шаманизма.

Представители «восточного» направления Б. Барадин, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Г. Цыбиков стояли на позиции приобщения к европейской культуре, но без насилия над национальными особенностями, с обязательным сохранением и трансляцией культурного наследия. В Забайкалье социально-политической платформой национального движения стала идеология панмонголизма, в основу которой были положены идеи национального самоопределения бурят и национально-культурного строительства на основе единой общемонгольской истории, религии, письменности.

Идеологами панмонголизма предполагались кардинальные преобразования, реализовавшиеся в культурной и политической формах, по созданию национально-культурной автономии бурят, подготовки образованных национальных кадров, создание профессиональных отраслей национальной культуры на основе обновленного буддизма и достижений европейской и российской науки. В идеале им виделось возрождение бурятской народности, которая должна была стать центром общемонгольского объединения.

В целом реализация национально-культурных идей дореволюционной национальной интеллигенцией может быть охарактеризована как попытка рационально-мировоззренческой рефлексии искомым проблем, поскольку за одно десятилетие в силу недостатка историче-

ского времени было невозможно осуществить модернизацию традиционного бурятского общества. Тем не менее, ими был внесен значительный вклад в теоретическое осмысление модернизации буддизма, с целью практического освобождения его от суеверий, магии, языческих элементов шаманизма, упразднения сложных и непонятных рядовым верующим обрядов, повышение авторитета духовенства, в том числе за счет приобщения лам к европейской науке и культуре. В решении проблемы национализации школы А. Доржиевым, Н. Амагаевым, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбиковым были предложены разные вариации реформирования старомонгольской письменности, Б. Барадиным была осуществлена разработка латинизации национальной письменности, были опубликованы грамматики, словари, книги для чтения, т.е. создан комплекс учебно-методической литературы. С именами Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано, Д.-Р. Намжилона связано и зарождение светской литературы, отражавшей актуальные социальные процессы, названной впоследствии литературой «бурятского просветительства». Таким образом, национальной интеллигенцией был внесен существенный вклад в общественно-политическую мысль, науку, литературу и искусство, а реализация их идей стала «катализатором развития гуманитарных знаний» [Курас, 2017: 24]. В этом плане их деятельность имела выдающиеся результаты.

В советский период сложился иной тип национальной интеллигенции, отличной от дореволюционной, представлявший собой «социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающим доход от этой деятельности» [Меметов, 2008: 7]. Становление и развитие Советского Союза поставило перед обществом новые задачи: необходимость объединения территорий, отличавшихся национальным составом, уровнем социального развития, разнообразием религиозного мировоззрения и национальных художественных традиций на основе социалистических идеалов. Для бурятского общества насущной проблемой стала подготовка собственных профессиональных кадров. В первую очередь это было связано с тем, что до революции доля грамотных в Бурятии составляла не более 10 %, даже начальным образованием, было охвачено лишь небольшое количество населения, особенно низкой была грамотность среди бурят в силу кочевого образа жизни. Однако уже к 1934 году, в результате кампании по ликвидации неграмотности, более 80 % населения получили начальное образование [Номогоева, 2008]. Создание многоуровневой системы образования для всех сфер в городах и районах республики, привлечение отечественных специалистов из Москвы, Ленинграда

и других центральных городов, позволили в короткий срок, буквально за одно десятилетие с момента образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 году, подготовить грамотных специалистов.

Для подготовки кадров системы управления организовывались разного рода краткосрочные курсы, совпартшколы, высшие коммунистические сельскохозяйственные школы для подготовки руководящих кадров в сферах животноводства и агрономии, культуры и искусства. Управленцы систем образования и промышленности в основном учились в Москве. В 1924 году был открыт педагогический техникум для бурятской и русской групп, в 1930 году — кооперативный техникум, в 1931 — медицинский, в 1937 — техникум железнодорожного транспорта, создана система рабфаков.

В системе профессионального художественного образования были созданы музыкальная школа (1920), музыкальный техникум (1931), Бурят-Монгольское театральное училище (1936), были открыты государственный русский театр драмы (1928), национальный драматический театр (1932), симфонический ансамбль (1937), государственная бурятская филармония (1938), бурят-монгольский колхозно-совхозный театр (1938), государственный театр юного зрителя (1940), русский драматический театр г. Кяхта (1940), оркестр бурятских народных инструментов (1939), Союз бурятских художников (1933), Союз бурятских писателей (1934), Союз композиторов БМАССР (1940).

Кадры высшего профессионального образования получали подготовку в Бурят-монгольском государственном педагогическом институте и агрозоотехническом институте, открытые в 1932 году. В 1922 году был образован Бурятский ученый комитет, взявший на себя миссию научно-исследовательской работы в области языкознания, истории, культуры, искусства монгольских племен, а также подготовка научных работников. Здесь в основном работали представители дореволюционной интеллигенции, внесшие значительный вклад в организацию научных экспедиций, в создании фонда научной библиотеки и сбора редких рукописей, в переводческой деятельности, в публикации научной продукции. Главное, на наш взгляд, их усилиями был собран уникальный материал образцов буддийского искусства.

Большевики правомерно полагали, что доктрина национализма была глубоко укоренена в общественно-политической мысли части национальной интеллигенции Бурятии. В политических дискуссиях середины 1930-х годов дореволюционная бурятская интеллигенция в лице Б. Барадина, П. Дамбинова, А. Доржиева, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбикова и многих других стала оцениваться вла-

стью как оппозиционная социальная группа, что трагически сказало-сь на ее судьбе. В отношении их роли в социально-политической истории БМАССР практически до конца XX века утвердилась негативная оценка.

Результатом планомерной работы в предвоенные годы стали реализация задач по созданию национальной интеллигенции. Одной из особенностей национальной интеллигенции этого периода является то, что в своем большинстве они были выходцами из сельской местности. На 1926 год крестьяне составляли подавляющее большинство — 98,2 % [История Бурятии, 2011: 79]. Однако быстрые темпы индустриализации и соответственно урбанизации изменили ситуацию. Так, если к моменту образования БМАССР городское население составляло лишь 32 тыс. человек (7,4 % от общего числа населения), то уже к 1940 году оно выросло до 170 тыс. человек [История Бурятии, 2011: 90].

К двум имеющимся высшим учебным заведениям в 1960-х годах добавились Восточно-Сибирский государственный библиотечный институт (1960), реорганизованный в Восточно-Сибирский государственный институт культуры (1964) и Восточно-Сибирский государственный технологический институт (1962). В составе Сибирского отделения Академии наук СССР в 1958 году был создан Бурятский комплексный научно-исследовательский институт (с 1966 года Бурятский научный центр), в котором развитие получили геология, биология, химия, физика, история, культура и языкознание. Изменился и образ интеллигенции. Это уже была городская интеллигенция. Уже в «1970 г. в городах Бурятии проживало 44,6% населения, в 1979 г. — 56,9%, в 1989 г. — 61,5%» [Кириченко, 2018: 64].

Довоенная интеллигенция в большей степени была связана с национальной средой, традициями и обычаями, была менее русифицированной в отличие от послевоенной. Для последней этническая принадлежность уже не была главной ценностью, которую необходимо сохранять. Языком образования, науки и повседневности стал русский язык. Однако превалирование социалистических ценностей и коммунистической идеологии отнюдь не исключили сохранения и трансляции национальных культурных традиций, буддизма, национального самосознания и национальной идентичности, получивших яркое отражение в деятельности представителей художественной культуры и профессионального искусства.

На рубеже XX–XIX веков глобальные процессы развития мировой цивилизации сказались на всех сторонах жизни больших и малых народов, что отразилось на возрастании роли образовательного, профессионального, общекультурного уровня и на положении языков,

в том числе и бурятского. Объективные факторы реальной действительности эпохи, связанные с интенсивным социально-экономическим развитием, активные процессы миграции и урбанизации, повлекли за собой изменения в мононациональном существовании и общения на русском языке. Современная ситуация показывает, что происходит потеря родного языка. Если в середине XX века имелось поколение достаточно прочно и глубоко владевшее родным языком, то к концу XX века владеющих бурятским языком как родным стало значительно меньше, что обуславливает и потерю традиционных культурных связей с предшествующим поколением. Сегодня этот процесс продолжает углубляться и расширяться. Мы согласны с мнением Б.Б. Батуева, что потеря родного языка «грозит серьезными последствиями для их культуры, в конечном счете, самому существованию их как самостоятельных этносов» [Батуев, 2001: 100]. Таким образом, проблемы, поднимаемые национальной интеллигенцией в начале XX века, остаются актуальными и востребованными и сегодня.

Литература:

Бадмаев А.А. Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис, эволюция, трансформация. Дис. ...д.и.н., Новосибирск, 2017.

Батуев Б.Б. О положении языков народов России в XX веке // Байкальские встречи III: культуры народов Сибири. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001.

Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы, 1907. № 3. URL :<http://elib.tomsk.ru/purl/1-1857/> (дата обращения: 03.02.2017).

Бураева О.В. Этноконфессиональная ситуация в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. // Вестник ВСГАКИ, 2015. № 2 (9).

История Бурятии: в 3 т. Т. 3 / гл. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

Кириченко С.В. Бурятская интеллигенция: национализм и национальный вопрос // Вестник Томского гос. ун-та, 2018. № 51.

Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Оттиск, 2017.

Матецкая А.В. Интеллигенция, религия и идеология в современном российском обществе // Судьбы российской интеллигенции: прошлое-настоящее-будущее, 2019.

Меметов В.С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир, 2008. № 2.

Номогоева В.В. Национальная культура: логика историко-культурной трансформации // Власть, 2008. № 11.

Тощенко Ж.Т. Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ) // Судьбы российской интеллигенции: прошлое-настоящее-будущее, 2019.

Прекарные тенденции в сфере культуры¹

Г.В. Тартыгашева

кандидат социологических наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Институциональные преобразования в сфере культуры, обусловленные переменами, происходящими в экономике, актуализировали различные модели занятости работников культуры, в том числе, нестандартные, связанные с отсутствием гарантированности рабочего места, социальных льгот, несоблюдением трудовых прав, постоянной угрозой безработицы и т.д. Основная масса организаций, функционирующих в сфере культуры в современной России, по-прежнему, относится к государственному и муниципальному сектору и финансируется, как правило, за счет государственного и местного бюджетов. Большинство частных коммерческих организаций культуры, которые появились в новых рыночных условиях, функционируют как предприятия среднего и малого бизнеса, поэтому имеют высокую степень неопределенности в будущем, нестабильный доход и постоянные, возрастающие расходы. Прекарные тенденции в отрасли культуры наблюдаются в среде творческой (художественной) интеллигенции, занятой как в государственных и муниципальных учреждениях культуры, так и в коммерческом секторе культуры.

Различные аспекты занятости в сфере культуры, регулирования трудовых отношений, правового статуса, условий труда представителей творческой (художественной) интеллигенции анализируются в работах Е. Абрамовой, Ю.Ю. Бугаевской, В. Вилисова, И.И. Горловой, Г.Г. Дадамяна, К.Ю. Леонтьевой, А.Ю. Мунипова и др. Однако, вопросы неустойчивого положения творческой (художественной) интеллигенции, отсутствия социальных гарантий и правовой защищенности в новых условиях требуют дальнейшего исследования, а также поиска возможностей решения данных проблем.

1. Данная статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ №18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

В научной и публицистической литературе понятия «творческая интеллигенция» и «художественная интеллигенция» используются фактически как синонимы и таким образом обозначается группа интеллигенции, занимающаяся творческой деятельностью, участвующая в создании и (или) исполнении (экспонировании) культурных ценностей. Традиционно к данной группе относят искусствоведов, кинематографистов, литераторов, музыкантов, театральных деятелей, художников и т.д. и в качестве критериев выделения интеллигенции исследователями предлагаются различные основания: от профессионального занятия творческой деятельностью, до сохранения художественных ценностей, а также порождения качественно новых, оригинальных культурных продуктов.

Так, например, с точки зрения М.Р. Зезиной, художественная интеллигенция — это группа интеллигенции, профессионально занимающаяся творческой деятельностью в области литературы и искусства [Зезина, 1999]. По мнению Е.В. Агаевой к художественной интеллигенции относятся те, кто занят созданием художественных ценностей: «Художественная интеллигенция — социально-профессиональная группа людей квалифицированного умственного труда, профессионально занятых созданием художественных ценностей» [Агаева, 2006]. Е.М. Раскатова использует функциональный подход и к профессиональным функциям художественной интеллигенции относит: творческую, гуманистическую, информационную и коммуникативную [Раскатова, 2001]. Социально-профессиональная группа художественной интеллигенции по своим характеристикам в целом совпадает с представителями творческой интеллигенции. Так, по мнению Т.В. Глуховой к творческой интеллигенции относятся: «Представители сферы искусства — театральные деятели и кинематографисты (актеры, режиссеры), музыканты (композиторы и исполнители), представители изобразительных искусств (художники, скульпторы, архитекторы), литераторы, а также люди, причастные к сохранению художественных ценностей» [Глухова, 2005]. Е.В. Агаева относит к творческой интеллигенции, слой интеллигенции, занимающийся порождением качественно нового и отличающегося неповторимостью, оригинальностью и уникальностью [Агаева, 2006].

По-прежнему остается актуальной проблема определения внутривидовых групп творческой (художественной) интеллигенции. Подобные попытки существуют и в академической среде, и на государственном уровне. Например, безусловно, заслуживает внимания подход Т.В. Стародубцевой, которая выделила группы художественной интеллигенции «на основе официально принятых в высших учебных заведе-

ниях при Министерстве культуры делений на специальности». В этих вузах можно выделить 18 видов факультетов, осуществляющих подготовку по художественным специальностям. Для классификации социальной структуры художественной интеллигенции выделено 8 групп по признаку принадлежности к тому или иному виду искусства или их роли в художественном творчестве: художники и архитекторы; артисты (в том числе артисты балета, цирка и хореографы); музыканты; режиссеры; литераторы; искусствоведы; продюсеры и «переходная» группа, состоящая из новых специальностей (креаторы, копирайтеры, дизайн интерьера, графический дизайн, компьютерный дизайн, дизайн в рекламе, креативный дизайн), художник компьютерной графики, менеджер-продюсер шоу-бизнеса, менеджер-продюсер музыкальной индустрии и др.) возродившихся «новых старых» профессий (таких как топ-модели, художники-фотографы, стилисты, рестораторы, антрепренеры и т.д.) [Стародубцева, 2003].

В нормативных документах творческая (художественная) интеллигенция определяется как «работники культуры» или как «творческие работники». Наиболее широким понятием является понятие «работник культуры». Формально, согласно «Единому квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и других служащих» (ЕКС, 2019), в частности, разделу «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии», утвержденному Приказом Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 N 251н, существует перечень работников культуры, в котором указаны все должности сферы культуры. Но, как правило, выделяют также понятие «творческий работник», тогда «творческим работником», согласно ст. 3 «Основ законодательства РФ о культуре», утвержденных Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1 (ред. от 08.05.2010) называется «физическое лицо, которое создает или интерпретирует культурные ценности, считает собственную творческую деятельность неотъемлемой частью своей жизни, признано или требует признания в качестве творческого работника, независимо от того, связано оно или нет трудовыми соглашениями и является или нет членом какой-либо ассоциации творческих работников». Также принят Перечень профессий и должностей творческих работников утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2007 г. N 252 г. Москва «Об утверждении перечня профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) про-

изведений». Данный перечень содержит 189 наименований профессий и должностей творческих работников.

Наглядно продемонстрировать неустойчивое положение разных групп творческой (художественной) интеллигенции можно с помощью основных признаков прекарности, предложенных И.О. Шевченко. В частности, она предлагает следующие индикаторы: безоговорное оформление; постоянная переработка; неофициальная зарплата; подработка в сторонней организации; постоянная смена работы; несоответствие образования работе; не-влияние в организации. [Прекариат..., 2020]

В советский период трудовая деятельность творческой интеллигенции была формализована и соответствовала всем параметрам стандартной занятости. Представители творческой интеллигенции состояли в профессиональных творческих союзах или организациях, где фиксировался их трудовой стаж, реализовывались различные льготы и гарантии социальной защиты, обучения, повышения квалификации, охраны труда. Творческие союзы финансировались государством и их деятельность регулировалась с помощью государственных заказов. Для занятия творческой деятельностью было необходимо иметь профессиональное образование, в стране действовала система распределения выпускников после окончания творческих высших учебных заведений, что гарантировало занятость молодежи. В настоящий момент ситуация изменилась. Профессиональные и творческие союзы более не являются гарантами обеспечения занятости и социальной защиты творческих работников, занятость и востребованность творческой (художественной) интеллигенции зависит от рыночной конъюнктуры и уже не может быть гарантирована государством.

Тем не менее, несмотря на усилия, связанные с реализацией принципов рыночного хозяйствования, основная деятельность большинства учреждений культуры в России, по-прежнему, финансируется государством, а большинство работников отрасли культуры заняты в бюджетных учреждениях культуры, на постоянной основе. Государственные и муниципальные учреждения культуры действуют в рамках регулярных бюджетных ассигнований. Они, по-прежнему, предлагают работникам соблюдение всех прав и стабильные условия труда, но и используют современные инструменты управления типа маркетинга, фандрайзинга, предоставления платных услуг, системы «эффективного контракта», системы срочных контрактов, оценки востребованности у публики и т.д. Особенно по отношению к творческой интеллигенции, деятельность которой в современных условиях должна быть источником прибыли.

Признаки precariousности отмечаются в среде творческой интеллигенции, даже у той, которая занята в государственных и муниципальных учреждениях культуры, поскольку в отношении них рыночные механизмы спроса и предложения, принципы эффективности и востребованности, начинают в полной мере реализовываться. Условия труда и положение работников в коммерческих организациях культуры могут быть охарактеризованы как нестандартная занятость. Кроме того, трудовая деятельность независимых представителей творческой (художественной) интеллигенции в полной мере соответствует критериям неустойчивой занятости. Наиболее уязвимыми и precariousными в сфере культуры оказываются работники коммерческих организаций культуры, в частности, кинематографа, частных театров, частных галерей, концертных организаций и т.д., и фрилансеры, так называемые «свободные художники», которые трудятся как самозанятые или как индивидуальные предприниматели (художники, актеры, композиторы, музыканты, режиссеры, художественный персонал театров и т.д.).

Согласно данным социологического исследования «Жизненный мир интеллигенции-2016», таких представителей интеллигенции около 30% (занятых в коммерческих организациях 23,4% и 4% — индивидуальные предприниматели) [ЖМИ-2016]. Сходные результаты были получены в РМЭЗ-2018, 33,6% представителей сферы культуры отметили, что работают в частной организации [РМЭЗ, 2018]. Данные Росстата, к сожалению, раскрывают только статистику государственных и муниципальных учреждений культуры.

Так, например, согласно статистическим данным ГИВЦ Минкультуры за 2019 г. в России 671 театр, среди работников театра данные статистики позволяют нам выделить следующие категории кадров (39 106 чел., из них: 30 246 чел. — артистический персонал; 8 860 чел. — художественный персонал). 613 театров регионального и муниципального значения, в них 71 538 работников государственных и муниципальных театров, из них: 25 093 чел. — артистический персонал, 8 050 чел. — художественный персонал. В стране 68 цирков и 345 концертных организаций и коллективов, в них 32 806 человек составляют основной персонал [Основные..., 2019].

Выявить некоторые данные о precariousных категориях в культуре, можно, например, обратившись к экспертному мнению специалистов, которые формируют хотя бы примерный образ некоторых представителей независимого сектора культуры.

В частности, согласно данным исследования «Российский рынок предметов искусства-2018» профессиональных художников в стране свыше 20 тыс. [Салтанова, 2019].

На сегодняшний день в Союзе композиторов России состоят примерно 1,6 тыс. человек. Еще около 1,3 тыс. авторов числятся в молодежных организациях — Международной гильдии молодых музыкантов Российского музыкального союза (РМС) и Молодежном отделении Союза композиторов (МолОт). Реальное число композиторов в стране больше: многие сочинители не входят в творческие объединения. Консерватории страны ежегодно выпускают несколько десятков специалистов по специальности «композиция». Однако штатных должностей, подходящих для представителей этой профессии, практически не существует (если не считать преподавание в тех же консерваториях и, в меньшей степени, колледжах) [Уваров, 2020].

И достаточно показательными в отражении процесса прекаризации творческой (художественной) интеллигенции являются результаты социологического исследования «Жизненный мир интеллигенции-2016», результаты ежегодного исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» за 2018 год, а также данные серии интервью с представителями творческой (художественной) интеллигенции, проведенных автором осенью 2019 г. (N=12).

Согласно результатам исследования, около 1/3 всех работников культуры уже переведены на срочные трудовые договоры, из них 8,7% — на срочные договоры (до 1 года), 24,7% — на срочные договоры (от 1 и более года). 60% работников культуры оформлены в учреждениях культуры посредством бессрочного договора. Необходимо также отметить, что в сфере культуры, по-прежнему, распространена занятость без оформления трудового договора, в частности 4,3% отметили данный вариант трудовых отношений [ЖМИ-2016].

В качестве примера проанализируем также результаты ежегодного исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» за 2018 год. Где мы выделили творческих работников в соответствии с кодом профессии по ISCO2008 основной работы «Культура». Выборка составила 144 человека. Согласно данным исследования, количество работающих неофициально значительно больше, так 30% работников отметили, что «не оформлены официально», из них 66% отметили, что работодатель не хотел их оформлять официально», 33% — не оформились по обоюдному согласию [РМЭЗ, 2018]. Такая разница, очевидно, связана с тем, что в социологическом исследовании «Жизненный мир интеллигенции-2016», в основном приняли участие работники музеев, библиотек, клубов и домов культуры, а они в большинстве своем работают на условиях стандартной занятости. Тогда как в рамках исследования

«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» в опрашиваемую совокупность входили работники, занимающиеся творческой деятельностью в широком смысле.

Согласно данным статистики средняя заработная плата работников культуры в 2019 году в федеральных учреждениях культуры составила 66 383 руб. в месяц, в учреждениях культуры субъектов РФ — 46 609 руб. в месяц. Среднемесячная заработная плата работников муниципальных учреждений культуры, согласно данным Министерства культуры РФ — 33 282 руб. [Основные..., 2019].

Безусловно, в действительности заработная плата работников государственных и муниципальных учреждений культуры носит дифференцированный характер и, как правило, ниже заявленной Министерством культуры РФ, этот факт подтверждают результаты социологических исследований.

Так, согласно данным социологического исследования ЖМИ-2016, среднемесячный доход на каждого члена семьи у работников культуры составил 24 120 руб.

95,7% работников культуры отметили, что основным источником формирования доходов у них является заработная плата на основном месте работы, при этом 38,8% занимаются подработкой и совместительством, а также почти 1/3 работников культуры (28,4%) «обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)». 10,7% кроме заработной платы, получают пенсию и 9,4% — получают помощь от родственников и друзей.

Мы можем прийти к выводу, что творческая (художественная) интеллигенция при существующей системе доходов вынуждена заниматься подработками и совместительством. Низкая зарплата актеров и иных творческих работников, работающих в государственных и муниципальных театрах, иных организациях культуры, заставляет их постоянно искать дополнительную работу вне театра, участвовать в антрепризах, творческих концертах, постановках других театров и т.д.

Достаточно показательными являются результаты социологического исследования «Проблемы кинороботников и перспективы для объединения и отстаивания своих трудовых прав», проведенного в 2018 г., а также результаты анализа публикаций в Сети и интервью лидеров профсоюзного движения кинороботников. Можно сделать вывод о том, что социальные и трудовые права работников в кино- и телеиндустрии систематически нарушаются. Договоры, заключаемые с работниками, носят срочный характер, часто не заключаются

вообще, и работа осуществляется на основе устной договоренности. Кроме того, чаще всего заключают гражданско-правовые договоры на оказание услуг, когда социальные гарантии отсутствуют, больничные, отпускные, страховые выплаты работодателем не выплачиваются. Около 80% актеров, режиссеров, ассистентов, операторов, специалистов по спецэффектам, по свету, звукорежиссеров, художников и т.д. осуществляют свою трудовую деятельность проектно и вступают в трудовые отношения с работодателем как индивидуальные предприниматели (ИП). Треть работников кино- телеиндустрии оказывают работодателям услуги в качестве ИП. Лишь 1/4 заключают трудовые договоры. Столько же вообще работают без договоров [Леонтьева, Данилов, 2019].

В авторском качественном исследовании «Прекариат в сфере культуры» 2020 г. схожие тенденции в нарушении трудовых прав и отсутствие социальных гарантий подтверждаются представителями других групп творческой интеллигенции. Например, творческие работники государственных и муниципальных театров, концертных организаций, самостоятельных коллективов работают в них на условиях соблюдения прав и социальных гарантий, но с заключением срочных контрактов. Явными прекариями в отрасли культуры являются также художники и работники частных галерей и музеев. Артистический и художественный персонал государственных и муниципальных театров, даже в условиях соблюдения прав и социальных гарантий, в условиях гарантированного оклада, достаточно прекаризован. Поскольку вместе со стабильностью в государственном театре, приходит и фиксированный оклад, как правило, небольшой, а также контроль за деятельностью и сложность участия в театральных проектах на стороне, такая ситуация не устраивает современных творческих работников и поэтому многие из них выбирают путь фрилансера.

Необходимо отметить, что уровень прекарности может зависеть от степени известности, таланта и востребованности представителей творческой интеллигенции. Чем более известен и востребован творческий работник, тем он более социально защищен и тем лучше условия его труда. Сложности с поиском работы и все прелести неустойчивой занятости испытывают неизвестные, невостребованные творческие работники, без особых знакомств и социальных связей.

Таким образом, в сфере занятости творческой (художественной) интеллигенции прекарные тенденции значительно распространены. С реализацией принципов рыночной экономики в сфере культуры во главу угла была помещена жажда наживы, в результате чего интересы работников систематически нарушаются.

Литература:

- Агаева Е.В.* Процесс формирования творческой интеллигенции Чувашии: проблемы и поиски: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 24.00.01 / Науч.-исслед. ин-т гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2006.
- Глухова Т.В.* Творческая интеллигенция и власть в период 1920-1930-х годов в Среднем Поволжье: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02 / Самарский гос. ун-т (СГУ). — Самара, 2005.
- Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-60-е годы / МГУ им. М.В.Ломоносова. Ист. фак. — М.: Диалог-МГУ, 1999.
- Леонтьева К.Ю., Данилов П.В.* Проблемы трудовых отношений в российской киноиндустрии // Петербургский экономический журнал. 2019. №1.
- Основные показатели работы отрасли. Статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/> (дата обращения: 25.03.2020).
- Раскатова Е.М.* О подлинных и мнимых функциях художественной интеллигенции // Российская интеллигенция: критика исторического опыта. — Екатеринбург, 2001. С. 187
- Салтанова С.В.* Искусство на торгах Как устроен российский арт-рынок // URL: <https://iq.hse.ru/news/256845516.html> (дата обращения: 28.04.2020).
- Стародубцева Т.В.* Жизненные стратегии молодой художественной интеллигенции в современной России : автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). — М., 2003.
- Уваров С.* Романы и финансы: почему тысячи российских композиторов лишились доходов. Пандемия высветила проблемы профессии. // Известия. 2020. 30 апреля. URL: <https://iz.ru/1006458/sergei-uvarov/romansy-i-finansy-rochemu-tysiachi-rossiiskikh-kompozitorov-lishilis-dokhodov> (дата обращения: 01.05.2020).
- Шевченко И.О.* Опыт расчета коэффициента прекарности // Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 83–95.

Влияние семей интеллигенции на формирование стиля и образа жизни студенческой молодежи

Н.А. Лоншакова

доктор социологических наук, профессор
Российской международной академии туризма (г. Химки)

Социальная активность молодого поколения сегодня является важнейшим условием социально-экономических перемен и инновационной силой российского общества. Расслоение общества по материальному положению, нарастание темпов социальной, эмоциональной и нравственной раскрепощенности молодежи, приводят, с одной стороны, к ее быстрому взрослению, с другой стороны, к пассивности, иждивенчеству и инфантильности. Эти противоречия отражаются на ценностных представлениях молодежи, которые являются наиболее чувствительным индикатором изменений в обществе.

В Российской международной академии туризма в течение 2018–2019 учебного года был проведен опрос 338 студентов всех курсов и форм обучения, а также колледжа «Формирование стиля и образа жизни студенческой молодежи в зависимости от социального статуса семьи». В рамках исследования были опрошены студенты из семей интеллигенции, рабочих, государственных служащих и предпринимателей. Выборка сплошная. Метод исследования — анкетный опрос.

Анализ полученных ответов показал, что ценностные ориентации современных студентов представляют собой взаимосвязанную и противоречивую систему ценностей. В ответах на вопрос о ценностях и понимании сути жизненного успеха респонденты на первое место поставили такие ценности как «жизненный успех и карьера» (63%), на втором месте «любовь» (56%), на третьем — «здоровье» (50%). В то время как в ответах на вопрос о сути жизненного успеха «успех и карьера» стоят на 3 месте (38%).

Ценностное отношение личности к миру и к себе реализуется в эмоциях, воле, решимости, целеполагании, выборе идеала. Пред-

ставление об идеале и тяга к нему способствуют развитию личности, определяет цель и смысл жизни человека, влияет на его поведение и мышление. В ответах на вопрос «Есть ли у вас идеал?» утвердительно ответили 56% респондентов, остальные ответили либо нет, либо затруднились с ответом. Большинство, из тех, кто ответил утвердительно, считает, что в качестве идеала для них выступает интеллигент, высоко духовная личность. Для остальных — таким идеалом является специалист, высокий профессионал.

Каждый второй представитель из семей интеллигенции в сущностное понимание жизненного успеха вкладывает, прежде всего, возможность реализации своих способностей и овладение в совершенстве выбранным делом. Так же с пониманием сути жизненного успеха многие (44%) видят в возможности сделать счастливым любимого человека. Подводя промежуточный итог, можно сказать, что в большинстве своем дети из семей интеллигенции связывают свое понимание жизненного успеха, в большей мере с возможностью самореализации, как в профессиональной, так и в личной сферах.

По оценкам респондентов, к числу наиболее значимых факторов, влияющих на достижение жизненного успеха, относятся: хорошее образование (56%); высокий профессионализм (38%); способности и талант (44%). Сравнивая сущностное понимание жизненного успеха и значимость факторов успеха, видим, что респонденты хорошо понимают, что реализация своих возможностей и овладение выбранным делом в совершенстве немислимы без хорошего образования.

Жизненный успех во многом зависит не только от степени понимания молодежью сути и факторов жизненного успеха, но и от того насколько целенаправленно они способствуют его достижению. В ответах на вопрос о наличии жизненных планов на долгосрочную перспективу каждый второй респондент сказал — да, есть четкие планы, 31% — сформировали планы только в общих чертах, 19% — планы еще не сформировали. Как видно из анализа, половина респондентов не задумываются о далекой перспективе. В этой ситуации достаточно сложно говорить о каком-либо жизненном успехе.

Для повышения темпов роста экономики страны необходимо решение проблем развития предпринимательства и формирования среднего класса, которые являются ключевым источником роста эффективности производства, насыщения рынка необходимыми товарами, услугами и повышения уровня жизни населения. Анализ представлений респондентов о месте будущей профессиональной деятельности показывает, что большинство (44%) планируют в будущем основать свое собственное дело и быть независимым. В тоже время 25% считают, что выбор

сферы экономики для будущей профессиональной деятельности не так важен, важно другое, чтобы им было комфортно, здесь мы наблюдаем приоритет потребительских ориентаций. Таким образом, будущие специалисты в основной своей массе предполагают работать в дальнейшем в сфере предпринимательства.

Дружба в жизни человека играет важнейшую роль, оказывая определенное влияние на его привычки, поведение, мировоззрение. Близкие общения между людьми дают возможность для духовного роста, такая дружба делает человека сильнее. Отсутствие друзей порождает социальную отстраненность и разрушающе действует на человека. Таким образом, дружба выступает как фактор, способствующий личному росту или торможению, изменяющий характер взаимоотношений и поведение человека в обществе, его гражданскую позицию. В ответах на вопрос о выборе друга наибольший процент (50%) получил ответ — «Человека надежного». Каждый четвертый респондент не задумывался об этом.

В определенной мере представления студентов об обществе и их отношение к нему зависит от понимания ими того представителями какого поколения они себя видят. Большинство представителей семей интеллигенции считают себя поколением надежд (44%), однако настаивают, что затруднились с ответом 38%.

Важной чертой, характеризующей гражданскую позицию респондентов, является отношение к людям и умение оценивать их личностные качества. Подавляющее большинство респондентов указали на такие положительные качества как «честность» (63%), «добота, душевность и отзывчивость» (50%). В качестве недостатков, вызывающих у них наибольшее отвращение, респонденты назвали угодничество (56%), трусость (50%), эгоизм (44%).

В последнее время стал актуальным вопрос двойного гражданства и отъезда специалистов на жительство за границу. Респондентам был предложен вопрос: «Как Вы относитесь к возможности отъезда за границу?». Каждый второй (50 %) респондент предполагает поездку за границу для отдыха. Каждый четвертый (25 %) готов покинуть страну навсегда, 19% хотят найти хорошую работу по контракту. Выразили желание получить образование за границей (6%). Условия системного кризиса и сложная экономическая ситуация привели к отрицательным последствиям. Молодежь дистанцируется от проблем страны: им кажется, что в другой стране этих проблем нет. Скорее всего, родители, глядя на олигархов и чиновников, дети которых живут за границей, поощряют разговоры о переезде. Либо дети интеллигенции видят, как живут их родители, не хотят такой доли.

В современном мире общество изменило свое отношение к браку. Сегодня индивидуальная свобода человека является наиболее важной ценностью. Ранее порицаемый, так называемый гражданский брак, в настоящее время считается нормой. В связи с этим представляет интерес отношение современного студенчества к браку. Семья является ячейкой общества, которая выполняет одну из важнейших функций социализации детей, что в дальнейшем определяет развитие и судьбу ребенка. Каждая семья характеризуется определенной устоявшейся формой бытия, находящей своё выражение в ее деятельности, интересах, убеждениях. Дети, в последующем, являются носителями этого стиля и образа жизни. На их основе они строят свои отношения с отдельными социальными группами и обществом в целом.

Студентам выходцам из семей интеллигенции были предложены вопросы, касающиеся отношений к семье, браку. Отношение к браку у детей из семей интеллигенции проявляется следующим образом: большинство респондентов (69%) считают, что семья должна быть официально оформлена; за гражданский брак высказались 12%; затруднились с ответом 19%. Подавляющее большинство респондентов считает, что основной причиной вступления в брак является любовь. Оптимальный возраст вступления в брак, по мнению студентов, 20-25 лет. Создание семьи обеспечивает моральную поддержку и дает уверенность в себе. Так считает 88% респондентов. Выбор мужа или жены лишь 31% респондентов предполагают делать из семей интеллигенции, 30% затруднились с ответом, остальные респонденты считают, что выбор надо делать из семей с другим социальным статусом. Проведя анализ по половому признаку, мы пришли к выводу, что девушки в своем выборе партнера более прагматичны. Так 34 % девушек и только 18 % юношей охотней выбрали бы партнера из семьи предпринимателей. А юноши 12%, против 9 % девушек выбрали бы избранницу из сельской местности, мотивировав это не избалованностью и меньшими претензиями. Более взрослые респонденты (24 и более лет) единодушно остановили свой выбор спутника жизни из семьи интеллигенции.

В семьях интеллигенции наибольшим предпочтением пользуется такой тип взаимоотношений как невмешательство, когда каждый член семьи независим от других членов семьи. Этого мнения придерживается каждый второй респондент, полагая, что в семье должна быть атмосфера свободных взаимоотношений без какого-либо диктата со стороны других членов семьи. По мнению 31% респондентов, в семье обязательно должен быть глава, который определяет внутрисемейные взаимоотношения (диктат). И только 13% респондентов отдает пред-

почтение внутрисемейным отношениям на основе сотрудничества, что предполагает наличие общих целей и задач, высоких нравственных ценностей. Семья становится группой высокого уровня развития — коллективом. Остальные респонденты затруднились с ответом. Таким образом, из ответов респондентов следует, что для выходцев из семей интеллигенции более характерен индивидуализм, а не коллективизм. Идет вытеснение ценностей национальной культуры западными образцами поведения.

Демографическое неблагополучие нашей страны сегодня очевидно. Россия испытывает глубокий демографический кризис. Об этом фактически говорится в послании Президента РФ Федеральному собранию. Решение демографической проблемы выступает, как одно из важнейших направлений деятельности государства. Решение данной проблемы во многом зависит от взглядов современной молодежи на эту проблему. В ответах на вопрос «Какое количество детей Вы планируете иметь в браке?» 81% респондентов ответили, что хотят иметь детей в браке. На одном ребенке планируют остановиться 19% респондентов. Двоих хотят иметь 38%. Трех и более — 25%. Особо настораживает тенденция, что каждый пятый респондент вообще не планирует иметь детей, хотят жить для себя и друг для друга, путешествовать и т.д.

Мнения мужчин и женщин относительно количества детей в семье расходятся. Каждый второй мужчина хотел бы иметь лишь одного ребенка. Большинство женщин (60%) хотели бы иметь двоих детей. Трех и более детей пожелало иметь 17% мужчин и 30% женщин. Не планируют иметь детей 33% мужчин и 10% женщин. Полученные результаты не вселяют оптимизма относительно решения демографической проблемы в России. Речь скорее идет скорее о простом воспроизводстве населения.

Суммируя все выше сказанное, можно сделать вывод, что проблема воспитания стоит как на уровне государства, образовательных учреждений, так и в семье. Погоня за зарабатываем денег, дала свои результаты. Если решить проблему «Государство делает вид, что платит интеллигенции, а она делает вид, что работает», то изменится и отношение к государственной политике. Если человека в семье настраивать на правильные жизненные ценности, подавая достойный пример своим поведением, то не будет потребительского отношения ни к родителям, ни к государству. Дети впитывают именно то, как мы живем сами. Молодой человек может поступать так, как мы ему говорим, но сами живем иначе, он чувствует фальшь, и доверие у него будет складываться именно к поведению, а не к словам.

Высшее образование как фактор формирования толерантности в повседневной жизни россиян

В.А. Прохода

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)

Введение. Многоаспектность и комплексный характер толерантности как сложного социально-психологического явления детерминируют наличие многочисленных подходов к его исследованию и интерпретации [Медушевский, 2017; Старицына, Грищенко, 2016]. В настоящей публикации под толерантностью понимается уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур мира, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности [Декларация..., 1995]. Проблемы формирования толерантного сознания являются предметом междисциплинарных исследований и привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных авторов [Бакулина, 2007; Солдатова и др., 2011; Ковалева, 2015; Catarci, Fiorucci, 2015]. Образование является базовым инструментом формирования толерантных установок. На уровне официальных международных документов признается, что *«воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости»*, а *«воспитание в духе терпимости начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы...»* [Декларация..., 1995]. Отмечается, что в сложной социально-политической среде, где полноценное развитие личности становится невозможным без умения активно участвовать в общественных процессах и адаптироваться к культурному, этническому и языковому разнообразию лишь образование может помочь успешно справиться с этой задачей [Меморандум..., 2000].

В современной России в условиях реформирования высшего образования, перехода к компетентностному подходу, пристальное внимание уделяется формированию общекультурных компетенций.

В качестве последних, в том числе выступает способность уважительно и бережно относиться к культурным традициям, толерантность в восприятии социальных и культурных различий [Галимулина, Коршунова, 2015]. Например, согласно образовательному стандарту, самостоятельно устанавливаемому МГУ имени М.В. Ломоносова, обучение в вузе направлено на подготовку работника высокой квалификации, который *«... в своем поведении руководствуется нравственными и этическими нормами, основанными на толерантности, стремлении к сотрудничеству, укреплении взаимопонимания между представителями различных социальных групп, мировоззренческих позиций, национальных культур»* [Образовательный стандарт..., 2015:5]. Выпускник, завершивший подготовку должен демонстрировать *«способность практиковать толерантное отношение к расовым, национальным, религиозным различиям людей»* [См. там же:7]. В таком контексте интересно рассмотреть связь между наличием/ отсутствием высшего образования и уровнем толерантности россиян с использованием данных авторитетного сравнительного исследования.

Материалы и методы. Эмпирической основой проведенного вторичного анализа стали материалы восьмой волны межстранового трендового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS), проведенного в 2016 г. «ESS» — проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран. Социологические опросы проводятся каждые два года в трёх десятках европейских стран. Россия участвует в «ESS» с 2006 г. Метод сбора первичной социологической информации — личное интервью (face-to-face) на дому у респондентов.

Опрос проводился среди населения в возрасте 15 лет и старше. В каждой стране было опрошено от 880 (Исландия) до 2852 респондентов (Германия) респондентов по национальной репрезентативной случайной выборке. В России опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в октябре 2016 г. — январе 2017 года, размер выборки — 2430 респондентов. На международном уровне проект координируют сотрудники City University London и еще шести европейских научных организаций.¹ Методология исследования описана в технической документации проекта на сайте www.europeansocialsurvey.org.

1. NSD (Норвегия), GESIS (Германия), The Netherlands Institute for Social Research/SCP (Нидерланды), Universitat Pompeu Fabra (Испания), University of Leuven (Бельгия), University of Ljubljana (Словения).

Выявление толерантных установок респондентов потребовало использования серии вопросов, касающихся различных сфер толерантности: гендерной, сексуальной, этнической. Расчет интегративного показателя характеризующего уровень толерантности респондентов основан на результатах факторного анализа. Выявление зависимости между наличием/ отсутствием высшего образования и уровнем толерантности осуществлено с использованием корреляционного анализа (ранговая корреляция по Спирмену).

Толерантность населения. Проведенный факторный анализ (Extraction Method – Principal Component Analysis; полная объясненная дисперсия – 53,4%; Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy = 0,699; Bartlett’s Test of Sphericity – $p < 0,001$) показал возможность построения интегративного показателя (фактора), характеризующего уровень толерантности в России и других европейских странах. Рассчитанный показатель, условно названный «толерантность», включил в себя с высокими нагрузками следующие переменные:

В 33а. *Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением. Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приеме на работу?* Шкала ответов от 1 до 5: «1» означает «Полностью согласен», а «5» – «Совершенно не согласен» (факторная нагрузка = 0,83);

В 34. *Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением. Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам?* Шкала ответов от 1 до 5: «1» означает «Полностью согласен», а «5» – «Совершенно не согласен» (-0,83);

В 35. *Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением. Мне было бы стыдно, если бы мой близкий родственник был геем или лесбиянкой?* Шкала ответов от 1 до 5: «1» означает «Полностью согласен», а «5» – «Совершенно не согласен» (0,67);

В 42. *Как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России?* Шкала ответов от 0 до 10: «1» означает «Разрушает культуру нашей страны», а «10» – «Обогащает культуру нашей страны» (0,57).

Респонденты с низким уровнем толерантности убеждены в необходимости наличия преимуществ для мужчин перед женщинами при приеме на работу, уверены, что представители сексуальных меньшинств не имеют права вести свой образ жизни, полагают, что мигранты разрушают национальную культуру. Для удобства восприятия факторные значения были разбиты на четыре группы процентилей и представлены в форме таблицы сопряженности (см. таблицу 1).

ТАБЛИЦА 1. Уровень толерантности населения России и других европейских стран (% опрошенных в стране)

	Низкий	Скорее низкий	Скорее высокий	Высокий
Россия	84,4	12,6	2,3	0,7
Венгрия	66,7	22,3	8,3	2,6
Литва	63,9	28,4	5,9	1,7
Чехия	42,4	35,9	18,0	3,6
Эстония	40,9	33,4	18,0	7,7
Польша	36,3	31,5	21,8	10,4
Израиль	35,2	27,4	21,4	16,0
Италия	32,2	32,4	23,5	11,8
Словения	29,2	34,0	24,3	12,6
Австрия	24,0	33,2	23,9	19,0
Португалия	17,0	28,3	29,7	24,9
Швейцария	13,6	28,6	30,0	27,8
Германия	11,4	26,7	31,2	30,6
Бельгия	11,1	21,5	30,9	36,5
Франция	10,4	17,7	32,1	39,8
Ирландия	10,1	26,2	36,5	27,3
Великобритания	10,1	25,6	30,8	33,5
Финляндия	8,9	20,3	31,3	39,5
Испания	7,0	18,0	31,4	43,6
Норвегия	4,5	19,8	33,9	41,8
Швеция	3,8	14,6	28,1	53,5
Нидерланды	3,5	15,0	33,7	47,8
Исландия	1,9	12,2	26,0	59,9

Исследование показало, что по рассматриваемому показателю России ярко выделяется на общеевропейском фоне. Толерантность сильно выражена только у 0,7% россиян, при этом абсолютное большинство населения (84,4%) характеризуется низким уровнем толерантности. Можно констатировать, что нашу страну, к сожалению, нельзя отнести по описываемой характеристике к числу благополучных европейских государств. В окружении России, хотя и с существен-

ным отрывом от нее, оказались Венгрия и Литва. В целом обращает на себя внимание тот факт, что в постсоциалистических государствах фиксируется сравнительно низкий уровень толерантности населения. В то же время максимальных значений он достигает в скандинавских странах и Нидерландах.

Наличие высшего образования. Для выявления уровня образования, респондентов просили ответить на следующий вопрос: «*Какой наивысший уровень образования Вы получили?*». Уровень образования измерялся в каждой стране в соответствии с категориями, принятыми в национальной образовательной системе. Такой подход, позволяя эффективно проводить анализ в национальном контексте, имеет существенные ограничения при сравнении национальных уровней между собой [Андрееenkova, 2014]. Необходимость обеспечения сопоставимости данных по странам требует использования процедуры гармонизации. Экспертами ESS была разработана Международная классификация образования (ES-ISCED), включающая семь ступеней образования [Schneider, 2008]. Высшее образование относится к двум последним ступеням — «базовый уровень высшего» и «высший уровень высшего».

С учетом специфики уровней высшего образования в России в сопоставлении с системой ES-ISCED нами была создана бинарная переменная, разделяющая всех респондентов на две категории. В первую оказались включены опрошенные, имеющие высшее образование (две последние ступени ES-ISCED). В России в их числе оказались респонденты: получившие диплом бакалавра после четырех лет обучения; получившие диплом магистра после дополнительных двух лет обучения; имеющие законченное высшее образование по 5–6 летней системе, а также имеющие ученую степень. Во вторую категорию были отнесены все остальные респонденты. Россия относится к числу европейских стран с большой долей высокообразованных респондентов. Наличие высшего образования констатировало более трети (33,6%) опрошенных россиян, что сопоставимо, например, с показателями в Исландии (33,9%) и Бельгии (34,6%).

Связь высшего образования с уровнем толерантности населения. В дальнейшем с помощью процедуры корреляционного анализа рассчитывался коэффициент корреляции между интегративным показателем «толерантность» и наличием/отсутствием высшего образования у респондента. Во всех европейских странах, где проводилось исследование, фиксируется теоретически обоснованная статистически значимая прямая корреляционная связь между толерантностью респондентов и наличием высшего образования. Иными словами —

высокообразованные респонденты повсеместно отличаются более высоким уровнем толерантности. Выявленная зависимость имеет место и в России. Однако в нашей стране фиксируется самая слабая по европейским меркам корреляция ($r=0,118$; $p<0,0001$). Для сравнения в Бельгии — $r=0,306$ ($p<0,0001$), в Швейцарии $r=0,305$ ($p<0,0001$).

Отчасти это согласуется с результатами ранее проведенных исследований и подтверждает вывод, о том, что российская высшая школа сегодня не способствует в достаточной степени формированию установок толерантного сознания [Прохода, Курбанов, 2017].

Таким образом, проведенный анализ показал наличие во всех странах-участницах проекта статистически значимой корреляционной зависимости между высшим образованием и уровнем толерантности респондентов. В целом высокообразованные россияне характеризуются более высоким уровнем толерантности. При этом в России корреляционная связь характеризуется как самая слабая в Европе. Все это (в совокупности с низким уровнем толерантности россиян) позволяет сделать вывод о том, что российская высшая школа сегодня не способствует в достаточной степени формированию толерантных установок населения.

Литература:

- Андреенкова А.В.* Сравнительные межстрановое исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый Хронограф, 2014. 516 с.
- Бакулина С.Д.* Культурные основания формирования толерантного сознания в полиэтническом регионе // Омский научный вестник. 2007. № 3. С. 75–78.
- Галимуллина Н.М., Коршунова О.Н.* Общекультурные компетенции в образовательном процессе высшей школы [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. №11 (55). С. 646–667. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschekulturnye-kompetentsii-v-obrazovatelnom-protseesse-vysshey-shkoly> (дата обращения: 04.02.2020).
- Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 03.02.2020).
- Ковалева А.С.* Технология создания толерантной образовательной среды: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 136 с.
- Медушевский М.А.* Социальная толерантность в работах российских исследователей // Власть. 2017. № 7. С. 154–161.

- Меморандум непрерывного образования Европейского Союза [Электронный ресурс] // Общество «Знание» России. 2001. URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html> (дата обращения: 04.02.2020).
- Образовательный стандарт, самостоятельно устанавливаемый МГУ имени М.В. Ломоносова для реализуемых образовательных программ высшего профессионального образования по направлению подготовки «Философия» [Электронный ресурс] // Образовательные стандарты МГУ. М., 2011. URL: http://standart.msu.ru/sites/default/files/standards/030100_filosofiya_1.pdf (дата обращения: 14.10.2017).
- Прохода В.А., Курбанов А.Р.* Высшее образование в контексте формирования социальных установок (на примере отношения населения европейских стран к мигрантам) // Ценности и смыслы. 2017. № 4 (50). С. 8–19.
- Солдатова Г., Нестик Т., Шайгерова Л.* Принципы конструирования толерантности и управления рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 60-80.
- Старицына О.А., Грищенко О.Н.* Понятие «толерантность» и ее место в системе базовых ценностей жителей России и Германии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 297–301.
- Catarci M., Fiorucci M.* Intercultural education in the European context: Theories, experiences, challenges. London: Routledge, 2015. 288 p.
- Schneider S.L.* Nominal comparability is not enough: Evaluating cross-national measures of educational attainment using ISEI scores [Электронный ресурс] // Sociology Working Papers Paper. Department of Sociology University of Oxford: 2008–04. URL: <https://www.sociology.ox.ac.uk/materials/papers/2008-04.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).

РАЗДЕЛ IV

**ЛИЦА И ЛИКИ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Деятельность Альфонса Леоновича Шанявского по созданию Народного университета¹

М.Б. Буланова

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Альфонс Леонович Шанявский (9 (21) февраля 1837– 7(20) ноября 2005), родился в дворянской семье в местечке Шанявы Седлецкого воеводства Царства Польского. Рано оставшись сиротой, в возрасте 7 лет он уехал в Россию в числе тех польских мальчиков, которые по распоряжению Николая I были отобраны для устройства в различные учебные заведения. На долю Альфонса Леоновича выпала военная карьера. Так, попав в Тульский кадетский корпус для малолетних, он вскоре был переведен в Орловский корпус (Бахтина), затем перешел в Петербургский корпус, оттуда вышел в гвардию — в Егерский полк, а позднее поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1861 г. Во всех этих заведениях юноша демонстрировал свои блестящие способности к обучению, успевая «на отлично» и покаяя окружающих добрым нравом и строгой дисциплиной. По воспоминаниям Альфонса Леоновича, он рано овладел русским языком и любил русскую культуру, поэтому его жизнь и учеба шли живо и весело. В частности, в Академии Генерального штаба он посещал дополнительные курсы, которые читали профессора Петербургского университета, и в числе других офицеров ходил в университет на лекции, впитывая идеи демократии и прогресса, которыми были насыщены 1860-е гг. [Кизеветтер, 1977].

Для продолжения службы Шанявский был оставлен при Академии Генерального штаба, однако по причине слабого здоровья (проблемы с легкими), был вынужден уехать из Петербурга на службу

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-01168 «Российская социология на изломе эпох (1917–1937)».

в Восточную Сибирь, приняв приглашение графа Муравьева-Амурского (губернатора Восточной Сибири, Амурского края). Время, проведенное на службе в Сибири, Альфонс Леонович вспоминал как лучшее в своей жизни: так интересна была деятельность в том крае, где всё требовало его заботы и участия. В Иркутске Шаняевский познакомился со своей будущей женой Лидией Александровной Родственной, на которой женился в 1872 г. Прослужив в Сибири 10 лет, по вызову военного министра графа Д.А. Милютина, Альфонс Леонович возвращается в Петербург для работы над законом о воинской повинности казаков. Однако, не выдержав каждодневной кабинетной десятичасовой службы, по причине ухудшения здоровья Шаняевский в возрасте 38 лет подает в отставку в звании генерал-майора.

Он опять уезжает в Восточную Сибирь, где ищет новое поприще приложения своих сил и способностей. А.Л. Шаняевский организует добычу золота на приисках, применяя новейшую по тому времени технологию. Вместе с другими золотопромышленниками, в частности, с Василием Никитичем Сабашниковым (отцом издателей братьев Сабашниковых) он находит на реке Зeya месторождения золота, становится директором-распорядителем Зейсакой, Верхнезейской и других компаний, создавая необходимый материальный фундамент для своих будущих образовательных проектов.

Необходимо отметить, что жена Альфонса Леоновича — Лидия Александровна была сторонницей прогрессивных взглядов и еще до замужества считала своим долгом поддерживать российское образование. Так, например, интересна история открытия женских медицинских курсов в Петербурге. Л.А. Родственная лично убедила министра Д.А. Милютина в необходимости открытия таких курсов и пожертвовала на это благое дело 50 тыс. рублей, немалую по тем временам сумму. И действительно, в 1872 г. при Медико-хирургической академии были открыты курсы «Ученых акушеров» с 4-годовичным обучением. Все слушательницы, окончившие курсы и выдержавшие итоговые испытания, получали специальное разрешение заниматься врачебной практикой. В дальнейшем курсы сменили дислокацию, получив новую базу — Николаевский военный госпиталь, а срок обучения был продлен до 5 лет. С 1877 г. они были переименованы в Женские врачебные курсы. В 1882 г. военный министр П.С. Ванновский обратился к императору Александру III с просьбой о закрытии курсов, мотивируя тем, что помещение госпиталя, которое они занимали, необходимо клиникам Военно-Медицинской академии. С 5 августа 1882 г. прием на курсы был прекращен. Однако медицинская общественность во главе с С.П. Боткиным не смирилась с таким решением власти и развернула активную

деятельность, которую поддержали и супруги Шанявские. 12 лет борьбы, более 100 обращений в различные инстанции увенчались успехом. В 1894 г. курсы вновь открылись, как Женский медицинский институт, которому Альфонс Шанявский пожертвовал (по сведениям из разных исторических источников) от 120 до 300 тысяч рублей.

Совместными образовательными проектами четы Шанявских в Сибири также были: преобразование Благовещенской мужской прогимназии в гимназию (сумма пожертвования — 30 тыс. руб.); создание сельскохозяйственной школы в Забайкалье, в Чите (выделено 1000 десятин земли и 1000 руб.) [Войницкий, 1899]. Однако основным достижением Шанявских считается открытие Народного университета в Москве.

В 1882 г. Альфонс Шанявский вернулся в Москву, купил дом и был принят в состав московского дворянства. Климат Москвы больше подходил для его подорванного здоровья, поэтому он считал возможным именно здесь реализовать проект создания вольной высшей школы. Шанявский мечтает о том, что «свободное образование после многих веков мрака придет когда-нибудь и в нашей стране». В своих воспоминаниях Лидия Алексеевна Шанявская отмечала, что «главной его мечтой всегда было все свои средства оставить на такое высшее учреждение, где могли бы свободно, без требования аттестатов зрелости и пр. учиться и мужчины, и женщины, и русские, и нерусские, одним словом, все, кто учиться желает» [Кизеветтер, 1923].

Летом 1905 г. Шанявский обратился к известным ученым и общественным деятелям А.И. Чупрову и М.М. Ковалевскому с просьбой помочь в нелегком деле создания «вольного учебного заведения». По замыслу Шанявского, народный университет был призван служить делу распространения просвещения, привлечению симпатий народа к науке и знанию. К обучению могли допускаться лица обоего пола без различия национальности и вероисповедования. Плата за слушание лекций предполагалась минимальной. В университете предусматривались занятия по всем отраслям знаний. Лекции должны были читаться не только на русском языке, а преподавать — лица обоего пола и вне зависимости от подданства, с ученой степенью и без нее, но известные своими трудами в науке. Поступающие могли не предоставлять ни документа о среднем образовании, ни справки о политической благонадежности. И главное: университет не должен был подчиняться Министерству народного просвещения [Воробьева, 1977: 209].

15 сентября 1905 г. А.Д. Шанявский обратился в Московскую городскую думу с предложением принять в дар принадлежащее ему в Москве домовладение (по адресу Арбат, дом 4, приносящий доход

45 тыс. руб.) на устройство и содержание на доходы с него народного университета. В своем заявлении он, в частности, писал: «В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатий народа к науке и знанию, этим источникам добра и силы, — я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования» [Кизеветтер, 1923].

Утром 7 ноября 1905 г. А.Л. Шанявский пригласил к себе нотариуса и документально оформил дарственную о пожертвовании средств на организацию народного вольного университета. При этом он поставил условие, что если после этого срока в течение 3-х лет университет не будет открыт, то все завещанные средства перейдут Медицинскому женскому институту в Петербурге. Альфонс Шанявский скончался от сердечного приступа вечером того же дня и был похоронен на кладбище Андреевского монастыря.

Борьба за университет продолжалась уже после смерти его создателя. Хотя для осуществления проекта от казны не требовалось ни рубля, со стороны государственных органов немедленно началось противодействие. Особенно настойчиво препятствовали делу министры народного просвещения и внутренних дел, их раздражало понятие «вольный», воспринимавшийся как «неблагонадежный». Но, к счастью, благодаря участию В.К. Рота, С.А. Муромцева, Н.М. Перепелкина, М.М. Ковалевского, Н.В. Сперанского, М.В. и С.В. Сабашниковых, А.И. Чупрова, дело вызвало большой общественный резонанс. Борьба за народный университет продолжалась 3 года. 9 июня 1908 г. Государственная дума, большинством голосов утвердила законопроект, постановив при этом присвоить Московскому городскому народному университету имя А.Л. Шанявского [Государственная..., 1908].

18 июня 1908 г. законопроект рассматривался на заседании Государственного Совета. А.Ф. Кони, завершая блестящую речь в защиту университета и просвещения, сказал: «Я ходатайствую перед Государственным Советом, в виду возвышенности целей покойного Шанявского и ценности вклада, сделанного им на пользу русского просвещения, об утверждении проекта Думы целиком, без сомнений и колебаний, не ставя препон хорошему делу и относясь к русскому человеку с тем же доверием, с которым отнесся к нему Альфонс Леонович Шанявский» [Государственный..., 1908: 1930]. М. М. Ковалевский произнес речь в защиту университета, обратив внимание на те тяготы,

что приходится преодолевать в России молодежи, желающей получить высшее образование. Он подчеркнул, что теперь требуется одобрение Государственного Совета, «чтобы первопрестольная столица обогатилась учреждением, от которого зависит, разумеется, развитие просвещения России, а, следовательно, и благоденствие нашего отечества» [Государственный..., 1908: 1958]. Государственный Совет одобрил законопроект, принятый Государственной Думой, а 26 июня 1908 г. император утвердил Положение об учреждении в Москве Народного университета.

1 октября 1908 г. в Московской городской думе состоялось торжественное открытие университета. Актовую речь произнес профессор П.Г. Виноградов [Сперанский, 1913: 20-34], а на следующий день лекцией профессора А.Ф. Фортунатова по статистике начались учебные занятия [Отчет..., 1909:4].

В первый учебный год университет еще не имел отделений, преподавание осуществлялось по двум циклам: общественно-исторические и общественно-юридические науки. Кроме того, эпизодические курсы вели приглашенные преподаватели. На постоянной основе работали только одиннадцать человек, в том числе члены Попечительного совета и Правления: Л.А. Комаровский, Н.М. Кулагин, А.Н. Реформатский, А.А. Кизеветтер, С.А. Муромцев. В 1911 г. штат пополнился за счет ряда профессоров и приват-доцентов Московского университета, покинувших его в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо. Среди них: бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов, профессора В.М. Хвостов, Е.Н. Трубецкой, М.А. Мензбир, К.А. Тимирязев и другие [Кизеветтер, 1923]. Общая численность преподавателей в 1913/14 учебном году составляла 185 человек, большая часть которых были лучшими представителями российской науки [Московский..., 1909-1916].

Занятия проходили в разных районах Москвы. В частности, вечерние лекции начали читать в арбатском доме Шанявских для 400 слушателей. 14 июня 1911 г. состоялась закладка камня под строительство университета на 3-й Миусской улице, а в 1912 г. у университета появилось свое здание, в котором и продолжались занятия вплоть до его закрытия.

Обучение в университете велось на двух отделениях: академическом, которое давало высшее образование и научно-популяризаторском. Научно-популяризаторское отделение начало действовать только в 1910 г. и по замыслу являлось подготовительным. Здесь предлагались знания в объеме средней школы. Учебные планы строились так, чтобы за четыре года подготовить слушателей к получению выс-

шего образования на академическом отделении. Академическое отделение, предназначавшееся для тех, кто уже имел подготовку в объеме средней школы, состояло из трех циклов: естественно-исторического, общественно-юридического и историко-философского. Полный курс каждого цикла составлял три года обучения. Все занятия проводились с 17 до 22 часов, чтобы дать возможность учиться тем, кто днем работал. В соответствии с замыслом Шанявского, от поступающих не требовалось свидетельств о благонадежности, сословной принадлежности, цензовом образовании. Без ограничения принимали женщин. Плата за обучение была минимальной. Согласно Положению об университете, слушатели, прошедшие полный курс обучения, не получали диплом, им выдавалось удостоверение. Однако, по воспоминаниям современников, выпускники МГНУ им. А.Л. Шанявского высоко ценились на бирже труда [Кизеветер, 1923: 176–177].

Слушателям предоставлялась возможность получить фундаментальные знания по максимальному кругу дисциплин, в том числе и по тем, которые не имели аналогов в казенных университетах. Например, социология в качестве учебной дисциплины преподавалась слушателям второго года обучения историко-философского цикла. В учебных планах значился курс «Социология — часть историческая», преподавать ее, скорее всего, мог профессор М.М. Ковалевский. Кроме того, были заявлены курсы «Теория исторического процесса и методология истории», «История этических учений», авторство которых могло принадлежать профессору В.М. Хвостову. Во всяком случае, лекции профессора по данной тематике слушали студенты Московского университета. Кроме того, проводились практические занятия по философии позитивизма [Начинание..., 2004: 22].

В университете были разработаны гибкие, постоянно совершенствующиеся учебные планы. При необходимости слушатели академического отделения могли составлять индивидуальные планы обучения. Кроме лекций, по всем предметам велись практические занятия и семинарии. Для оптимизации учебного процесса использовались прямо социологические методы. Ежегодно среди слушателей проводилось специальное анкетирование по широкому кругу вопросов. Обобщая и анализируя полученные результаты, профессорско-преподавательский состав корректировал структуру и содержание лекционных курсов, вводил новые предметы, оптимально группировал их на соответствующих курсах, уточнял круг дисциплин, по которым проводились практические занятия и семинарии. Для России того времени это была небывалая форма сотрудничества профессуры со студентами [Басовская, Крушельницкий, 1995: 156].

При университете работали профессиональные курсы, которые были организованы по специальностям, востребованным населением. Среди них были курсы по общественному содействию мелкому хозяйству; кооперации; библиотечному делу; холодильному делу; педагогические. Как отмечалось в Отчете университета за 1914/15 учебный год, эти курсы предназначались «для подготовки практических деятелей в разных сферах общественной деятельности; дальнейшего научного развития лиц, уже занимающихся в той сфере деятельности, по которой устраиваются курсы; для более широких слоев населения с целью ознакомить их с современным состоянием разных научных вопросов» [Отчет..., 1915: 2-3].

Дальнейшая судьба народного университета оказалась тесно взаимосвязанной с судьбой Лидии Алексеевны Шанявской. После Октябрьской революции 1917 г. национализации подвергся как университет, так и имущество вдовы Альфонса Шанявского, которая осталась практически без средств к существованию и была вынуждена уехать из Москвы. В процессе радикальных преобразований, в 1920 г. академическое отделение было ликвидировано, а научно-популяризаторское вошло в состав нового Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, разместившегося в здании на Миусской площади. 27 апреля 1920 г. члены бывшего правления Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского подали прошение во ВЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о помощи вдове Альфонса Леоновича Шанявского — Лидии Алексеевне Шанявской. Данное прошение было удовлетворено. Л.А. Шанявская вместе с секретарем и помощницей Э.Р. Лауперт получили продовольственный паек и средства, достаточные для переезда в Москву. Однако уже в 1921 г. Лидия Алексеевна Шанявская скончалась и упокоилась рядом с мужем на кладбище Алексеевского монастыря, ныне не существующего.

Итак, Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского (детище супругов Шанявских) просуществовал до 1918 г., и за эти годы в полной мере реализовал себя и как учебное заведение, и как своеобразный просветительский центр. В настоящее время дело, начатое А.Л. Шанявским, продолжается в рамках Российского государственного гуманитарного университета.

Литература:

- Басовская Н.И., Крушельницкий А.В.* Традиции и альтернатива в университетском образовании России // Гуманитарные науки. М., 1995. С. 151–159.
- Воробьева Ю. С.* Как был создан университет имени Шанявского // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 209–218.
- Войницкий Т.К.* Историческая записка о состоянии Благовещенской мужской гимназии с 1877 по 1899 год. Благовещенск, 1899.
- Герасимов В.В.* А.Л. Шанявский и университет его имени глазами скульптора // Гуманитарные науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 210–216.
- Государственная дума. 3-й созыв. Стенографические отчеты 1908 г. Сессия 1. Ч. 3: заседания 61–98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.) СПб. 1908. Стб. 2433.
- Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 3: Заседания 1–44 (1 ноября 1907 — 5 июля 1908 г.). СПб. 1908. Стб. 1930.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух эпох. Воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1997.
- Кизеветтер А.А.* Университет имени Шанявского // На чужой стороне: ист.- лит. сб. 3. Берлин; Прага, 1923.
- Московский городской университет имени А.Л. Шанявского. Отчеты (за 1908–1915 гг.). М. 1909–1916.
- «...Начинание на благо и возрождение России»: Создание университета имени А. Л. Шанявского/ сб. документов // Под ред. Н.И. Басовской, А.Д. Степанского. М., 2004.
- Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908–1909 акад. год: 1-й год. М., 1909.
- Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1914–1915 академический год; VII год. М., 1915.
- Сперанский Н.В.* Возникновение Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Ист. Справка. М., 1913. С. 20–34.

Социальная значимость инженерной деятельности в трудах П.К. Энгельмейера

А.А. Михайлов

кандидат социологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)» (г. Москва)

Последнее десятилетие характеризуется острой нехваткой молодых инженерных кадров в Российской Федерации. В целях повышения престижа инженерной деятельности, в 2015 г. Правительство РФ утвердило план мероприятий, направленный на популяризацию среди молодежи рабочих и инженерных профессий [Распоряжение Правительства..., 2020]. В результате существенно повысился прием абитуриентов на инженерно-технические направления подготовки. Данное обстоятельство полностью соответствует потребностям современного отечественного рынка труда [Михайлов и др., 2018: 207]. Дефицит молодых инженерных кадров также подтверждается данными кадровых агентств. Так, согласно исследованиям рекрутингового портала hh.ru, в 2019 г. наиболее востребованными на отечественном рынке труда являлись молодые специалисты именно с техническим образованием. На них ориентированы 30% всех вакансий, размещенных в России в 2019 г. [У кого..., 2020].

Рост потребности в молодых инженерах обусловлен стремительным распространением техники и технологий во всех сферах жизни человека, и, как следствие, необходимостью квалифицированного кадрового обеспечения современных производств. Однако улучшение человеческого капитала не должно ограничиваться только повышением уровня научно-технического потенциала молодого специалиста, но и повышением его культурного уровня. Это будет способствовать, с одной стороны, формированию общегражданской жизнедеятельности, а с другой, активизировать его профессиональный потенциал [Болотин, Михайлов, 2017: 56]. Таким образом, обращение к проблеме социальной значимости инженерной деятельности является весьма актуальным.

Инженерная деятельность влечет за собой существенные социальные изменения, получает оценку нового уровня цивилизационного развития, становится фактором различных общественных изменений, влияет на развитие социальных структур [Михайлов, 2013: 46]. В этом заключается ее преобразующая функция, реализация которой требует от инженера, с одной стороны — наличия творческого потенциала, а с другой — учета социальных, экологических, экономических аспектов и ограничений, а также вопросов здравоохранения и безопасности. В этой связи особенно важным является формирование в вузе у будущих инженеров понимания социальной значимости их профессиональной деятельности. Именно в вузе перед молодым поколением интеллигенции встает проблема более четкого осознания своего места в системе общественных отношений. В период обучения в вузе формируется представление о месте и роли их будущей профессии и профессиональных достижений в жизни человека, о целях профессиональной деятельности и способах их достижения [Михайлов и др., 2018: 206].

Следует отметить, что многие актуальные подходы к определению социальной значимости инженерной деятельности не являются новыми. Существенный вклад в раскрытие сущности и социальной значимости инженерной деятельности внес П.К. Энгельмейер — выдающийся философ техники, создатель теории технического творчества. Он стоял у истоков русского автомобилизма и патентоведения, способствовал развитию отечественной электротехники и технического образования. П.К. Энгельмейер впервые в развернутом виде сформулировал идеи гуманитарного социально — философского измерения техники и инженерной деятельности. Он фактически первым сумел раскрыть подлинную суть и социальную значимость инженерной деятельности. Инженера он рассматривал как «творца и руководителя хозяйства», которому в современном государстве переходит «первенствующая роль». В своей работе «В защиту общих идей в технике» П.К. Энгельмейер отмечал комплексность подготовки инженерных кадров. По его мнению, инженер должен готовиться к руководящей государственной роли сразу с четырех сторон: технической, экономической, юридической и юридической. П.К. Энгельмейер отмечал, что подготовка инженеров не должна ограничиваться только техническими познаниями. Она также должна включать «фактические познания по технологии, экономике, законоведению, политике, психологии и этике» [Энгельмейер, 1915]. Такой подход является сегодня особенно актуальным, поскольку современный инженер должен быть гармонично развитым специалистом, одинаково хорошо владеющим как техническими, так и гуманитарными аспектами своей профессиональной деятельности [Михайлов, 2013: 15].

Целью инженерного труда является разработка средств, методов и технологий преобразования среды для создания неких технических структур. Сущностной основой инженерной деятельности являются технические инновации, без которых невозможен научно-технический прогресс. Следовательно, наличие творческого аспекта в инженерной деятельности есть основная характеристика ее качественной определенности [Курлов, 1992: 10]. Творческой составляющей инженерной деятельности П.К. Энгельмейер уделил особое внимание. Инженерную деятельность он рассматривал как своего рода искусство. По его мнению, инженер осуществляет деятельность творческую и направляющую, а техник — осуществляет исполнение [Энгельмейер, 1898].

П.К. Энгельмейер разработал основы науки о творчестве — эврилогии. В книге «Теория творчества» он рассмотрел различные аспекты творческого процесса, причем, не только в технике, но и в науке, религии и искусстве. В данной работе он предложил теорию трех актов, каждый из которых состоит из трех стадий: желания, знания и умения. В первом акте изобретение предполагается и все начинается с интуитивного появления гипотетической идеи, во втором — доказывается и разрабатывается план (изобретение преобразуется в логическое представление), в третьем — осуществляется. Третий акт не связан непосредственно с творчеством, поскольку выполнение плана может быть поручено соответствующему специалисту. По его мнению, в первом акте проявляется гениальность, во втором — талант, а в третьем — прилежание. Также в указанной работе ученый предлагает свой вариант деления искусств на изящные (эстетические) и полезные (утилитарные). Исходя из данной классификации, он предлагает свою трактовку понятия «польза». По его мнению, полезным является все то, что облегчает достижение намеченной цели, увеличивает производительность труда. В этой связи, он отмечает, что это как раз и есть «функция и основная цель техники, как профессии и как искусства» [Энгельмейер, 1910]. В результате, технику он определяет, как искусство, направленное на пользу, а художество — искусство, направленное на красоту. Данный подход к трактовке понятия «польза» является очень важным при рассмотрении проблем социальной значимости инженерной деятельности. Инженерная деятельность предполагает единство знаний, убеждений и практических действий человека, а также совпадение способностей человека и объективных потребностей общественного развития в области использования техники. Современные инженеры должны обладать готовностью к использованию и постоянному обновлению знаний техники. Инженер должен уметь увидеть пользу не от техники вооб-

ще, а применительно к своей работе, к своей жизни, к своему трудовому коллективу. [Михайлов, 2013: 45].

В работе «Творческая личность и среда в области технических изобретений» П.К. Энгельмейер формулирует основное противоречие инновационного процесса, рассматривая взаимодействие среды и личности как борьбу двух стихий: «Творческая личность не может молчать о том, что для нее очевидно, но и масса не может не следовать законам инерции» [Энгельмейер, 1911]. В указанной работе исследователь обращается также к вопросу о «здоровом изобретении», то есть изобретении, имеющем «внутренний и наружный успех», и «больном изобретении», связанном с «внутренним и наружным неуспехом». Он отмечает, что изобретатель бывает счастливым при стечении следующих условий: 1) творческий гений; 2) необходимые познания; 3) мастерство в обращении с материей; 4) коммерческая жилка и знание людей; 5) удача [Энгельмейер, 1911].

И.К. Корнилов рассмотрел указанные условия с точки зрения современной действительности. Так, в частности, по его мнению, творческому процессу содействуют методы научно-технического творчества, направленные на воспитание инженерного мышления; необходимые знания приобретаются в процессе обучения в высшем техническом учебном заведении; практические умения и навыки приобретаются в процессе научно-исследовательской и производственной деятельности; коммерческая жилка и знание людей приобретается за счет изучения как экономических, так и социально-гуманитарных дисциплин, таких как психология и социология [Корнилов, 1999: 88].

В работе «Философия техники» П.К. Энгельмейер рассматривает такое понятие, как — техницизм. В общем виде он определял его как строительство жизни. В рамках техницизма ученый предложил трехактную теорию творчества, основные положения которой заключаются в следующем: человек творит искусственный мир — культуру, которая, в свою очередь, делится на вещественную (материальную, внешнюю для человека) и духовную (созданную человеком внутри самого себя). В связи с тем, что человеческая жизнь непосредственно связана с деятельностью, техницизм является учением о человеческой жизни. Обобщая теорию творчества, исследователь предложил триединую сущность творческого человека: чувства, разум и волю. Саму деятельность человека он разделил на три акта: интуитивный, дискурсивный (рассудочный) и рефлекторный [Энгельмейер, 1911].

Идеи П.К. Энгельмейера актуальны и сегодня. Особый интерес вызывает его идея восприятия инженерной деятельности как органичного сочетания технических и гуманитарных аспектов. В этой связи,

идеи исследователя могут быть включены в программы учебных курсов бакалавриата и магистратуры инженерных направлений подготовки. В частности, для бакалавриата — введение в профессию, основы инженерного дела, история науки и техники; для магистратуры — философия и методология науки, методология научного и технического творчества, техническая эстетика. Это будет способствовать лучшему пониманию студентами места и роли инженерной деятельности в современном обществе, а также формированию социальной ответственности у молодого поколения инженерной интеллигенции.

Литература:

- Болотин И.С., Михайлов А.А.* Роль человеческого капитала в высокотехнологичном производстве // Экономика и управление в машиностроении. 2017. №4. С. 55-57.
- Корнилов И.К.* Методологические основы инженерной деятельности: Монография. М.: МГУП, 1999. 206 с.
- Курлов А.Б.* Качество инженерной подготовки как проблема социологического исследования. Москва –Уфа: УАИ, 1992. 132 с.
- Михайлов А.А.* Социально-гуманитарная составляющая подготовки инженерных кадров в современных российских вузах: социологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04. М., 2013. 24 с.
- Михайлов А.А.* Социально-гуманитарная составляющая подготовки инженерных кадров в современных российских вузах: социологический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04. М., 2013. 163 с.
- Михайлов А.А., Федотова М.А., Тихонов А.И., Новиков С.В.* Проблемы профессионального самоопределения студенческой молодежи // Финансовая экономика. 2018. №6 (часть 2). С. 206-210.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2015 г. №366-р «Об утверждении плана мероприятий, направленных на популяризацию рабочих и инженерных профессий». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-05032015-n-366-r/#100011> (дата обращения: 28.01.2020).
- У кого самые большие шансы найти работу? URL: <https://hh.ru/article/26000> (дата обращения: 28.01.2020).
- Энгельмейер П.К.* В защиту общих идей техники // Вестник инженеров. 1915. Т. 1. № 3.
- Энгельмейер П.К.* Творческая личность и среда в области технических изобретений. СПб: Образование, 1911. 116 с.
- Энгельмейер П.К.* Теория творчества. СПб: Образование, 1910. 210 с.
- Энгельмейер П.К.* Технический итог XIX века. Вып.2. М.: Тип. К.А. Казначеева, 1898. 107 с.
- Энгельмейер П.К.* Философия техники. Вып.4. М., 1912.

Влияние социологических взглядов В.Н. Тенишева на его жизнь и деятельность

А.С. Сидорова

старший преподаватель кафедры социологии,
философии и работы с молодежью
Смоленского государственного университета (г. Смоленск)

Основным идейным истоком мировоззрения В.Н. Тенишева, как и большинства русских социологов XIX в., являлась теория позитивизма О. Конта. Как и основоположник позитивизма, русский социолог считал, что для изучения общества нужна принципиально новая наука, отделенная от теологии и метафизики, основывающаяся на социальных фактах и использующая метод наблюдения.

В.Н. Тенишев интересовался трудами западных социологов, внимательно следил за открытиями в области социологии, считая, что прежде чем исследовать человека и общество, нужно изучить поведение животных. Свои представления на этот счет он изложил в книге «Деятельность животных» [Тенишев, 1889]. Так, в частности, он отмечал, что «исследование деятельности животных в значительной степени проливает свет на деятельность человека и во всяком случае указывает путь, которому надо следовать при ее изучении, чтобы достигнуть полезных результатов» [Тенишев, 1889: 4]. Русский социолог рассматривал общественность животных, начиная с класса одноклеточных и заканчивая классом млекопитающих, что сближало его теорию с эволюционизмом Г. Спенсера.

Познакомившись с трудами Г. Спенсера, он поддержал идею о том, что именно надорганическая (или суперорганическая) эволюция является предметом рассмотрения социологии как науки, цель которой заключается в формулировке законов развития общества [Тенишев, 1900]. Любое общество должно приспосабливаться к изменяющимся условиям окружающей среды. В ходе приспособления отдельные части общества специализируются. Так протекает эволюция общества от простых форм к более сложным.

Поддержав идею О. Конта о трех стадиях исторического развития (теологической, метафизической и позитивной), он особенно подчеркивал, что основной задачей науки на позитивной стадии развития является достижение определенного знания, которое позволит спрогнозировать социальные явления [Тенишев, 1900: 570]. Проявляя способность к прогнозированию, В.Н. Тенишеву удалось предвидеть развитие железных дорог, широкое использование электричества и появление отрасли автомобилестроения.

В.Н. Тенишев постоянно отслеживал инновации в сфере железнодорожного строительства. Например, как только появились первые сообщения по поводу перехода железных дорог на стальные рельсы, Брянскому заводу под его руководством тут же удалось оформить правительственный заказ на 1800 тысяч пудов таких рельс [Кальгина, 2007: 41]. К 1880 г. брянский завод стал крупнейшим металлургическим предприятием в России.

В.Н. Тенишев руководил не только двумя крупнейшими заводами России (Брянским с филиалом в Екатеринославле и Путиловским), а также электротехническим предприятием в Петербурге. В Орловской губернии он содержал два лесопильных завода и несколько конезаводов, один из которых позже перевел в Талашкино. Успех В.Н. Тенишева в сфере предпринимательства связан с его целеустремленностью, предприимчивостью, интересом к инновациям, способностью предвидеть события будущего экономики и техники. А. Бенуа вспоминал о Тенишеве: «Между прочим, он один из первых поверил в будущность автомобиля и даже в расчете на эту будущность затратил немалые суммы на создание в Петербурге первого завода по постройке самодвижущихся машин» [Бенуа, 2003:1058].

Со времени обучения в Санкт-Петербургском университете В.Н. Тенишев увлекался математикой. Но возможность заняться данной наукой более серьезно появилась лишь в 1880-х гг. В 1886 г. выходит в свет книга «Математическое образование и его значение. Общедоступное изложение», где исследователь пытается «провести связь жизненных представлений с составляемыми в математике обобщениями и отвлеченными понятиями» [Тенишев, 1886: 7]. Именно данная связь, по мнению автора, и должна являться основой математического образования, интереса к которому в обществе нет по той причине, что в нем отсутствует опора на жизненные представления учащегося. В своей книге В.Н. Тенишев исправляет эту ситуацию: каждое математическое действие иллюстрирует примером, близким к повседневной жизни людей. В критической статье «Журнала министерства народного просвещения» одним из достоинств данного научного труда назван тот

факт, что автор «первый ставит в резкой форме вопрос об улучшении преподавания математики» [Краснов, 1886: 201]. Именно в указанной книге В.Н. Тенишев впервые представляет свой взгляд на современную ему педагогику. А.Я. Острогорский вспоминает: «Он постоянно сетовал на то, что наука у нас слишком далека от жизни, оторвана от нее и витает в отвлеченностях... Реалист и практик по своему мирозерцанию, по своей деятельности, он всегда со свойственной ему горячностью и откровенностью нападал на всякие «философии», бранил ученых, затуманивающих головы людей» [Острогорский, 1905].

Возникшие еще при написании книги «Математическое образование и его значение» педагогические идеи реализовались в привилегированном учебном заведении — Общеобразовательной школе князя В.Н. Тенишева, которая в 1900 г. была преобразована в Тенишевское училище.

В.Н. Тенишева волновало положение отечественной педагогики: он считал, что простого повторения теории недостаточно, необходима наглядность обучения, что порой даже многолетнее обучение не достигает своей цели. Одна из причин этого кроется в том, что «нередко предметы обучения не соответствуют возрасту. Кроме того, детей обыкновенно принуждают долго останавливаться на одном и том же предмете, упуская из виду, что подросток не может так сосредоточиться, потому что ему необходимо знакомиться со всем окружающим его миром, а не с одним предметом» [Тенишев, 1889].

На примере применяемых в Тенишевском училище технологий можно проследить их связь с идеями образования Э. Дюркгейма. В частности, с той из них, что методы воспитания и обучения должны различаться в зависимости, например, от возраста обучаемых или специализации будущей деятельности [Тенишев, 1897]. Общий взгляд у обоих социологов был и на роль принуждения в образовании. Так, Э. Дюркгейм пишет, что авторитет преподавателя должен основываться на доверии и уважении, а боязнь наказания не способствует признанию авторитета [Дюркгейм, 1996]. В Тенишевском училище отсутствовала система оценок и наказаний, вызывающих у обучаемых страх, отношения между преподавателями и студентами носили дружеский доверительный характер.

Демократические взгляды В.Н. Тенишева формировались под влиянием мнения Г. Спенсера о свободе. Вслед за английским ученым он считал, что человеку должна быть предоставлена свобода, тогда он сможет пользоваться своими способностями в полной мере [Русская..., 1905: 75]. Если же не поддерживать необходимую свободу, общество не будет развиваться, а возможно, и вернется на предыдущую

ступень своего развития. Однако свобода не может быть неограниченной, она должна соответствовать той степени, которая признается в соответствии с законами того или иного общества. В предпринимательской, образовательной и исследовательской деятельности В.Н. Тенишев придерживался именно этой позиции.

Интерес В.Н. Тенишева к новой науке, а также его труды по социологии получили признание со стороны западных социологов: в декабре 1899 г. он был избран членом Интернационального Социологического института и Парижского Социологического Общества. Исследователь часто присутствовал на заседаниях последнего, активно участвовал в обсуждении докладов.

С Францией у В.Н. Тенишева связано много важных жизненных событий. Именно здесь он познакомился со своей второй женой. В 1900 г. император Николай II, по совету министра финансов С.Ю. Витте, назначил В.Н. Тенишева главным комиссаром Русского отдела на всемирной выставке в Париже. Российская экспозиция получила на этой выставке 1526 наград, в том числе 211 Grand Prix [Воронцова, 2005]. Во Франции была издана книга В.Н. Тенишева «Критические этюды о сознании и психологии», где он высказал свое мнение относительно актуальных в конце XIX в. психологических и социологических теорий [Tenicheff, 1900]. Одним из первых русский исследователь обратил внимание на то, как важно исследовать такие факторы, влияющие на социальное настроение, как знание, эмоции, историческая память, социальное положение, воля, жизненные ориентации, оценка социального опыта [Tenicheff, 1900: 47].

Кроме того, В.Н. Тенишеву принадлежит идея изучения революционных настроений. В его программах этнографических сведений есть раздел «Выходящие из ряда обстоятельства», где социолог рассматривает стихийные явления, разлад в общественном строе, социальные группы неудовлетворенных, заговоры, сопротивление населения властям, стачки. Незадолго до своей смерти В.Н. Тенишев при поддержке интернационального Социологического Института объявил конкурс на лучшее исследование по проблемам возникновения революционных настроений в обществе и способа их предупреждения.

В.Н. Тенишев, как сторонник позитивизма, считает, что при изучении социальных явлений важно не только непосредственное наблюдение, но и косвенные свидетельства тех, кто находится под наблюдением. Полезную информацию об обществе можно получить при исследовании его исторических и культурных памятников, обычаев, традиций, обрядов [Тенишев, 1898]. По мнению исследователя, особенности поведения людей различных классов должны изучаться на-

учными методами: «Когда перед нами целая нация с развитым общественным устройством, ...необходимо выделить людей сообразно той роли, которую они играют в обществе, и изучать отдельно, например, крестьян, купцов, солдат, чиновников и т.д.» [Тенишев, 1897].

На основе своих соображений по вопросам изучения общественных классов и предыдущего опыта этнографических исследований В.Н. Тенишев составил три программы: «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России», «Программу этнографических сведений о городских жителях образованного класса» и «Программу этнографических сведений о русских чиновниках». Первая была успешно реализована при деятельности этнографического бюро, вторая и третья остались нереализованными.

В.Н. Тенишев не был доволен современными исследованиями в области изучения жизни крестьян, так как не находил в них ответа о происхождении, мотивах человеческих поступков. Ученый считал, что достигнуть своей цели можно только в том случае, если изучаешь человека в его социальной среде, исходя из его потребностей. Одна из задач Этнографического бюро была связана со сбором материала о жизни и быте крестьян к. XIX — нач. XX вв. Весь массив собранных данных В.Н. Тенишев предполагал обработать и использовать для написания книги «Быт великорусских крестьян-землепашцев» в двух томах. Однако задуманный труд не был написан в связи с преждевременной кончиной ученого.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что увлечение В.Н. Тенишева социологией позволило ему приобрести таких друзей, как Р. Вормс и Е.В. Де-Роберти, с которыми ученого связывало и единство взглядов.

В.Н. Тенишев, как и Р. Вормс, считал, что прежде чем изучать общество, «необходимо познакомиться со свойствами тел — математическими, механическими, физическими, химическими, биологическими, а также с существами неорганическими и органическими» [Вормс, 1897]. С первыми тремя свойствами тел русский ученый познакомился до изучения социологии, так как уже написал книгу о математике, достиг успехов в области промышленного производства. Прежде чем заняться социологией, В.Н. Тенишев разобрался и в физиологии. Вторая его книга была посвящена изучению деятельности животных, затем он исследовал проблемы деятельности человека, и уже после этого приступил к эмпирическому изучению общественных явлений и процессов.

В.Н. Тенишев был согласен с Р. Вормсом и в том, что основополагающими процессами в развитии общества являются не борьба за существование и конфликт, а солидарность и жизненное усилие. Но,

вместе с тем, общество не должно поддерживать слабых и не приспособленных к жизни людей в ущерб сильным и приспособленным, в обществе должна присутствовать здоровая конкуренция и отсутствовать равенство всех перед всеми [Тенишев, 1896].

Как и Р. Вормс, В.Н. Тенишев уделял особое внимание психологическим факторам общественного развития. Вместе с тем, русский социолог критиковал психологические законы смежности и сходства. Он считал, что указанные законы применимы только тогда, когда рассматриваются во взаимосвязи с необходимыми условиями жизни. По мнению Тенишева, сходство между предметами у человека возникает только тогда, когда они имеют какое-либо отношение к потребностям этого человека. Согласно данным психологическим законам человек при осуществлении какой-либо деятельности может судить о возможных результатах [Tenicheff, 1900: 41].

Основой социологических взглядов В.Н. Тенишева и Е.В. Де-Роберти послужили труды О. Конта. На коллоквиумах и заседаниях Парижского Социологического общества они оба имели возможность непосредственно пообщаться с учениками родоначальника социологии, например, с Э. Литтре, П. Лафитом.

В.Н. Тенишев поддерживал биосоциальную гипотезу Де-Роберти, согласно которой на развитие общества влияют психофизиологические процессы. Оба исследователя выделяли психологические и исторические факты в социальной жизни, связывали процесс познания с коллективным и индивидуальным опытом, большое внимание уделяли понятию общественного прогресса. Совпадали взгляды исследователей и на понятие свободы. В.Н. Тенишев, вслед за соотечественником, считал, что нет абсолютной свободы воли, есть только свобода человеческого духа. С одной стороны, индивид, обладающий способностью действовать различными способами, обладает свободой воли, с другой стороны, свобода индивида ограничена условиями, в которых он оказывается [Tenicheff, 1900: 47].

Итак, социологические взгляды В.Н. Тенишева оказали значительное влияние на его жизнь, позволили реализовать себя не только в области общественных наук, но и в предпринимательской, образовательной и исследовательской деятельности.

Литература:

- Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. Кн. 2. М.: Захаров, 2003.
- Вормс Р.* Общественный организм. СПб: Типография Ю.Н. Эрлих, 1897.
- Воронцова В.* Олигарх позапрошлого века // *Интербизнес*. 2005. №2 (64).
- Дюркгейм Э.* Социология образования / Под ред. В.С. Собкина, В.Я. Нечаева. М.: ИНТОР, 1996.
- Калыгина В.М.* Князь В.Н. Тенишев — предприниматель // *Новый Смоленск*. 2007. № 7.
- Краснов К.* Математическое образование и его значение. Общедоступное изложение В. Тенишева // *Журнал министерства народного просвещения*. 1886. №2.
- Острогорский А.Я.* Памяти князя В.Н. Тенишева // *Памятная книжка Тенишевского училища в Санкт-Петербурге за 1902–1903 учебный год*. СПб: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1905.
- Русская Высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров / Под ред. Е.В. Де-Роберти, Ю.С. Гамбарова, М.М. Ковалевского*. СПб: Тип-я Альтшулера, 1905.
- Тенишев В.Н.* Деятельность животных. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1889.
- Тенишев В.Н.* Деятельность человека. СПб: Типография А.С. Суворина, 1897.
- Тенишев В.Н.* Математическое образование и его значение. Общедоступное изложение В. Тенишева. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1886.
- Тенишев В.Н.* Опыт как источник знания и новейшая классификация наук // *Вестник Европы*. 1900. Т. 202 (март-апрель).
- Тенишев В.Н.* Программа этнографических сведений о городских жителях образованного класса. Архив РЭМ. Ф.7. Оп.1. Д. 1867–1875.
- Тенишев В.Н.* Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск: Губернская типография, 1898.
- Tenicheff W.N.* Etudes critiques sur les connaissances et sur la psychologie. v. giard & e. briere libraires-editeurs. 1900.

Исследование творчества Э.В. Ильенкова учеными Смоленского государственного университета (взгляды философа на отношения человека и природы)

В.В. Двойнев

кандидат социологических наук,
доцент Смоленского государственного
университета (г. Смоленск)

В 2014 г. ученые Смоленского государственного университета и других смоленских учебных заведений приступили к активному исследованию творческого наследия своего земляка, уроженца Смоленска, ветерана Великой отечественной войны, выдающегося представителя русской гуманитарной интеллигенции, советского философа и влиятельного мыслителя эпохи шестидесятых — семидесятых годов прошлого века Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979). Интерес смоленских исследователей к его личности и идеям вызван не только общим происхождением и стремлением внести вклад в уже и так достаточно объемный массив отечественных и зарубежных публикаций и мероприятий, посвященных творчеству философа, но и неоднозначностью его творческого наследия, а также противоречивым отношением к его взглядам представителей советской школы философии и современного российского научного сообщества [Итунина, 2019:5]. Именно здесь открываются перспективы для (пере)осмысления идей Э.В. Ильенкова, которые затрагивают многие сферы культуры и науки, и открытия неизвестных фактов биографии, способствующих лучшему пониманию его личности и творчества.

Результаты новых исследований ежегодно обсуждаются на научной конференции «Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность», организуемой кафедрой философии, социологии и работы с молодежью, действующей на социологическом факультете Смоленского государственного университета. Материалы конференции публикуются в одноименном ежегоднике, на сегодняшний день насчи-

тывающем пять выпусков. Задачей настоящей статьи является обзор и систематизация исследований, посвященных идейному наследию и биографии Э.В. Ильенкова, опубликованных в упомянутом издании. Кроме того, в рамках одного из установленных направлений исследований в статье отводится место ранее не затронутым смоленскими учеными аспектам взаимодействия человека и окружающей среды, над которыми Э.В. Ильенков размышлял в своей ранней работе «Космология духа».

Для составления обзора и систематизации работ, анализирующих жизнь и творчество Э.В. Ильенкова, автором использованы материалы ежегодника. Особое внимание было уделено статьям, размещенным в разделах, имеющих следующие названия: «Истоки личности и творчества. Философские и психолого-педагогические идеи Э.В. Ильенкова» в первом выпуске, «Личность и творчество Э.В. Ильенкова» в пятом выпуске. Затем отбирались статьи, в которых имя ученого было вынесено в название. Далее осуществлялся поиск статей, содержащих имя Э.В. Ильенкова в тексте и/или списке литературы (как автора или фигурирующее в названии цитируемого источника). Количество подобных работ в пяти выпусках ежегодника составило двадцать семь (около 25% всего массива публикаций).

Анализ публикаций позволил выделить направления, по которым ведутся исследования в Смоленске: 1) историко-биографические исследования; 2) лингвистический подход к исследованию взглядов философа; 3) психолого-педагогический анализ творческого наследия; 4) философско-антропологический анализ творческого наследия; 5) социологический анализ творческого наследия. Содержание исследований в рамках этих направлений будет кратко представлено далее. Следует отметить, что в большинстве работ отражено современное состояние явлений, процессов и проблем, о которых в свое время размышлял Э.В. Ильенков.

С результатами *историко-биографических исследований* ученое сообщество знакомят работы А.Ф. Гавриленкова, Н.Б. Итуниной и О.А. Новиковой. В них, на основе анализа документов Государственного архива Смоленской области, раскрываются неизвестные страницы жизни прадеда Э.В. Ильенкова, Павла Ивановича Ильенкова, священника и участника Крымской войны (1853–1856), реконструируется биография деда философа, также священника, Павла Павловича [Гавриленков и др., 2019:11–13]. В фокусе глубокого биографического исследования также оказывается жизнь и творческая деятельность отца Э.В. Ильенкова, участника Первой и Второй мировых войн, журналиста и писателя Василия Павловича [Гавриленков

и др., 2019:8–9; Новикова, 2014], описывается смоленский период его жизни [Гавриленков, 2014]. Не остались без внимания исследователей и факты фронтовой жизни самого Э.В. Ильенкова [Гавриленков и др., 2019:9–10]. Историко-философские основы его творчества и эволюция идей анализируются в работе М.Г. Соколовой [Соколова, 2014].

Лингвистический подход к изучению наследия Э.В. Ильенкова представлен статьей Г.Я. Головных о размышлениях философа над проблемой перевода термина «Wert» в труде К. Маркса «Капитал» [Головных, 2014]. Автор статьи анализирует отношение Ильенкова к переводу этого термина на русский язык как «стоимость» и рассматривает преимущества и недостатки предложенного самим Ильенковым варианта перевода («ценность»).

В рамках *психолого-педагогического анализа* творческого наследия Э.В. Ильенкова содержание его педагогических идей постигается посредством изучения объективных мыслительных форм и педагогического процесса их присвоения как условий становления субъектности и субъективности ребенка [Головных, 2014]. Также педагогические воззрения Ильенкова анализируются сквозь призму современных проблем развивающего образования [Шамилёва, 2014], в том числе в начальной школе [Шамилёва, 2016]. Особое место занимает обсуждение результатов Загорского эксперимента, одним из организаторов которого был Э.В. Ильенков [Итунина, Новикова, 2014; Разина, 2014]. Исследователи подчеркивают сложность и социальную значимость «включения слепоглухонемых детей в общечеловеческий мир» [Итунина, Итунина, 2019]. Взгляды Ильенкова на психологию стали предпосылкой изучения психологических особенностей взаимосвязи сенсорно-перцептивных особенностей и стиля саморегуляции поведения [Полякова, Игнатова, 2014]. При помощи ильенковских идей смоленские ученые также анализируют проблемы семьи [Машкова, 2016] и взросления современных подростков [Терещенко, 2016].

Философско-антропологический анализ творческого наследия Э.В. Ильенкова характеризуется поиском концептуального дискурса ученого. Анализируются его взгляды на личность [Гусев, 2014], природу воображения [Киселёва, 2014], культуру [Итунина, Итунина, 2014], концепт идеального [Товстолуг, 2014], а также его трактовка марксистского понятия деятельности [Кондрашов, 2014]. Философы Смоленского госуниверситета исследуют адаптивный потенциал философии в ходе ее эволюции от Платона до Ильенкова [Гусев, Пименов, 2014] и анализируют опыт неортодоксального марксизма, представленный в его работах [Пименов, 2014].

Социологический анализ творческого наследия Э.В. Ильенкова заключается прежде всего в обращении к его взглядам на проблемы социокультурной адаптации и социализации [Итунина, 2016, 2017; Итунина, Кулаков, 2016; Итунина, Новикова, 2019]. Кроме того, смоленские социологи исследуют методологическую концепцию Ильенкова о «предметном мышлении» и возможности ее применения руководителями организаций в процессах управления [Макаров, Зорина, 2014]. Наконец, в ходе социологического подхода к анализу творчества Э.В. Ильенкова открывается возможность рассмотрения его взглядов на отношения человека и окружающей среды, и положений, обогащающих традицию социологического изучения экологического сознания.

Отношения человечества и окружающей его природной среды находят отражение в ранней работе Э.В. Ильенкова «Космология духа». В данном очерке автор предпринимает попытку «установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия» [Ильенков, 1988]. Ученый подчеркивает, что природе материального мира или самой материи свойственно порождать «мыслящие существа». Исходя из данного положения, мыслящее человечество есть порождение материи или субстанции, которую также можно назвать природой или Вселенной. При этом, как высшая форма развития, мышление является и высшей ступенью организации взаимодействия. В данном положении речь, по-видимому, идет о том, что мышление способно организовывать взаимодействие между всеми системными элементами материального мира. Здесь возникает возможность интерпретировать положения, изложенные в «Космологии духа», с точки зрения социологии и, в частности, экологической социологии с привлечением теории социального действия в духе М. Вебера и Т. Парсонса.

Идея о мышлении как субъекте или форме организации взаимодействия может быть истолкована следующим образом. Как мыслящее существо и высшая форма развития материи, человек постоянно находится во взаимоотношениях с остальным материальным миром, то есть окружающей средой, и не только находится, но и организует взаимодействие, при этом оставаясь неотъемлемой его частью. Согласно положениям «Космологии духа», человечество на современной стадии своего развития способно справиться с любыми опасностями, исходящими от окружающей среды, вплоть до того, чтобы суметь в очень далеком будущем не погибнуть от холода на остывающей планете путем добычи энергии из мельчайших частиц материи. Автор «Космологии духа» допускает возможность естественной гибели мыслящего человечества лишь в случае превращения Вселенной в раскаленную туманность, то

есть при возврате материи к условному началу круговорота, к своим простейшим формам, но не говорит о возможности его гибели вследствие бездумного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Как можно в данном случае охарактеризовать экологическое сознание человека? В контексте «Космологии духа» человек предстает высшим разумным существом, обладающим властью над окружающим миром, т. е. всецело воздействующим на него, извлекая из его ресурсов пользу для себя. При этом любые воздействия со стороны окружающего мира оказываются ему «по плечу», и он может без труда справиться с ними. С точки зрения социологии, подобное взаимодействие человека и природы нельзя охарактеризовать как равноправное социальное взаимодействие — человек в любом случае ставится выше природы. Таким образом, Э.В. Ильенков, правомерно называя мышление постоянным атрибутом материи, неправомечно лишает мыслящие существа способности воспринимать и понимать Вселенную, природу, окружающую среду как равного и прагматичного партнера по взаимодействию. Следовательно, вполне можно предположить, что любые реакции на антропогенное воздействие со стороны окружающей среды ни человеком, ни обществом не воспринимаются как достойные внимания.

Э.В. Ильенков абсолютно признает мышление главным атрибутом материи, без которого она вообще немыслима, отсюда логично признать и человека, как мыслящее существо, частью окружающей среды. Здесь возникает вопрос, насколько правомерно человек, будучи частью природы, считает возможным безоглядно эксплуатировать ее ресурсы ради собственной пользы. Не разрушит ли он себя еще до прихода срока естественной гибели человечества в результате тепловой смерти, нанося невосполнимый вред окружающей среде? В «Космологии духа» автор такой вопрос не поднимает. Он видит возможность создания человечеством искусственной среды, которая может ему просуществовать до этого срока.

Исходя из данной трактовки, подобную позицию человечества относительно его роли во взаимодействии с окружающей средой следует охарактеризовать как антропоцентрический тип экологического сознания. Следует отметить, что подобное отношение к природе было присуще современной автору «Космологии духа» эпохе. Однако эту позицию нельзя признавать полностью однозначной, ведь парадокс «человек — часть природы, но властвует над ней», при всём прагматическом подходе, не исключает и любви к природе, бережного отношения к окружающей среде. В этом, как показывают эмпирические исследования, проявляется такое качество современного экологического

сознания как амбивалентность [Двойнев, 2017]. А то, что это находит теоретическое подтверждение в «Космологии духа» Э.В. Ильенкова, вносит существенный вклад в процесс научного познания феномена экологического сознания.

В заключение следует отметить, что смоленскими учеными ведется интенсивное исследование творческого наследия Э.В. Ильенкова. За годы проведения конференций, посвященных памяти ученого, и выхода сборников материалов, научный поиск приобрел определенную структуру, стал междисциплинарным и открывает не только новые стороны творчества самого философа, но и дает вдохновляющие импульсы для приложения его идей к изучению современного общества.

Литература:

- Бодрецова Е.В.* Нравственные ценности студенческой молодежи // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 117–123.
- Гавриленков А.Ф.* Смоленский период жизни советского писателя Василия Павловича Ильенкова (о чем рассказывает архив) // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 8–10.
- Гавриленков А.Ф., Итунина Н.Б., Новикова О.А.* Наши земляки Ильенковы (к 95-летию со дня рождения философа Э.В. Ильенкова) // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2019. №5. С. 7–14.
- Двойнев В.В.* Амбивалентность экологического сознания горожан // // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2017. №3. С. 22–26.
- Головных Г.Я.* Стоимость или ценность? Проблема перевода «Капитала» — проблема терминов и понятий // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 11–17.
- Гусев Е.И.* Э.В. Ильенков о проблеме личности // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 18–21.
- Гусев Е.И., Пименов В.Ю.* Адаптивный потенциал философии: от Платона к Ильенкову // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2017. №3. С. 11–16.
- Ильенков Э.В.* Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8. С.4–7; № 9. С. 16–19.
- Итунина А.Л.* Социализация и язык // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 131–135.
- Итунина А.Л., Итунина Н.Б.* Культура и культура речи: антропологически ориентированный подход // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 96–101.
- Итунина Н.Б.* Предисловие // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2019. №5. С. 5–6.
- Итунина Н.Б.* Проблемы социализации и социокультурной адаптации в теоретическом наследии Э.В. Ильенкова // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2017. №3. С. 32–36.
- Итунина Н.Б., Итунина А.Л.* Еще раз о Загорском эксперименте // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2019. №5. С. 14–21.

Итунина Н.Б., Кулаков К.Ю. Феномен социокультурной адаптации в условиях вызовов современного общества // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 27–34.

Итунина Н.Б., Новикова Ж.А. Гуманистический потенциал социальной защиты: из опыта работы социозащитных организаций Смоленской области эксперименте // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2019. №5. С. 51–58.

Итунина Н.Б., Новикова Ж.А. Социальная защита детства: традиции и новые формы работы // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 22–27.

Киселёва С.Л. Понимание природы воображения в трудах Э.В. Ильенкова // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 135–141.

Кондрашов П.Н. Марксистское понятие деятельности (праксиса) // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 28–35.

Лобастов Г.В. Педагогические идеи Э.В. Ильенкова // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 35–43.

Макаров С.Н., Зорина К.А. Управленческая парадигма в творчестве Э.В. Ильенкова // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2019. №5. С. 21–28.

Машкова И.Ю. Уровневый подход в развитии теории дизонотогенеза // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2 С. 151–158.

Новикова О.А. «Он был мне самым близким человеком...» (штрихи к портрету отца философа) // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 49–57.

Пименов В.Ю. Богостроительство как опыт неортодоксального марксизма // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 128–142.

Полякова И.В., Игнатова А.Н. Психологические особенности взаимосвязи точности восприятия и стиля саморегуляции поведения // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 78–85.

Разина Л.С. Слепоглухонмота: мифы и реальность // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 57–62.

Соколова М.Г. Историко-философские основы творчества Э.В. Ильенкова // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 62–66.

Терещенко В.В. Взросление подростка в условиях образовательного пространства города и села // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 172–180.

Товстолуг В.А. Идеальное: многогранная, трудная, вечная проблема (к 90-летию со дня рождения Э.В. Ильенкова) // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 66–72.

Шамилёва И.А. Концепция развивающего образования начальной школы и педагогическое наследие Э.В. Ильенкова // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. №2. С. 180–186.

Шамилёва И.А. Педагогические взгляды Э.В. Ильенкова и современные проблемы развивающего образования // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2014. №1. С. 72–77.

Жизненный мир отечественной интеллигенции (о судьбе ученого Л.А. Велихова)

Г.А. Цветкова

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)

Сегодня трудно найти публикацию по социальным процессам местного самоуправления, в которой бы не упоминалась точка зрения одного из старейших и компетентнейших специалистов в области муниципального хозяйства (городоведения) начала XX в. — Льва Александровича Велихова. В то же время мало кто задумывается о жизненном мире этого ученого, человека удивительной и сложной судьбы.

Он родился и вырос в состоятельной семье Велиховых, имеющей богатую родословную, изначально связанную с духовенством. Истоки ее, по воспоминаниям академика Е.П. Велихова (внучатого племянника Льва Александровича), идут от настоятеля Смоленского собора [Е.П. Велихов, 2017]. Но последующие поколения изменили сферу и вид деятельности с духовной на финансовую и инженерную. Отец Л.А. Велихова — Александр Велихов был товарищем председателя Общества российских железных дорог и председателем советов Русского и Международного банков, владел акциями и был домовладельцем. Даже простой перечень его служебных назначений показывает не только широту профессиональных интересов, но и ориентацию на новые перспективные цели, содействующие общественному развитию страны.

Велихов был достойным преемником членов своей семьи. С детства он стремился к знаниям, в малолетнем возрасте выучил и свободно владел несколькими иностранными языками (французским, английским, немецким), что, несомненно, пригодилось ему в дальнейшей политической и научно-исследовательской деятельности. Получил престижное образование: с отличием окончил частную гимназию, а затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета,

проявив черты самодостаточного творческого человека, мало поддающегося внешнему воздействию. Среди окружающих он выделялся постоянством, целеустремленностью и ответственностью.

Благодаря этим качествам, Велихову удалось с честью выдерживать жестокие жизненные испытания. В начале Первой мировой войны (в то время ему было 39 лет) он сам обратился с прошением, был отправлен на фронт и более двух лет воевал в звании унтер-офицера. За проявленные в боях гражданскую смелость и военное мужество был произведен в подпоручики, неоднократно награждался орденами.

Чуть позднее жизненный мир потомственного дворянина Льва Александровича кардинально изменился: он стал активным участником февральской революции 1917 г., сумев понять и принять общественную значимость процессов, испугавших и заставивших многих представителей дворянской интеллигенции покинуть страну.

Эта сила характера и смелость Велихова в мирное время проявились в его увлечении шахматами, которые, бесспорно, дисциплинировали ум, а главное — тренировали волю. Лев Александрович не ограничивался игрой в шахматы с домашними и с друзьями, он неоднократно участвовал в соревнованиях разного уровня, включая чемпионаты, проходившие в различных городах, к примеру, в Санкт-Петербурге и Новочеркасске. Так, в 1925 г. он выиграл первый приз и звание чемпиона по шахматам в Новочеркасске («казачьей столице») [Заметка ..., 1925].

Незаурядного и энергичного человека (а Велихов, безусловно, был таковым) природа щедро одарила многими талантами. Он выделялся исключительным организаторским даром (возглавлял ряд организаций, был основателем газеты «Русская молва» и соучредителем журналов «Городское дело» и «Земское дело»); предпринимательскими способностями (владел типографией, издательством и книжным складом, имел призовую рысистую конюшню); умел комплексно решать проблемы.

Так, журнал «Городское дело», в отличие от других аналогичных изданий, выходил с завидной периодичностью два раза в месяц (был «двухнедельным») достаточно длительный срок (1909–1918), несмотря на всю сложность социально-политической обстановки того времени. При этом задачи, которые ставились редакторами (Л.А. Велихов и М.П. Федоров) были направлены на удовлетворение интересов и потребностей не только представителей профессионального сообщества, но и запросов городских избирателей и обывателей, интересующихся местными вопросами. Судя по формам распространения журнала (подписка и продажа через розничную торговлю), эти задачи успешно выполнялись, издание было востребованным.

Работая в журнале, Лев Александрович отличался требовательностью к сотрудникам, но и сам неустанно трудился, был редактором и постоянным автором многочисленных статей, в которых раскрывались наиболее актуальные и важные муниципальные проблемы. Он писал о реальной практике городского хозяйства; о необходимости реформы местного самоуправления в России в связи с введением всеобщего избирательного права; сопоставлял положение дел городского самоуправления в России с ситуацией в западноевропейских странах. Участвовал в острой дискуссии о дальнейшем развитии страны, публикуя материалы, вызывающие диспуты и неоднозначно воспринимавшиеся со стороны власти. Например, публикация результатов проведенного им анализа становления гражданского общества в России спровоцировала полемику и критику со стороны В.И. Ульянова (Ленина).

Кроме того, на страницах «Городского дела» периодически публиковались критические статьи, посвященные злободневным проблемам городского самоуправления, а также спорным вопросам в отношении отдельных лиц или социальных групп. Так, в октябрьском номере журнала за 1909 г. была опубликована статья о низкой посещаемости гласными заседаний городской думы. В ней, в частности, отмечалось, что «у некоторых гласных есть две дурные привычки. Они не любят посещать заседания думы, а если туда и приходят, то никак не могут досидеть до конца заседания. Не досиживают гласные до конца большей частью по лени и неряшливому отношению к своим обязанностям, но бывают случаи, когда они «улетучиваются» и с умыслом, для того, чтобы уничтожить кворум и сорвать заседание...» [Хроника ..., 1909].

Что касается проблем местного самоуправления и поиска путей их решения, то изначально он стал заниматься этими вопросами в Министерстве внутренних дел, работая помощником столоначальника, а затем помощником делопроизводителя в хозяйственном департаменте и Главном управлении по делам местного хозяйства, курировавшем городское и земское самоуправление. Позднее, пользуясь авторитетом и доверием граждан, Велихов неоднократно избирался в представительные органы власти различных уровней: гласным (депутатом) в Санкт-Петербургскую городскую думу (1909 г.), в Государственную думу (1912 г.), членом Учредительного собрания (1917 г.), работая в которых разрабатывал и претворял в жизнь идеи местного самоуправления и городского хозяйствования. Научным исследованием проблем местного самоуправления Велихов также занимался в Донском и Ростовском университетах.

Почти двадцать лет Велихов успешно преподавал в российских вузах, защитил степень доктора философии и получил звание профес-

сора. В 1937 г., имея инвалидность, Л.А. Велихов вышел на пенсию, однако в следующем году был арестован НКВД по Ростовской области. Через три года обвинен по 58-й статье и приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Дата его смерти — 1942 г. Реабилитирован Л.А. Велихов в 1989 г.

Анализ этих материалов раскрывает парадоксальность жизненного пути Велихова, яркого представителя российской интеллигенции. Так, как уже отмечалось, в годы Первой мировой войны он добровольно ушел на фронт и сражался в действующей армии, имел награды; затем был участником революции, работал в представительных органах государственной власти федерального уровня, т.е. был патриотом своей страны. Однако через несколько лет, в мирное время, имея проблемы со здоровьем и даже ушедший на пенсию, был обвинен в заговоре против действующей власти, что на тот момент квалифицировалось как измена Родине.

Парадоксальна и научная деятельность профессора Л.А. Велихова: получив юридическое образование, он защитил докторскую работу по философии, многие годы посвятил изучению социально-экономических процессов города. Имея многочисленные научные публикации, остался в памяти потомков и получил признание специалистов, благодаря книге «Основы городского хозяйства», задуманном автором как пособие для вузов и работников коммунального хозяйства. Сегодня этот труд Льва Александровича широко используется не только в учебном процессе, но и в научных исследованиях, цитируется в диссертациях, монографиях и в научных статьях. Издание является настольной книгой и для практиков городского управления.

Тема местного самоуправления «красной нитью» проходит через все грани жизненного пути Л.А. Велихова: государственного служащего, общественного деятеля, революционера, издателя и редактора, ученого и преподавателя. Его книга «Основы городского хозяйства» является уникальным научным изданием, а исследования Велихова имеют не только российское, но и международное значение.

Литература:

Велихов Е.П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год. М.: изд-во АСТ, 2017. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/43100740/?page=3&date=02.02.20>

Заметка о турнире — чемпионате г. Новочеркаска // Всесоюзный шахматно-шашечный журнал «64». 1925. № 12.

Хроника городской жизни // Городское дело. 1909. №20. С. 1086, 1087.

НАШИ АВТОРЫ

Амгаланова Мария Викторовна

кандидат культурологии, доцент
Восточно-Сибирского государственного
института культуры (г. Улан-Удэ)
amgalanova@rambler.ru

Андреевкова Анна Владимировна

доктор социологических наук, зам. директора
Института сравнительных социальных
исследований (ЦЕССИ), г. Москва
anna.andreenkova@cessi.ru

Анисимов Роман Иванович

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (Москва)
ranisimov@list.ru

Белова Наталья Ильинична

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
n.i.belova@mail.ru

Богданов Владимир Сергеевич

кандидат социологических наук, старший
научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН (г. Москва)
valarf@mail.ru

Бойко Сергей Иванович

кандидат политических наук, доцент
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
bsi1952@yandex.ru

Буланова Марина Борисовна

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
marina_bulanova@inbox.ru

Бурашникова Анна Александровна

аспирант, Нижегородский институт
управления — филиал РАНХиГС
при Президенте РФ (г. Нижний Новгород)
ann-burashnikova@yandex.ru

Валейтёнок Валерий Владимирович

кандидат философских наук, доцент
Белорусского национального технического
университета (г. Минск)
vvv0045@mail.ru

Возмитель Андрей Андреевич

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН (г. Москва)
Vozmitel-a@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории и истории социологии
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
vorobyova.irina@list.ru

Газиева Инна Александровна

кандидат социологических наук, доцент
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (г. Москва)
sonarum@mail.ru

Гайдай Мария Константиновна

доктор социологических наук, доцент
Восточно-Сибирского института
Министерства внутренних
дел Российской Федерации (г. Иркутск)
mkgfip@mail.ru

Григорьева Светлана Анатольевна

социолог НОРЦМИ Саратовского
государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., РФ, г. Саратов
grigoreyvasvt@mail.ru

Данилов Александр Николаевич

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор социологических наук,
профессор, зав. кафедрой социологии
Белорусского государственного
университета (Минск)
a.danilov@tut.by

Двойнев Василий Владиславович

кандидат социологических наук,
доцент Смоленского государственного
университета (г. Смоленск)
vassilidvoinev@yandex.ru

Денисов Сергей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры прав человека Гуманитарного
университета (г. Екатеринбург)
sa-denisov@yandex.ru

Зборовский Гарольд Ефимович

доктор философских наук, профессор
Уральского федерального
университета (г. Екатеринбург)
garoldzborovsky@gmail.com

Ильин Алексей Николаевич

кандидат философских наук,
доцент Омского государственного
педагогического университета (г. Омск)
iilin1983@yandex.ru

Именнова Любовь Сергеевна

доктор культурологии, доцент,
профессор Российской
международной академии туризма
(г. Химки Московской области)
imennova@yandex.ru

Истомина Ольга Борисовна

доктор философских наук,
заведующий кафедрой социально-
экономических дисциплин
Иркутского государственного
университета (г. Иркутск)
olgaistomina@mail.ru

Когай Евгения Анатольевна

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой социологии
Курского государственного
университета (г. Курск)
eakogay@mail.ru

Колосова Елена Андреевна

кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории и истории социологии
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
the_shmiga@mail.ru

Кузьмина Галина Анатольевна

преподаватель Восточно-Сибирского
института Министерства внутренних дел
Российской Федерации (г. Иркутск)
Gal_k_a@mail.ru

Леньков Роман Викторович

кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)
r_lenkov@mail.ru

Лоншакова Надежда Анатольевна

доктор социологических наук,
профессор Российской
международной академии туризма
(г. Химки)
lonshakova_nadia@mail.ru

Макаренко Екатерина Игоревна

кандидат исторических наук, доцент
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического
университета (г. Москва)
Makarenko_madi@mail.ru

Маркова Елена Константиновна

кандидат психологических наук,
доцент Ивановского государственного
университета (Иваново)
marcova2003@mail.ru

Масюк Наталья Николаевна

доктор экономических наук,
профессор Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса (Владивосток)
masyukn@gmail.com

Мацевич Мария Янушевна

кандидат философских наук,
доцент Белорусской государственной
академии искусств (г. Минск)
vvv0045@mail.ru

Милованова Марина Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
m_milovanova@mail.ru

Михайлов Адриан Алексеевич

кандидат социологических наук,
доцент ФГБОУ ВО «Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)»
(г. Москва)
adrian7@list.ru

Нагорный Борис Григорьевич

доктор социологических наук,
профессор Луганского национального
университета им. В. Даля (г. Луганск)
zvoal@mail.ru

Орлов Сергей Борисович

доктор социологических наук, профессор
Бийского технологического института
(филиал) Алтайского государственного
технического университета (г. Бийск)
sborlov@mail.ru

Осинский Иван Иосифович

доктор философских наук, профессор
Бурятского государственного университета
имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)
intellige2007@rambler.ru

Прохода Владимир Анатольевич

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент,
Финансовый университет при
Правительстве РФ (г. Москва)
prohoda@bk.ru

Птицына Наталья Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент
Ивановского государственного
университета (Иваново)
narticyna@yandex.ru

Романович Нелли Александровна

доктор социологических наук,
профессор Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
(Воронежский филиал, г. Воронеж)
??????????

Сидорова Анна Святославна

старший преподаватель кафедры
социологии, философии
и работы с молодежью Смоленского
государственного университета
(г. Смоленск)
sidorowa17@yandex.ru

Соболева Елена Викторовна

соискатель кафедры прикладной
социологии социологического факультета
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет», ГАУ СО
«Комплексный центр социального
обслуживания населения Балаковского
района» (г. Балаково, Саратовская область)
sobolevaev@mail.ru

Тартыгашева Галина Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (Москва)
tarty@yandex.ru

Темнова Наталия Константиновна

доктор экономических наук, профессор
Российского государственного
педагогического университета
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
nktemnova@yandex.ru

Тощенко Жан Терентьевич

член-корреспондент РАН,
зав. кафедрой теории и истории
социологии Российского государственного
гуманитарного университета, главный
научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН
zhantosch@mail.ru

Ушакова Валентина Григорьевна

кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета (Санкт-Петербург)
walespb@mail.ru

Фадеева Екатерина Викторовна

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета
(г. Москва)
fadeeva.belova@mail.ru

Хохлов Андрей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
akoklov@yandex.ru

Цветкова Галина Александровна

доктор социологических наук,
профессор Российского
государственного гуманитарного
университета (г. Москва)
qaltsvet@mail.ru

Черныш Михаил Федорович

член-корр. РАН, зам директора
ИС ФНИСЦ РАН (г. Москва)
mfche@yandex.ru

Шевченко Ирина Олеговна

кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)
sheviren@yandex.ru

Шевченко Наталья Николаевна

доктор философских наук, профессор
Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»
(г. Санкт-Петербург)
n.n.shevchenko@mail.ru

Яковенко Андрей Вячеславович

доктор социологических наук, профессор
Луганского национального университета
имени Владимира Даля (Луганск)
6daoav@rambler.ru

Яковлева Марина Николаевна

научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН (г. Москва)
m-m-21-42@mail.ru

**В оргкомитет конференции
были также представлены материалы**

Адилова Л.Ф. (Москва)
Грабельных Т.И. (Иркутск)
Петрова Т.Э. (Москва)
Попель А.А. (Нижний Новгород)
Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург)
Сазанов В.М. (Москва)
Солодников В.В. (Москва)
Сол

ПРИЛОЖЕНИЕ

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ**

НАУЧНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Данный исследовательский проект был создан в 1999 г. в Российском государственном гуманитарном университете под руководством члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Ж.Т. Тощенко. Этот проект предусматривал проведение систематических социологических исследований в рамках теоретической концепции «социология жизни», публикацию статей преподавателей и аспирантов в общероссийских научных журналах, в том числе в «Вестнике РГГУ» (Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»), выступления на международных, российских и региональных (университетских) научных конференциях, подготовку курсовых, дипломных (с 2015 г. выпускных) работ. Одним из важнейших показателей реализации этого проекта стало проведение ежегодных международных теоретико-методологических конференций с публикацией этих материалов.

I КОНФЕРЕНЦИЯ

Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всероссийской теоретико-методолог. конф., 26–27 апр. 2000 г., Москва / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф. — Москва: РГГУ, 2000. — 160 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 1*).

Новаторство материалов сборника связано с несколькими моментами. Во-первых, мы хотели бы сосредоточить внимание на гуманитарной интеллигенции, ее судьбах, ее истоках и перспективах. Во-вторых, мы хотели бы обсудить жизнь людей, избравших своей специальностью гуманитарные науки, во всем их жизненном пространстве — от студенческой скамьи до вершин профессионального мастерства. В-третьих, не ограничиваться только проблемами учебно-педагогической и науч-

ной деятельности, а рассмотреть гражданскую позицию гуманитарной интеллигенции в ее взаимоотношениях с властью, с другими официальными структурами. И наконец, определенный интерес представляет аспект жизни университетской интеллигенции, ее заботы по реализации своих учебных и научных целей.

II КОНФЕРЕНЦИЯ

Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции:

сб. статей по материалам научных конференций «Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность», РГГУ, 13-14 марта 2001 г.; «Интеллигенция и молодежь: право на лидерство и идеалы», РГГУ, МГСА, 21 марта 2000 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф.; РГГУ, Философ. фак. Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований, МГСА, НИЦ ИМ. — Москва: РГГУ, 2001. — 321 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 2*).

Во втором выпуске сборника статей рассматриваются проблемы социологического определения социального статуса гуманитарной интеллигенции, отражения ее образа и положения в общественном мнении. К анализу данного круга проблем обращаются не только социологи, но и исследователи-гуманитарии из России, Польши, Беларуси. Сопоставление подходов, складывающихся в разных национальных школах, позволяет полнее увидеть многогранность поднятых вопросов.

III КОНФЕРЕНЦИЯ

Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: сб. статей по материалам научной конференции «Жизненные стили и социальные практики интеллигенции конца XX — начала XXI в.», РГГУ, 23–24 апр. 2002 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Цапко М.С., Росляков А.Б.; РГГУ, Философ. фак., Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2002. — 300 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 3*).

Сборник статей посвящен междисциплинарному анализу гуманитарной интеллигенции как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологического обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: проблемность самоидентификации интеллигенции; ангажированность

интеллектуальной; социально- статусные смещения — от интеллектуальной к сообществу интеллектуалов; жизненные стратегии молодой гуманитарной интеллектуальной; успешность в академической среде; фантомы поведения российской интеллектуальной; интеллектуальная в ситуации социальной эксклюзии.

IV КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллектуальная в обществе риска: сб. статей IV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 27 марта 2003 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2003. — 524 с. (*Интеллектуальная и современность. Вып. 4*).

Конференция посвящена теоретическому анализу альтернативных научных подходов по объяснению специфического положения интеллектуальной в условиях кардинальных социально-экономических и политических изменений. Осуществлено выявление тенденций трансформации социальной активности гуманитарной интеллектуальной, их оценки с точки зрения стратегической и тактической перспектив развития общества на основе как сбора статистического материала, так и использования качественных методов изучения социальной группы. Объяснена логика саморегуляции гуманитарной интеллектуальной, соотношение форм ее самореализации и характера социальных изменений; определены пределы роста и границы устойчивости гуманитарной интеллектуальной в современном обществе и условия сохранения ее качественной определенности.

V КОНФЕРЕНЦИЯ

Гражданские позиции интеллектуальной: «Камо грядеши?...»: сб. статей V Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2004 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2004. — 359 с. (*Интеллектуальная и современность. Вып. 5*).

Осуществлен на основе междисциплинарного подхода анализ перспектив развития гуманитарной интеллектуальной как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологи-

ческого обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: «интеллигенция и власть: ситуация после выборов», «интеллигенция и СМИ: доступность информационных каналов диалога с обществом», «интеллигенция и молодежь: сохранились ли ресурсы влияния?»

VI КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении:

сб. статей VI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 6 апр. 2005 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2005. — 296 с.
(Интеллигенция и современность. Вып. 6).

Изучение интеллектуальной собственности в гуманитарном измерении позволило выявить проблемы восприятия общественным сознанием гуманитарного знания. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы и изучены механизмы трансляции, степень престижности и проблемы востребованности гуманитарного знания. Серьезное внимание уделено таким вопросам как результат гуманитарного исследования, качество и защищенность гуманитарного знания, ответственность ученого, коллективное и индивидуальное авторство.

VII КОНФЕРЕНЦИЯ

Ценности общества и ценности интеллигенции:

сб. статей VII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2006 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2006. — 331 с.
(Интеллигенция и современность. Вып. 7).

Изучение проблемы соотношения ценностей общества и ценностей такой специфической социальной группы как интеллигенция позволило осмыслить сущностные, актуальные и злободневные вопросы в современном российском обществе. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы механизмы трансляции, позиционирования и репрезентации ценностей интеллигенции. Серьез-

ное внимание уделено таким вопросам, как: состоится ли консолидация российской интеллигенции; универсальное и самобытное в ценностях российской интеллигенции; роль и функции интеллигенции в интеграции/дезинтеграции российского общества.

VIII КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в диалоге культур: сб. статей VIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 5 апр. 2007 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2007. — 510 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 8*).

В сборнике публикуются научные дебаты относительно роли интеллигенции в социокультурной жизни современного российского общества. Особое внимание уделено следующим вопросам: интеллигенция как субъект культуры (носитель и творец); интеллигенция как коммуникатор; формы межкультурного профессионального взаимодействия; роль интеллигенции в межэтническом диалоге; роль интеллигенции в межкультурном диалоге; новые роли интеллигенции в изменяющемся мире; место субкультур в духовной жизни общества.

IX КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция и власть: сб. статей IX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 3 апр. 2008 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2008. — 470 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 9*).

В данном сборнике статей дан анализ форм политической активности интеллигенции; видов участия интеллигенции в реализации политического проекта современности; власть — интеллигенция — народ: сотрудничество или противостояние; интеллигенция как фактор интеграции/дезинтеграции общества в политической жизни страны; ценность политики и политические ценности интеллигенции; поле политики и поле науки/образования: точки пересечения.

X КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в мире современных коммуникаций:

сб. статей X Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2009 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Буланова М.Б., Цапко М.С., Кондов Д.Ж., Росляков А.Б., Великая Н.М., Шевченко И.О.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2009. — 432 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 10*).

В данном сборнике предпринята попытка осмыслить теоретико-методологические проблемы мира коммуникаций, его социальное значение, тенденции и направления его изменения. Также предприняты усилия разобраться с субъектами коммуникаций, которые представлены самыми различными ее представителями в процессе производства, распространения и потребления — политическими партиями и движениями, экономическими акторами, социальными группами, инициаторами сдвигов в области духовной жизни и культуры. Мир коммуникации полон проблемами его деформации, когда достижения человеческой мысли используются в интересах определенных своекорыстных групп. И, наконец, анализ мира коммуникаций остро поставил вопрос о позиции интеллигенции: с кем, какими методами, с какими убеждениями будут участвовать люди, которые претендуют на звание ведущих в мире интеллекта.

XI КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция и идеалы российского общества:

сб. статей XI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2010 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол. Буланова М.Б., Шевченко И.О., Кондов Д.Ж., Цапко М.С., Великая Н.М., Белова Н.М., Голосеева А.А., Хурумов С.Ю., Росляков А.Б., Маликова Н.Р., Анисимов Р.И., Орлова Л.А., Горбачева В.И.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2010. — 730 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 11*).

В публикуемом сборнике основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: каковы идеалы прошлого и настоящего: что исчезло, что модифицировалось, что зарождается; каким образом соотносятся идеалы и идеология в современном российском обществе; существуют

ли идеалы, способные объединить всех россиян, а также рассмотрены особенности социального, профессионального и нравственного выбора современного российского интеллигента.

XII КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора:

сб. статей XII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2011 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Голосеева А.А., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Маликова Н.Р., Уразалиева Г.К., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред. — сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2011. — 600 с. (*Интеллигенция и современность; Вып. 12*)

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы роли и позиции интеллигенции в решении чрезвычайно важных, острых и противоречивых проблем — этнических, конфессиональных или их комбинации в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено анализу национальных и религиозных идей, их влиянию на решение назревших вопросов в современном этноконфессиональном мире. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учет особенностей которых влияет на точность и достоверность социологической информации.

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ

«Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: сб. статей XIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 4 апр. 2012 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Великая Н.М., Майорова-Щеглова С.Н., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Стрельникова А.В., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2012. — 480 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 13*).

Рассмотрены актуальные проблемы трансформации ценностного мира, а также ролей и функций интеллигенции, происходящих в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено

анализу социальных практик и особенностей образовательной сферы как пространства реализации социокультурного потенциала этой специфической социальной группы. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учету особенностей, присущих как «старой», так и «новой» интеллигенции.

XIV КОНФЕРЕНЦИЯ

Организация и самоорганизация интеллигенции

в современном российском обществе: сб. статей XIV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2013 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак-т., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2013. — 480 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 14*).

В настоящем сборнике дан анализ актуальных проблем деятельности интеллигенции в официально существующих и только становящихся государственных и негосударственных общественных организациях. Проанализированы роль, формы и способы участия российской и зарубежной интеллигенции в организациях различных сфер жизни общества: экономической, политической и духовной. В том числе рассмотрены новые механизмы гражданской и профессиональной самоорганизации. Особое внимание уделено предпосылкам и истокам самоорганизации интеллигенции, неудовлетворенности ее сложившимися организациями как не отвечающими потребностям времени.

XV КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция: естественнонаучные, социальные

и гуманитарные знания на пути интеграции: сб. статей XV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 1 апр. 2014 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Китайцева О.В., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2014. — 502 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 15*).

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы интеграции естественнонаучных и социально-гуманитарных наук. Проанализированы методологические трудности процесса интеграции различных областей знания. Продемонстрированы возможности использования междисциплинарного подхода применительно к различным наукам. Особое внимание уделено практике социологических работ на границе исследовательских полей с экономикой, политикой, экологией и др.: представлены различные рассуждения, анализ и рекомендации по использованию тех или иных методов.

XVI КОНФЕРЕНЦИЯ

Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное: сб. статей XVI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2015 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Майорова-Щеглова С.Н., Стрельникова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2015. — 518 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 16*).

В сборнике раскрываются сущность и содержание жизненного мира современной российской интеллигенции. Представлены попытки сопоставить жизненные миры научно-технической и гуманитарной интеллигенции, ее проблемы и задачи, поиски соответствия требованиям современного этапа развития общества. Учитывая многообразие жизненного мира интеллигенции, значительное внимание уделено анализу политических, экономических и трудовых реалий ее жизни. Раскрыта специфика культурной жизни: от общих проблем до конкретных форм участия или воздействия на жизненный мир (кино, театр, литература и др.). Рассмотрены общие проблемы состояния и развития нравственности в деятельности разных групп интеллигенции, а также традиции и новаторство в жизни молодой смены интеллигенции.

XVII КОНФЕРЕНЦИЯ

Социология жизни: теоретические основания и социальные практики: сб. статей XVII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2016 г. /

под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2016. — 463 с.

(Интеллигенция и современность. Вып. 17).

В сборнике рассмотрены теоретические и эмпирические проблемы новой концепции — социологии жизни, концентрирующейся на изучении жизненного мира людей в единстве общественного сознания, поведения и окружающей среды, анализируются опыт разработки и интерпретации основополагающих понятий новой концепции и социологической теории в целом, также представлен анализ современных социально-экономических, политических и культурных практик основных социальных групп российского общества. Особое внимание уделено изучению новых практик организации и осуществления участия людей в различных сферах общественной жизни, объективных и субъективных характеристик качества жизни россиян.

XVIII КОНФЕРЕНЦИЯ

Профессиональная культура российской

интеллигенции: сб. статей XVIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 30 марта 2017 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Борисова П.А., Буланова М.Б., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2017. — 444 с.

(Интеллигенция и современность. Вып. 18).

Настоящий сборник посвящен анализу профессиональной культуры российской интеллигенции: ее состоянию, тенденциям и проблемам развития. Рассматриваются общетеоретические подходы к изучению профессиональной культуры, а также функционирование различных профессиональных групп и специфика трудовой карьеры работников сфер экономики, культуры, здравоохранения, государственной службы, армии, правоохранительных органов и др. Особое внимание исследователи уделяют вопросам этики и мотивации трудовой деятельности, анализу роли профессионального образования, поиску способов повышения и развития профессиональной культуры.

ХІХ КОНФЕРЕНЦИЯ

Смыслы жизни российской интеллигенции:

сб. статей ХІХ Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 26 апр. 2018 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Круковская А.В., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2018. — 396 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 19*).

Сборник посвящен новому для социологии понятию — смыслу, который рассматривается как качественная определенность жизненного мира, состоящего из общественного сознания, поведения и окружающей социальной среды. В центре внимания — смысл жизни современной российской интеллигенции, особенности его реализации во всех сферах современного российского общества — экономической, социальной, политической и духовно-культурной, а также в публичной и повседневной жизни. На этой основе раскрываются устойчивые смыслообразующие ценностные ориентации, а также мировоззренческие принципы, которыми люди интеллектуального труда руководствуются и которые они осуществляют в своих взаимоотношениях с обществом, государством и окружающим миром. Особое внимание уделяется анализу существующих в реальности многообразных жизненных миров групп интеллигенции, которые олицетворяют различное, в том числе и новаторское смысловое содержание.

* * *

В 2018 г. на основе всероссийского социологического исследования была опубликована монография:

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки:

коллективная монография / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, Е.А. Гришина, А.В. Кученкова, Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, И.О. Шевченко; отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. — 352 с.

В основе монографии — данные социологических исследований жизненного мира в 2014 г. и 2016 г., которые в сопоставлении с информацией других социологических центров объясняют противоречивость процессов, происходящих в среде гуманитарной интеллигенции —

преподавателей, работников здравоохранения и культуры. Авторы пытаются ответить на дискуссионные вопросы — можно ли говорить о современной интеллигенции как о реальном феномене, или она становится достоянием истории, как много черт, присущих предшественникам, были сохранены современной российской интеллигенцией — высокая нравственная ответственность, ориентация на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (приватной) жизни. Осуществлен анализ основных смыслов деятельности интеллигенции во всех сферах общественной жизни. Особое внимание уделяется качеству жизни, трудовой деятельности, проблемам занятости, социальному благополучию, которые во многом выявляют черты прекарности (т.е. ненадежности, непрочности) социального положения этих социальных общностей (групп) на современном этапе развития российского общества.

Теоретико-методологическая основа этих исследований нашла отражение в монографии Жана Терентьевича Тощенко: Тощенко, Ж.Т. **Социология жизни:** монография / Ж.Т. Тощенко. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 399 с. — (Серия «Magister»).

В монографии обосновывается возможность анализа общественных явлений и процессов с позиций новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образуемом триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира. Анализируются генезис идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной достоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

Научное издание

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: МНОГООБРАЗИЕ СТИЛЕЙ
И ОБРАЗОВ ЖИЗНИ**

Сборник научных статей

Москва 2020